

КЭТРИН
КУРТУ

Легенды Дерини

Легенды Дерини

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

КЭТРИН
КУРТУ

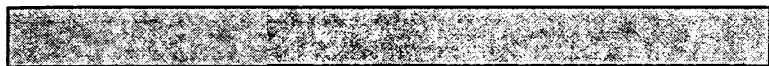
KATHERINE
KURTZ

Deryni Tales

КЭТРИН

КУРТЦ

Легенды Дерини

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)
К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz
DERYNI TALES
2002

Серийное оформление Александра Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»

Подписано в печать 16.05.2003. Формат 84х108^{1/32}
Усл. печ. л. 27,72. Тираж 8000 экз. Заказ № 2011

Куртц К.

К93 Легенды Дерини: Сб. / К. Куртц; Пер. с англ. Н. Баулиной. —
М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 525, [3] с. — (Золотая
серия фэнтези).

ISBN 5-17-018832-3

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда
вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

Однако в этот сборник включены рассказы, принадлежащие перу НЕ
ТОЛЬКО САМОЙ КЭТРИН КУРТЦ, но и лучшими — вернейшими! — из ее
учеников. Произведения, в которых любимый нами мир Дерини обретает
новые грани, а давно знакомые персонажи — новые черты...

Настоящие поклонники фэнтези!

Без ЭТОЙ книги не будут ПОЛНЫМИ даже самые полные «Хроники
Дерини»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)

© Katherine Kurtz, 2002
© «Северо-Запад Пресс», подготовка и
составление текста, 2003
© Перевод. Н. Баулина, 2003
© ООО «Издательство АСТ». 2003

**ЛЕГЕНДЫ
ДЕРИНИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я не писала этих рассказов, если не считать самого последнего, хотя многие из них по стилю очень похожи на мои романы. Все их авторы были дотошно верны тому, что со временем стало *Каноном Дерини*, а в некоторых случаях не просто рассказали свою историю так же хорошо, как это могла бы сделать я сама, — но сделали это куда лучше. Все они — талантливые люди, которые занимаются самыми разными вещами, чтобы ежедневно зарабатывать себе на хлеб насущный. И даже если не считать поразительного разнообразия увлечений и профессий, все они совершенно непохожи друг на друга. Однако у них имеется и одна общая черта помимо таланта и дара воображения: это то, что все они увлечены и зачарованы вселенной Дерини и чувствуют для себя насущную потребность и необходимость писать об этом.

В этом отношении литература стоит совершенно особняком в мире того, что люди считают искусством. Разумеется, немалое значение имеет то, насколько хорошо автор владеет язы-

ком и как он доносит до читателя созданные им истории; но помимо этого и сама эта история зачастую идет дальше чисто эстетических соображений, оказывая прямое и глубокое воздействие на читателей, порой даже за пределами того, что намеревался выразить автор.

Я не знаю ни одной другой формы искусства, способной так менять жизни людей, как это делает литература. Разумеется, кто-то может мне возразить, что подобное действие оказывает и музыка в своей способности влиять на настроение слушателя и даже давать толчок его творческим способностям; многие артисты самых разнообразных жанров часто слушают музыку, занимаясь собственным искусством.

Но слушание в чем-то сродни чтению; здесь все дело в истолковании, интерпретации, восприятии, хотя, возможно, — в более абстрактном смысле.

Композитор в деянии чистого творения так же, как и литератор, является абсолютным одиночкой. Точно так же здесь появляется необходимость сперва сформулировать некую концепцию, задумку, а затем расставить на бумаге черные символы-значки (будь то ноты или буквы), чтобы выразить свою задумку в некой форме, доступной внешней аудитории, которая должна быть способна понять, что задумал автор. В этом отношении слова и музыкальные ноты имеют между собой определенное сходство. Однако между композитором и слушателем встает

еще промежуточная фигура исполнителя, — и то, что *он* вносит в музыку, которую играет.

Последнее само по себе уже является формой искусства, причем такой, которая меня, как человека стороннего и непосвященного, всегда наполняет изрядным благоговением, в особенности когда речь идет о симфониях и хорах. Возможно, это происходит оттого, что я выросла в семье музыкантов, — у нас в родне был флейтист, кларнетист, трубач и солист хора. До сих пор чисто по-человечески меня не перестает изумлять, как десятки людей способны собраться вместе и, считывая крохотные черные закорючки со страницы, под управлением дирижера, использовать свои инструменты, будь то обычный голос или инструмент из дерева или металла, дабы породить на свет звуки, способные вызывать самые разнообразные эмоции и чувства в душе слушателя.

Исполнение драматического произведения также требует интерпретации и умения от актеров и также сочетает разнообразные таланты множества людей, которыми управляет режиссер, дабы создать артистическую иллюзию, представляемую на суд публики. В этом отношении то, что мы испытываем в театре, сходно с ощущениями от музыкального концерта, хотя язык музыки одновременно более и менее конкретен, нежели язык слов. Театр словесен, но кроме того и аудио-визуален, а порой и музыкален и, повторяюсь, также включает в себя промежуточные сту-

пени между искусством драматурга и теми переживаниями, которые в конце концов получает от его творчества театральные завсегдатаи.

Вот, наконец, пусть и несколько окольным путем, это приводит нас обратно к писательскому мастерству, — и в особенности к художественной литературе. Разумеется, мы не будем забывать, что и здесь существуют промежуточные ступени между рукописью автора и печатной страницей, которую читает человек (либо слушает читаемое в голос), однако здесь речь не идет ни о какой вольной интерпретации посредника. Разумеется, редактор способен подправить к лучшему или совершенно погубить произведение, но это все же редкость, и искусство рассказчика начинается с рожденной в глубине веков фразы «В некотором царстве, в некотором государстве...» и очень мало страдает от переноса на печатный лист. В этом отношении писательское мастерство является, возможно, чистейшей артистической формой, доступной роду человеческому, невзирая на тот факт, что искусствоведческая терминология стремится подчеркнуть, что так называемые «изящные» искусства, как, например, живопись или скульптура, непременно должны включать в себя буквальное физическое участие творца в процессе творения.

Но любое творчество начинается с видения или мечты, с вдохновения, понуждающего сотворить нечто новое, — то есть с креативного замысла. Именно таким образом любой автор начина-

ет творческий процесс. Мы хотим настолько хорошо рассказать придуманную нами историю, чтобы читатели оказались совершенно захвачены и поглощены судьбой и приключениями, выпавшими на долю героев... хотя бы на тот период времени, что люди ее читают. Мы хотим, чтобы они идентифицировали себя с этими персонажами, чтобы гадали, как они сами сумели бы выбраться из такого затруднения или действовали в подобной ситуации, чтобы они радовались удачам героев и скорбели вместе с ними об их потерях, — и, возможно, даже научились бы чему-то новому, из опыта персонажей.

Секрет успеха хороших авторов в том, что они умеют делать именно это. В особенности в области фэнтези читателям нравится с головой погружаться в мир истории. Читатели влюбляются в героев, они тревожатся о том, что с ними происходит, они хотят узнать, что было дальше, — и творческие порывы порой оказываются очень заразительны!

Насколько они могут быть заразительны, я не имела ни малейшего представления, когда еще только начинала плести словесный гобелен, из которого впоследствии выросли Одиннадцать Королевств... Это было более тридцати лет назад. Я понятия не имела, во что выльется моя случайная задумка, — и как глубоко она повлияет на многих читателей. Я просто хотела рассказать историю, — в буквальном смысле основанную на увиденном мною сне, — но вскоре стало ясно,

что сон этот желали разделить со мной и другие люди; что это был не просто мой сон, но на каком-то уровне — совершенно реальный мир, который оказался близок и понятен большому количеству читателей. Куда большему, чем можно ожидать, даже для самого удачно написанного романа.

Такая глубинная связь не прерывается и после того, как читатель закроет книгу. В особенности в том, что касается читателей фэнтези, мне кажется, что среди них есть поразительное число людей, которые и сами наделены творческим даром. Ни в одной другой области литературы, по-моему, не сосредоточено такое количество будущих писателей, многие из которых, дочитав до конца книгу, показавшуюся им особенно близкой и внутренне сродственной, желают попытаться приспособить этот мир и его персонажей к самим себе и тем самым продлить начавшееся приключение. Пока они читали книгу, они успели полюбить героев, увлечься преградами, которые тем приходится преодолевать. Они желают, чтобы рассказ продолжался, — и если автор не хочет или медлит сделать это, то они готовы написать продолжение истории самостоятельно.

По правде сказать, многим авторам совершенно не по душе, когда кто-то посторонний вмешивается в сотворенный ими мир, и они строжайше запрещают читателям делать это, — что настолько же бессмысленно, как пытаться воспрепятствовать океанской волне накатывать

на берег. Если автор хорошо выполнил свою работу, то читатели непременно обречены задумываться о том, что же будет дальше, или что могло бы быть, если бы все сложилось иначе, или о том, о чем автор умолчал. Они находят других людей, которые разделяют их увлеченность, говорят об этом, и наконец некоторые даже пытаются записать созданные истории и поделиться ими с родственными душами.

Некоторые авторы видят в этом определенную угрозу для себя, но я скорее чувствую себя польщенной. Разумеется, я считаю, что если такие писания приносят доход, то я имею полное право получить некоторую часть от него; в конце концов именно мне принадлежит изначальная идея, и поскольку литературой я зарабатываю себе на жизнь, а не только получаю от этого удовольствие, то здесь необходим деловой подход.

Но, помимо того, я считаю, что отчасти наслаждение в сотворении чего-то нового, чем восхищаются другие люди, кроется и в том, чтобы делиться своими идеями, — и не только делиться законченным произведением, но порой и удовольствием от самого творческого процесса. Несомненно, здесь необходимо установить четкие границы: ведь существует понятие авторского права и интеллектуальной собственности.

По счастью, мои читатели всегда уважали установленные мною границы, и, надеюсь, наше сотрудничество оказалось удачным и доста-

вило удовольствие всем, кто был в этом заинтересован.

Мало кто задумывался о подобных вещах, когда я только начала заниматься писательским трудом. В области научной фантастики Мэрион Циммер Брэдли позволяла своим читателям писать и публиковать рассказы, касающиеся вселенной Дарковера, и использовала это как средство находить и воспитывать молодые таланты; но никто никогда не делал ничего подобного в области фэнтези. Более того, на самом деле, в ту пору еще *не существовало* области фэнтези в том смысле, как мы представляем себе это сейчас. Когда я продала первую трилогию о Дерини в 1969 году, то мне просто повезло оказаться в нужном месте, в нужное время, с «нужной книгой», чтобы стать впоследствии одной из основательниц современного жанра фэнтези благодаря огромной работе, проделанной Бетти и Йеном Баллантайном. Как раз незадолго до этого, подстегнутые несомненным коммерческим успехом трилогии *«Властелин колец»* Толкина, Баллантайны начали осторожно перепечатывать «классических» авторов фэнтези, таких, как Уильям Моррис, Э. Р. Эддисон, Джеймс Брэнч Кэйбелл и К. С. Льюис... и до 1970 года, когда они опубликовали *«Возрождение Дерини»* и роман Джой Чант *«Алая луна, черная гора»*, — которые стали первыми книгами в баллантайновской серии взрослой фэнтези. Зерна, попавшие на плодородную почву, в последующие годы принесли щедрый уро-

жай. Менее чем десять лет спустя, когда первые две трилогии Дерини уже очень хорошо продавались, а читатели повсюду требовали продолжения, многочисленные отзывы поклонников наконец заставили меня осознать, что я делаю нечто большее, чем просто пишу забавные истории, которые кому-то интересно пролистать на досуге. Читатели желали теснее познакомиться с миром Дерини; более того, многие из них уже повсюду влились в этот мир: они бесконечно обсуждали его между собой, вылавливали меня на конгрессах по научной фантастике, чтобы высказать максимум информации, сами писали рассказы, вели изыскания по средневековой истории реального мира, откуда я сама всегда черпала творческое вдохновение.

Когда я обнаружила это, то как у автора, у меня было несколько возможных выходов. Можно было не обращать на происходящее никакого внимания, можно было сердиться и ворчать, что посторонние люди без разрешения играют в твои игрушки, или же наконец принять подобную реакцию читателей как искреннюю форму одобрения, чем она на самом деле и является. Мягко и конструктивно направляя это творчество, писатель способен сделать его движущей креативной силой, способной принести немалое благо как читателям, так и ему самому, послужив толчком для творческого роста. Творчество способно даже менять к лучшему жизнь людей, — поистине, такое случается. Я всегда утвер-

ждала, что первейшая задача автора — это развлекать, рассказывать хорошие истории; но если я также способна подтолкнуть человека к тому, чтобы он принялся изучать новые для него вещи, развивал бы свою индивидуальность, то это только к лучшему. Это как кремовый завиток на торте... В общем и в целом, если бы я и хотела войти в историю литературы, то прежде всего благодаря тому, что заставляла своих читателей размышлять, и мне это нравилось. И за то, что я сделала их жизнь богаче, чем она могла быть, если бы они никогда не читали моих романов. Я не ставлю своей задачей менять людей, но стараюсь сделать их более восприимчивыми и открытыми.

Рассказы, собранные в этой антологии, несомненно, сделали более восприимчивыми их авторов, а, возможно, и перед читателями откроют новые горизонты. Все они, если не считать моего собственного рассказа, прежде публиковались в журнале *«Архивы Дерини»* (на сегодняшний день увидели свет уже шестнадцать выпусков!), который я основала в 1978 году, дабы печатать там творения моих литературных поклонников. Большинство рассказов, публиковавшихся там, были превосходно и профессионально написаны, что сразу помогло повысить статус *«Архивов Дерини»* среди всех подобных «фэнских» журналов. А кроме того, многие из них были настолько верны *Канону Дерини*, что мне оставалось лишь жалеть, что не я сама написала их, — а это, бесспор-

но, лучшая похвала, которую один автор может сказать другому.

И в этом сборнике у меня появилась возможность представить некоторые из этих талантов на суд широкой публике, не ограничиваясь рамками прежней аудитории. Возможно, после первой в их жизни профессиональной публикации некоторые из наших авторов всерьез займутся писательским творчеством. Я искренне надеюсь на это. Спустя тридцать лет как я сама начала печататься, для меня нет большего удовольствия, чем помогать новому поколению даровитых мастеров слова. У меня нет ни малейших сомнений в том, что в будущем нам еще не раз придется встречать в печати эти имена.

*Кэтрин Куртиц
Ирландия, март 2001 года*

Лаура Джефферсон

Летние сомнения¹

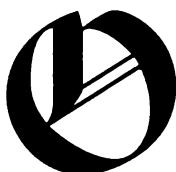
898 год

Наш первый рассказ в этом сборнике — единственный, действие которого происходит в те времена, когда Дерини еще имели возможность в открытую пользоваться своими способностями. По внутренней датировке, поскольку мы знаем, что действие рассказа происходит летом за год до того, как Джорем, сын Камбера, принял священнический сан (это случилось в мае 899 года), мы можем сделать вывод, что действие этой истории происходит в июне месяце, за год перед началом *«Камбера Кулдского»* и до женитьбы Ивейн и Райса.

Все эти три события имеют непосредственное отношение к настоящему рассказу, но прежде всего перед нами история Джорема. Он только что вернулся в Кэйрори из семинарии и терзается вопросами духовного толка. Не то чтобы он ставил под сомнение свою будущность в ордене михайлинцев, однако его личные взаимоотношения с Богом вызывают у юноши немало вопросов. То, как он реагирует на происходящее между Ивейн и Райсом, не скрывающими своей влюб-

¹ © Laura Jefferson «A Midsummer Questing», 2002

ленности, только усложняет дело. А тут еще и погода меняется, и на смену сырой весне приходит лето, и торжествующая природа всюду приветствует тепло и расцвет жизни... Сама земля возрождается, — и кто может этому противостоять?!

тец, мне кажется, ты ведешь себя совершенно безрассудно! Джорем поморщился. Его сестра, похоже, опять вознамерилась затеять сцену, — очередное действие в драме, которая затрагивала всех без исключения обитателей Кэйрори, приводя их в состояние тихого исступления. Вот уже двенадцать дней дождь лил без перерыва, — нет, даже четырнадцать: он забыл о тех двух днях, когда добирался домой из монастыря. Он прибыл сюда промокшим насквозь.

Посевная была уже позади, — кстати, пахота также прошла с запозданием, — и хотя зимние амбары замка были полны запасов, оставшихся с прошлого урожая, и угроза голода пока еще ни над кем не нависала, эти постоянные холода и влажность погружали людей в состояние досадливой тревожности. Замок пропах влажным бельем, влажными постелями, влажной растопкой и выгребными ямами, нуждавшимися в осушении.

Кроме того, приехал в гости Райс. Джорем и сам толком не знал, во благо это, или нет. Разумеется, после свадьбы всем станет куда легче, но сейчас Ивейн тосковала по своему нареченному,

когда он был далеко от нее, и тосковала в десять раз сильнее, когда он был рядом.

Слава святому Михаилу и святой Женевьеве, хотя бы Катан находился при дворе. Слава Небесам, со временем он хотя бы смягчился в своем отношении к Райсу и больше не утверждал, что их сестра совершает мезальянс. Джорем искренне любил Ивейн. В отличие от Катана, который верил всем этим глупостям насчет женской природы, Джорем знал, что сердце ее столь же страстное и горячее, как у братьев, и она столь же бурно отдается владеющим ею чувствам... Он не в силах был понять, как столь очевидный факт мог бы укрыться от любого Дерини, или обычного человека, наделенного проницательностью... или хоть даже собаки...

Со вздохом он вновь незаметно проверил свои ментальные защиты. Райс, ощутив колебания полей, покосился на своего друга; он сидел с книгой на коленях, рассеянно листая страницы, не в силах выбрать для себя подходящее место. Если устроиться у окна, — там слишком сквозило; а у камина свет был слишком тусклым, и к тому же немилосердно валил дым. Некоторые Дерини лучше прочих владели огненной магией; Джорем дал себе зарок расспросить об этом отца Энриса, как только вернется к занятиям в монастыре...

Если только вернется. Страсть, бушующая в сердце Ивейн, более сдержанный трепет Райса, весна, — даже такая сырая и облачная, — все это

досаждало Джорему, заставляя его вновь и вновь задуматься о правильности избранного им пути, который доселе казался ему единственно возможным.

А ведь Элистер предупреждал его: безбрачие — это решение, которое приходится принимать каждый день заново, независимо от того, сколько дней уже остались позади. Человек, желающий принести Господу такой дар, должен будет делать это ежедневно и ежечасно, а не один раз и навсегда.

За последние несколько месяцев душевный покой Джорема, который внутри себя, казалось, давно уже смирился с ожидавшей его беспорочной жизнью, неожиданно рассыпался в пух и прах. Отчасти именно из-за этого он и принял решение вернуться домой на Пасху, чтобы еще раз обдумать те обеты, которые должен будет принести на Пятидесятницу. Но он уже устал от этих мыслей. Сейчас больше всего на свете Джорему хотелось бы оказаться в любимой таверне неподалеку от семинарии, на всю округу знаменитой своим роскошным выбором вин и широкими улыбками служанок.

Он был сыном сановника; такая жизнь предоставляла широкий выбор жизненных дорог, а также и возможность для любовных связей, как в рамках супружеских уз, так и за их пределами. У отца были достаточные земельные владения... и Джорем прекрасно сознавал, что из него мог бы получиться куда лучший придворный, нежели из

Катана, ибо ум его был куда острее, и он мог принести больше пользы Короне. Он мог на славу послужить своей семье, королевству и Богу, даже не став воином-монахом.

Если же он все же станет михайлинцем, то желал бы сделаться одним из лучших, как те мужчины (и немногие встреченные им женщины из тайного, подчас пугающего Внутреннего ордена Святого Михаила), которыми он искренне восхищался. Всеобщее почтение, окружавшее этих людей, было столь велико, что не оставляло никаких возможных сомнений в том, что они искренне блюдут все взятые на себя обеты.

Джорем тщательно избегал любых опасных возможностей испытать влюбленность, — в любом случае, человеку его ранга подобное понятие представлялось бессмысленным и непрактичным. Он привык с головой погружаться в работу. У него были друзья за пределами семьи, но ни к кому он не испытывал постоянной исключительной привязанности. Наблюдая за Райсом и Ивейн, он осознал, насколько сложным может быть путь к полному единению душ и сердец у людей, наделенных талантами Дерини. При дворе и среди его сверстников браки, основанные на чем-то меньшем, нежели взаимное уважение, считались делом постыдным и повсеместно неодобряемым. Джорем и вовсе считал себя выше этого и, как одаренный Дерини и набожный христианин, полагал, что не согласится ни на что меньшее, нежели всепроникающая вечная любовь.

Разумеется, он был знаком с мнениями менее порядочных и духовно стойких клириков, которые высказывали сомнения в том, что беспорочная жизнь действительно усиливает магический потенциал; но в чем уж наверняка не приходилось сомневаться, так это в том, что целибат оставляет человеку больше времени для развития своих способностей, для размышлений и работы над новыми формами заклинаний. Джорем был достаточно честолобив, и все это имело для него несомненное значение. Оставалось лишь надеяться, что Господь с сочувствием отнесется к подобному проявлению гордыни, ибо Джорем твердо уповал на то, что, Божьей Милостью, все свои способности направит на Истинное служение. Однако достаточно ли для полноценного существования одних лишь высоких устремлений, — пусть даже направленных на благословенные цели и приправленных толикой веры в себя и здорового честолобия?

Здесь, в Кэйрори, он чувствовал себя бесконечно одиноким, хотя вокруг повсюду были люди: его сестра, занятая как пчелка, вся в заботах об управлении замком и об устройстве собственной жизни. Порой он улавливал отголоски ее мыслей, — о Райсе, об отце... Камбер был погружен в свои ученые изыскания, коими не намеревался делиться с михайлинцем, будь то даже его собственный отпрыск, — хотя, насколько было известно Джорему, Камбер сполна посвящал в эти занятия Ивейн, — и поскольку отец не желал

еще сильнее огорчать сына попытками в который раз отговорить его от вступления в орден, то он и вовсе избегал общения с ним. И наконец, Райс, который вообще старался держаться ото всех подальше, словно какой-нибудь бедный родственник, но также не имел ни единой свободной минутки, все свое время отдавая Целительству, помогая всем страждущим, а также роясь в обширной библиотеке Камбера в поисках книг, трактующих различные аспекты исцеления, — и, разумеется, при всем этом он то и дело пытался улучшить возможность побыть наедине с Ивейн. Что касается капеллана замка, состоявшего с семейством Камбера в дальнем родстве, то хотя повариха и именovala его «милейшим человеком без всяких странностей, в отличие от некоторых», — однако своими скромными познаниями в латыни он едва ли удовлетворил бы блаженного Августина, а греческим и ивритом не владел вовсе.

«Я слишком учен для здешней жизни. Отец верно говорит: михайлинцы уничтожают радости простого благочестия. Я не в силах этого вынести», — в отчаянии твердил себе Джорем в то самое время, как плоть его, отвечая призывам пробуждающейся природы, намекала на множество вещей, доселе остававшихся непознанными, и о которых он мог бы узнать для себя немало нового.

Колокола в часовне отбили *Terce*, и Камбер отложил пергаменты, над которыми усердно

трудился. У него было назначено несколько встреч. Предстояло обсудить условия аренды земли и изменить некоторые подати. Джорем явственно ощущал, что отец его так же утомлен погодой и препирательствами с дочерью, как и все остальные.

— Дорогая моя, — промолвил он, и Джорем уловил в голосе Камбера нотки раздражения, — я прекрасно знаю, что ты хочешь пойти на праздник, и не вижу ничего необычного в том, что Райс жаждет сопровождать тебя. Я прекрасно осознаю, что ты способна за себя постоять. Я весьма горжусь твоими способностями, и несомненно доверяю твоему благоразумию...

«Куда больше, чем я», — неожиданно для себя самого подумал Джорем.

— Но я не желаю, чтобы вы уезжали вдвоем. Возьми кого-нибудь из служанок...

— Но среди них же нет ни одной Дерини, они не способны так хорошо, как мы, держаться в седле, и шарахаются от любой тени... — Ивейн явно была расположена немного побунтовать. — Право же, отец, нам вдвоем будет куда проще позаботиться о себе, чем если придется следить еще и за ними.

— А я не имею ни малейшего желания отпустить двоих Дерини из замка, чтобы те «сами заботились о себе», как ты изволила выразиться, — твердо отрезал Камбер. — Я не хочу, чтобы люди в деревне узнали, на что вы в действительности способны.

— Но ты же не возражаешь, когда Райс использует свой дар, — возразила Ивейн. — Целителям дозволяется быть Дерини и носить меч, и никто при этом не говорит: «О, будьте осторожны, чтобы не напугать крестьян...»

— Крестьяне понимают, что такое меч, — отчеканил Камбер. — В Целительстве они ничего не смыслят, но готовы с этим смириться, ради того блага, что сия магия им приносит. Если мы, Дерини, желаем жить в мире с окружающими, то не должны забывать о том, что само наше существование может являться камнем преткновения для тех, кто страшится нас и видит в наших отличиях от обычных людей ту же злонамеренность, коей обладали бы они сами на нашем месте. Возьмите с собой охранников из замка: они с удовольствием присмотрят за служанками, если только перестанет идти дождь.

Ивейн ничуть не смягчилась. Джорем прекрасно понимал сестру. Она до смерти устала от всех этих условностей, не меньше, чем все вокруг, — промокшие, раздражительные люди, от которых пахло кислой капустой и дымом.

И хотя отцовские охранники всегда относились к ней с почтением, но Джорем понимал, что Ивейн никогда по доброй воле не избрала бы себе таких спутников для мирной верховой прогулки по лесу... или что она там замыслила. Опытный маг больше и чаще, чем простые смертные, нуждается в уединении.

Что касается самого Джорема, то ему вполне

хватало для этого часовни со Священным Присутствием, однако Ивейн всегда любила дикуую природу.

— Я поеду с ними, отец, — неожиданно предложил он. — Я ведь тоже владею мечом. И даже самый злонамеренный разбойник не сочтет Райса и мою сестрицу легкой добычей, если с ними отправится рыцарь-михайлинец... пусть даже ученик. — Он почувствовал, как Камбер оценивающе взирает на него. — К тому же присутствия старшего брата будет достаточно, чтобы сберечь доброе имя Ивейн.

— И доброе имя Райса также, — немного поразмыслив, согласился Камбер. — Благодарю тебя, Джорем. Тебя это устраивает, Ивейн? А тебя, Райс?

— Я согласен на все, чтобы угодить моей госпоже и вам, сударь, — с поклоном отозвался Целитель. Больше всего на свете он не терпел присутствовать при редких размолвках своей нареченной и ее отца.

— Это ужасно, я ненавижу, когда ты так разговариваешь, — воскликнула Ивейн. — Спасибо тебе, Джорем, и тебе, отец. Я побегу выглянуть, не прекратился ли дождь. А если нет, то нельзя ли нам поехать завтра, даже если еще будет моросить? У меня заканчиваются целебные травы. В саду еще не показались никакие всходы, а мне нужно успеть собрать травку святого Иоанна...

С этими словами она выбежала из комнаты, шурша юбками. Радостный настрой Ивейн тот-

час же приободрил и всех остальных. Мужчины с облегчением переглянулись.

— Неплохо бы, чтобы она собрала для себя немного валерианы, — слегка поморщившись, заметил Камбер. — Прошу прощения, Райс, просто мне казалось, что эта прогулка — не самое разумное решение. Времена сейчас беспокойные. И хотя мне не по душе держать дочь вдали от Ремута... — Все прекрасно поняли, что под этой обтекаемой фразой он подразумевал «и вдали от сладострастных поползновений Имре»... — я прекрасно понимаю, что ей здесь тоскливо. Она будет чувствовать себя гораздо лучше, когда обособится собственным домом, хотя я буду очень скучать по дочери. На самом деле я рад, когда вы все здесь, даже невзирая на тесноту. А как дела у тебя, Джорем? У нас не было времени толком поговорить. Я даже не выведал у тебя никаких михайлинских сплетен... если только ты решишься ими со мной поделиться?

— Да и нет ничего интересного, кроме этих бесконечных международных интриг, — отозвался Джорем, выражая в этих словах мнение большей части гвиннедской знати. Он помялся немного, а затем все же решился произнести вслух то, что мучило его в последнее время: — Все дело в том... просто... мне сейчас нелегко из-за того, что вскоре предстоит наконец принести постоянные обеты.

— Это совсем на тебя не похоже, — удивился

Райс. — Прежде ты был настроен совсем иначе, а это звучит не слишком-то многообещающе...

На лице Камбера также отразилась тревога.

— Что-то случилось? Ты изменил свое отношение к Ордену, или больше не чувствуешь призвания, сынок?

Джорем признавал, что отец старается быть с ним мягким, насколько это возможно. Отношение Камбера к михайлинцам было куда более суровым, чем у большинства современников, но лишь потому что он был слишком хорошо осведомлен о тех вещах, что обычно держались в тайне от простых смертных. Камбер, не стесняясь, напрямик заявлял, что находит деяния и духовную жизнь орденцев слишком густо замешанными на политике, чтобы считать их по-настоящему религиозными людьми (сами михайлинцы предпочитали называть это «погружением в мир»).

— Ты имеешь в виду, хочу ли я по-прежнему быть священником? Да, думаю, что так... и даже очень, — заявил Джорем. — Просто сейчас я куда лучше осознаю, что мне предстоит, чем в двенадцать или в четырнадцать лет. И, по-моему, дело не только в безбрачии, хотя чаще всего мои мысли упираются именно в это. — Теперь, когда он излил душу перед отцом, ему стало легче.

— Очень рад, что ты наконец обнаружил, что ты всего лишь обычный человек, со всеми положенными слабостями, — засмеялся Камбер. — Надеюсь, в будущем мы еще вернемся к этому

разговору. А сейчас могу лишь сказать, что для меня жизнь казалась куда проще в шестнадцать лет, а к тому времени, как мне сравнялось тридцать, я осознал, насколько в двадцать был беззаботнее. Сейчас мне лишь остается надеяться, что годам к семидесяти вновь наступит блаженная ясность...

— По крайней мере, к тому времени и Ивейн также станет старше, — задумчиво пробормотал Райс.

* * *

Казалось, будто бы сами небеса послушались приказа Ивейн, и следующий день выдался солнечным и погожим. К полудню в замке изменились даже запахи: теперь здесь пахло просохшей тканью, подходящими в печи хлебами, растениями, разогревающимися на солнце, и раскрывающимися лепестки цветами. Даже лошадям не терпелось выйти за ворота, и мысль о том, чтобы вновь помериться силами с сестрой в излюбленном стремительном галопе, согревала сердце Джорема. Райс также выглядел более довольным жизнью. Его никак нельзя было упрекнуть в изнеженности: отличный наездник, превосходный ученый, терпеливый и тщательный последователь магических ритуалов, и все же...

— Оказаться вот так, взаперти, со всем твоим семейством, Джорем, для меня это немного чересчур, — промолвил Райс, в последний раз проверяя подпругу у седла, перед тем как сесть на

лошадь. — Я люблю Камбера и, конечно же, люблю Ивейн, но... — Он немного помялся. — Когда кто-то из них впадает в такое настроение, как вчера, то возникает ощущение, словно тебя жгут под увеличительным стеклом. — Он ничего не сказал о том, что и хмурое расположение духа самого Джорема лишь усугубляет ситуацию... Да в этом и не было нужды.

— Они стали очень близки между собой после смерти матушки, — заметил Джорем. — А Ивейн выросла чрезвычайно самостоятельной для женщины... За что, разумеется, следует благодарить отца. Но ты не споришь с ней по любому поводу так, как это делает он, и потому у нее не будет причин злиться. Послушай, Райс, я понятия не имею, что вы с ней сделали и чем заслужили отцовский гнев, но... — Райс безмолвно выразил надежду, что Джорем не станет продолжать расспросы в этом направлении, и потому тот благополучно предпочел обойти неловкий вопрос: — Да, разумеется, я понимаю, что это не мое дело, и все же могу ли я вас попросить... могу ли я надеяться, что вы будете... хм... вести себя достаточно благоразумно... То есть, конечно, я не намекаю, будто вы способны на неподобающее... В общем, мне бы хотелось не слишком много времени проводить, отвернувшись в другую сторону и громко насвистывая...

— Лучше поговори об этом со мной, — воскликнула Ивейн, подъезжая ближе.

— Ивейн, — строгим тоном одернул ее Райс.

— Ну же, Джорем, неужели ты откажешься хотя бы ненадолго отвернуться в другую сторону?

Ивейн умоляла его так искренне... Джорем ощутил ее мягкое мысленное прикосновение. Он любил сестру, и сам был не чужд голосу плоти, и к тому же Церковь всегда называла узы помолвки почти столь же священными, как узы брака...

— Вполне возможно, что в лесу я и пожелаю немного пройтись, пока лошади отдыхают, — промолвил он. — Но это будет *недолгая* прогулка.

* * *

Трусцой всадники миновали деревенские поля, стараясь не ступать там, где густо поднимались зеленые ростки. Как только дома оказались далеко позади, Джорем ощутил необычайную легкость, точно солнце, пригревая ему спину, одновременно сняло с души какой-то непосильный груз. Ветер доносил до него беззаботный смех Райса и Ивейн; на лошадях очень легко было держаться на ненавязчивом удалении друг от друга.

Все они были счастливы и наслаждались первым летним днем. Джорем даже опустил ментальные защиты, позволяя потокам живительной энергии омыть свою душу. Ореол любви, радости и жизненной силы, окружавший Райса и Ивейн, наверняка был очевиден даже наблюдателю, лишенному магических талантов Дерини.

Ивейн и впрямь намеревалась собирать ле-

карственные травы, и несколько раз они останавливались, чтобы она могла срезать какие-то листья и ростки, которые бережно укладывала в седельные сумки.

— А вот и моя травка святого Иоанна, — воскликнула она наконец. — А ведь для нее еще довольно рано, правда, Джо? Еще даже не наступил Иоаннов день. — Она перекрестилась, а затем осенила крестным знамением и сами растения, прежде чем срезать их вместе с шапками желтоватых цветов.

— Ну, осталось уже недолго, — уточнил Джорем. — Кстати, вы видели в деревне майский шест?

— А что говорят о майских шестах михайлинцы? — полюбопытствовал Райс.

Джорем пожал плечами.

— Я слышал, что считается, будто эти шесты символизируют Древо, вознесшее на небеса Господа нашего, а яркие цвета лент — это его кровь, обновляющая лик земли...

Несмотря на всю свою врожденную вежливость и воспитание, Райс, не удержавшись, хмыкнул.

— Как будто бы ты сам не знаешь, что на самом деле это наследие Старой Веры.

— Прошло уже очень много времени с тех пор, как Старая Вера осуждала Дерини за то, что мы таковы, какие есть. Жаль только, Христос не способен настроить так же миролюбиво и своих собственных последователей.

— Джорем! — изумилась Ивейн. — Никогда не слышала от тебя подобных речей.

— Ты же знаешь, какого мнения наш отец о михайлинцах. Мы слишком умны, чтобы обрести спасение души. — *Мы*, подумал он. Я сказал: «мы»... — Послушай, мне абсолютно наплевать на Старую Веру, но ведь и ей точно так же нет до меня никакого дела. Полагаю, все те, кто следуют ей до сих пор, были должным образом крещены во младенчестве. И я знаю, что Христос умер и ради них тоже, что бы они там ни говорили по этому поводу.

— Совершенно верно, — признал Райс. — Хотя сильно сомневаюсь, что старый архиепископ Энском придерживается того же мнения.

— Да и о михайлинцах такого не скажешь, — подтвердил Джорем. — Если бы сегодня Господь снизошел в канцелярию его милости епископа, то ему пришлось бы опрокинуть там немало столов... И все же Старая Вера не стоит того, чтобы долго спорить о ней. По мне, так лучше бы сосредоточить свои усилия на том, чтобы заставлять людей в действительности исполнять все то, о чем они говорят только на словах.

Сидя в седле, Ивейн закончила упаковывать в седельные сумки последние целебные растения. Всадники оказались у кромки леса, там, откуда Камбер со своими приближенными обычно начинал охоту на оленя.

— Старая Вера — это нечто большее, чем просто разговоры, — заметил Райс наконец. — Я

имел дело с людьми, которые видели... ну, в общем, видели нечто странное. Какую-то фигуру... Он похож на человека... но это точно не святой Хьюберт: по крайней мере, у него нет распятия. — Он придержал жеребца рядом с лошастью Джорема и добавил чуть слышно: — А когда Ивейн в таком настроении, ее-то уж точно не примешь за святую.

— А нет ли у Старой Веры более точного описания?

— По меньшей мере, три, — заявил Райс в ответ.

Джорем удивленно поднял брови. Райс засмеялся, и Ивейн тут же оглянулась на них. Выражение ее лица было в точности как у Джорема, и мужчины рассмеялись хором.

— Да что с вами такое?

— Насколько я могу судить, Райс уже здорово устал от семейства Мак-Рори!

— Это чистой воды колдовство, когда вы так хмурите брови. Наследственная магия! — воскликнул Райс. — О, сжальтесь над несчастным Целителем...

Ивейн также рассмеялась и послала лошадь в галоп, призывая мужчин посостязаться с ней. Из всех троих она была самым лучшим наездником, как будто бы родившимся в седле, хотя у Райса и Джорема опыта было побольше, а лошадь, обученная михайлинцами, нипочем не желала из гордости уступать прочим коням... В общем, скачка вышла отличная.

Понемногу они углубились в лес и трусцой поехали по широкой тропе. Наконец, добравшись до небольшого чистого озерца, окруженного плакучими ивами, всадники остановились. Порывшись в одной из седельных сумок, Ивейн извлекла на свет хлеб и бутылъ с вином, а также сморщенные яблоки, холодную курицу и изюм, который раздобыла на кухне. Развалившись на еще слегка влажной траве, они ели, наслаждаясь солнечным теплом. Джорему казалось, что уже тысячу лет ему не было так хорошо и спокойно. Он нежился на солнце, довольный жизнью, как голубок.

Солнце стояло еще высоко, когда он наконец поднялся на ноги и потянулся.

— Думаю, мне стоит немного пройтись, а то я что-то переел, — небрежным тоном заметил он. — Набил живот хлебом, как рождественский гусь. — Ивейн с Райсом воззрились на него с совершенно невинным видом. — Я вернусь к тому времени, как тень достигнет этого места, — и он указал на одну из веток.

— Только не заходи далеко, — предупредила Ивейн. — Упаси Бог, чтобы тебе не пришлось для защиты прибегать к способностям Дерини. — Даже здесь, в этом безлюдном месте она невольно понизила голос.

— Я надеюсь, что меня никто из посторонних не заметит, — успокоил ее Джорем. — Советую вам позаботиться о том же самом, если уж вы намерены сидеть на открытом месте. И прошу

вас, во имя всего святого, оставайтесь по возможности одетыми.

— По-моему, сейчас мне полагалось бы вызвать тебя на поединок за оскорбление, нанесенное чести моей суженой, — заметил Райс, жуя яблоко.

— Поскольку я и сам должен бы вызвать тебя, за ту же провинность, то, наверное, мы могли бы объявить ничью...

С этими словами Джорем по возможности уплотнил свои ментальные щиты, чтобы и двое влюбленных, и он сам могли насладиться одиночеством, и двинулся прочь. Ивы здесь росли достаточно редко, чтобы олени могли вольно прогуливаться между ними. Джорем нашел тропинку, более узкую, нежели та, что привела всадников к озеру, и по ней направился в лес.

Сквозь густые ветви древних деревьев и молодую поросль, сражающуюся за место под солнцем, почти не проникали лучи. И все же для его обостренного чутья лес казался восхитительно живым. Джорем слышал крики птиц, ограничивающих свою территорию и отпугивающих возможных хищников. Птенцы отчаянно щебетали, взывая к родителям, которые торопились накормить малышей и тащили им в клюве червей и гусениц, копошившихся в траве или среди свежей зеленой листвы. За Джоремом следили белки, которые сами умело укрывались от его взора; но он все же чувствовал на себе внимательные чужие взгляды. А вот и мышь перебежала ему

тропинку, внезапно заметила человека и в ужасе застыла, в то время как сзади из-за куста появилась хищная мордочка ласки.

— Ступай прочь, — велел ей Джорем. — Я ведь рыцарь, давший клятву защищать слабых. — Нагнувшись, он взял мышь в руки и перенес на пару шагов подальше. Ласка неслышно, точно тень, скрылась в кустах.

— А как же моя ласка? — слышался вдруг голос, напугавший Джорема почти так же сильно, как сам он напугал несчастного грызуна. — Неужели она не заслужила права поесть и насытить желудок? Ее малыши плачут без материнского молока.

Ментально прощупав свое ближайшее окружение, Джорем не обнаружил в лесу никого, помимо дикой живности... Ни одного человека. Неужели здесь Дерини, скрывающийся от чужих глаз? Но и посторонней защиты он также не ощущал. Не выдержав, он воскликнул:

— Так покажись, и мы поговорим о твоей ласке!

Но его возглас остался без ответа. И вновь он попробовал прощупать лес вокруг себя, но не получил никакого ответа. Наверное, показалось!.. Должно быть, слишком много времени он провел взаперти в монастырских стенах.

Выбросив это происшествие из головы, Джорем двинулся дальше по тропе. Эти места были ему хорошо знакомы, изучены за прошлые годы, ведь он нередко совершал здесь прогулки вер-

хом, вместе со старшим братом, а порой и с отцом или с сестрой, когда они охотились на оленя. Именно здесь Джорем получил от старших немало полезных уроков, касавшихся как магии Дерини, так и иных необходимых умений и познаний.

Через некоторое время он оказался на поляне, — на самом деле, это была скорее прогалина в том месте, где тропинка обегала кругом огромный древний камень. Он не был похож ни на какой другой. Джорем не сомневался, что камень сей — наследие Великого Потопа, хотя и не помнил, кто мог сказать ему об этом. В детстве он провел здесь немало часов, восхищаясь великолепным видом на тропинку и окрестности, открывавшимся с вершины камня; к тому же, когда ему сровнялось лет двенадцать, здесь было очень удобно прятаться от суровых наставников... Это был его «камень на все времена», — подумал Джорем. Ведь, кажется, именно здесь он впервые осознал свое призвание стать священником. Возможно, и сегодня его появление в этом месте не случайно. Возможно, и сегодня он получит ответ на свои вопросы.

Джорем сел, надеясь помолиться, — «О, неисповедимы пути Твои!» — но слова псалма замерли на его губах. Все здесь было ему чужим. Самое ощущение *сущности* было столь мощным, что пронзало Джорема в самое сердце. Яркая зелень листвы словно бы подчеркивала его одиночество, его отдаленность от родичей и родного очага, и

то ли до него и впрямь донесся в этот миг отголосок смеха Ивейн, или он просто вообразил себе это, — но пустота в душе его и вокруг внезапно стала нестерпимой, и он ощутил резкую боль.

«Это не я», — подумал он.

— Господи Боже, избавь меня от этого, — прошептал он вслух. — Я вижу всю красоту мира, сотворенного Тобой, дабы мы могли в нем узреть Тебя. Зрелище это должно было бы заполнить мое сердце, а не оставить его опустошенным. Чего Ты желаешь от меня?

Но никакого ответа не было, если не считать того, что боль сделалась еще нестерпимее. Джорем с трудом подавил рыдание. Ему и прежде были знакомы мгновения и даже целые дни, исполненные печали, скуки, гнева, опустошенности... Но сейчас все они казались подобны соломинкам перед бурей. Однако, то, что он испытывал сейчас, не походило и на ментальную атаку. Скорее уж он готов был поверить в неких демонов, — хуже, чем самый отсталый и суеверный из крестьян! Сейчас он был бы рад излить всю свою кровь на этот камень, если бы смерть могла принести облегчение.

— Сынок, почему ты плачешь? Чего ты ищешь?

Внезапно он осознал, что этот голос в точности похож на голос матери. Может быть, слова прозвучали иначе, — но в них горел огонь, растопивший ледяной панцирь одиночества.

— Не знаю сам, — отозвался Джорем, который

с трудом мог говорить. Горло его сжималось от боли. — Я не знаю, кто я такой.

Руки, нежные и одновременно невероятно сильные, сжали его в объятиях.

— Джорем, — промолвила она.

Открыв глаза, он увидел перед собой лицо, похожее на материнское, и все же иное... Эта женщина, обнимавшая его, была старше и бесконечно сильнее, отмеченная прожитыми годами, печалью и глубоким внутренним спокойствием. Она казалась огромной, и рядом с ней Джорем чувствовал себя трехлетним ребенком. В ее волосах посверкивала седина, а глаза были так глубоко...

— О, Древнейшая, — прошептал Джорем.

Она улыбнулась в ответ.

— Ты прав, это я, но ты не должен думать, что все лучшее в твоей жизни уже позади. — Она еще крепче сжала его в объятиях, и Джорем всхлипнул у нее на груди. Затем, набравшись смелости, он вновь взглянул на женщину, но его мать уже исчезла. Та, что обнимала его сейчас, казалась юной и стройной... и возрастом ничуть не старше самого Джорема. Глаза ее были серовато-зелеными, точно камни под чистой речной водой. На плечах лежали длинные распущенные волосы, и хотя Джорем не мог бы с точностью определить их цвет, но они были мягкими и нежными, как свежая трава в поле.

— Госпожа, или... юная дева... кто вы? Зачем вы здесь? — услышал он собственный голос.

— Я — краса мира, — откликнулась она.

Легкий ветерок играл в листве, и мозаика теней и солнечных пятен ложилась на ее лицо, словно тающие осколки мозаики. Все чувства Джорема, деринийские и обычные человеческие, были поглощены ею без остатка. В ней была женственность и живость, дикость и безмятежность, красота лета и леса и девичья прелесть... К ее совершенству он ничего не мог бы добавить, и испытывал лишь бесконечный восторг и благоговение.

Джорем не мог бы сказать, как долго длилось это очарование. Он вновь пришел в себя, — или это ему лишь показалось, — когда видение внезапно наградило его поцелуем. Только что он чувствовал себя затерянным в мире зелени, бесформенном и неопределенном, — теперь он точно так же затерялся в чужих объятиях, в ее тепле и аромате волос. Теперь уже она более не сжимала его, как ребенка, и Джорем осознал, что сам также обнимает ее, и она тает в его объятиях. Словно вода струилась у них под кожей, и оба были сильны, как деревья, сгибающиеся, но не ломающиеся в самую страшную бурю.

Ветер в кронах затих, обдавая две застывшие фигуры лишь слабыми ласковыми порывами. Боль исчезла из сердца Джорема, подобно облачку, уносимому ураганом. Она вновь поцеловала его в губы и погладила по щеке.

— Ты знаешь меня, Джорем?

— Ты — краса мира, — промолвил он, любуясь

игрой тени и света на ее лице, на лбу, в ее глазах. Он погружался в них, словно в глубину бесчисленных столетий.

— Джорем, — пожурила она с улыбкой. — И ты совсем не удивлен, что встретил меня вот так, в этот день, в этом месте... хотя, возможно, ты этого и совершенно не заслуживаешь. Ну, не надо так смотреть на меня... Ведь Мать — это нечто большее, чем ее Сын, точно так же, как и в моих деяниях — не одна лишь только праведность.

Несмотря на головокружительную легкость, которую он ощущал во всем теле, Джорем попытался нахмуриться, но это было слишком трудно.

— Боюсь, я толком не понимаю, о чем ты ведешь речь. — Он улыбнулся ее серьезности и поднес нежную ладонь к своим губам. Она встретила с ним взором поверх этого поцелуя и с состраданием наблюдала за Джоремом, — в тот самый миг, как он ощутил глубокую рану на ее запястье.

В ужасе Джорем потянулся за другой рукой и уставился на точно такой же разрез, липкий от крови. Лик ее начал меняться, когда Джорем вновь поднял на нее глаза. Теперь она уже не казалась столь юной, черты не были столь изящными, а сама фигура вытянулась, ростом превзойдя Джорема. Темные глаза, темные волосы...

Мгновением прежде он отдавался ощущению всепоглощающего экстаза, и теперь плоть Джорема еще содрогалась от боли утраты, — а перед

взором его возник лик более смертный, чем любой иной.

«Он не обладает внешностью или величием, притягивающим взгляды, и ничто в облике его не вызывает желания», — всплыла бессмертная строка в памяти Джорема. Для Пророка все это также не имело значения.

— Теперь, когда ты познал Меня, — промолвил этот последний незнакомец, — неужто ты и впрямь готов поверить, что я покину тебя в одиночестве?

— Я так этого страшился, — прошептал в ответ Джорем. — Но теперь страх ушел.

— А сейчас?..

Джорем вновь ощутил материнскую любовь. Ноздри его затрепетали от цветочного аромата, окутывавшего прекрасную деву. Но когда он вновь взглянул на человека, стоявшего перед ним, то увидел мужчину, чьи израненные руки до сих пор сжимал в своих.

— Господи, именно таким ты мне всего ближе.

— Тогда следуй за Мной.

И вновь Джорем взглянул на израненные руки. Они казались такими живыми и сильными. Он не нуждался в целительском даре Райса, чтобы уловить отголосок их боли, которая также была вполне реальна. Он с бесконечной нежностью прижал их к своему сердцу и затерялся во взгляде темных глаз...

...Очень медленно Джорем вновь очнулся, пришел в себя, и зрение вернулось к нему. Он

опять был один, но в душе больше не чувствовал себя одиноким. Прошло еще какое-то время, пока он смог наконец восстановить дыхание: если к ментальному трансу он был привычен, то подобный экстаз оказался для него внове. Воспоминания о пережитом были подобны словам чужого языка.

Оставалось лишь уповать на то, что ткань их не слишком изотрется от того, что в будущем он станет постоянно обращаться к этим бесконечно дорогим образам. Но пока прошло еще слишком мало времени, даже для того, чтобы возносить немую благодарность. Джорем все еще пребывал в состоянии блаженного благоговения, когда на тропинке показался Райс.

— Тень дошла до указанной тобой ветки и двинулась дальше, Джорем! — окрикнул его Целитель. Лишь сейчас он как следует разглядел своего друга. — А ведь кажется, ты велел нам оставаться одетыми. По-моему, это твоя рубашка валяется под ногами? — Он бросил ее Джорему.

— Благодарю, — откликнулся тот. — Хм... на солнце меня совсем разморило...

Он поспешил одеться.

— Мы волновались за тебя, — заметил Райс, пока они вместе торопливо шли обратно по тропинке, ведущей через лес. — Очень странное происшествие...

— С Ивейн все в порядке?

— Да, разумеется. Ты когда-нибудь видел единорога?

Лишь теперь ему удалось по-настоящему привлечь внимание Джорема.

— Нет, никогда, разве что в книгах или на чьих-то гербах. А ты?

— Он подошел и опустил голову Ивейн на колени. Признаться честно, я был удивлен. — Райс замялся, прикусив в смущении нижнюю губу. — В особенности учитывая, что...

— Прошу тебя, не надо никаких исповедей. Я ведь еще не священник! — со смехом прервал его Джорем. — Хотя моего отца это могло бы успокоить.

— Нет уж, мы не станем говорить Камберу, что видели единорога, — возразил Райс. — Есть некоторые темы, которых я вообще не хотел бы при нем касаться.

Они не заметили Ивейн, сидевшую на берегу озера, до тех пор пока та сама не сбросила вуаль невидимости и не явилась перед их взором.

— Так что, ты и вправду видела единорога? — спросил ее Джорем.

Ивейн горячо закивала.

— Я так рада, что и Райс был там и может это подтвердить. Он лизнул меня в лицо.

— И обнюхал мне пальцы, — добавил Райс.

— А какой он из себя? Как лошадь или как козочка?

— Скорее похож на оленя, если не считать хвоста и гривы, — задумчиво откликнулась Ивейн. Нагнувшись, она подняла с травы длинный серебристый волос, явно не ее собственный.

Бережно намотав его на палец, получившееся колечко она сунула в мешок с травами. — А вообще, больше всего он был похож на единорога. Удивительно... Никогда не слышала, чтобы наш лес считали заколдованным.

— Думаю, они все становятся заколдованными ко дню летнего солнцестояния, — улыбнулся Райс. — Или просто когда *ты* приходишь сюда.

Они обменялись воздушными поцелуями. Джорем сам удивился собственному спокойствию.

— Не пора ли нам возвращаться? — поинтересовался он.

Все втроем они сели в седло. Лошадей появление единорога, похоже, ничуть не встревожило.

— Жалко только, что ты его не видел, — промолвила Ивейн. — Обидно должно быть пропустить такое приключение!

Джорем не знал пока, стоит ли рассказывать им о том, что случилось с ним самим у древнего камня. Сперва он должен как следует насладиться этими воспоминаниями в одиночестве, обдумать их и, возможно, даже попытаться молиться.

— Я хорошо отдохнул, — промолвил он наконец.

* * *

Примечание автора: несмотря на то, что отец Джорем Мак-Рори, член ордена Святого Михаила, пользовался наибольшей известностью благодаря своей политической деятельности во время реставрации Халдейнов и ее кровавых последствий, его собственный орден хранит о нем совсем

иные воспоминания. Михайлинцы почитают отца Джорема за любовь к Господу, которую он неоднократно выражал в общении с братьями и с паствой. Также его перу приписывают несколько страстных проповедей, посвященных «беспредельности любви Христовой».

Дэниел Кохански, Джей Барри Азнер

Арилан изучает Талмуд¹

1105 год

Когда в моем сознании еще только начала оформляться концепция вселенной Дерини, где отдельные индивиды подвергаются преследованиям лишь за то, что они отличаются от обычных людей, я поймала себя на мысли, что провожу сознательные параллели с дискриминацией и преследованиями, которым исторически подвергались евреи в нашем собственном мире, — угнетенный народ, существенно обособившийся по вине множества факторов, не все из которых сразу делаются очевидными для исследователя.

Несмотря на то, что сама я являюсь христианкой и придаю духовности особое значение, однако посредством описания мира, обычаев Дерини и некоторых их религиозных обрядов я отчасти пыталась выразить и свое отношение к евреям. Эта тема близка мне, поскольку я выросла в Майями, во Флориде, где среди моих соучеников в школе и университете была немалая доля евреев. Вот почему эта культура никогда не казалась мне слишком чуждой: я постоянно общалась с евреями, гостила у них в доме, присутствовала на празднествах и торжествах. Некоторые привычки и обряды и впрямь казались мне весьма экзотичны-

¹ © Daniel Kohanski, Jay Barry Azneer «Arilan, the Talmud Student », 2002

ми, — но я всегда считала их для себя просто *интересными* и не видела в этом никакой угрозы.

Однако я прекрасно сознаю, что так было не всегда, в особенности в прошлом и в других странах. Порой люди опасаются всего того, что кажется им чуждым и странным. Меня с детства приучали судить людей за то, кем они являются в действительности, а не по их политическим убеждениям или цвету кожи, или иным поверхностным характеристикам, над которыми они не имеют никакой власти. Но я, разумеется, отдаю себе отчет в том, что скрытая дискриминация существует у нас и по сей день (если и существовала во времена моего детства дискриминация, основанная на сексуальных предпочтениях, то об этом я ничего не знала, однако эта тема сделала актуальной к тому времени, когда я закладывала основы мира Дерини; таким образом, Дерини можно рассматривать и как способ поговорить о проблемах гомосексуализма, а не только о расовых или религиозных).

Не все мои читатели признали эту параллель между Дерини и евреями, поскольку мне нередко задавали вопросы об отсутствии евреев в Гвиннеде, однако когда я объясняла читателям свой замысел, — что в некотором смысле Дерини как раз и являлись гвиннедскими евреями, — они соглашались со мной. Кроме того, я всегда добавляла, что в этом мире, созданном мною, иудеи существуют и сами по себе, но поскольку Дерини навлекли на себя всеобщую неприязнь и преследования, то таким образом они сконцентрировали на себе все отрицательные эмоции запуганных, необразованных людей, которые, соответственно, оставили евреев в покое (это было еще до того времени, когда в романе *«Сын епископа»* я описала сцену, в которой Денис Арилан ссылается на талмудическую традицию, как на основу для рассмотрения реального присутствия Господа в священных реликвиях в качестве действительного

свидетеля принесенной клятвы, усматривая в этом параллель с той ролью, которую в иудейской традиции играет Тора).

К тому времени я также опубликовала части *Adsum Domine*, песни Целителей, в которой мои читатели могли найти упоминание о Дарах избранного Богом народа, и о той ответственности, которую влечет за собой использование этих Даров. Именно благодаря *Adsum Domine* я впервые и познакомилась с авторами нашего следующего рассказа, Джейм Азнером и Дэном Кохански, которые трудились над новым переводом субботнего богослужения для местного храма и написали мне с просьбой: не могут ли они использовать там части *Adsum Domine*? Оба они прекрасно знакомы с Талмудом, как и большинство евреев, чем бы те ни зарабатывали себе на жизнь, но кроме того Джей является еще и сыном раввина; поэтому меня ничуть не удивило, когда несколько лет спустя, — уже после того, как мы с ними лично познакомились на одной из конференций по научной фантастике, — я получила от них этот рассказ, который немедленно решила опубликовать в следующем же выпуске «Архивов Дерини». Этот рассказ объясняет нам, откуда Арилан в «Сыне епископа» мог явить столь блестящее знание Талмуда, — и об этом я бы наверняка никогда не смогла так хорошо написать сама.

* * *

Господи Иисусе, когда смотришь на этого человека, — даже взглядом не за что зацепиться!..

Денис Арилан был самым прилежным из учеников семинарии; он был полон решимости как можно скорее попасться на глаза тем, кто, превращая обычных лю-

дей в священников, уже мысленно видит их епископами. Но отец Джоссет был невероятным занудой, и Денис всерьез сомневался, что даже деринийские заклинания, помогающие изгнать усталость, помогут ему протянуть еще час и не заснуть. В своей потертой серой рясе, того же цвета, что и седеющие волосы, священник монотонно бормотал что-то себе под нос, разъясняя самые темные и загадочные отрывки апокрифов. Но в устах этого человека даже приговор Последнего Суда показался бы утомительным и скучным.

— Итак, в шестнадцатой главе книги «Сирах» дается описание наказаний, следующих за грехи, и говорится о том, каким образом грех может быть искуплен. При первом чтении может показаться, что здесь наблюдается некоторое противоречие с Евангелием от Луки, в пятой главе, стих двадцать первый, когда писцы и раввины обсуждают подробности законов о прощении (и мы видим, что они воспринимают это крайне ограниченным образом, поскольку имеем подобные же примеры и в Талмуде), однако далее Иисус оспаривает эту точку зрения...

Талмуд? Во имя святого Михаила, что это еще за Талмуд такой?

Когда лекция наконец подошла к концу, Денис дождался, чтобы все его соученики покинули классную комнату, а затем, расправив плечи и вдохнув поглубже, приблизился к пожилому священнику.

Несмотря на все свое занудство, Джоссет как-никак считался видным ученым и терпеть не мог досужих ученических вопросов, — а также никаких иных помех в своей личной вере, столь же жёсткой и непоколебимой, сколь широки были его познания.

Старик уже отвернулся и размашистым шагом направлялся к двери, когда Денис осмелился окликнуть его:

— Отче...

Священник даже не счел нужным обернуться. Почти не замедляя шага, он бросил через плечо:

— Да, юный Арилан?

Денис и сам устыдился того, сколь робко и просительно прозвучал его голос. Теперь он жалел, что вовремя не прикусил себе язык, но теперь, единожды начав, не было другого выхода, кроме как продолжать:

— Вы упомянули нечто именуемое Талмудом. Простите, отче, но я никогда не слышал ни о чем подобном.

— Талмуд, Талмуд... Ах, да, Талмуд, иудейская книга Закона.

— Иудейская книга? — Сама эта мысль показалась Денису поразительной. Разумеется, он и раньше слышал, что иудеев именовали «народом Книги», но единственной иудейской Книгой, которую он знал, была Библия... точнее, Ветхий Завет. Ему никогда и в голову не приходило, что у иудеев могут быть и иные священные писания.

— Ну да, да, ты все правильно понял. Наско-

лько я знаю, это даже не одна книга, а сборник из нескольких, где записаны споры иудейских ученых по каждому пункту Закона. Дай подумать... Должно быть, они начали записи лет за сто до завоеваний Александра, которые имели место за два столетия до рождения нашего Господа и Спасителя... А закончили, кажется, еще лет через двести-триста после этого...

Денису нравилось считать себя поклонником диалектики, и сейчас он с трудом сумел сдержать свой восторг. Тысяча лет бесконечных споров!..

— Прошу простить мою настойчивость, отче, но нет ли в нашей библиотеке копии этого Талмуда? И не мог бы я изучить его?

Старый ученый не привык к тому, чтобы его перебивали. С суровым видом он уставился на четырнадцатилетнего наглеца.

— Юный Арилан, помилосердствуй. Я стар и устал. И я более чем заслужил отдых от твоей рьяности. Ты ведь даже еще не изучал иврит или Ветхий Завет, а для чтения Талмуда тебе понадобится еще и знание арамейского, который у нас не преподают. Если уж тебе так этого хочется, обратись к брату Меараду; в библиотеке было несколько томов... но предупреждаю сразу, что он мало чем сумеет тебе помочь... Хотя, возможно, и будет снисходителен к твоей дерзости!

С этими словами отец Джоссет с решительным видом вновь направился к двери, и более никто не осмелился его задержать.

Денис проводил взглядом старого священника, скрывшегося во тьме коридора.

Рьяность! Дерзость! Неужели свою жажду знаний он должен скрывать под теми же покрывами тайны, что и дарование Дерини? А если так, то какова будет расплата для его бессмертной души? Любая тайна влекла за собой свою цену. Он давно уже осознал, чем придется заплатить ему. Строжайшей самодисциплиной прежде всего, если он желал стать священником, что запрещено для Дерини... Но неужели он также должен принести в жертву и свое любопытство? Что, если с уст его сорвется слишком умный вопрос, или он обнаружит перед посторонними знания, которыми никак не должен обладать? Но если он перестанет расспрашивать своих наставников, заметят ли эту перемену в поведении подозрительные попечители семинарии? Заподозрил ли недоброе отец Джоссет?

Сделав глубокий вздох, чтобы успокоиться, Денис постарался набросить на себя личину спокойствия, которого отнюдь не ощущал в душе. С самого начала обучения он отдавал себе отчет в том, что должен преуспеть в этом обмане, но теперь впервые усомнился в своих способностях, и в этой мысли крылась наибольшая опасность. Для Дерини строжайше запрещено было даже пытаться поступить в семинарию, и если его обнаружат сейчас, он примет смерть на костре. Но, Иисусе, подумать только... Семь лет полного, абсолютного контроля над собой?..

Нужно как следует сосредоточиться на ментальных защитах и молиться о том, чтобы они выдержали. Пусть соученики и наставники считают его надменным одиночкой, но все лучше, чем постоянный страх разоблачения. И все же ему стоит поговорить с братом Меарадом; в конце концов, Джоссет буквально приказал ему сделать это!

* * *

Меарад пригласил юного ученика присесть за стол у окна, а затем, пряча улыбку, достал с полки тяжеленный том и поместил прямо перед ним.

Подросток наугад раскрыл книгу и принялся перелистывать страницы. Уже через считанные мгновения он усомнился: стоило ли обижаться на пожилого священника, когда тот упрекнул его в излишней дерзости? Разумеется, его привлекала возможность изучить ученые дискуссии, которые велись на протяжении тысячелетия, однако сейчас, когда перед жаждущим знаний юношей оказался сам искомый текст Талмуда, он впервые задался вопросом, — во что же он ввязался? Он тупо взирал на совершенно незнакомые буквы, покуда те не начали кишеть на странице, слипаясь воедино и превращаясь в чудовище, способное бросить вызов даже воображению опытного Дерини.

— Брат... — Денис откашлялся и попробовал снова: — Брат Меарад, можете ли вы помочь мне изучить все это?

— Юный Арилан, да ты хоть представляешь себе, о чем ты меня просишь? Даже если бы ты начал заниматься ивритом прямо сейчас и попутно продолжал все свои основные занятия, то к моменту окончания семинарии ты ничуть не приблизился бы к пониманию этой книги и был бы подобен ребенку, который, едва освоив алфавит, пытается читать Псалтирь. Это ведь даже не иврит, — это арамейский: родственный язык, разумеется, но столь же отличный от иврита, как койнэ от классического греческого. Тем не менее, в некоторой степени я владею ивритом, хотя и не так хорошо, как твои наставники, и если желаешь, могу научить тебя буквам — алфавиту, каковое слово само по себе происходит от названия букв *алеф* и *бет*, — а затем, возможно, мы разучим какой-нибудь псалом. Таким образом, ты сможешь сам судить, насколько тяжело дадутся тебе эти занятия, и в любом случае опыт несомненно пойдет тебе на пользу.

Денис предпочел не задумываться, что имел в виду под этими словами добросердечный монах. Глаза его загорелись от предвкушения, и он подвинулся, чтобы брат Меарад мог устроиться рядом со своим новым учеником и начать первое занятие.

* * *

Денис прикусил язык, чтобы не дать сорваться с уст ругательству, которое едва мог удержать, корпя над страницей написанного на иврите псалма. Мало того, что буквы здесь извращенным способом писались справа налево, но кроме того, многие из них были окружены крохотными черточками и точками, почти невидимыми глазу, но которые полностью меняли звучание и значение слов. Много раз Денису приходилось бороться с искушением использовать запоминающие способности Дерини, однако он опасался, что терпеливому Меараду покажется подозрительным столь стремительный прогресс его ученика. Так что ему оставалось лишь следовать обычным, веками испытанным путем всех семинаристов, — по одной ошибке за раз.

Однажды он рискнул прощупать сознание отца Джоссета с помощью своих ментальных способностей и был ничуть не удивлен, обнаружив, что старый священник регулярно осведомляется об успехах Дениса. Более того, ему показалось, что Джоссету доставляет огромное удовольствие наблюдать за тем, с каким трудом дерзкому юному щенку даются эти дополнительные занятия, не предусмотренные старшими. Денис ощутил немалое облегчение, узнав, что до сих пор никто не заподозрил в нем Дерини... Однако он не сомневался, что многие вместо этого считают его редкостным глупцом.

— Скажите мне правду, брат, неужели найдется хоть один человек, кто и вправду хорошо разбирается во всем этом?

— Терпение, юный Арилан, терпение. Иврит — это лишь одна из множества задач, стоящих перед тобой, и он подвластен изучению ничуть не меньше, чем любое иное знание. Иудеи используют этот язык при богослужении точно так же, как мы — латынь, и к пяти или шести годам их дети бегло читают на нем. Неужели свои способности ты оцениваешь ниже, чем у этих малышей?

Порицание было высказано в мягкой форме, но оказалось достаточно болезненным, и Денис, глотая горькие слезы досады, вновь склонился над страницей псалма, разбирая его буква за буквой.

* * *

Несмотря на все свои усилия, Денис так и не овладел ивритом, хотя и достиг в нем основательных успехов. Но хотя это достоинство он и готов был признать за юным учеником, старый отец Джоссет тем не менее всякий раз испытывал изощренное удовольствие, напоминая Арилану, что, несмотря на все его старания, он ничуть не приблизился к пониманию загадочного Талмуда иудеев.

Тем не менее, это пусть и неполное знание сделалось еще одним из его несомненных достоинств, дошедших до сведения вышестоящих кли-

риков, и когда Арилан наконец покинул стены семинарии и принял священнический сан, то оказалось, что вокруг очень многие нуждаются в его услугах.

И вот теперь он оказался в свите самого архиепископа, пусть и на одной из самых низших должностей... Но тем не менее уже обладал определенными привилегиями, включая и сравнительно вольный доступ к лучшим библиотекам. И таким образом однажды отец Арилан обнаружил перед собой — вновь! — страницу, испещренную странными значками, то и дело расплывавшимися перед глазами.

«Насколько приятнее для глаз был бы световой шар, нежели эти свечи!» — невольно подумал он.

Но в пределах библиотеки он не осмелился бы даже на самое слабое колдовство. Что если он отвлечется, и сюда войдет кто-то из собратьев-священников? Их всех приучили искать в окружающих признаки скрытых Дерини, а световые шары были самой явной уликой.

К тому же отвлечься он мог очень легко. Вот перед ним вызов, нечто недоступное его разуму и воле.

Никогда прежде Арилан не сталкивался ни с чем таким, чего не мог бы изучить и осознать благодаря бесконечному трудолюбию и настойчивости. Его ощущение собственного превосходства основывалось не только на умственных способностях, а скорее, на уверенности в том, что

любое знание непременно должно поддаться непрерывным и решительным усилиям.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Когда он впервые обратился к брату Меараду, то был еще плохо обучен и совершенно не владел особыми навыками, которые могли бы ему пригодиться в дальнейшем. Теперь он обладал ими с лихвой, но эта страница текста *по-прежнему* не желала раскрывать свои тайны! Да кто же они такие, эти иудеи, чьи писания так зачаровывали и возбуждали его любопытство? Где он мог бы их отыскать? Пожелают ли они обучать его? И сможет ли он им довериться?

* * *

Выдался необычайно погожий денек для ранней весны, и Денис наконец уступил соблазну. Захлопнув непокорную книгу, — на самом деле, от досады и разочарования он едва не отшвырнул ее прочь, — он заставил себя нарочито медленно и бережно поставить ее на библиотечную полку.

Затем он спустился в монастырский сад. Аромат цветов и тепло солнечных лучей воздействовали на него совершенно магическим образом, хотя здесь и не было никакого деринийского волшебства, и понемногу Арилан начал чувствовать, как злость его тает под этой лаской.

Стук дятла нарушил его грезы. Он заморгал и

тряхнул головой, пораженный тому, как громко, совсем рядом раздается этот звук. Оглядевшись по сторонам в поисках источника шума, он обнаружил, что маленькая птичка не просто выклеывает червяков, но долбит себе гнездо.

Арилан взирал на дятла как зачарованный. Он смотрел, как крохотное создание ценой огромных усилий оборудует для себя дом в стволе гордого мощного ясеня. Несмотря на свои внушающие благоговение размеры, огромное дерево все же поддалось, и настойчивый проситель выдолбил в плоти ствола крохотное местечко и для себя. Подобным образом и Святая Церковь приютила самого Дениса. Так почему бы точно так же не потесниться и Талмуду? Неужто он менее настойчив или меньше заслуживает награды, нежели этот дятел?

Но этот солнечный весенний день был слишком хорош, чтобы портить его мрачными раздумьями. Это был такой же дар Господа, как и страсть Дениса к знаниям.

«Мне и впрямь следует выйти за ворота и посмотреть на город. Мне нужно подышать свежим воздухом. Я это заслужил, после того как наглотался библиотечной пыли!»

Арилан вышел из сада, а затем покинул и территорию собора. Он бродил по улицам Ремута, не имея в мыслях никакой определенной цели. Сегодня был рыночный день, и улицы гудели от привычной суеты рабочего люда. Повсюду толпились запряженные волами повозки, — это кре-

стьяне, распродавшие рано поутру плоды своих трудов, теперь пробирались обратно к городским воротам, чтобы разъехаться по домам. На ходу Денис внезапно сообразил, что, незаметно для себя, последовал за одной из таких телег в совершенно незнакомый городской квартал.

История Ремута, подобно всем крупным городам, читалась на его улицах. Прежде процветавшие кварталы постепенно приходили в запустение, когда дома там становились слишком старыми или выходили из моды, и уже никто не брал на себя труда приводить их в порядок. Именно в таком месте и оказался Арилан сейчас, хотя он был уверен, что не знает названия этого квартала, и никогда не бывал здесь прежде.

Он застыл на полушаге, заведя внезапно руины сгоревшей дотла церкви, наполовину загороженные окружающими зданиями, которые все находились почти в столь же бедственном состоянии. Судя по виду замков на дверях церкви, их никто не вскрывал уже многие годы. Более того, местные жители, толпившиеся вокруг и сновавшие по своим делам, не обращали на это обрушившееся строение ни малейшего внимания. Даже поверхностный взгляд подсказал Денису, что старая церковь полностью заброшена уже очень-очень давно. Вот так странность! Мощные замки, которые должны были надежно преграждать вход, проржавели настолько, что не смогли бы отпугнуть ни одного человека, всерьез вознамерившегося проникнуть в эти развалины.

«И все же поразительно! В каждом городе есть кварталы бедноты, но почему люди так чужаются разрушенной старой церкви?»

Не успел он задаться этим вопросом, как ответ сделался очевиден сам по себе, и это откровение поразило Дениса в самое сердце. Вон там, наверху, под слоем копоти, в камне был вырезан старый символ Святого Камбера! Очевидны предпринимались попытки стереть или хотя бы отчасти уничтожить его. Но время сыграло с осквернителями святыни злую шутку, по-своему отомстив им за святотатство: грязь и пыль столетий осели в трещинах и вновь явили внимательному взору уничтоженный рисунок... Так это была церковь Дерини! Этот дом Божий, ныне изуродованный и разрушенный, некогда был возведен в память и во славу единственного Дерини, которого даже люди признавали достойным святости... По крайней мере, какое-то время.

На миг наплыв эмоций ошеломил юного священника-Дерини, который сейчас оставался единственным духовным наследником святого Камбера. Многие годы, столетия назад, другие Дерини, такие же как он, с благоговением, по собственной воле посвящали свою жизнь служению Богу и Церкви, а сейчас...

Слезинка сверкнула в уголке его глаз, и лишь жесточайшая самодисциплина священника и Дерини не позволила ему в открытую разрыдаться посреди улицы.

— Доброго дня вам, почтенный господин, — послышался голос у него за спиной.

Изумленный Арилан обернулся и обнаружил перед собой мужчину, который, некогда, возможно, отличался необычайным ростом, но сейчас, с годами согнулся едва ли не вдвое. Волосы его, прежде огненно-рыжие, теперь были почти сплошь седыми. Довершала этот удивительный образ клочковатая, не слишком опрятная борода, на которой проходящие годы также оставили свою отметину. Яркие краски осени угасали, и зима вступала в свои права... Мужчина слегка попятился, испуганный резким движением Арилана, но тотчас откашлялся и бодро продолжил:

— Вы же не собираетесь вновь открыть эту старенькую развалюху-церковь, правда?

Теперь Арилан уже вполне пришел в себя. Быстро прощупав ментально своего собеседника, он убедился, что перед ним лишь безобидный любопытствующий, и ничего более. Ситуация была неловкая, однако не таила в себе никакой угрозы. А вопрос старика оказался столь неожиданным, что он не смог сдержать улыбку.

— Но с какой стати мне делать это, добрый человек?

— Ну, насколько я понимаю, достопочтенный, все христиане должны посещать церковь в том квартале, где они живут. Но, уверяю вас, здесь поблизости нет ни одного христианина, а те немногие ваши единовѣрцы, которые быва-

ют в этих местах, избегают этой старой церкви, как если бы перед ними разверзлись врата самого ада.

Против воли Денис рассмеялся.

— Вы находите в моих словах нечто смешное, досточтимый?

— Нет, конечно, нет. Но, видите ли, здесь была деринийская церковь. И вот уже много веков назад она была уничтожена. Я даже представления не имел о том, что такой храм вообще существовал. Но теперь это всего лишь старые развалины... И прошу вас, называйте меня «отче», если угодно. Со словами «досточтимый» обращаются лишь к монсеньорам, а не к обычным священникам.

— Простите меня, досто... отче. Я никак не хотел вас оскорбить. Просто никто из вашей породы... прошу прощения... никто из клириков никогда не забредал в наш квартал и не выказывал к нам интереса. Я слышал о Дерини с тех пор, как прибыл в Гвиннед, но никогда еще не встречал ни одного из них лично. — Словно и не заметив, как вздрогнул Денис, старик невозмутимо продолжил: — Правда ли говорят, что вы умеете превращать воду в вино?

Холодный пот прошиб Арилана, и он почувствовал, как ряса прилипает к телу. Все эти годы он тщательно скрывал свою тайну, прятал ее от чужого глаза, а теперь небрежные слова какого-то незнакомца грозят ему разоблачением. Он попытался взять себя в руки.

— Вы не совсем правильно меня поняли. Священников-Дерини больше не существует. Им было запрещено принимать священный сан две сотни лет тому назад... в то же самое время, когда была уничтожена и эта церковь. Никаких священников-Дерини больше нет!

— Ну, конечно, конечно, теперь я понял, — закивал старик, без всякой убежденности в голосе.

Денис предпочел поскорее сменить тему разговора.

— Но скажите мне, почему вы считаете, что здесь нет никакой нужды в новой церкви?

— Да потому, досто... отче, что живут здесь в основном одни иудеи.

Кто такие эти иудеи? Где ему отыскать их?

Денис вознес молчаливую хвалу Господу, который направил его шаги в это время, в это место, к этому старику. Нарочито небрежным тоном, дабы не выдать овладевших им чувств, он заметил:

— Я и понятия не имел об этом. А вы сами, часом, не иудей?

Старик улыбнулся.

— Ну, собственно, да.

— Тогда скажите мне, если можно, известно ли вам что-нибудь об одной из ваших книг, называемых Талмудом?

Денис постарался не задерживать дыхание в ожидании ответа.

Но старик и не думал отвечать ему сразу. Вместо этого он пристально уставился на моло-

дого священника, стоявшего перед ним и безуспешно пытающегося скрыть свое нетерпение. Дела заставляли реббе Элиаса, портного, ежедневно общаться с гоями, но это был не совсем обычный гой.

И хотя в прошлом ему ни разу не доводилось сталкиваться со священниками, каким-то образом он почувствовал также, что это и не вполне обычный священник.

Портной прикрыл глаза и позволил себе на пару мгновений перейти в сферу внутреннего видения Йецирах, — каббалистический уровень, непосредственно над миром внешних чувств. Образ Арилана здесь по-прежнему являлся сильно замутненным, но он ощущал в нем большую силу, еще не до конца сформировавшуюся, не вполне осознающую самое себя, однако без всякой склонности ко злу.

Так чего же тогда желает эта сила?..

Реббе Элиас открыл глаза и спокойным, любезным тоном ответил Денису:

— Ну, отче, Талмуд... Талмуд — это ведь не одна книга, это целый свод законов, которым должны следовать иудеи. Никакого отношения к христианству. Зачем священнику изучать Талмуд?

В свою очередь Денис пристально уставился на собеседника. Ментальное прикосновение этого незнакомца было столь неуловимым, что он почти сумел убедить себя, что это ему лишь почудилось, но неким чутьем он угадывал, что этот

вопрос на самом деле является испытанием, и то, как он на него ответит, во многом определит его дальнейшую судьбу.

— Любое знание — это дар от Бога, — промолвил он. — Мы лишь временно пользуемся им, пока живем. Кроме того, никакая учеба не пропадает втуне.

Реббе Элиас кивнул сам себе. И вновь он закрыл глаза и посмотрел на священника. Тот по-прежнему таил свою силу, но он ощутил в его душе жажду знаний, стремление испытать из источника мудрости, и стремление это было неукротимым.

Такой человек никогда не обратит свои познания на дурные цели!

По-прежнему с закрытыми глазами, словно в состоянии глубокой задумчивости, он медленно произнес:

— Я не знаю, кто вы такой. Но вы явно не случайно оказались здесь. «Он исполнит желание тех, кто страшатся Его». — Последние слова были произнесены на иврите, и реббе Элиас улыбнулся, когда увидел, что Денис понял его. Открыв глаза, он продолжил: — Я вам скажу, что вы должны сделать. Идите по этой улице до ближайшего угла, затем сверните налево и идите прямо до тех пор, пока не наткнетесь на переулок, с одного края весь засыпанный разбитой черепицей. Там опять поверните налево и идите до четвертого дома по правую руку. Это дом раввина Кеффира. Он поможет вам найти то, чего вы ищете.

Ступайте с миром. Да благословит вас Господь в ваших поисках.

Арилан на мгновение отвернулся, чтобы взглянуть на церковь и попытаться справиться с волнением. Он и не надеялся, что ответ лежит так близко!

Какая жалость... час уже поздний, почти время вечернего богослужения. Хотя, разумеется, у священника куда больше свобод, нежели у простого семинариста, но все же на основных службах его присутствие считалось обязательным.

Придется ему выделить время, чтобы навестить этого раввина — Кеффир, кажется, его имя? — в какой-нибудь другой день.

Денис вновь обернулся, чтобы поблагодарить и проститься со стариком, но обнаружил, что тот уже растворился в толпе, так же быстро и внезапно, как появился. Бросив последний печальный взгляд на старую церковь, Денис уже совсем собрался было возвращаться в собор, когда вдруг на ум ему пришла еще одна неожиданная мысль.

Если это деринийская церковь, то в ней вполне может быть и Портал. Он знал и о других церковных Порталах, многие из которых располагались в самых удивительных местах; так, его брат Джамил поведал ему о Портале, находящемся прямо в ризнице собора, который мог оказаться весьма полезным, если когда-нибудь Арилану спешно понадобится спастись бегством, опасаясь за свою жизнь...

С совершенно независимым видом Денис прошелся вдоль внешней стены нефа к тому месту, где должен был располагаться алтарь. Там, среди развалин он обнаружил небольшую дверцу, что прежде вела либо в ризницу, либо в личные покои священника. С помощью обостренных чувств Дерини он тут же определил, что единственной преградой на пути является проржавевшая железная балка. А теперь, если он сможет приподнять ее хотя бы на пару дюймов...

Сосредоточив свою волю, Денис изо всех сил надавил на стальной брусок за дверями, толкая его вперед. Поскольку он очень давно не практиковался в этом искусстве, излишняя ретивость подвела его, и он не просто приподнял железный прут, но отшвырнул его к противоположной стене. Грохот раздался такой, что у Дениса едва не остановилось сердце.

Он испуганно обернулся по сторонам, отчаянно кляня себя за то, что не сделал этого прежде, но, по счастью, вокруг не оказалось ни души. Должно быть, старая церковь разрушалась уже столько лет, что соседи привыкли к периодически доносящемуся оттуда грохоту. Очень осторожно он приоткрыл дверь и, действительно, оказался в бывших жилых покоях. Его энтузиазм заметно поулегся после того, как он вволю надышался пыли и паутины, которых здесь было предостаточно.

Чихнув, Денис выплюнул набившуюся в рот

черную сажу. Пыль, скопившаяся за века, сыпалась на него со всех сторон, но он все же постарался оглядеться.

Даже в угасающем свете дня он видел, как сильно стены закопчены пожаром, и сквозь почерневший растрескавшийся алебастр проглядывали голые кирпичи. Здесь выгорело все, кроме дальнего угла помещения с остатками крыши, но над головой еще виднелись несущие балки, почерневшие от дыма и сажи. В сумеречном свете проглядывали очертания стен ризницы и остатки алтаря.

Если бы эти развалины не утратили изнутри всякое сходство с церковью, Арилан, возможно, не осмелился бы продолжать свои поиски, а так он лишь со вздохом собрал волю в кулак и двинулся дальше, осторожно нащупывая путь среди камней и обломков.

Он едва не пропустил изукрашенные резьбой плиты, которые указывали местоположение Портала, но внезапно ощутил слабое покалывание в ступнях и тут же устремил взгляд вниз. Опустившись на колени, он руками разгреб обуглившиеся остатки ковра и еще какой-то мусор, происхождение которого теперь уже было невозможно определить.

По мере того как мозаичный узор обнажался под его ладонями, Денис все сильнее ощущал энергию, исходящую от этого места. Проверив Портал в меру своих способностей, он не обнаружил там никакой ловушки или угрозы. Вероят-

но, церковь сгорела слишком быстро, или же рядом не оказалось ни одного Дерини, способного наложить скрывающие чары. Как бы там ни было, это действительно оказался Портал, некогда предназначенный для общего пользования, но теперь уже почти угасший. Однако он еще существовал!

Не задумываясь о возможных последствиях, молодой священник сконцентрировал свою внутреннюю энергию и насытил ею матрицу перехода. Внезапный толчок, исходивший от Портала, едва не оглушил его и не лишил чувств, воздействуя на жизненную силу. Лишь ценой огромных усилий он сумел освободиться.

Арилан, задыхаясь, рухнул на пол и там, в пыли, пролежал несколько минут, прежде чем сумел подняться на подгибающиеся ноги и через дверь ризницы выбрался на свежий воздух. Он привалился к стене старой церкви. Грудь его тяжело вздымалась, но постепенно дыхание вновь выравнивалось.

Он побрел по мощеным улицам назад, в собор, радуясь наступившей темноте, в которой был менее заметен его потрепанный вид и грязь на одежде. Должно быть, сейчас он куда больше похож на углежога, чем на священника...

К тому времени, как он добрался до собора, вечерняя служба уже закончилась. Незамеченным он проскользнул к себе в комнату и опустился на колени, вознося благодарственную молитву Богу. Живой и здоровый... слава Тебе, Господи.

* * *

Прошло несколько дней после его встречи с портным, и лишь теперь Денис сумел урвать время для посещения раввина, и то после вечерней службы, когда уже совсем стемнело. Он выяснил, что удача или благожелательный Господь оказались куда добрее к нему, чем он заслуживал. Иудейская община Ремута, хотя и немногочисленная, все же была самой большой в Гвиннеде, и лишь здесь у него имелся шанс отыскать знатока Талмуда. Все началось около сотни лет назад, когда первые иудеи-торговцы прибыли сюда с земель мавров. Им дозволили остаться и открыть здесь свои лавки, поскольку они везли на продажу специи и шелка; кроме того, различия между ними и христианами были не столь очевидны, пока Церковь была занята преследованиями Дерини. Шло время, за первыми поселенцами последовали их семьи, а также другие беглецы с юга, — немногие, кто слишком устал от горячей пустыни и готов был смириться со всем, с чем угодно, даже с зимним холодом и весенними ливнями, на которые так щедр Гвиннед.

Они, разумеется, не нуждались в священниках, и Денис сильно сомневался, что когда-либо прежде встречал иудея до того, как к нему подошел и обратился этот портной. Как отнесется их раввин к посещению священника? Хотя отношения между Церковью и местными иудеями всегда были в рамках вежливости, но с обеих сторон они сопровождались определен-

ной неловкостью; и те, и другие предпочитали без нужды не общаться с противоположной стороной.

Вот почему Денис предпочел нарядиться в обычную мирскую одежду. Позже, если все пойдет хорошо, он скажет раввину, что он священник, ибо тогда это уже не будет иметь никакого значения; тот либо примет его, либо нет. Его брат Джамил носил одежду почти того же размера, что и Денис, и ему уже случалось одалживать у того вещи. Более того, Денис прикинул, что вполне способен обойтись и тем, что уже имелось в его комнате. Штаны, сапоги, домотканая рубаша, плащ и наконец шапочка, которая скроет тонзуру... больше он ни в чем не нуждался. Где-то в глубине его души еще жил проказливый мальчишка, склонный ко всевозможным авантюрам, и именно этот мальчишка сейчас радовался предстоящему приключению, когда Денис выбрался за стены собора и вернулся к старой разрушенной церкви. Оттуда, припомнив указания, данные ему портным, он двинулся напрямик к обиталищу раввина Кеффира.

Сам по себе дом этот ничем не отличался от прочих зданий в иудейском квартале. В окнах свет не горел, но все же он поднялся по ступеням и постучал, а затем приготовился ждать. В окне мелькнул огонек, словно кто-то там шел, держа в руке свечу. Затем изнутри донесся голос:

— Уже закрыто, время позднее! Приносите сапоги завтра, я почию их поутру.

При чем тут сапоги?

— Я пришел не насчет обуви. Я... я ищу раввина.

— Так, значит, это вы сами нуждаетесь в починке? Ну что ж, для таких дел я открыт... всегда открыт. Подождите минутку.

Когда дверь распахнулась, Денис остолбенел. Подобно всем богобоязненным иудеям, раввин Кеффир никогда не брился, но, в отличие от многих из них, у него была не редкая неопрятная клочковатая бородка, а роскошная, ухоженная борода, ниспадавшая почти до пояса. Теперь она уже почти вся побелела, ибо раввин прожил на свете много долгих лет, и борода не скрывала его возраст. Его пальцы постоянно играли с длинными прядями, поглаживая их с любовью и привязанностью. До конца жизни Денис не забудет этого зрелища...

— Итак, чем я могу вам помочь?

Денис не мог ответить на этот вопрос напрямую.

— Я ничего не понимаю. Если вы раввин, то зачем хотите чинить мои сапоги?

Старик не мог скрыть усмешки.

— Так ведь и раввину нужно зарабатывать себе на жизнь, разве не так? Или вы думаете, что они платят мне за *bracha*?

Денис не привык слышать иврит в устной речи, и у него ушло несколько мгновений на то, чтобы вспомнить: это слово обозначает благословение.

Раввин заметил его колебания.

— Вы меня простите, что спрашиваю, но вы ведь не иудей, не так ли?

— Нет. Нет... Вас это беспокоит?

Раввин пожал плечами, — сложное телодвижение, при котором плечи его ушли назад, а борода, наоборот, выпятилась вперед. Густые брови, которые другому человеку вполне сошли бы вместо усов, удивленно приподнялись.

— Беспокоит? Нет, конечно, не беспокоит. Но... вы уж простите, что я говорю с вами так откровенно... Все-таки весьма странно видеть христианина, который явился ко мне со своими проблемами. У вас ведь для этого имеются свои собственные священники, вы знаете об этом? — Он опять помолчал, а затем, похоже, все же принял какое-то решение. — Ну что ж, входите, входите, я уж точно не смогу в этом разобраться, пока вы стоите одной ногой на улице. Заходите, присядем в кабинете и посмотрим, смогу ли я и в самом деле вам чем-нибудь помочь.

Арилан, совершенно ошеломленный, переступил порог и закрыл за собой дверь. Единственный свет в комнате, если не считать свечи в руке Кеффира, исходил из-под другой двери, ведущей вглубь дома, но даже при столь скудном освещении гость обнаружил, что и впрямь находится в мастерской сапожника, да еще и не слишком роскошной. Повсюду здесь были расставлены низенькие скамейки и валялись обрезки кожи, так что Денису пришлось аккуратно пробира-

ться среди этого нагромождения, следуя за старым раввином к дальней двери. Он до сих пор не мог убедить себя, что вся эта затея не была большой ошибкой. Чему он может научиться у человека, который зарабатывает на жизнь починкой сапог?

Задняя дверь вывела их в кухню, служившую одновременно и столовой, скудно обставленную, но весьма опрятную. Здесь оказалась жена старика. Она с удивлением воззрилась на Дениса, а затем приветливо улыбнулась, обнаружив, что ее супруг шествует следом.

— Эй, Гиттель, я тут привел юношу, у которого какие-то проблемы. Мы посидим у меня в кабинете. Ты согрей нам вина со специями, хорошо?

Гиттель ничего не сказала, но согласно кивнула и улыбнулась Арилану. Он попытался улыбнуться ей в ответ.

— А теперь, мой юный друг, пойдемте сюда, — раввин показал на открытую дверь слева и вновь жестом предложил Арилану следовать за ним. Там, на столе, стояла лампа, которую раввин зажег от своей свечи, после чего задул саму свечу.

Лампа горела ненамного ярче, и все же Арилан смог оглядеться по сторонам, — и с трудом сдержал изумленный возглас. Здесь было больше книг, чем он видел за все время своего обучения в семинарии! Дрожа с головы до ног, он подошел к одной из полок. Его пальцы бездумно по-

глаживали корешки толстых томов, обводя очертания букв, которые он с таким трудом учил много лет.

«Господи Иисусе, сколько книг! Может, он и впрямь способен мне помочь?»

С огромным трудом он заставил свое сердце биться ровнее, а дыхание успокоиться, но погасить восторженный блеск в глазах так и не сумел. Денис обернулся к раввину.

Старик наблюдал за ним с нарастающим изумлением:

— Да кто вы такой, наконец? И чего хотите от меня?

— Я...

— Вы ведь священник, верно? Из свиты архиепископа?

— Как... откуда вы это знаете? — Денис не на шутку перепугался. Как мог этот старик так быстро разгадать его?

«Боже правый, может, он знает и то, что я Дерини?»

— Ну же, успокойтесь, вы побелели, как полотно. Ничего страшного, что вы священник, знаете ли. Просто я не ожидал таких гостей. А насчет того, откуда мне это известно... Ну, среди вас, христиан, лишь священник способен распознать иврит, и если человек этим так зачарован, то значит, он достаточно умен, и ему самое место в свите архиепископа. Так что садитесь, и не надо смотреть на меня с таким огорченным видом. — Он повысил голос. — Гиттель! Неси же

скорее вино! Нашему юному другу пора выпить добрую кружечку!

Гиттель показала на пороге с кувшином в руке.

— Да успокойся, несучка! Ты же не думаешь всерьез, что стоит только взмахнуть рукой и закричать: «Вина!», как вино само по себе и появится. Ему еще нужно нагреться!

Она исчезла за дверями, но тут же вернулась с двумя полными кружками. Одну протянула с улыбкой Арилану, а затем другую — раввину. При этом она попыталась нахмурить брови, но улыбка все равно одержала верх.

— Только не засиживайся допоздна, ладно? — ласково попросила женщина. — У тебя был долгий день.

С этими словами она закрыла за собой дверь, оставив раввина и священника в одиночестве.

Арилан обхватил кружку руками, скорее чтобы согреть душу, нежели тело. Он глубоко вздохнул, а затем мало-помалу выпустил воздух из легких.

Когда он отчасти восстановил внутреннее равновесие, то отпил горячего вина. Все это время он ощущал на себе пристальный взгляд раввина, но старик ничего не говорил, а лишь дул в кружку, чтобы остудить вино, а затем также принялся потягивать его.

Так они сидели еще несколько минут, каждый занятый своими мыслями. Наконец раввин прервал молчание.

— Ну вот, теперь вам полегчало. Я не собирался вас пугать. А теперь скажите мне, юный друг... кстати, у вас есть имя?

Арилан растерянно заморгал, и улыбка появилась на его губах.

— Ну да, разумеется. Меня зовут Денис.

Не было никакой беды в этом признании: весьма распространенное имя.

— Ну что же, Денис... Точнее, я должен обращаться к вам отец Денис, верно? — Арилан кивнул. — А я раввин Кеффир. Кеффир означает «молодой лев» на иврите, но полагаю, вы это знаете и без меня? — В общем-то, это не было вопросом. — Мои родители питали на мой счет удивительные иллюзии, когда я родился. Разумеется, теперь я уже могу именоваться разве что старым львом, но гриву все еще сохранил, — все это время он, не переставая, поглаживал свою бороду, — а в эту пору жизни уже слишком поздно менять свое прозвание.

Денису с каждым мигом раввин нравился все больше и больше. Тот напоминал ему брата Меарада, с таким удивительным терпением относившегося к своему ученику. Он смущенно улыбнулся.

— Ну, вы знаете, монахи часто берут себе новое имя, когда приходят в монастырь. Старое имя они забывают, в знак того, что расстаются с прежней жизнью. Но мы, священники, обычно не делаем этого, и оставляем то имя, которым нарекли нас родители.

— Ах, да, священники... Но простите, не слишком ли вы молоды для священнослужителя?

Денис покраснел. Еще многие годы молодая внешность будет доставлять ему проблемы, пока наконец он не обретет вид зрелого и достойного ученого мужа. На миг он пожалел, что бороды давно вышли из моды, и эта мысль вновь заставила его улыбнуться. С запозданием он вспомнил, что так и не снял шапку, и теперь стянул ее с головы, обнажая тонзуру.

— Уверяю вас, я действительно священник. Может, я и впрямь молод, — на самом деле мне двадцать два года, — но наставники были довольны моими успехами и дали мне разрешение досрочно принести обеты. Я был должным образом посвящен в сан!

При этих словах он не сумел сдержать чуть заметной торжествующей улыбки... слишком живы еще в памяти были воспоминания об испытании мерашей.

Раввин также улыбнулся, хотя по его лицу это было сложнее определить: борода почти полностью скрывала губы.

— Хм, хм, наставники хорошо обучали вас, как я вижу. Мне доводилось общаться со здешними семинаристами, и многие из тамошних преподавателей — видные ученые. А вы, похоже, владеете ивритом куда в большей степени, чем это требуется вам для отправления службы. Так все же скажите мне, что привело священника к раввину?

Голос раввина ничуть не изменился при этом вопросе, но Денис вновь ощутил, что на ментальном уровне кто-то мягко, но уверенно пробует его защиты, — в точности как тогда, при встрече со старым иудеем у разрушенной церкви. И воскресив тот день в памяти, он осознал, что, как и тогда, ему поможет только полная искренность.

— Я случайно зашел сюда несколько дней назад... Мне еще не доводилось бывать в этой части города... и я встретил человека, который сказал, что мне следует увидеться с вами. Я не знаю его имени.

— Человек, вы говорите? И вы его совсем не знаете? Но почему этот человек послал вас ко мне? Может, вам лучше начать с самого начала? В Талмуде говорится... — Денис невольно дернулся, не успев сдержать свой порыв. — ...что начало — это всегда самое сложное. Но с другой стороны, ведь начало уже положено.

Раввин Кеффир откинулся на стуле и приготовился ждать, забыв об остывающей кружке вина, которую держал в руке. Другая рука по привычке обрела убежище в густой бороде. Вид длинных пальцев, раз за разом поглаживающих волнистые белые волосы, вверх и вниз, вверх и вниз, оказывал успокаивающее, почти гипнотическое воздействие на взволнованного священника. Он глубоко вздохнул и рассказал раввину обо всем: как он впервые услышал о Талмуде, о том, как сурово обошелся с ним отец Джоссет, и

как был добр к юному ученику брат Меарад, и о том, какое зачаровывающее воздействие всегда оказывала на него эта закрытая, недоступная область знаний. Он с трудом удержался от признания, что является Дерини...

Наконец Денис замолчал и, посмотрев на Кеффира, увидел, что тот улыбается.

— Денис, друг мой, вы хоть понимаете... имеете ли вы хоть малейшее представление, о чем вы меня просите? Даже для человека, у которого нет никаких иных занятий, изучение Талмуда может занять целую жизнь. Но ведь вы священник, у вас есть свои обязанности, свои начальники... — раввин Кеффир покачал головой, и Денис огорченно вздохнул. Он тоскливым взглядом окинул эту комнату и с каждой новой книгой, что попадалась ему на глаза, печаль его делалась все горше.

Он едва не пропустил мимо ушей следующие слова Кеффира:

— Но знаете ли, для вас совершенно обязательно овладевать Талмудом. На самом деле все, что вам в действительности нужно, это подружиться с ним. — Он помолчал, чтобы дать Денису время освоиться с этой новой мыслью, а затем проговорил: — А этого, мой юный друг священник, довольно, и более чем довольно на один день. Час нынче поздний, и хотя вы молоды, я, увы, уже слишком стар и нуждаюсь в отдыхе. И без того Гиттель будет ворчать на меня. Может, вы, священники и правильно делаете, что никог-

да не женитесь. — Но он говорил это с улыбкой, и Денис понял, что раввин шутит. Не было никаких сомнений в том, что Кеффир и Гиттель любят друг друга, и если он чуть-чуть и завидовал им, то лишь потому, что сам он был повенчан с Церковью, а когда Церковь гневалась, то любовь забывалась вмиг.

— Возможно, вы могли бы прийти в этот Шаббат — то есть в субботу, — после обеда?

Денис кивнул.

— Вот и славно. Очень хорошо. Тогда приходите. Я вас познакомлю, и вы сможете начать свою дружбу с Талмудом.

Вино, поздний час, напряжение, — все это ударило Денису в голову. С трудом удерживая зевок, он еще раз кивнул, и раввин Кеффир провел его через темную обувную лавку прямо на улицу. Он даже толком не помнил, как добрался до собора и вернулся к себе в комнату.

* * *

— Ну, так расскажите же мне, что такое Талмуд?

И вновь Денис со старцем сидели в кабинете раввина; яркий свет субботнего полудня озарял комнату сквозь единственное крохотное, плохо застекленное окно. Денис едва лишь успел присесть, и тут же от изумления чуть не подскочил вновь при столь неожиданном вопросе. А затем он расслабился, догадавшись, что это опять некое испытание, на сей раз уже не для того, что-

бы проверить, достоин ли он вообще обучения, но чтобы понять, с чего следует это обучение начинать.

— Мне говорили, что Талмуд — это записи споров, которые на протяжении многих столетий вели между собой раввины по вопросам законов... Что-то около тысячи лет, насколько я помню... может быть до восьмого века после рождения Христова.

— Ну, в общем, так оно и есть на самом деле, — согласился раввин, — хотя последние из записанных обсуждений, — это куда лучшее и подходящее слово, нежели споры, — скорее всего имело место около пятисотого года. Но Талмуд — это нечто большее, чем обсуждения или даже споры по поводу законов. «Талмуд» означает учение, и в подлинном смысле Талмуд — это наука о том, как следует жить и действовать в этом мире.

Это было не совсем то, чего ожидал Денис; тем не менее, за эти годы он повзрослел и возмужал. Теперь его волновал весь обширный мир вокруг, и интересовали знания ради себя самих, а не просто новые способы, как одержать верх в споре.

— Старик, что послал меня сюда, сказал, что в Талмуде содержатся все законы, которым должны следовать иудеи.

— И вновь это чистая правда. В Талмуде мы можем найти закон или, по крайней мере, совет относительно того, как действовать практически

в любой жизненной ситуации, как нам следует поступать и как поступать не следует. Это равным образом относится и к нашим взаимоотношениям с людьми, и ко взаимоотношениям с Богом. Мы ведь на самом деле не разделяем наши жизни на небесную и земную их часть. «Следует всегда жить во имя Неба», — процитировал он. — Позвольте привести вам один небольшой пример.

Он потянулся куда-то назад и с одной из полок достал книгу.

— Это малая часть Талмуда, именуемая *Baba Metziah*, одна из частей, посвященных законам о собственности. Как и почти весь Талмуд, написана она местами на иврите, но в основном на арамейском. Вы знаете, в чем состоит разница между ними?

Денис кивнул.

— Разумеется, я сам изучал лишь иврит, но монахи и священники мне всегда говорили, что арамейский от него отличается, хотя и не могли объяснить, чем именно.

— Арамейский был языком повседневного общения людей в те дни, когда создавался Талмуд. В ту пору иврит использовался в основном для молитв, и лишь образованные люди понимали его. Это напоминает то, как сегодня используют латынь. Итак, части Талмуда — основные положения закона, что мы именуем *Mischnah*, — написаны на иврите, в то время как дискуссии раввинов по вопросам этого закона — *Gemarah* —

большей частью используют разговорный язык, то есть именно арамейский, но оба этих языка достаточно близки между собой, чтобы вы могли ощутить их вкус.

И вновь раввин Кеффир уводил Дениса в сторону от искушения овладеть этим чуждым умением. Денис почувствовал это и ощутил разочарование, ведь он был полон решимости изучить все, что ему под силу.

«Даже если я никогда не смогу закончить учебу, то я мог бы — как он это назвал? — подружиться с Талмудом. Это уж всяко лучше, чем быть полным чужаком!»

— Вот, к примеру, первая строка сего трактата: *Shnayim ochzin b'tallis*, то есть два человека пришли в суд и принесли таллис — молитвенный коврик, что может означать любую одежду или иной предмет. Один утверждает: «Я нашел его», а другой говорит: «Я нашел его». Один говорит: «Он принадлежит мне», а другой возражает: «Он принадлежит мне». Итак, мы видим, что нет никаких доказательств правоты одного из них, нет никаких иных свидетельств, и потому закон велит нам сделать так, чтобы первый из них поклялся, что его доля не меньше половины, и второй также должен поклясться, что его доля не меньше половины, *v'yachluki*, и они делят его. Это означает, что они должны продать спорный предмет и разделить деньги между собой. Пока вы в состоянии понимать иврит, не так ли?

Денис во время чтения заметно притих.

— Я вполне разбираю слова, но большая часть смысла ускользает. Такое впечатление, что вы должны объяснять мне все через слово... и дальше будет так же?

Раввин негромко засмеялся.

— Боюсь, что дальше будет куда хуже. С этой части мы почти всегда начинаем, потому что ее легко истолковать. Но все равно должен найтись человек, который даст необходимые пояснения. Утверждают, что если хотя бы одно поколение не станет изучать Талмуд, то он будет навсегда утрачен, ибо после никто и никогда не сможет понять его вновь.

Он указал на полку у себя за спиной, где стояло около тридцати фолиантов.

— Видите эти книги? Каждая из них — том Талмуда. — Он начал наугад вытаскивать тяжелые тома. — Вот, к примеру, *Sanhedrin* — высшие судебные законы, а вот *Chullin* — чистая и нечистая еда. А, вот этот, должно быть, заинтересует вас — *Berrachot* — о природе и видах благословений, молитв и тому подобного. Есть и иные... Мое собрание далеко не полно. Подозреваю, что Талмуд целиком не собрать и по всему Гвиннеду, но мы справляемся. И все же, несмотря на его немалые размеры, Талмуд приходилось сокращать. Столько лет, столько людей, которым было, что сказать... а иудеи, знаете ли, любят поговорить. — Он сделал многозначительную паузу, и оба засмеялись.

— Теперь вы понимаете, каким образом мож-

но использовать Талмуд? Если двое людей придут ко мне как к судье и пожелают спросить совета: кому из них владеть некоей вещью, которую они нашли, то у меня есть способ и подсказка, как вынести правильное решение. В этом и заключается роль раввина: он судья общины.

— Ну да, конечно, — отозвался Арилан. — Это объясняет многие намеки, которые я встречал во время учебы. Со своей стороны, у нас имеется канонический закон, по которому мы живем, хотя, по-моему, он не настолько подробен, чтобы указывать, как делить найденную одежду. Но вы совершенно правы: думаю, меня куда больше заинтересовал бы том о благословениях... Мы можем коснуться этой темы?

— Несомненно. Все книги разнятся между собой и посвящены различным темам, а вам лучше всего отведать каждой из них понемногу. Итак, давайте начнем с *Berrachot* — с благословений. Мы считаем, что все исходит от Бога и, соответственно, когда мы используем нечто принадлежащее Богу, то должны благодарить его. Вот здесь, — раввин наугад раскрыл фолиант, — раздел, относящийся к благословению плодов. Мы видим, что разные плоды требуют разных благословений, и потому возникает первый вопрос: что отличает их между собой?

Вдвоем они склонили головы над страницей, заполненной рядами странных букв, соединявшихся в причудливые узоры. Один задавал вопросы, другой давал пояснения. В тот самый мо-

мент, когда угасающий свет заставил их сделать перерыв в занятиях, раздался стук в дверь, заставивший наставника и ученика, вздрогнув, вернуться к реальности.

— Кеффир! Уже очень поздно, а ты еще должен сотворить *Ma'ariv*! — это Гиттель звала своего супруга готовиться к вечерним молитвам.

— Как быстро пролетело время! Когда я был моложе, Шаббат длился для меня бесконечно. Мне казалось, вечер никогда не наступит. А сейчас я был бы только рад, если бы он стал вдвое длиннее... Вот видите, что возраст делает с нами, Денис? Послушайтесь моего совета: оставайтесь молодым. Проживете дольше.

— Кеффир!

— Ладно, ладно, еще минутку! Денис, вы придете на следующей неделе? Мы продолжим наши занятия.

Ни за что на свете Денис бы не упустил такой возможности.

* * *

Несколько месяцев миновали таким образом. Если кто-то из вышестоящих прелатов и обратил внимание на частые отлучки Арилана по субботам, то ему об этом ничего не сказали. Он старался не пропускать ни одной из важных церковных служб, а также посещал большую часть малых богослужений, но всякий раз, когда у него выдавалась такая возможность, он покидал дворец архиепископа через неприметную дверь в

библиотеке, чтобы его знакомые пребывали в уверенности, будто он поглощен учеными занятиями. Меньше всего Денису хотелось подвергать себя риску быть обнаруженным при использовании деринийского Портала.

Но то ли наконец относительно него возникли какие-то подозрения, — возможно, кто-то решил, что он встречается с женщиной, — или это было чистейшим совпадением, он так никогда и не узнал... но как-то раз по осени Дениса вызвали в кабинет архиепископа. Когда он опустился на колени, дабы поцеловать пастырский перстень на протянутой руке, то внешне казался совершенно спокоен, хотя внутри дрожал, как осинный лист.

— Сын мой, я только что получил послание от моего собрата, архиепископа Валоретского. Он сообщает, что нуждается в священнике, который бы взял на себя заботу о пастве в новом приходе, а у него нет ни единого человека на примете. Он попросил меня прислать ему кого-нибудь, и первым делом я подумал о вас.

— Обо мне, ваша милость?

Архиепископ улыбнулся.

— Да, Денис, о вас. Ваши познания существенно выросли с тех пор, как вы появились здесь, но мы решили, что вы нуждаетесь в том, чтобы расширить свой опыт и лучше познать реальный мир. Вы должны испытать на себе, что такое забота о пастве, научиться выслушивать их исповеди, решать проблемы, познать их души и

сердца. Опыт работы приходского священника сослужит вам в дальнейшем добрую службу. Согласны ли вы, отче?

В голосе епископа явственно звучали стальные нотки. Прелаты такого ранга не привыкли к отказу, в особенности когда их подчиненным предлагается шанс пойти на повышение. Денис прекрасно сознавал, что если он желает когда-нибудь подняться в церковной иерархии, то ответ может быть лишь один.

— Разумеется, ваша милость!

— Вот и отлично. Тогда ступайте к себе и собирайте вещи. Вы уедете завтра.

— Завтра, ваша милость?

— Да, да, завтра. И без того письмо из Валорета порядком задержалось, а его милость архиепископ Валоретский никогда не отличался долготерпением. Чем скорее вы попадете туда — с моим рекомендательным письмом, — тем будет лучше для вас.

Денис вздохнул, — постаравшись, чтобы это ускользнуло от внимания его собеседника, — и вновь преклонил колени.

— Как вам будет угодно, ваша милость.

Закружившись в водовороте сборов и прощаний, Денис не успел даже нацарапать записку раввину Кеффиру, чтобы объяснить происходящее. Ему и прежде случалось пропускать занятия, но он всегда ухитрялся известить об этом своего наставника, чтобы раввин не ожидал его втуне.

А у него по-прежнему оставалось так много вопросов!

* * *

Прибыв в Валорет, Арилан немедленно направился на поклон к своему новому покровителю. В дороге ему на ум пришла одна мысль: Джамил как-то говорил ему о том, что в Валорете имеется Портал, хотя откуда это было известно его брату, Денис не имел ни малейшего представления.

Воспользовавшись им, можно было попасть в старую деринийскую церковь рядом с домом Кеффира. С Божьей помощью и изрядной долей осторожности он по-прежнему сможет продолжать свои занятия...

В субботу Арилан поприсутствовал на богослужении, а затем попросил несколько часов свободного времени для уединенных размышлений. Архиепископ нахмурился: рано или поздно Арилану придется осознать, что жизнь приходского священника во многом отличается от мирного существования церковного ученого-схоласта, но все же отпустил Дениса. Проявляя чудеса осторожности и на ментальном уровне проверяя, чтобы вокруг не оказалось посторонних, Арилан пробрался в ризницу, где — если Господь ответит на его молитвы — должен был обнаружиться Портал. Вскоре он ощутил знакомое покалывание и понял, что Портал действительно существует и находится в рабочем состоянии. Он уже

приготовился к переносу, как вдруг внезапная мысль пронзила его:

«Развалины старой церкви должны быть пустынями, но что если кто-нибудь окажется здесь, когда я вернусь?»

Ризницей редко пользовались в часы, свободные от богослужений, но всегда оставался шанс, что в самый неподходящий момент сюда зайдет кто-то из священников или служек и заметит неладное.

В этот момент Денис уже готов был отказаться от своего замысла, но затем решил: если он сумеет появиться из Портала всего лишь на краткий миг, чтобы оглядеться по сторонам и тут же вернуться, то у него есть шанс остаться незамеченным и потом осуществить обычный перенос. Разумеется, это потребует невероятных затрат энергии, но он молод и полон сил, наделен быстрыми юношескими рефлексами и вскоре оправится. Чтобы потренироваться, он назначил себе испытание: перенестись в развалины церкви, осмотреться там и спустя мгновение вернуться в Валорет, а затем так же быстро — обратно в церковь. Создав в своем сознании необходимую установку, он претворил эту задумку в действительность.

Денису и впрямь удался этот подвиг: хотя и с большим трудом. Он едва удержался на ногах, чуть не рухнул на пол и долгое время не мог отдышаться.

«Да, конечно, я сумею сделать это, если понадо-

бится. Но от всей души надеюсь, что такой нужды не возникнет!»

Его душевное смятение, перемешанное с облегчением, было столь велико, что он не замечал ни грязи, ни паутины в старой церкви и, небрежно отряхнув пыль с одежды, вышел наружу через дверь ризницы.

В переулке он вновь задержался, чтобы восстановить дыхание, после чего быстро направился по знакомым улицам иудейского квартала к дому раввина Кеффира, где тот уже, как обычно, дожидался своего ученика.

— Денис! Заходи, заходи. А я почему-то сомневался, что ты появишься сегодня. Входи и садись.

С этими словами раввин провел его в свой кабинет. Но вместо того чтобы открыть трактат, над которым они корпели последние дни, Кеффир уселся на стул напротив Дениса и принялся внимательно его разглядывать. В душе Арилана нарастала тревога, и наконец Кеффир опустил глаза и тяжело вздохнул.

— Денис, Денис, друг мой... Я высоко ценю твою горячность, твою страсть к познаниям, но неужели ты не осознаешь, какому огромному риску подвергаешь себя? Он того не стоит. Ты знаешь, иудеи принимали смерть за Талмуд и за Тору, но у тебя нет никаких причин делать это. Я думаю, игра зашла слишком далеко, и ты должен немедленно ее прекратить.

Денис побледнел.

— Что... что вы имеете в виду? О каком риске вы говорите?

Кеффир вновь испустил вздох.

— Ты не заметил, что всего десять минут назад на улице шел дождь?

На сей раз у Дениса едва не остановилось сердце. Раввин заметил замешательство на его лице и продолжил:

— Ты пришел сюда и должен был идти от собора не меньше получаса под проливным дождем, однако ты не только не промок, но у тебя пыль на одежде! Ты что, способен проскальзывать между каплями? С другой стороны, если ты явился откуда-то из другого места, где никакого ливня не было, тогда, разумеется, твоя одежда должна была остаться сухой. Однако... — по привычке Кеффир заговорил певучим голосом, каким обычно толковал Талмуд, — как бы ты мог сделать это, если не благодаря магии? Магии Дерини? Я неплохо помню историю. Существовали некогда... врата? порталы?.. Да, Порталы... которые Дерини использовали, чтобы перемещаться из одного места в другое, и тогда они вполне способны пропустить дождь и даже его не заметить. А если эти Порталы хорошо спрятаны и их используют не слишком часто, тогда, разумеется, там вокруг будет полно пыли. Могу ли я предположить, что где-то здесь поблизости ты обнаружил именно такой Портал?

Денис мог лишь кивнуть в ответ.

— И, разумеется, я знаю, что Дерини не могут

становиться священниками, — по крайней мере, после Рамосского совета, так что ты, должно быть, один из тех очень немногих, очень особенных людей... И, вероятно, другие люди пожертвовали жизнью, чтобы ты смог оказаться там, где ты есть сейчас. Несомненно, ты погибнешь, если о твоей тайне станет известно. Нет, мой юный наивный друг, я, разумеется, польщен, но юношеская глупость — это не благо, это всего лишь обычная глупость. Ты и без того слишком сильно рискуешь, и тебе не нужен Талмуд, чтобы увеличить этот риск.

Он помолчал несколько минут, чтобы смысл его слов как следует дошел до ученика, а затем проговорил уже более ласковым тоном:

— Ну вот, ты опять удивлен. Я был бы рад попросить Гиттель согреть нам еще вина, как в первый раз, но сегодня Шаббат, и мы не можем разводить огонь. Может быть, поможет холодное вино?

Денис безмолвно кивнул, и раввин прошел на кухню, а затем вернулся оттуда с кувшином вина и двумя кружками. Двое мужчин вновь уселись друг напротив друга в полном молчании. Денис заставил себя отхлебнуть вина в ожидании, пока сердце его перестанет колотиться как безумное, и дыхание слегка успокоится.

Раввин по-прежнему внимательно наблюдал за ним, — он всегда пристально следил за Денисом, — и пальцы его, как обычно, поглаживали бороду.

— Вообще, это весьма любопытно. Интересно, сумел бы я научиться?.. Но, полагаю, для этого нужно родиться Дерини. Какая жалость...

Изумленный, Денис поднял глаза: никто из него знакомых никогда не выражал желания стать одним из «проклятых Дерини».

— Ну что, тебе уже лучше? Ты не хочешь рассказать мне об этом? Раз уж ты все равно здесь, нельзя допустить, чтобы ты потратил время впустую. Кстати, где же ты теперь оказался? Я надеюсь, что они отослали тебя из Ремута не из-за Талмуда?

— Нет... нет. На самом деле я даже получил повышение. Меня послали в Валорет, чтобы я набрался опыта как приходской священник. Само по себе это повышением не является, но Церковь всегда стремится заставить схоластов познать реальную жизнь, обычных людей... Только так священник может рассчитывать на повышение в церковной иерархии.

— А, так значит, они имеют на тебя большие виды. Меня это ничуть не удивляет. У тебя... перед тобой огромные возможности. — Денис покраснел от неожиданной похвалы. Он до сих пор не привык слышать такие вещи о себе, и ему это немало польстило. — Тогда это еще одна причина не рисковать понапрасну. Но расскажи мне, что же с самого начала заставило тебя бросить вызов церковным законам и стать священником?

Денис не сводил взгляда с вина, оставшегося

в кружке и продолжал потягивать его: это немного помогло ему прийти в себя. Раввин вновь потянулся за кувшином, а затем откинулся на спинку стула, внимательно слушая рассказ Дениса, который поведал ему обо всем, даже о тех вещах, которыми никогда не делился со своим братом. К тому времени, как он закончил рассказ, тени сделались совсем длинными; день подходил к концу.

— Да, все это просто поразительно, и то, что ты сделал, вызывает восхищение, но теперь я должен предупредить тебя вновь: не приходи сюда больше! Только не таким образом! Талмуд будет ждать тебя, помяни мое слово. Рано или поздно тебя пришлют обратно в Ремут, а Талмуд останется здесь. У тебя впереди много лет трудной работы, ты не должен бросать время на ветер!

Разумеется, он не стал говорить очевидных вещей: что он свято сохранит тайну Дениса. Как зачарованный, Арилан в последний раз последовал за раввином Кеффиром из его кабинета через лавку сапожника ко входной двери.

— Ступайте с миром, отче, и пусть Господь благословит и сохранит вас.

— Да благословит вас Бог, реббе.

Это было странное зрелище.

Если бы сейчас их увидел случайный прохожий, то был бы весьма удивлен: священник и раввин посреди улицы благословляли друг друга...

* * *

Прошло несколько лет. Арилан, став уже монсеньором, по-прежнему пребывал в Валорете, и многие говорили, что впереди его ждет епископская митра. Он сидел у себя в кабинете, когда неожиданно гонец постучал в его двери.

— Монсеньор Арилан?

— Да?

— Простите, что побеспокоил вас, досточтимый. У меня послание из Ремута.

Из Ремута? От архиепископа?

— Благодарю вас, сын мой. Давайте его сюда.

Когда человек ушел, Денис развернул пакет и с изумлением обнаружил внутри один из драгоценных томов Талмуда. К книге было приложено письмо, написанное дрожащей рукой.

«Дорогой монсеньор Арилан. Кеффир часто говорил о вашей тяге к знаниям. Он просил, чтобы я послала вам эту книгу как знак его вечной привязанности... и моей тоже. Гиттель».

О многих вещах в Талмуде не говорится в открытую. Истинный смысл скрывается не только в словах, но и между строк. Арилан понял: его старого друга и наставника больше нет на свете.

Шерон Хендерсон

Deo Volente¹

1107 год

Наш следующий рассказ — это еще один из тех, которые я, наверное, никогда не смогла бы так хорошо написать сама. Его автор, Шерон Хендерсон — одна из тех восхитительно талантливых писательниц, которых в будущем, несомненно, ждут профессиональные публикации и, подобно многим участникам нашего проекта, она глубоко заинтересовалась эпизодом, упомянутым в одном из романов о Дерини, который показался близок ее сердцу. Думаю, что будет лучше всего, если она своими словами расскажет о том, как появился на свет этот рассказ:

«По большей части эта история попросту «произошла» со мной, родившись на свет в непосредственной целостности. Однако в то время в моей жизни произошли два важных события.

Я брала уроки шотландского народного танца в группе, организованной в штате Вашингтон, и начала делать достаточные успехи, чтобы время от времени принимать участие в показательных выступлениях. Впервые в жизни я заинтересовалась шотландскими корнями своей семьи, коснулась собственного наследия и была потрясена тем, как быстро полюбила эти танцы и задорную музыку, сопровождающую их. Так что для меня

¹ © Sharon Henderson «Deo Volente», 2002

было вполне естественно разделить этот восторг с Дунканом и Марисой.

Второе событие имело еще более глубокое значение и, в некотором роде, его я разделяла с Дунканом Мак-Лейном с самых первых книг о Дерини. Еще в юношеские годы я ощутила духовное призвание, и как раз в этот период впервые познакомилась с произведениями Кэтрин. Дилемма Дункана, человека глубоко и искренне верующего, — явно самой судьбой предназначенного стать священником, и к тому же хорошим священником. Одновременно он сознавал, что он является одним из представителей «гонимой расы», — это означало, что он должен нарушить существующие законы и рисковать жизнью, дабы исполнить свою мечту. Скажу правду: ощущать себя Призванным, познать Источник этого Зова и стремиться ответить «*Adsum Domine!*» из самых глубин своей души, — это чувство было мне очень близким и понятным.

После того, как я прочитала о тайном, трагическом браке Дункана, я долгое время гадала, какой девушкой должна быть Мариса, чтобы внушить столь сильную любовь такому набожному юноше, и как тяжело, наверное, было Дункану в то лето, когда он разрывался между своим призванием и горячей, искренней любовью к Марисе, — не имея возможности обратиться за помощью ни к Аларику, ни к своему брату Кевину, от которого вполне мог бы ожидать помощи.

Чем больше я размышляла об этом, тем больше мне хотелось узнать все подробности той давней истории. И, наконец, как-то вечером я села за пишущую машинку, и эта история вылилась на бумагу почти сразу в своей законченной форме.

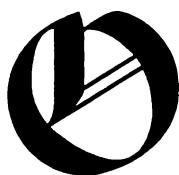
Возможно, когда-нибудь я отыщу ответ и на другой мучивший меня вопрос: почему же Дункан попросту не обратился за советом и подмогой к своей матери?

С той поры в моей жизни произошло много

нового. Я стала изучать немецкие народные танцы, — ибо это также мое наследие... и приняла сан священника. Какой же долгий и удивительный путь мы все прошли!»

Лучшая защита — это Божья защита.

Древняя гвинедская пословица.

Он стоял на коленях в полутемной часовне, и ему было холодно, очень холодно. Дункан Мак-Лейн пытался не принимать это за недобрый знак судьбы. Никогда доселе он не был настолько рассеян в своих молитвах. Прежде, всякий раз, когда он преклонял колени, дабы разделить секреты своей души с обожаемым Господом, Дункан ощущал ставшее уже привычным переживание, которое привык полагать уникальным для представителя расы Дерини. В этот восхитительный миг все телесные ощущения отступали перед сладостным и всепоглощающим величием божественного Присутствия. И все то время, пока он оставался погруженным в молитву, Дункан практически полностью терял всякий контакт с мирской реальностью.

Но сегодня, сколько бы он ни пытался, он не мог обрести в душе своей ни покоя, ни особого убежища. Именно в эту ночь, в противовес всем прочим, такое внутреннее беспокойство было дурным признаком. Не то чтобы ему и впрямь стоило чего-то опасаться, но все же...

Дункан устало возвел глаза к алтарю, слабо, почти призрачно мерцавшему в единственном источнике света, доступном в часовне, — это была одинокая свеча Дункана и рубиновое мерцание божественной лампы, — а затем покачал головой.

— Я не могу этого понять, — прошептал он. — Почему именно сейчас? Господи Иисусе, почему вообще такое происходит со мной?

Он не ожидал получить ответ, выраженный в словах или неких иных знаках, доступных ясному истолкованию, хотя порой Дерини и испытывали нечто подобное, изощренным образом используя при молитве свои магические способности, — да и сам Дункан порой прибегал к этому способу.

Но сейчас в глубине души он был рад, не получив в ответ ничего, кроме молчания и смутного ощущения, что кто-то готов благожелательно выслушать его. В сердце своем Дункан сомневался, что сейчас мог бы выдержать нечто большее.

— Они должны понять, — продолжил он, упираясь влажным от испарины лбом в ладони. — Если бы речь шла лишь о том, что мы двое в обычной жизни встретились и полюбили друг друга, мы не сделали бы ничего подобного... Ты это знаешь, Господи! Но все зашло слишком далеко. Настолько непоправимо далеко, что... что...

Дункан застыл. Снаружи часовни слышались шаги. Он смог перевести дух, лишь когда человек прошел мимо.

Это просто кто-то из стражников... Наверняка, это просто кто-то из стражников. Обычно в этот поздний час в замке Кулди все давно спали, и за покоем спящих следили лишь охранники, да еще дремлющие в небесах звезды, — но нынешняя ночь вовсе не была обычной. Тревога Дункана стремительно перерастала в панику. Что если кто-то обнаружит его здесь и велит отправляться в постель прежде, чем появится та, кого он так ждет, и они смогут завершить начатое? Весь дрожа от возбуждения и беспокойства, Дункан вернулся к молитвам... но вновь утратил нить своих размышлений, заслышав снаружи чужие голоса. Злые, сердитые голоса.

— Это просто оскорбительно, вот что я тебе скажу... Чертовская наглость!

— Он имеет на это право, Эндрю, — успокаивающим тоном возразил другой голос. В говорившем Дункан признал отцовского сенешаля, лорда Деверила, а первый — это, должно быть, Эндрю Мак-Фергус, капитан стражников, — как-никак, у них погиб человек... И не имеет никакого значения, даже если бы они оказались в самом сердце Наковальни Господней, где вокруг на много миль ни единой живой души... Они имеют право оплакивать своих мертвецов. И кроме того, его милость дал им разрешение.

— Так ведь уже скоро одиннадцать часов!

— Его милость дал им разрешение, — повторил Деверил, после чего уже менее сердечным тоном добавил: — Мне это тоже не слишком по душе.

— Вот и жаль, черт возьми, что мы не в самом сердце пустыни, — заявил Эндрю с недобрым смешком. — Может, поднялась бы песчаная буря и забила им все трубы. Вот и не было бы никаких забот!

«Как же для тебя все в жизни просто, мой друг, — подумал про себя Дункан. — Даже если бы никакие трубы и не звучали посреди ночи, это не убавило бы нам забот ни на йоту...»

Звуки шагов и голоса постепенно затихали, делались слабее и наконец угасли в окружающем безмолвии. Но скоро тишина вновь будет нарушена, по крайней мере, на какое-то время. Трубач клана Мак-Ардри был убит в драке с меарцами. Теперь он не сможет завершить обучение своего юного подмастерья, — крепкого паренька лет десяти, лишь недавно начавшего овладевать этим непростым искусством. Но каждый час с того момента, как члены клана вернулись нынче поутру, мальчик занимал свое место на стенах замка и с неохотного согласия Джарета Мак-Лейна трубил нескладную, душераздирающую песнь скорби в честь тана своего клана, юного Ардри Мак-Ардри. Тот погиб во цвете лет и был убит по ошибке (хотя его сородичи утверждали, что то было подлое намеренное убийство) в пьяной драке, разразившейся в таверне из-за какой служанки...

Не имело никакого значения, что Джаред, как всегда болезненно приверженный справедливости, велел судить провинившегося члена клана

Мак-Лейнов и казнить его на месте. Это не смягчило сердце Каулая Мак-Ардри. Весь день он с грозным видом топал по замку Кулди, бормоча многозначительные угрозы о кровной мести этим «проклятым выскочкам, ублюдкам и убийцам!» И с той, и с другой стороны люди были готовы забыть недолгое перемирие и вновь начать приграничную свару из-за любого пустяка. Уже и сейчас они при малейшей угрозе хватались за меч, и сержанты сбились с ног, пытаясь остановить ежечасно завязывающиеся поединки, — именно поэтому младший Мак-Лейн сейчас так отчаянно пытался молиться в часовне в ожидании полуночи... и отзвука шагов, куда более легких, нежели шаги Деверила и Эндрю.

Дункан, вновь закрыв лицо руками, с тревогой принялся ждать скорбного неумелого напева трубача. Всякий раз, когда он слышал этот звук, Дункан говорил себе, сколь это символично: именно таким сделался его некогда стройный и упорядоченный мир. Ныне его звучание расстроилось, все ноты перемешались, дыхание сбилось... И все он не терял надежды. Любовь способна излечивать любые горести, — по крайней мере, так всю жизнь учили Дункана. А теперь ему оставалось лишь уповать на то, что подобное чудо произойдет и в нынешних ужасающих обстоятельствах.

Но хотя он внутренне старался подготовиться к этому, Дункан все равно не смог удержаться и поморщился, когда скорбный призыв раздался

вновь, подобный визгу кота, которому наступили на хвост, — у несчастного подмастерья сей вопль заменял тот хрустально-прозрачный, трогательный за душу трубный глас, который способен извлечь из своего инструмента истинный мастер. С несколькими нотами мальчик справился вполне успешно, но затем пальцы его вновь запутались, он сбился с дыхания... И все равно Дункан сумел разобрать мелодию. Это был знакомый ему «Плач по владельцу Транши», написанный много лет назад в честь графа Мак-Ардри, горячо любимого своим народом. Этот воин давно стал легендой в Приграничье, и ему посвящали поэмы и молитвы.

Кто-то даже придумал танец в память о покойном графе Мак-Ардри, ибо тот, как видно, был человеком бодрым и неунывающим, — «Веселый Эйдан», так называли сей танец. Это была задорная пляска, прославлявшая полную наслаждений жизнь, которую вел владелец до своей героической гибели. Все Мак-Ардри обожали этот танец и исполняли его всякий раз, когда выдавался случай, — он начинался с торжественного, полного достоинства выхода, но затем быстро превращался в радостный, почти беспорядочный хоровод.

И здесь, в Кулди, разумеется, гости не могли удержаться от того, чтобы не представить на суд зрителей свою гордость. Неужто это и впрямь было всего несколько коротких месяцев назад, в начале лета, когда Каулай прибыл сюда со всем

семейством? Именно тогда и состоялся пир в честь их приезда, который должен был скрепить узы, связывавшие в Приграничье соседей, дружно противостоящих общему врагу...

«Их любимый танец стал и нашим танцем», — подумал Дункан, скорбя вместе с неумелым трубачом над давно покойным Траншайским владетелем, а также над погибшим в глупой драке Ардри и горюя о судьбе лишившейся кормильца семьи человека, который был назван убийцей... Также скорбел он и о собственной судьбе, и о судьбе Марисы Мак-Ардри, той девушки, с которой танцевал в самый первый вечер.

Воспоминания ввергли его в состояние грезящей мечтательности, словно таким образом он мог вернуть в памяти тот восхитительный день, когда впервые осознал, что в жизни есть нечто поважнее книг, чернильных перьев и ученых свитков. Краем уха прислушиваясь к напевам трубы, звучавшей снаружи и отсчитывая минуты, оставшиеся до полуночи, Дункан Мак-Лейн в молитвенном деринийском трансе перенесся на несколько недель назад и попытался воскресить в своих воспоминаниях это удивительное, восхитительное лето, события которого и привели его к нынешнему скорбному дню.

* * *

Кевин Мак-Лейн, юный граф Кирнийский, внезапно оказавшись рядом с братом, устало отфыркиваясь, рухнул на скамью.

— Ну что ты все копаешься в этой старой книжке? — воскликнул он, явно недоумевая, почему Дункан тратит свое время на столь очевидно бесполезное занятие. — Ты за весь вечер даже не двинулся с места!

— Ну, как же не двинулся, — мягким тоном возразил Дункан. Он улыбнулся, и голубые глаза его блеснули в полумраке при виде растрепавшейся шевелюры брата. — Я танцевал с матушкой и Бронвин. Ты просто этого не заметил. И кроме того, я дважды выходил подышать свежим воздухом.

— Ну да, конечно! Наверное, именно так ты себе и представляешь настоящее веселье! — задорно поддразнил его Кевин. Вывернув шею, он заглянул Дункану через плечо, пытаясь разобрать буквы, начертанные аккуратным мелким почерком. — Должно быть, очень интересная книга?

— К сожалению, нет, — вздохнул Дункан. — Мне лично никогда не нравился Ливий, хотя некоторые, возможно, и сочли бы меня пресыщенным. Что касается латыни, то, по моему скромному мнению, его стиль не так уж и хорош. Но тем не менее, рано или поздно мне все равно пришлось бы его прочесть, так что уж лучше разделиться с этим сейчас и забыть навсегда. — Он вложил между страниц шагреневую закладку и закрыл фолиант, после чего вновь обернулся к брату. — Зато ты, похоже, развлекаешься вовсю.

— Я просто выдохся, — со счастливым видом объявил брат. — Может, Мак-Ардри и живут в

каком-то жутком захолустье, но уж веселиться они точно умеют на славу.

Дункан закатил глаза к потолку. Порой он не уставал поражаться, откуда его братец нахватался мыслей, убедивших его в превосходстве клана Мак-Лейнов над всеми прочими. Разумеется, их клан был гордым и многочисленным, с большими владениями и родственными связями среди множества знатных семей Одиннадцати Королевств, однако герцог Джаред никогда не кичился этим и проявлял вдвое больше понимания и втрое больше дипломатичности в подобных вопросах, нежели его старший сын и наследник.

— Уверен, они были бы чрезвычайно польщены, узнав, что ваша милость о них столь высокого мнения, — пробормотал Дункан, лукаво подмигивая брату. — Кевин, с такой гордыней ты точно будешь гореть в аду.

— О, да будет тебе! — возразил Кевин, шутиливо толкая его в плечо. — Я совершенно безобиден. И Господь Бог знает это не хуже, чем ты сам. Кроме того, когда станешь священником, ты можешь отмолить мои грехи и избавить от чистилища.

Подняв бровь, Дункан предпочел сохранить молчание, ответив Кевину лишь доброй улыбкой. Вообще-то, сейчас, на исходе весны ему надлежало бы по-прежнему находиться в школе и готовиться к экзаменам, которые, как он надеялся, должны были заслужить ему место в знаменитом Грекотском университете, но после долгой

оживленной беседы с наставниками и откровенного обсуждения некоторых жизненных фактов, касавшихся Дерини, — как секретных, так и не очень, — с неким герцогом в Ремуте, Дункан решил на время взять передышку и предаться отрезвляющим раздумьям о собственном будущем. Он уже не так сильно, как прежде, был уверен, что и впрямь сумеет влиться в ряды служителей Святой Церкви.

— По крайней мере, я попытаюсь, — промолвил он наконец, напуская на себя утомленный вид человека не от мира сего. — И все равно, тебе за многое придется держать ответ на том свете.

— Ах ты, глупый святоша! — пробормотал Кевин, опрокидывая младшего брата со скамьи на пол. Превосходя того и физической силой, и габаритами, он сумел пригвоздить Дункана к стене. — А ну-ка, проси пощады! — потребовал он.

Дункан со смехом сдался и был отпущен на свободу. В то время, как они поднимались на ноги и отряхивали одежду, двое юных Мак-Лейнов внезапно осознали, что кто-то поблизости со снисходительной усмешкой наблюдает за ними.

— Я так надеялась, что кто-нибудь хоть немного развеселит тебя, милый, — негромко промолвила герцогиня Вира Мак-Лейн, присоединяясь к сыновьям, чтобы вытащить соломинки из каштановой шевелюры Кевина и расправить на плече у Дункана помявшийся плед. — Хотя должна признать, я имела в виду более мирные забавы!

— Ну, я бы не стал сворачивать ему шею, ма-

тушка, — невинно распахнув глаза, заявил Кевин. Но тут же этому наивному выражению пришла на смену лукавая улыбка, которой он приветствовал мачеху, воспитавшую его с младенческого возраста и подарившая Дункана... брата, о котором любой мужчина мог только мечтать. — Я просто не мог больше смотреть, как он сидит тут у огня и листает страницы вместо того, чтобы танцевать и веселиться вместе со всеми!

— И я тоже, мой дорогой, — отозвалась Вира. — Дункан, твой отец хотел бы, чтобы сегодня вечером ты помог нам развлекать гостей из клана Мак-Ардри. Раз уж ты не отправляешься с ними в поход послезавтра, то хотя бы дома тебе придется взять на себя некоторые обязанности. Так что не надейся провести все лето, забившись в берлогу, со своим любимым Ливием подмышкой.

Дункан неприязненно покосился на закрытый фолиант.

— Светоний! — он с мольбой вскинул руки и возвел очи горе. — Ну почему это не мог быть Светоний?

— А почему бы и не Марциал?! — поддержал его Кевин. — Его стихи куда забавнее всех этих исторических заметок... Ну же, братец, пойдем. Наверняка там, среди этих дикарей, где-нибудь скрывается симпатичная девчушка, а ты ведь еще все-таки не священник!

Дункан обреченно последовал за братом, подталкивающим его по направлению к центру за-

ла, и лишь однажды обернулся через плечо, чтобы взглянуть на мать. Вира только кивнула ему, прекрасно понимая все то, что сын оставил недосказанным, — все то, в чем он не признался бы никому, если не считать добросердечного и снисходительного отца, который искренне пытался понять сына, но все же был лишь обычным человеком... и матери-Дерини, которая понимала его слишком хорошо.

«Все в порядке, мой милый, — мысленно прошептала она Дункану. — За лето мы с этим разберемся. А пока просто иди и развлекайся!»

Пожав плечами, Дункан ускорил шаг. Развлекаться — это будет не так просто. Он стократно предпочел бы оказаться сейчас в Ремуте, вместе со своим кузеном Алариком Морганом, который также был Дерини, а недавно сделался герцогом Корвинским. Но младший сын герцога Кассанского не имел никакого права находиться при дворе, когда сам Джаред отсутствовал в столице.

— А, вот вы где! — бодро воскликнул Джаред, когда Кевин подвел Дункана к помосту, на котором в пышном окружении восседали главы двух кланов, герцог Кассанский и Каулай Мак-Ардри, граф Транши. — Я уж думал, ты там помер где-нибудь в углу и приготовился заказать панихиду.

— Отец, я не хотел никого обидеть, — любезно промолвил Дункан, вовремя отступив, чтобы локоть Кевина не угодил ему под ребра, и сумев

при этом отвесить отцу почтительный сыновний поклон. — Не сердитесь, что я отвлекся ненадолго. Я читал Ливия.

— О Боже правый, — проворчал Каулай Мак-Ардри. — Разве это подходящее занятие для паренька твоих лет? Надеюсь, ты не потащишь эти книги с собой, когда мы отправимся в военный поход?

Дункан покосился на Джареда, и герцог чуть заметно кивнул. Получив разрешение на прямую заговорить с графом, Дункан поклонился Каулаю.

— Боюсь, что я не смогу сопровождать вас в этой военной кампании, милорд, — пояснил он, — поэтому дома останутся не только мои книги, но и я сам.

— Не поедешь с нами?! — Каулай нагнулся вперед, со смущающей прямоотой разглядывая Дункана. — О, ах, да, я и позабыл, ты ведь тот самый мальчишка, что хочет стать священником. Ну что ж, славное призвание... Может, больше подходит для тихонь, но все равно неплохо.

— Если Господь желает, чтобы я стал священником, сударь, то я постараюсь по мере сил исполнить Его волю, — негромко ответил Дункан.

— Вот и отлично! Ну, а пока ты можешь и исполнить свою волю тоже! — и граф во все горло расхохотался. Дункан подумал про себя, что никогда еще не видел человека столь полного жизненной энергии. Он был таким огромным и веселым, что напоминал персонажа из детских

сказок. — Тут будут танцы, паренек, а сын Мак-Лейна, даже если он собрался стать священником, не должен прятаться за древними книжками, куда еще играет музыка и хорошенькие девчонки скучают без кавалеров!

Граф Каулай поднялся с кресла и одним широким шагом перемахнул все три ступени, ведущие с помоста в зал. Взяв Дункана за руку, он подвел молодого человека к небольшой группе женщин, собравшихся на том конце стола, где были расставлены сласти.

— Красотки мои, я тут привел вам славного паренька! — объявил граф, в то время как Дункан, обернувшись через плечо, с обреченным видом улыбался отцу. Джаред поприветствовал его, подняв свой кубок, без слов приказывая сыну взять на себя обязанности гостеприимного хозяина, которые затем Дункану придется исполнять все лето, в отсутствие отца и старшего наследника. — Поскольку ни одна из девушек клана Мак-Ардри не должна оставаться в одиночестве, пока танцуют «Веселого Эйдана», то этого юного Мак-Лейна я препоручаю собственной дочери. А вы, дамы, позаботьтесь о себе сами и найдите кавалеров среди его родичей!

Девушки, смущенно хихикая, принялись перешептываться и разбежались, повинувшись приказу графа. Раскрасневшийся Дункан согнулся под гнетом руки Каулая Мак-Ардри, всем своим весом опершегося ему на плечо. Лишь сейчас он разглядел перед собой очаровательную, скром-

ную девушку, с которой их познакомили сегодня днем. Та улыбнулась, сочувствуя незавидному положению, в котором оказался Дункан, но одновременно и не скрывая своего удовольствия при мысли, что сможет потанцевать с кем-то еще, кроме братьев и кузенов.

— Ее зовут Мариса, — представил Каулай, подталкивая Дункана ближе, — а его — Дункан, — объявил он дочери.

Дункан приветственно поклонился, и серебро-волосая девушка с любезным и серьезным видом присела в ответном поклоне, а Каулай уже вернулся и громогласно принялся отдавать приказы музыкантам.

— А дети пусть ведут танец! — закончил он, не обращая ни малейшего внимания на взгляды, которыми Дункан с Марисой обменялись у него за спиной.

— Вы когда-нибудь танцевали прежде «Веселого Эйдана»? — нежным шепотом, который почему-то напомнил ему перезвон церковных колоколов, обратилась к Дункану Мариса Мак-Ардри.

Сглотнув застрявший в горле комок, он покачал головой.

— Нет, боюсь, что нет, леди Мариса, — столь же церемонно отозвался он. — Но поскольку ваш досточтимый батюшка велел нам возглавить танец, то, возможно, вы могли бы описать мне основные движения?

— Ну, разумеется, — Мариса заговорщицки улыбнулась, и Дункан, взяв ее за руку, повел де-

вушку на площадку для танцев, поближе к музыкантам, откуда и полагалось начинать движения паре, открывающей танец. — По-моему, он вознамерился подшутить над вами, но я не сомневаюсь, что мы его переиграем... Я же видела, как вы танцевали с вашим кузеном, милорд. Не теряйте уверенности в себе.

Дункан кивнул, но промолчал, поскольку ни одной умной мысли на ум ему, как назло, не приходило. Он был неплохим танцором, — ведь ощущал в душе призвание стать священником, но отнюдь не монахом-затворником, — а фигуры в танцах в основном всегда повторялись и были прекрасно ему известны. Мариса в точности указала ему, что их ждет впереди и, отсчитывая такт, он уже заранее смог представить себе этот незнакомый танец. Когда заиграла музыка и партнеры поклонились друг другу в начальном реверансе, Дункан без колебаний сделал шаг вперед и принял ее руку...

«Она была легкая, как перышко, — подумал Дункан с печальной улыбкой, невидящим взором глядя на распятие над алтарем. — Вдвоем мы являли собой истинное совершенство, словно зеркала, в точности отражавшие друг друга... Ни разу не сбились с шага, ни разу не утратили ритм...»

Граф Каулай во всеуслышанье похвалил его исполнение, хотя, должно быть, досадовал в душе, что клан Мак-Ардри в своем излюбленном танце не смог превзойти Мак-Лейнов.

«И еще трижды мы танцевали в тот вечер... А затем праздник закончился, и я мог только злиться, что потерял впустую столько времени, просяживая над Ливием... этим ограниченным, полным предрассудков Ливием!»

Вполсилы он ударил кулаком по ограждению алтаря, но на губах его по-прежнему играла улыбка, а взор лучился отраженным золотом алтарного креста.

«Ее отец сам свел нас вместе, — думал он. — Мы были созданы друг для друга, родились для того, чтобы помочь нашим семьям преодолеть все разногласия и навсегда соединить их в родстве и дружбе. Я знаю это совершенно точно. И ведь брак также может быть формой служения Господу. Он обладает собственной святостью — приверженностью миру, друг другу, служению в любви и покорности до конца дней своих. Мы даже могли бы назвать нашего первого сына Ардри в честь ее бедного глупого брата, и тогда умерший вновь ожил бы...»

Снаружи запинаящийся проигрыш трубы наконец прекратился. Дункан заставил себя встряхнуться, возвращаясь мыслями к реальности и прислушиваясь, не раздадутся ли снаружи легкие шаги Марисы, — ибо именно ее он дожидался сейчас в пустынной часовне. Время близилось к полуночи. Именно в этот час они договорились встретиться здесь. Дункан точно не знал, сколько времени прошло, но дожидался ее уже, казалось, целую вечность.

Когда она появится, нужно будет сделать все очень быстро. Отец Ансельм, помощник капеллана Мак-Лейнов, отца Моргана, появится вскоре после полуночи, чтобы отслужить заутреню, а затем и весь дом начнет просыпаться, ибо граф Каулай во всеуслышанье объявил, что они не останутся под крышей Джареда Мак-Лейна ни на миг дольше положенного. Поэтому они уедут, все до единого, и Мариса... даже после того, что они сделают сегодня с Дунканом. Но позже еще будет время известить оба семейства о свершившемся нынешней ночью...

Несмотря на усталость, Дункан заставил себя выпрямиться и застыть в почтительной позе. Он не должен пренебрегать молитвами...

— Отец наш Небесный, — прошептал он, вновь воззрившись на алтарь, — прости нас за этот обман. Но нам больше не к кому обратиться, кроме Тебя! Никто больше не желает слушать нас... Никто не хочет понять!

Сунув руку под рубаху, он достал маленькое серебряное распятие, которое всегда носил на груди, и при этом случайно оцарапал тыльную сторону ладони об застежку броши в форме львиной головы, которая скрепляла плед у него на плече. Игла резко кольнула руку, и он прикусил нижнюю губу, расправляя яркий тартан, а затем с силой сжал в пальцах нательный крестик.

Эту брошь Дункан собирался подарить Марисе в залог их любви. Если бы мир внезапно не обезумел и они могли бы во всеуслышанье

объявить о своей любви, то он предпочел бы подарить ей фамильный перстень Мак-Лейнов, который носил на мизинце левой руки, — но сейчас придется обойтись памятной, но все же не столь приметной брошью. Ее Мариса сможет носить в знак их тайного супружества с куда меньшей опаской, нежели кольцо с гербом Мак-Лейнов. Однако рано или поздно придет время и для него...

Думая о своей броши и о том значении, которое она неожиданно приняла для него, Дункан невольно вновь обратился мыслями к прошлому, и пьянящие воспоминания вскружили ему голову, — воспоминания, которые он старался подавить весь этот ужасный, тягостный день с того самого мига, как на рассвете оба клана, переругиваясь и то и дело хватаясь за оружие, вернулись в замок после ночного происшествия. Продолжая молиться в темной часовне, краем уха прислушиваясь, не раздадутся ли желанные шаги возлюбленной, Дункан со всей страстью отдался восхитительным воспоминаниям, в которых таилось столько сладости и боли...

* * *

Предполагалось, что он должен быть сейчас поглощен чтением, выполняя задания, данные ему наставниками на то время, пока Дункан размышляет о своем будущем. Со своей стороны, Марисе полагалось вышивать, укладывая один за другим аккуратные стежки, которыми она укра-

шала его рубаху. В какой-то мере, именно этим они и были заняты сейчас, — но на самом деле, серьезные занятия являлись лишь уловкой, ибо они то и дело исподволь бросали друг на друга нежные взгляды.

Встретившись глазами, оба заливались смущенным смехом, что позволили себя вот так поймать, и вновь пытались вернуться к работе, но это было сложно, так сложно... Под теплым весенним солнышком, на поляне в Ордуинском лесу, после восхитительного завтрака на траве и беготни на свежем воздухе невозможно было даже представить себе иного занятия, кроме как грезить друг о друге.

Спустя какое-то время Дункан окончательно перестал притворяться, будто сосредоточен на чтении. Перевернувшись на живот у ног Марисы, чуть поодаль от нее, он уложил подбородок на скрещенные руки и уставился на девушку, любуясь ее трудолюбием. Игла сноровисто, с выверенной точностью сновала вверх-вниз сквозь тонкое полотно, всякий раз издавая едва слышный глухой щелчок, по мере того как вырастал затейливый узор. Сонные львы Мак-Лейнов, вышитые коричневым шелком, не жились среди переплетенных зеленых и лазурных лоз, кое-где подчеркнутых серебром и украшенных кассанскими розами.

Однако отнюдь не затейливая вышивка так привлекала взоры Дункана. Он уже видел ее, восхитился и заявил, что ждет не дождется того дня,

когда сможет примерить обновку. Но сейчас его куда больше интересовала сама Мариса, восхитительная, подобная творению самого искусного мастера.

Он решил, что никогда еще не видел ее столь прекрасной... несмотря даже на мальчишеский наряд, который она предпочла сегодня, чтобы удобней было скакать верхом, — из этих вещей Дункан вырос еще прошлым летом. На самом деле, росту в нем прибавилось всего на ладонь по сравнению с тем временем, когда он носил эту тунику, куртку и штаны, но грудь его стала шире, и плечи окрепли, так что госпожа матушка, суровым взором окинув сына, почти весь его гардероб отправила в сундуки и вновь призвала на помощь портного.

Впрочем, девицам благородного рождения не привыкать было носить мальчишеские обноски. Кузина Дункана, Бронвин Морган, порой и сама рылась в залежах вещей, из которых выросли ее двоюродные братья и которую еще не успели раздать бедным, прихватывая для себя то какую-то одежду Дункана, то даже Кевина, — но Дункан не мог припомнить, чтобы она так хорошо смотрелась в мужском наряде. Нет, конечно, она была очень мила... Но все же не так восхитительна, как Мариса, — даже с серебристыми волосами, перехваченными ленточкой за спиной, чтобы не растрепались на ветру и не мешали работе.

— А я думала, ты читаешь, — шепнула Мариса, оторвав взгляд от вышивания... и все же она из-

бегала смотреть на молодого человека, распростершегося у ее ног.

Дункан широко улыбнулся.

— А я, и правда, читаю. Читаю самую восхитительную поэзию, какая только существует на свете. Тебе кажется, что я смотрю на тебя, но на самом деле я вижу перед собой столь изысканные стихи, что сам лорд Ллевеллин был бы счастлив положить их на музыку. Скажи, за последние пять минут я уже говорил, что люблю тебя?

— О, — смутилась она, устремляя на него застенчивый взор. — Ты совершенно невозможен.

— Вероятно, — кивнул он, признавая очевидное. — Скорее всего, ты права. Но если я невозможен, то ты просто невероятна. Я говорю чистую правду. Ты самая чудесная, восхитительная девушка, какую я знаю. Я дожидаться не могу, чтобы наши отцы вернулись домой и мы смогли бы наконец пожениться.

— И все же подождать придется, — напомнила она, раскрасневшись от изысканных комплиментов.

Что-то в ее смущении тронуло Дункана куда сильнее, чем он мог себе представить, и беззаботная улыбка растаяла на губах, уступив место созерцательному настрою. Он любовался Марисой, ее бледной, сияющей, розоватой кожей, от лба до самого изгиба груди, лишь слегка прикрытой расстегнутым воротом рубахи. Осознав, куда устремлен его взгляд, девушка покраснела еще сильнее.

— Дункан... — начала она, но тут же запнулась и в свою очередь уставилась на него.

Что-то странное было в лице юноши, в его широко распахнутых голубых глазах, светившихся любовью, в задумчивой улыбке на чуть приоткрытых губах, — словно он вот-вот заговорит и скажет нечто... нечто такое, что останется в душе Марисы самым драгоценнейшим воспоминанием до конца ее жизни.

— Дункан? — повторила она. — О чем ты думаешь?

— Я думал о том, как люблю слушать твой голос, — промолвил он негромко и подвинулся, чтобы сесть с ней рядом, почти касаясь девушки плечом. — Твой приграничный выговор звучит так чудесно... Ты прекрасна вся, с ног до головы, и я люблю тебя всю целиком! Ты знаешь это?

Она улыбнулась его восторгу и, склонив голову, вернулась к вышиванию.

— А о чем ты думаешь сейчас?

Он выразительно взмахнул руками.

— Я бы хотел, чтобы лето никогда не кончалось! Тогда мы могли бы все дни проводить точно так же, как сегодня.

— Если лето не кончится, — возразила практичная Мариса, — то наши отцы никогда не вернутся домой из Меары... И мы так и не сможем пожениться.

— Мы могли бы во всем признаться матерям, — заметил он, вновь переворачиваясь на спину и укладывая голову ей на колени, мешая

вышивать. Затем улыбнулся, смущенный собственной дерзостью. — Но, должно быть, ты совершенно права. Матушкам позволено сочувствовать и давать советы, но решать должны отцы.

— Так ты согласен подождать?

— А разве у меня есть выбор? — Чуть приподнявшись, Дункан взял руку Марисы в свои и поцеловал ладонь. Она ощутила тепло его дыхания на своей коже и с улыбкой склонилась, чтобы поцелуем растрепать его каштановые кудри.

— Хочешь ты того или нет, — прошептала она, — но боюсь, что потерпеть придется.

Дункан с преувеличенно горестным вздохом откинулся назад, уютно пристраивая голову у девушки на коленях.

— Мариса...

— Да, мой дорогой?

— Я бы хотел иметь дочь, точь-в-точь такую же, как ты, — промолвил он, вновь погружаясь в мечты, которым столь часто предавался в последнее время. — Ты согласна подарить мне ее? Подарить мне славную маленькую дочурку, которая будет так похожа на свою мать?

— Как только поженимся, — пообещала она. — Я сделаю все, что смогу, дабы подарить тебе дочь. Но когда она повзрослеет и найдет себе мужа, — разумеется, ты сам выберешь его, а я одобрю твой выбор, — ты будешь чувствовать себя одиноким и возненавидишь мужчину, который заберет ее от нас, даже если он будет славным и милым юношей.

— Вот уж глупости! — фыркнул Дункан. — Никуда он ее не заберет. Я подарю им замок по соседству.

— Это было бы славно. А как насчет сыновей? Разве ты не хочешь иметь сыновей? Большинство мужчин только об этом и мечтают.

— Конечно, и я тоже, — подтвердил Дункан. — Я хочу много сыновей. Ты, должно быть, уже заметила, что в клане Мак-Лейнов не хватает мужчин.

— Тебя мне больше чем достаточно, — возразила Мариса, целуя его в лоб.

— А вот за это большое спасибо, — засмеялся Дункан. — Но боюсь, что господин мой батюшка позволил бы себе почтительно не согласиться с тобой. — Он широко раскинул руки, словно надеялся, что сможет одними лишь своими словами заполнить всю поляну вокруг них потомками Мак-Лейнов. — Мой отец сам был единственным сыном, равно как дед и прадед в своих поколениях. А теперь есть только Кевин и я. Вряд ли нас можно назвать большим кланом.

Взгляд Марисы сделался серьезным, и широко раскрытыми янтарными глазами она взглянула на Дункана.

— Если бы ты стал священником, то только Кевин мог бы жениться и произвести на свет сыновей, — прошептала она. — О, Дункан... Ты твердо уверен, что не пожалеешь об этом?

Он сел, сжимая ее в объятиях. Лицо его сделалось серьезным.

— Я уже говорил тебе, Мариса, что и без того сомневался, ступаю ли я на правильный путь, пожелав принять сан священника. Это было еще до нашей встречи с тобой. В конце концов, ведь законы Церкви запрещают рукоположение Дерини... даже если призвание очень сильное. И даже если эти законы несправедливы, все равно я был бы неправ, нарушая их. В общем, кесарю кесарево... так, наверное.

— А если бы мы все же не встретились? — продолжала она настаивать, положив голову ему на плечо. — Что тогда? Нарушил бы ты закон или все же почтил кесаря?

Дункан улыбнулся столь обтекаемой формулировке.

— Наверное, все же решился бы нарушить, — признал он. — Трудно сказать в точности, когда я впервые ощутил это, но, кажется, призвание было со мной всегда. Одному Господу известно, сколько Дерини за эти годы нарушили закон и сохранили свою тайну... И лишь один Бог может сказать, совершили ли они грех, сделав это. Церковь, конечно, именно так и считает, и они многих из нас сожгли за то, что мы думали иначе. Но теперь ты здесь, и мы скоро поженимся, так что я больше не боюсь согрешить.

— А ты думаешь, они бы тебя обнаружили... епископы и все прочие?

Он пожал плечами.

— Кто знает? Такие вещи нельзя скрывать до конца жизни. По крайней мере, мне так кажется.

ся. Если у тебя есть сила и возможность что-то изменить, то очень трудно стоять в стороне и делать вид, что ничего не происходит. Так что, возможно, таким способом Господь пытается мне указать, что еще не пришло время для Дерини занять свое место в лоне Церкви.

С тяжким вздохом Дункан вспомнил о тех чувствах, что испытывал во время мессы, когда наблюдал за отцом Лорканом и отцом Ансельмом, творившими ежедневное чудо превращения самых простых мирских вещей в Божественные вместилища Его воли и присутствия. Он так надеялся, что и сам однажды сможет пропустить сквозь себя этот священный божественный свет... и самому стать ближе к Господу.

— Рано или поздно мы отыщем ответ, — промолвил он больше для самого себя, нежели для Марисы. — Я в этом твердо убежден.

— Все так несправедливо, — вздохнула Мариса, пряча лицо в складках его рубахи. — Ты бы был таким хорошим священником... Ты добрый, славный и так много знаешь! А то, что ты Дерини... Я уверена, что благодаря этому ты смог бы служить Господу еще лучше. Но нет... они не желают иметь священников-Дерини и готовы убивать их за это! Вот подлинное зло.

— Не стану с тобой спорить, — ответил ей Дункан, улыбаясь подобному красноречию. — Однако будем смотреть в будущее с надеждой. Возможно, рано или поздно все изменится. Король Брион в открытую поддерживает моего ку-

жена Аларика. Кроме того, все знают, что рано или поздно Кевин возьмет в жены Бронвин, несмотря даже на то, что она Дерини. Морганы и Мак-Лейны — это уже две семьи, которые не назовешь ни бедными, ни лишенными влияния. Именно мы можем положить начало будущим переменам среди людей, ответственных за процветание королевства. Возможно, я тоже со временем смогу признаться в том, кто я такой, ибо теперь нет никакой нужды хранить это в тайне. В следующем поколении у нас будет уже целых два герцога-Дерини и король, который поддержит их во всем. Кроме того, кто может сказать, в еще скольких знатных семействах, кроме нашего, течет кровь Дерини? Я надеюсь, что рано или поздно один из наших сыновей сможет в открытую признать свое наследие и при том сделаться священником. Для меня этого вполне достаточно, если только ты будешь со мной.

Его горячая речь превратилась в настоящую проповедь, полную упований на великое будущее своей расы, которые он так редко осмеливался высказать вслух. Голубые глаза Дункана сияли восторгом. Мариса больше ничего не сказала, не желая омрачать столь прекрасный день. Прошлая решимость Дункана стать священником была слишком велика, чтобы они могли сейчас говорить об этом без боли. Осознав причины ее задумчивости, Дункан и сам притих, вновь лег на траву рядом с девушкой и уложил голову ей на колени.

— В любом случае, все это в прошлом, — пробормотал он с улыбкой, — а мы сейчас должны говорить о будущем... и о том, в чем можем быть вполне уверены. Ты согласишься завести целую кучу детишек, Мариса?

— О, да, конечно, — она со смехом взмахнула рукой. — У нас будет уйма сыновей и хотя бы одна дочь... Хотя, по справедливости, я бы предпочла, чтобы девочек и мальчиков было поровну.

— Мы же говорим о семье, а не пытаемся составить танец из восьми пар, — поддразнил ее Дункан. Она в шутку взъерошила ему волосы.

— Ну, это мы еще поглядим, — заметила Мариса. — У нас будут чудные, благовоспитанные детишки-Дерини, и у Кевина с Бронвин — тоже. И они все будут расти вместе, правда?

— Да, а когда Аларик тоже женится... — он помолчал и вдруг широко ухмыльнулся. — Ха, ты только вообрази, чтобы Аларик остепенился и обзавелся семейством!

— Еще забавнее будет, когда ты обзаведешься семейством, — поддразнила его Мариса в ответ. — Но ты верно говоришь: когда он наконец найдет себе жену, его дети станут кузенами наших малышей и подружатся с ними. Ты только вообрази себе — целое семейство, огромный дом, полный прекрасных, одаренных ребятишек! Все вокруг будут их обожать... И они построят счастливое будущее для всего народа Дерини.

— Да поможет нам Бог, — прошептал Дункан, возводя глаза к небесам. И все же он не смог

удержаться от улыбки. — Ты будешь очень занята, любовь моя!

— Со всем почтением к вам, милорд, — возразила она и, склонившись, поцеловала Дункана в кончик носа, — это вы будете все время заняты. А я буду вынашивать детей, как можно чаще.

— Расскажи мне об этом поподробнее, — взмолился Дункан, обнимая ее за талию и утыкаясь лицом в складки старой туники, от которой теперь веяло ее сладким ароматом и запахом лаванды. — Расскажи мне, как это будет, когда мы наконец поженимся.

Этот вопрос они привыкли то и дело задавать друг другу, превратив его в излюбленную игру с той самой поры, как осознали, что их чувства друг к другу — нечто большее, чем простое влечение или влюбленность. И поскольку в глубине души Дункан по-прежнему оставался священником, для него эта игра сделалась чем-то вроде молитвы, богослужения, которое отныне ему уже не дано совершать перед божественным алтарем.

— Мы поженимся в соборе святого Тейло, и я надену вуаль с венчальной короной Мак-Лейнов, — заученно откликнулась она, а Дункан, прикрыв глаза, погрузился в легкий транс, вызывая перед своим внутренним взором все те сцены, что описывала его возлюбленная. — На мне будет платье из белоснежной парчи с серебряной вышивкой по подолу, украшенное розами, и трубы будут приветствовать меня на входе в церковь. А там, внутри, ты будешь ждать меня в

наряде из небесно-синего шелка, расшитого серебром, и во всем мире не будет людей счастливее, чем ты и я.

Так она говорила нежным, негромким голосом. Они будут жить в Уискинском замке, в Кассане, продолжала она, и надзирать за теми отдаленными владениями, которые герцог Джаред не имеет времени и возможности посещать достаточно часто, — и так вплоть до того дня, пока Кевин наконец не примет герцогский титул. Затем они переедут в Кирни, где климат куда более мягкий, и станут заправлять там всеми делами до тех пор, пока старший сын Кевина и Бронвин не войдет в возраст. Но впрочем, никакой разницы, где они будут жить, — при дворе ли короля Бриона, или дома, среди родных холмов, — все вокруг будут говорить, что не знают людей более счастливых и любящих друг друга, нежели Дункан Мак-Лейн и его драгоценная супруга леди Мариса.

В такие моменты Дункан влюблялся в нее все сильнее и сильнее, и сама Мариса становилась для него кем-то вроде священнослужительницы, которая проводила их собственные торжественные обряды, вознося хвалу всему Божьему творению.

«Брак, — думал он, — может ведь также быть своего рода священным призванием. Мы должны заботиться друг о друге, как желал сам Христос, ибо он завещал любить друг друга так же, как Он любит нас... И, кроме того, брак —

это постоянная забота, трата времени и своих способностей, источник, к которому люди спускаются, дабы освежиться от повседневных мирских тягот и забот и с новыми силами вернуться к своему служению».

Таковое священное призвание, как ощущал его сейчас Дункан, не входило ни в малейшее противоречие с церковными и светскими законами и отнюдь не грозило ему смертной казнью.

Погрузившись в сладостные грезы, Дункан внезапно очнулся и удивленно уставился на Марису, которая выдернула у него из шевелюры несколько волосков. Он коснулся ее руки, и девушка улыбнулась возлюбленному.

— Ну, ты пробудился наконец? — прошептала она. — Тебе нравятся эти видения, что я соткала для нас?

— Они восхитительны, — отозвался он. — Возможно, в один прекрасный день я смогу показать тебе те образы, что являются мне в мыслях. Но что ты делаешь с моими волосами?

— Увидишь сам, — загадочно отозвалась она.

Дункан выпрямился, глядя, как она вырывает несколько своих, куда более длинных серебряных волосков и складывает их в ладонь. Затем, поднявшись с травы, она подошла к пасущимся пони, привязанным на длинной веревке на самом краю поляны. Ласковым голосом Мариса подозвала животных поближе. Те с готовностью откликнулись на зов, — весьма удивившись, ког-

да она не предложила им никакого угощения, а лишь выдернула у каждого из хвоста по несколько волосков, тщательно следя, чтобы они не перемешались друг с другом.

Вернувшись к Дункану, который с изумлением взирал на происходящее, она опустилась рядом с ним на колени и начала сплести косичку — волоски пони и человеческие, волосы Дункана и волосы Марисы. Когда косичка, — ограниченная по длине самыми короткими волосами, принадлежавшими, разумеется, Дункану, — была готова, Мариса переплела концы воедино и соединила их, превратив в кольцо, которое вполне годилось на безымянный палец.

Дункан молча взирал на эту трехцветную полоску, — черные волоски пони, обвивавшиеся вокруг каштановой и серебристой прядки, струившиеся подобно бесконечному ртутному узору...

— И что дальше? — поинтересовался он.

— Возможно, это всего лишь суеверный обычай, — со спокойной улыбкой откликнулась она, — но ты должен признать, что это — исключительно наше с тобой украшение.

С этими словами она надела кольцо на безымянный палец его левой руки. Осознав, что задумала его возлюбленная, Дункан встал на колени рядом с ней.

— Я даю тебе клятву, — прошептала она, глядя Дункану прямо в глаза поверх их переплетенных рук. — Обещаю, что я, Мариса Мак-Ардри из Транши, выйду замуж за тебя, Дункан Мак-Лейн,

в самое ближайшее время, как только это станет возможным. И я также клянусь, что сделаю все, дабы стать тебе верной и хорошей женой и доброй матерью твоим детям. Да поможет мне Бог!

Дункан снял с пальца кольцо, поцеловал его и в свою очередь одел ей на безымянный палец левой руки.

— Я также даю тебе клятву, — промолвил он и, потянувшись, смахнул слезы, что выступили у нее на глазах. — Обещаю, что я, Дункан Мак-Лейн из Кассана, возьму в жены тебя, Мариса Мак-Ардри, как только это будет возможно, и я также клянусь, что буду тебе верным и хорошим мужем и добрым отцом твоим детям, да поможет мне Бог.

Он склонил голову над их переплетенными руками, и его глаза также наполнились слезами счастья. Он поцеловал тонкие пальчики Марисы один за другим, а затем они обнялись, залитые солнечным светом на зеленой лужайке, где поблизости безмятежно паслись их кони. И этот день казался бесконечным...

Воспоминание о нем вновь вызвало счастливые слезы на глазах Дункана, несмотря на весь ужас последних часов. Он потянулся за манжету рубашки, где обычно хранил носовой платок, но тут же со вздохом сообразил, что в спешке забыл взять его с собой, ибо очень торопился попасть в часовню незамеченным.

При этой мысли горестный смешок сорвался с уст Дункана, и он закрыл лицо своим клетча-

тым пледом. Разве может остаться незамеченным сын Джареда Кассанского в полночь посреди замка, разряженный в церемонные одежды Пограничья? На нем был дублет из мягкой коричневой замши, расшитый серебром, великолепная рубашка, вышитая руками Марисы, — и восемь ярдов ярчайшего тартана Мак-Лейнов, накинутого на плечи и скрепленного на плече изящной брошью, которая вскоре по праву будет принадлежать Марисе, как тайной невесте знатного юноши-Дерини... Едва ли такой наряд можно было счесть неприметным.

Вдалеке Дункан услышал размеренный звон колоколов, отмечавших полуночный час. Он мгновенно застыл, но тотчас покачал головой, насмехаясь над собственной нервозностью. Ну, разумеется, это колокола аббатства Кулди, где новый аббат не устал вводить самые строгие правила, борясь с ленью своих подопечных монахов. Он решил, что при прежнем настоятеле дисциплина в аббатстве совсем никуда не годилась, и потому приказал звонить в колокол ко всем службам на пять минут раньше положенного срока, чтобы все успевали попасть в церковь вовремя.

Что касается Дункана с Марисой, то эти колокола должны были стать для них сигналом. Стража менялась ровно в полночь, и хотя при нынешних обстоятельствах никто не стал бы задавать лишних вопросов дочери Мак-Ардри, которая выразила желание помолиться ночью в ча-

совне, но если все же кто-то увидит ее в замке, то девушке вполне могут посоветовать вернуться и помолиться в своих покоях.

Однако если она успеет выйти из комнаты, как только прозвонят колокола аббатства, то успеет пробежать по коридору до герцогской часовни как раз перед сменой караула и окажется в полной безопасности. Таким образом, когда колокола собора святого Тейло у внешних стен замка пробьют настоящую полночь, — если только все пойдет по плану, — то Мариса уже будет здесь.

Дункан сумел подавить нервный смех, но улыбка так и не покинула его губы. Совсем не такую свадьбу воображали себе они с его нареченной. Ничего даже близко похожего... Рядом с Дунканом у алтаря не будет стоять ни Кевин, ни Аларик. Первый сейчас спал у себя в постели, утомленный долгой скачкой из Меары, а второй...

Дункан вспомнил о своем миловидном светловолосом кузене, и улыбка его сделалась задумчивой. Должно быть, Аларик сейчас спит в королевском дворце и видит сны, подобающие юному герцогу Корвинскому, который служит своему королю одновременно как верный вассал и как опытный маг-Дерини. Едва ли Аларик в состоянии вообразить себе, что задумал его кузен! Увы, но их не ждет ни пышная свадьба с роскошными нарядами, ни богатая церемония, ничего такого, что привлекло бы внимание к

необычности происходящего. Пока что это невозможно.

Но когда закончится все это безумие, Дункан с Марисой смогут пожениться еще раз, уже по-настоящему, и тогда все будет по-другому. Тогда они получат великолепный свадебный пир. Там будет Джаред, во всем своем горделивом великолепии, — первый и главный из героев, которыми восхищался Дункан. Будут там и его любимая матушка Вира, и брат, и оба кузена, и вся родня Марисы, а может быть, даже король... И все Мак-Лейны, и все Мак-Ардри, и... и...

— И прошу тебя, Господи, пусть не будет больше между ними никаких раздоров, — выдохнул вслух Дункан и закрыл глаза, вызывая перед внутренним взором все эти счастливые картины. Настоящий свадебный день, счастливый свадебный день, — с куда лучшими трубачами, чем этот несчастный необученный мальчик на крепостной стене, — и собор святого Тейло, до отказа забитый нарядными гостями...

— Отец наш Небесный, пусть воцарится покой... Пусть мы с Марисой сумеем восстановить мир между нашими семьями в знак благодарности за ту любовь, что наши семьи подарили своим детям. Теперь, когда мы повзрослели, мы можем это сделать для них!

Тот день, когда он придет, будет днем серебряных одежд и сладкого аромата церковных благовоний. Это будет день священников и принцев крови, день единения двух кланов и воцарив-

шегося спокойствия на границах королевства. Но сегодня ночью было время тайны и священного уединения для юноши и девушки, почти еще подростков, у которых, однако, оказалось больше здравого смысла, чем у тех, кто называли себя мужчинами. В эту ночь надлежало склониться перед единственным надежным, непоколебимым, достойным доверия якорем в этой ужающей буре, полной неприкрытых угроз и обещаний жестокости. Ночь, когда Марисе Мак-Ардри и Дункану Мак-Лейну надлежало предать себя в руки Господа и позволить Ему соединить их во плоти во веки веков.

Скоро она будет здесь. Дункан поднялся с молитвенной скамеечки, бездумно отряхнул мягкий замшевый дублет, бросил быстрый взгляд, чтобы убедиться, ровно ли лежит на плечах его клетчатая накидка, — все должно быть в идеальном порядке, насколько это возможно в таких обстоятельствах... в ожидании того прекрасного дня, когда все случится по-настоящему. Он был Мак-Лейном, потомком владельцев Кирни и Касана, — а по матери Корвином из древнего и великого деринийского рода, — и он вызвал бы на поединок чести любого, кто усомнился бы в том, что он — достойная пара для своей возлюбленной!

Склонившись перед алтарем, дабы попросить прощения за этот миг дерзкой гордыни, Дункан опустился на скамью в первом ряду, стиснул руки между коленей и приготовился ждать. Его

мысли блуждали, и он невольно засмотрелся на крошечные розы и на львов, что вышила на манжетах рубашки Мариса. Они напомнили ему об огромном гобелене с геральдическими знаками, висящем в парадном зале замка, — том самом, за которым каких-то несколько часов назад они с Марисой прятались, испуганно затаив дыхание... Неужто это и впрямь было только сегодня? Ему казалось, что с тех пор прошли многие годы...

— Это все твои проклятые родичи виноваты! Они не знают ни порядка, ни почтения к старшим! — приграничный акцент Каулая Мак-Ардри от волнения и скорби сделался еще заметнее. — Мой мальчик... Мой славный, храбрый мальчик мертв! А ты говоришь, чтобы я об этом забыл! Забыл! — Граф Траншайский взревел от невыразимого гнева и боли. — Ты бы так не говорил, будь это твой собственный отпрыск... да будет Господь мне свидетелем, герцог Кассанский!

Дункан Мак-Лейн невольно поморщился, скрываясь за гобеленом и сжимая руку Марисы с такой силой, что у нее даже занемели пальцы. Он никогда не мог и вообразить, чтобы столь высокий и гордый титул, как у его отца, кто-то смел произнести подобным тоном, — словно это было худшее из ругательств. Он ждал, едва осмеливаясь вздохнуть, что последует неминуемый взрыв. Джаред был человеком необычайно терпеливым, — как прекрасно знал его сын по собст-

венному опыту, — но сейчас в доме царило столь невероятное напряжение, что даже сам воздух в замке Кудди мог в любой момент разразиться снопами искр, словно от неудачного колдовства Дерини. Миролюбие герцога было не беспределенным. Да при таких обстоятельствах и сам святой Тейло наверняка не выдержал бы и ответил угрозами на угрозы!

Однако в напряженной тишине голос Джареда прозвучал громко, но на диво спокойно:

— Я вполне готов к тому, что следующими твоими словами будут: «Свершившегося правосудия недостаточно».

В ледяном тоне герцога Кассанского невозможно было уловить ни тени эмоций. Так всегда действовали Мак-Лейны, когда сталкивались с политической ситуацией, из которой не существовало достойного выхода. Хотя Дункан и не видел сейчас отца, но вполне мог представить себе, как тот стоит, гордо расправив плечи и упираясь сжатыми кулаками в бедра, взирая на своего скорбящего соседа и стоически вынося несправедливые обвинения, которые обрушивает на него Каулай в своем горе.

Синие глаза его блестили как зимний лед, на лице была написана решительность и суровость, — в такие мгновения Джареда окружал ореол суровой царственной решимости, которая всегда внушала Дункану с Кевином подлинное благоговение. Джаред в эти минуты так отличался от обычных людей, что оставалось лишь умолять

его о прощении и надеяться, что, успокоившись, он вновь станет обычным человеком... Дункан ощутил даже жалость к Каулаю, хотя и опасался, что сейчас герцог Кассанский ничем не сможет пробить панцирь гнева и скорби, которым окружил себя отец, потерявший сына в бессмысленной драке.

— Так что же, ты желаешь, чтобы я отдал тебе жизнь одного из своих сыновей за жизнь твоего? — продолжил Джаред... и теперь уже Мариса вцепилась в ладонь Дункана, больно царапая кожу ногтями. — Или ты предпочтешь затеять кровную месть... что приведет к тому же самому результату? Каулай, во имя любви к Господу нашему, образумься. Неужто новые убийства вернут Ардри из мира мертвых? Умоляю тебя... успокойся! Человек, убивший твоего сына, был и сам казнен на месте. Твоего сына, хотя он не был женат и не породил на свет наследников, все же будут оплакивать женщины и дети... У моего человека была семья, и теперь они остались без кормильца. Неужто этого тебе недостаточно?

— Недостаточно, — отрезал Каулай столь же холодным и ровным тоном, как у Джареда, но полным столь невыразимой муки, что Дункан не выдержал и отвернулся, уткнувшись лбом в плечо Марисы, ибо, будучи Дерини, он не в силах был выдержать подобного наплыва чувств... — Потому что это мой сын мертв, и, как ты верно сказал, я не способен вернуть его. Потому что я не забуду до конца своих дней, что его убил

один из Мак-Лейнов. Ты слышишь, герцог Кассанский, рука жителя Приграничья пролила кровь сородича! Хотя ты и стал больше похож на жителя долины, потому что с каждым годом все больше времени проводишь при дворе Халдейнов, но ты не можешь не знать, что у нас, в нагорьях, долгая память.

— Ты слепец, Каулай, но я от всей души сострадаю тебе, — со вздохом отозвался Джаред. — Однако помяни мое слово... Если ты вздумаешь вернуться на землю Мак-Лейнов с оружием, в поисках возмездия, которое уже было даровано, то мы дадим тебе такой отпор, которого эти нагорья никогда не забудут. Ибо больше всего на свете я не выношу одного: когда у человека есть голова на плечах, но он отказывается мыслить здраво!

— Мы не можем позволить им разойтись вот так! — свистящим шепотом обратилась к Дункану Мариса. Он ощутил ее теплое дыхание на своей щеке. С трудом подняв голову, юноша с тоской взглянул на свою возлюбленную.

— Но как мы сможем их удержать? — спросил он в ответ. — Выйти посреди двух армий наших родичей, умолять их остановиться, попасть под случайную стрелу и тем самым лишь подлить масла в огонь взаимной вражды?

Мариса пальчиком коснулась его губ. Они слышали звук шагов и удаляющиеся голоса. Их отцы покидали зал, продолжая спорить между собой. Свита двигалась следом, и члены отныне

враждующих кланов бросали друг на друга взгляды, полные недвусмысленной угрозы. Мариса выглянула из-за огромного гобелена. Сейчас зал был пуст, и она вышла на свет, вытащив Дункана за собой.

— С тобой все в порядке? — негромко спросила она, заботливо вглядываясь ему в лицо. — У тебя ужасный вид!

— Могу себе представить. — Дункан с трудом сглотнул. Мать много раз предупреждала его о необходимости крепких ментальных щитов. Она также рассказывала о силе эмоций, которые люди не способны сознательно контролировать. Она часто говорила об этом, но он слишком невнимательно слушал...

Дункан закрыл лицо руками, с силой прижимая пальцы к глазам. Он торопливо применил деринийское заклинание, чтобы изгнать усталость, волной накатившую на него, и поднял ментальную защиту, дабы укрыться от тревоги и страха, царивших повсюду в доме.

— Не тревожься, — с некоторым запозданием заметил он Марисе и широко улыбнулся. — Сейчас все пройдет.

— А священники еще говорят, будто все способности Дерини от дьявола, — с горячностью воскликнула Мариса. — Только удивительно, почему же дьявол тогда так жесток с ними!

— Забудь об этом, — попросил ее Дункан и, взяв за руку, вывел из парадного зала в коридор. Там, приложив палец к губам, он призвал воз-

любленную к молчанию. Бросив встревоженный взгляд из-за угла, чтобы убедиться, что никто посторонний не встретится им за поворотом, он торопливо пробежал к лестнице, увлекая Марису за собой, пока она не остановила его. Они распластались у стены.

— Ты права, что дьявол и впрямь потрудился на славу в этом доме, вот только Дерини здесь ни при чем, — прошептал Дункан, с тоской глядя на девушку. — Мы не сможем ничего сделать, чтобы их остановить, если наши отцы все же ввяжутся в кровную вражду... А коли такое случится, мы уже никогда не сможем соединить свои судьбы!

— Но как ты не понимаешь, — настойчиво воскликнула Мариса, схватив Дункана за руки и окинув его жарким преданным взглядом, — в этом-то все и дело! Если бы мы уже поженились, то не было бы никакой кровной вражды... Они были бы родичами, куда более близкими, чем просто люди, живущие по соседству.

Дункан погрузился в молчаливую задумчивость. Неужели и впрямь есть шанс — пусть даже самый маленький — что если они заговорят об этом с родителями, то им удастся предотвратить кровопролитие? Каулай потерял наследника — это правда, но ведь когда отец выдает замуж дочь, он не теряет ее, а, наоборот, приобретает сына. Один сын вместо другого, и нет никакой нужды враждовать...

— И мой отец ведь тоже что-то потеряет, а не

только приобретет, — прошептал Дункан, продолжая мыслить вслух. — Ведь, в конце концов, он надеялся, что один из его сыновей войдет в лоно Церкви... хотя постоянно повторял, что выбор остается за мной.

— Ну, ничего, полагаю, что герцог Кассанский обойдется и без привилегий родственных отношений с Церковью, — с удивительным нетерпением воскликнула Мариса. Она в волнении даже принялась дергать Дункана за рукав. — Ты думаешь, у нас получится? Ты мог бы поговорить с отцом?

Дункан нахмурился. Затем, как следует обдумав эту мысль, был вынужден отвести ее, с сожалением покачивая головой.

— Как по-твоему, он был похож на человека, который в состоянии выслушать здравые доводы?

Мариса тоже вздохнула.

— Никто из них не станет нас слушать.

Они стояли в молчаливом отчаянии, на грани паники, пытаясь не утратить хотя бы остатки надежды. Дункан внезапно отпустил руки Марисы и стиснул ее в объятиях. Он и сам никогда не подозревал, что способен на такую горячность.

— Я не могу потерять тебя! — прошептал он. — Просто не могу, и я этого не допущу. Это просто невозможно! Разве они не видят? Неужто они не могут вообразить...

— Дункан! — Мариса оторвалась от него. Ее глаза повлажнили от слез, но она улыбалась. — В

этом-то все и дело. Они не видят. Разумеется, ведь их не было здесь уже много недель! Но как же наши матери? Наверняка кто-то должен был заметить, что мы влюблены друг в друга!

На миг в сердце Дункана зародилась искра надежды, что в этом безумном мире еще остался для них хоть какой-то выход. Разумеется, кто-то должен был заметить. Как-то раз Бронвин видела, что они целуются во дворе, где надеялись укрыться от любопытных глаз, — а Брон как раз выглядывала из окна наверху. Она заговорила об этом с Дунканом, и тот благословил не по годам разумную девочку, — ибо она отнюдь не собиралась по-детски дразнить влюбленных. Скорее, она отнеслась к ним со взрослым сочувствием, изрядно сдобренным сестринским романтизмом, когда бросилась кузену на шею и радостным шепотом поведала, что знает об их тайне.

— О, это так чудесно! Дункан, я так ее люблю! У меня ведь никогда не было сестры... Это будет так мило... так прекрасно!

Он дружески поцеловал ее в чистый лобик и заставил поклясться, что она сохранит все в тайне...

Но теперь, задумавшись об этом, Дункан не мог не прийти к выводу, что помимо Бронвин и другие люди в замке наверняка что-нибудь заметили. Если уж не снисходительные матери, то хотя бы служанки или камеристки? Все возможно...

— Моя матушка наверняка обрадуется, — негромко заметил Дункан. — Но Мариса... моя

мать ведь сейчас не скорбит по погибшему сыну.

Девушка побледнела. Слезы вновь потекли из глаз. Она также горевала по старшему брату, который был для нее настоящим кумиром, — увы, из-за юношеской горячности и слишком большой любви к прекрасному полу он, сам того не желая, разрушил все надежды своей младшей сестренки на счастливое будущее. А ведь он наверняка первым одобрил бы этот брак и пожелал Марисе всего наилучшего, будь он все еще жив, и если бы не случилось этого кошмара... Но он погиб, а кошмар нарастал с каждым часом, и от него не было спасения.

— Так что же нам делать? — спросила она, щекой упираясь в плечо Дункана. — О, Боже, что же нам делать?

— Прежде всего мы не будем впадать в панику, — твердо заявил ей Дункан, ощущая растущее желание защитить возлюбленную от всех бед и навсегда стереть с ее щек эти горючие слезы. — Наверняка мы можем что-нибудь придумать... И обязательно придумаем.

— Мы могли бы дождаться, пока все успокоится, — всхлипнула она. — Только это наверняка займет какое-то время... может, целый год...

Дункан пошатнулся от одной мысли так долго терпеть разлуку в молчании. Мариса и сама явно была не в восторге от этой мысли, ибо она всхлипнула еще громче и поглубже зарылась лицом в складки тартанового пледа. Ее рыдания

разрывали Дункану сердце, и он почувствовал, что не в силах этого больше терпеть.

— Мы не станем ждать, — заявил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно решительнее... Но на самом деле он и сам был до смерти напуган собственным упрямством. — Мы оба уже взрослые и вполне можем сами решать за себя. Мы вознамерились пожениться и обменялись клятвами. Если эти клятвы и впрямь хоть что-то стоят для каждого из нас... значит, пришло время исполнить их. А если мы на это не способны, значит, мы говорили не всерьез.

Она медленно подняла голову и влажными от слез янтарными глазами воззрилась на любимого.

— О чем ты говоришь?

Дункан с шумом сглотнул.

— Я говорю, что нам следует пожениться, — заявил он, смущаясь тем, как прерывается юношеский голос, произносящий эти взрослые слова. Он покраснел и откашлялся. — Сегодня ночью, пока вся эта глупость не зашла слишком далеко, мы просто обязаны пожениться.

Глаза Марисы расширились. Она бросила опасливый взгляд вверх и вниз по лестнице, а затем опять с изумлением и надеждой воззрилась на Дункана.

— Но разве это возможно? — прошептала она испуганно, но одновременно в восторге от собственной смелости. — Кто же нас поженит? Ваш местный священник или капеллан моего отца?

Кто из них скорее согласится при таких обстоятельствах?

Дункан облизнул пересохшие губы. Его глаза от волнения сделались почти прозрачными, и он слепо уставился куда-то поверх ее плеча, воображая себе возможную реакцию окружающих, как только те узнают об их безумном, невероятном поступке. Что скажет епископ Браден, его наставник в Грекоте, один из тех, кто был всегда уверен, что из Дункана выйдет превосходный священник? Что скажет король Брион? Аларик? Их родители? Кевин, Бронвин, все Мак-Лейны, Мак-Ардри и их близкие и дальние родичи?..

— Нам не нужен священник, — хрипло прошептал он наконец, чувствуя, как сердце его яростно колотится в груди от подобной дерзости. — Поскольку впоследствии мы намерены пожениться должным образом, когда все обо всем узнают и ничего нельзя будет изменить, то сегодня нам можно обойтись без священника. Я читал об этом в прошлом семестре... когда у нас были занятия по каноническому праву.

— Но это же незаконно! — возразила Мариса. Надежда угасла на ее лице, и она вновь впала в отчаяние. — Как же можно без священника? Разве такие свадьбы бывают?

— Это именуется *«per verba de praesenti»*, — пояснил он ей, намеренно пользуясь латынью, чтобы придать своему заявлению весомости. — Клятва, произнесенная перед свидетелями. Она имеет ту же силу, что брак в присутствии священника...

только затем его надлежит должным образом освятить. Люди, живущие высоко в горах, постоянно так поступают, — в тех местах, где нет своей церкви, и им приходится дожидаться, пока странствующий священник не забредет в их края.

— Но кто станет нашим свидетелем? — спросила Мариса, к которой вернулась ее всегдашняя практичность. — И где и когда мы сможем это сделать? Мы должны решиться сегодня, это правда... но где?

— Единственный свидетель, кто мне приходит на ум и кто точно не проболтается — это Бронвин. — Дункан вздохнул. — Но она нам не подойдет. Она еще несовершеннолетняя и не сможет за нас поручиться.

Мариса удивленно воззрилась на него. Учитывая, что возлюбленный только что отверг единственного свидетеля, на которого они могли бы рассчитывать, она не понимала, почему Дункан по-прежнему не желает отчаиваться.

— О чем ты думаешь? — спросила она, взяв его за подбородок, чтобы взглянуть в лицо. — У тебя такой странный взгляд, словно ты видишь перед собою ангелов.

Дункан с трудом заставил себя вернуться к реальности. С лицом, исполненным неземного спокойствия, с глазами, горящими надеждой, он опустил руки на плечи Марисе.

— Вот почему выгодно иметь в женихах человека, который готовился стать священником, —

заметил он, и на губах его наконец заиграла легкая улыбка. Мариса отчасти начала успокаиваться: теперь он уже не казался пришельцем из какого-то иного мира. — Мы поженимся в герцогской часовне... лучше всего прямо в полночь, поскольку это особый, священный час, а свидетель будет ждать нас на месте. Собственно говоря, Он находится там и сейчас... Он там всегда, вот почему Он нам так идеально подходит.

Мариса уловила почтение, с которым он произносил это слово «Он».

— Пригласить Господа Бога в свидетели?!

Он крепче сжал ее плечи и дружески встряхнул девушку.

— Разве ты не понимаешь, любимая? — воскликнул он. — Бог — единственный, кому мы можем доверять. Он никогда не предаст нас. Он не участвует в ссоре наших отцов. Он скорбит по всем погибшим точно так же, как и мы с тобой. Мы обменяемся клятвами перед Ним, в присутствии освященных облаток на алтаре... Во имя всех святых, Мариса, во всех Одиннадцати Королевствах нам не найти лучшего и более достойного свидетеля!

Неожиданно он улыбнулся.

— И, кроме того... разве кто-то сможет упрекнуть Бога во лжи и оспорить то, что отныне мы с тобой будем женаты по закону?

Мариса толкнула его кулачком в плечо.

— Кто посмеет призвать Его к ответу? — воскликнула она. — Прошу тебя, Дункан, не богохульствуй!

— Прости меня, я непременно покаюсь... как только у меня перестанет кружиться голова от радости. — Но уже спустя мгновение он вновь сделался серьезен. — Ну, так что скажешь, Мариса Мак-Ардри? Согласна ли ты выйти за меня сегодня в полночь в часовне моего отца, где не будет никого, кроме нас самих и Отца Небесного, на чью волю отныне мы станем уповать?

— Я согласна, — негромко отозвалась она... так, что он едва расслышал эти слова. — Но... когда все об этом узнают, не смогут ли они аннулировать наш брак?

— У них не будет на это права, если мы доведем дело до конца. Это называется «консуммацией брака», — пояснил Дункан, сам поражаясь, что смог спокойно и без колебаний выговорить слова, наполненные для него столь глубоким смыслом. Теперь они были не просто двумя влюбленными подростками, но взрослыми ответственными людьми, просчитывающими все последствия своего шага.

Щеки Марисы покраснелись, а затем румянец распространился от корней волос до самой груди.

— О...

Дункан ласково и нежно поцеловал ее в губы, стараясь не показать, как сильно колотится его сердце. То, что они намеревались сделать, это было чистейшее безумие... Безумие и любовь, — а любовь всегда священна.

Что скажут их родители? Что подумают на-

ставники и придворные? Одобрит ли их поступок король? А сам Господь Бог... одобрит ли Он? Безумие, чистейшее, восхитительное безумие!

— Тебе лучше скорее вернуться к матери, прежде чем тебя хватятся, — заявил Дункан, при этом так сильно сжимая возлюбленную в объятиях, словно намеревался никогда больше не отпускать. — Стража сменяется ровно в полночь, и они первым делом проверяют коридор у часовни. Поэтому выходи из комнаты, как только услышишь колокола аббатства: они всегда звонят на пять минут раньше. К тому времени, как ты окажешься у часовни, стражники уже уйдут. Я буду ждать тебя там.

— Совсем не такую свадьбу мы представляли себе, правда? — негромко промолвила Мариса, но в ее голосе не было ни упрека, ни огорчения, ибо она тоже, подобно Дункану, удивительно повзрослела за этот день... или даже за последние минуты. — Тайком в полночь... только мы одни и Господь Бог...

— Ты не пожалеешь об этом... Клянусь, я все сделаю, чтобы ты об этом не пожалела! — заявил Дункан. — А пока мы должны просто смотреть на это как на жертву во благо тех, кого мы любим. Но как только подходящее время настанет... Как только все слегка успокоятся и мы будем знать, что не вызовем гнева родителей, сказав им правду... Все будет в порядке... Мы по-

лучим и трубачей, и нарядных гостей... Все, о чем мы мечтали...

Его кажущаяся уверенность в себе оказалась заразной. Поднимаясь по лестнице, Мариса уже улыбалась и, задержавшись наверху, кончиками пальцев послала возлюбленному воздушный поцелуй. Она так и не увидела, как Дункан привалился к стене у подножия лестницы и с тяжелым вздохом зажмурил глаза в тщетной попытке обрести хоть подобие спокойствия в этом обезумевшем мире.

Совершенно невозможно было предсказать, какую бурю может вызвать впоследствии их сегодняшний решительный шаг.

Дункан лишь ощущал — и надеялся, что Мариса разделяет его чувства, — что в душе у них обоих бушевала настоящая буря, и любой бард мог бы сказать им то, что они прекрасно знали и без него: любовь — это далеко не всегда ласковый весенний дождик...

* * *

Колокола на звоннице собора святого Тейло как раз начали отбивать истинную полночь, когда Дункан скорее почувствовал, чем услышал приближение тихих шагов Марисы снаружи часовни. У него перехватило дыхание. Бросив последний испуганно-умоляющий взгляд на алтарь, он с трудом поднялся на ноги и поспешил к огромным, украшенным резьбой дверям. Да, это и вправду была Мариса, — благодаря острому чу-

тью Дерини он определил это безошибочно, — и Дункан негромко окликнул ее по имени, приотворяя дверь.

В розовом платье она стояла на пороге, освещенная тусклым сиянием, исходящим из коридора. На шее у нее красовался кристалл ширала размером с орех, на тонком кожаном шнурке. Светлые серебристые волосы, убранные со лба, удерживал металлический обруч, украшенный крохотными переплетенными между собой цветками, и у каждого цветка в середине был маленький золотистый самоцвет того же оттенка, что и глаза Марисы. И сейчас эти глаза взирали на Дункана одновременно встревоженно и с вызовом. Взяв ее за руку, он ввел возлюбленную в полутемную часовню. Вдвоем они бесшумно затворили за собой дверь.

И тут же в мерцании лампы Дункан сжал Марису в объятиях, чтобы слегка приободрить ее, а затем, чуть отстранившись, испытующе взглянул девушке в лицо.

— Если ты как следует прислушаешься, то услышишь трубачей, — прошептал он. — Но даже такого усилия не нужно делать над собой, чтобы сообразить: мы единственные, кто ведет себя разумно в этой ужасной ситуации. Ты готова?

— Да, — отозвалась она со слабой улыбкой, полной затаенной надежды. — Давай подойдем к алтарю. Нам не следует заставлять нашего Свидетеля дожидаться.

С трудом сглотнув, Дункан кивнул, в душе

молясь лишь о том, чтобы она не заметила, как сильно он взволнован... как боится, что, несмотря на все его старания, что-нибудь пойдет не так. Он подозревал, что и сама Мариса скрывает от него те же тревоги.

Сегодняшний день был исполнен горя и боли, вечер был отдан размышлениям о том, как внезапно завершилось их безоблачное лето, полное счастья и любви. Но теперь настала пора доказать, что любовь — это самый яркий огонь в сем бренном мире, — в точности как утверждали поэты. Больше не будет одиночества для двух юных сердец, и две семьи объединятся, — и более того, будет предотвращена угроза кровной мести и ужасающие последствия кровопролития. Дункан ощутил, как мир и покой возвращаются в его душу, и вновь потянулся, чтобы взять Марису за руку.

— Мы будем так счастливы с тобой, — промолвил он, устремляя взор на алтарь, над которым красовалось золотое распятие, осиянное алым свечением лампы, символизировавшей Божественное Присутствие. — Разлука будет совсем недолгой, просто чтобы дать родным успокоиться... И наконец мы исполним все наши мечты и будем вместе до конца своих дней.

— Наши мечты, — повторила она и кивнула. — Мир, любовь и дети... Да, мы будем очень, очень счастливы.

Она стиснула руку Дункана. Торжественным шагом они вместе прошли к алтарю. Толстый

келдишский ковер поглощал звук шагов. У алтаря они преклонили колени и опустили головы для молитвы.

Моления Дункана не отняли много времени. За тот час, что он провел здесь в ожидании Марисы, юноша успел прийти к согласию с Господом и с самим собой.

Сейчас он молился только о том, чтобы Бог поддержал их и дал знак, что они и впрямь поступают правильно, — а затем широко перекрестился и стал ждать, пока Мариса тоже будет готова. Он не сводил напряженного взора с лампы, свет которой сейчас казался ему ослепительным. Это был решительный час, — начало мечты, первый шаг к воцарению мира.

«Пусть все споры угаснут и преобразятся в горниле нашей любви, — думал он. — Да будет на все воля Божья».

Он расстегнул брошь, скреплявшую плед на плече. На ладони она казалась одновременно невесомой и наделенной огромной значимостью, так что Дункан подумал невольно: «Такова же и Господня защита. Она ничего не весит, но дает все...»

С торжественным видом он обернулся к возлюбленной, чтобы произнести слова вечной клятвы.

Единая плоть навсегда, под защитой самого Бога, — они могли с уверенностью смотреть в будущее. Разумеется, никто не мог знать, что уготовано им впереди, но сейчас ни один из них не

думал об этом. Все было в руках судьбы и в воле Господней.

«*Deo volente*», — подумал Дункан и взял за руку женщину, которую обещал любить вечно.

Мелисса Хоул

Дугал при дворе¹

1116 год

Как это часто случается, автора данного рассказа подвиг на его написание незначительный эпизод, мельком упомянутый мною в одном из романов. Это было детское воспоминание Дугала Мак-Ардри, близкого друга юного короля Келсона. Впрочем, сейчас нам лучше предоставить слово самому автору, она куда красноречивее меня сможет рассказать о том, как появился на свет этот небольшой шедевр:

«Я вернулась домой из колледжа на День Благодарения в 1984 году, когда внезапно в местной книжной лавке обнаружила на полке роман «*Сын епископа*». Я была в восторге, что вышла новая книга о Дерини, немедленно купила ее и прочитала за один вечер. Дугал отныне стал моим любимым персонажем, и я нарадоваться не могла, что рядом с Келсоном появился другой герой его возраста, в дополнение к более взрослым персонажам, действовавшим в первой трилогии о Келсоне.

Та сцена, что подхлестнула мое воображение и послужила поводом к написанию этого рассказа, произошла в королевской усыпальнице, когда Дугал вспоминает о том, что король Брион был добр к нему, после того как мальчик уронил полное блюдо с фазанами, в первый раз, когда при-

¹ (c) Melissa Houle «Dhugal at Court», 2002

служивал за пиршественным столом. Мне тут же захотелось побольше узнать об этом происшествии: чтобы маленькому мальчику доверили тащить огромный тяжелый поднос с едой, — это ведь означает буквально напрашиваться на неприятности! Так кто мог поручить Дугалу такую ношу? Произошло ли это по недосмотру, в кухонной суете и суматохе, или тут было что-то сложнее?

«Здесь явно что-то кроется», — подумалось мне. Вопросы и предположения теснились в голове, и в конце концов я написала летом 1985 года исходную версию рассказа *«Дугал при дворе»*. В ту пору я еще не бывала ни на одной конференции по фантастике, в глаза не видела журнала *«Архивы Дерини»* и понятия не имела о том, что другие поклонники также пишут свои рассказы о Дерини. Надежды когда-нибудь лично познакомиться с Кэтрин у меня было столько же, как получить аудиенцию у Папы Римского. Все время, пока я писала этот рассказ, я не переставала виновато спрашивать себя: «Правильно ли я поступаю? Имею ли я право делать это и не нарушаю ли каких-то законов? Вдруг появится полиция, охраняющая авторские права, и наденет на меня наручники?» Но эти мысли скоро улетучились из головы, потому что я получала огромное удовольствие от самого процесса написания этой истории.

В 1997 году по Интернету в группе новостей alt.books.deryni я узнала, что отныне изданием журнала *«Архивы Дерини»* занимается Джулиана Туми. В предыдущие годы я несколько раз посещала занятия по писательскому мастерству в Футхиллском колледже, где обучалась у прекрасной наставницы, Лауры Шиф, которой, к несчастью, больше нет с нами. Я подумала, что, возможно, журналу подошел бы мой старый рассказ *«Дугал при дворе»* и вытащила его на свет божий. Даже спустя десять лет он показался мне вполне при-

стойным и, благодаря писательской технике, почерпнутой из уроков Лауры, я постаралась улучшить его стилистически. Я переписывала и исправляла его несколько раз, пока не сделала таким, каким вы можете прочесть его сегодня, — но изначальный замысел остался прежним. Собаки в решающей сцене появились сами по себе, клянусь, что я их не высвистывала... Но как только они возникли, то сразу стало ясно, что это — именно то, что надо. Ни одна уважающая себя собака не станет благовоспитанно лежать под столом, когда по полу рассыпались дюжины запеченных фазанов...»

Орд камерарий Ремутского замка ударил в пол своим тяжелым посохом.
— Милорды! Миледи! Их величества король Брион и королева Джехана и его королевское высочество принц Келсон!

В толпе, в самом дальнем конце парадного зала вместе с отцом и старшим братом Дугал Мак-Ардри тотчас преклонил колени, однако вскоре осторожно поднял веснушчатое лицо, чтобы понаблюдать за происходящим. Король с королевой своим величием затмевали всех, кто появился в зале прежде них. В своих алых, расшитых золотом и серебром одеждах, с изукрашенными самоцветами коронами, они являли собой воплощение царственности и величия.

Однако больше всего внимание Дугала привлекал принц Келсон. В мире Дугала все важные и значительные персоны были взрослыми, и пото-

му он решил, что наследный принц Гвиннеда также должен быть мужчиной зрелых лет, но оказалось, что принц — всего лишь мальчик, на год или два старше самого Дугала. Невольно выпрямившись, Дугал вывернул шею, чтобы получше разглядеть проходящего принца. Он любовался пурпурной шелковой туникой Келсона и серебряной короной у того на голове, покуда кто-то не дернул его за запястье, вновь принуждая склониться в поклоне. Отец взирал на него с непривычной суровостью, и даже Майкл, любимый старший брат, нахмурил брови. Дугал быстро смекнул, что не будь вокруг столько благородных господ, его бы точно ждала хорошая оплеуха.

Он стыдливо повесил голову. И в самом деле — надо же было уставиться на принца, словно у него мозгов не больше, чем у Уота, деревенского пастуха-простофили...

«Никогда из меня не выйдет хорошего пажа», — горестно подумал Дугал.

Ему, в общем-то, совсем не улыбалось становиться пажом при дворе короля Бриона, но никто и не спрашивал, хочет он этого или нет. Сыновьям Каулая Мак-Ардри, главы клана Мак-Ардри, графа Транши, положено безропотно исполнять свой долг.

Он останется пажом до одиннадцати или двенадцати лет, когда наконец станет оруженосцем. После этого его назначат в услужение к кому-то из рыцарей, вплоть до восемнадцати лет, когда он пройдет посвящение. Но оба этих повыше-

ния еще предстоит заслужить: задаром ему никто ничего не предложит. И не приведи Господь Дугалу оступиться, иначе он сильно огорчит всех домашних, начиная от отца и заканчивая кухарками и мальчишками на конюшне. Для сына главы клана опозориться просто невыносимо. Он должен завоевывать уважение к себе.

«Десять лет», — подумал Дугал и не удержался от тяжелого вздоха. Десять лет служения простирались перед ним бесконечной чередой унылых дней, подобно тюремному приговору, а ведь на самом деле пройдет даже больше десяти лет, ведь ему лишь после Нового года исполнится восемь...

Рождественский придворный прием казался Дугалу бесконечным. Он не видел и не слышал ничего, что происходило в парадном зале, ибо все самое интересное было сосредоточено на другом его конце. К тому же взрослые притиснули мальчугана к одной из огромных колонн, что поддерживали высокий потолок.

— Эй, парень, проснись! — шепнул Каулай, встряхивая сына за плечо. — Сейчас придет черед пажей. Поторопись, а то опоздаешь, и они уйдут без тебя!

Озираясь среди толпы, Дугал наконец протолкался на открытое пространство и встал последним в сдвоенной колонне новоявленных пажей, которые тотчас двинулись вперед. Теперь парадный зал предстал его взору во всем своем величии, и мальчик в изумлении завертел голо-

вой по сторонам. Зал вдвое превосходил в высоту и в длину тот, что был в замке Транши, — и к тому же был куда шире. Красный ковер, бесконечный, как тканая дорога, простирался прямиком до самого королевского помоста, к двум тронам, увенчанным балдахинами. Они казались невероятно далекими...

По обе стороны от прохода толпились богато одетые мужчины и женщины, а стены у них за спиной были украшены гобеленами, еловыми гирляндами, и повсюду горели факелы. Высоко над головой он увидел свисавшие с деревянных балок геральдические знамена. Особенно Дугалу запомнился зеленый грифон с золотым ореолом на черном шелке. Интересно, кому может принадлежать этот герб?

— Эй, малыш! — послышался тревожный женский шепот. Нарядная дама взмахнула рукой, унизанной кольцами, указывая на середину зала. — Если не поторопишься, то остальные пажы принесут клятву без тебя.

Пробудившись от мечтаний, Дугал заметил, что остался совсем один, и стремглав бросился догонять прочих мальчиков, выстроившихся перед ступенями помоста. Самым недостойным образом запыхавшись, он вновь занял свое место, но хотя бы на сей раз не забыл поклониться.

Мальчик выпрямился, гадая, заметил ли кто-нибудь его очередную оплошность, и тут же наткнулся на суровый взгляд серых глаз принца Нигеля. Все остальные пажы по-прежнему скло-

нялись в поклоне, и он оказался единственным, кто стоял прямо.

Словно переломившись пополам, Дугал вновь согнулся, не смея больше поднять глаз. Он был уверен, что принц вот-вот прикажет арестовать его и на глазах у всех выведет из зала в цепях.

Перед лицом *такого* позора всему клану, любовью другой проступок казался бы совершенным пустяком...

— Преклоните колени, — велел принц Нигель.

Вместе со всеми остальными мальчиками Дугал опустился на пол, а затем осторожно поднял голову. Впервые за все время он осмелился бросить взгляд на короля. Его величество оглядывал выстроившихся перед ним пажей, задумчиво поглаживая черную бороду и усы. Дугал вновь опустил голову. Он не был уверен в этом наверняка, но почему-то ему показалось, что король ладонью прикрывал улыбку.

Все они хором прочитали клятву пажей, и Дугал вместе с остальными мальчиками получил свою алую пажескую ливрею, после чего смог вдосталь полюбоваться королевским семейством на помосте. Король с королевой восседали на одинаковых тронах, и то взирали на принца Нигеля, то время от времени наклонялись друг к другу и негромко о чем-то переговаривались. Супруга принца Нигеля со своими двумя сыновьями сидела по левую руку от трона королевы.

Дугал поспешил отвернуться, поймав на себе насмешливо-презрительный взгляд старшего из

мальчиков. Вместо этого он устремил взор на принца Келсона, сидевшего на резной деревянной скамеечке справа от отцовского трона.

Наследник короны выглядел очень важным и достойным, но вовсе не надменным. Он изучал шеренгу пажей с дружелюбным любопытством. Когда его серые глаза встретили взгляд золотистых глаз Дугала, принц Келсон широко улыбнулся.

Дугал тотчас ухмыльнулся в ответ, вмиг позабыв о широчайшей пропасти, отделявшей младшего сына незначительного приграничного князька от наследного принца всего Гвиннеда. Настоящего друга он способен был разглядеть с первого взгляда. Но сейчас они были слишком далеко, чтобы заговорить, а скоро Дугалу пришлось вместе с остальными пажами вернуться на другой конец зала.

* * *

Несколькими часами позже Дугал стоял, прислонившись к столбу у стены парадного зала, зевая так широко, что у него начинал дрожать подбородок. Час был уже столь поздний, что даже возможность не ложиться спать в положенное время утратила все свое очарование. Но как бы то ни было, он обязан был дождаться, пока отец переговорит со всеми друзьями и знакомыми. По крайней мере теперь, когда толпа немного рассеялась, Дугал получил возможность как следует разглядеть зал.

Из развлечений сегодняшнего вечера он видел лишь какие-то обрывки, ибо ему все заслоняли спины взрослых. Время от времени над головами мелькал подброшенный жонглером мяч, обруч или горящий факел, или акробат забирался другому на плечи... вот, собственно, и все. Похоже, при королевском дворе коротышки и незначительные персонажи пропускали большую часть увеселений.

Дугал вновь зевнул и с силой принялся тереть глаза костяшками пальцев, чтобы не заснуть стоя. Он обошел столб кругом, чтобы не дышать дымом от чадающего факела... и от изумления широко раскрыл рот. Принц Келсон сидел на боковых ступенях королевского возвышения всего в каких-то десяти шагах от него.

Еще пристальнее Дугал стал наблюдать за принцем, когда осознал, что тот разговаривает о чем-то с Морганом.

На высокого светловолосого герцога Дугалу чуть раньше вечером указал отец с особым повелением *никогда* не досаждать этому человеку, ибо Морган был Дерини.

Но Дугалу было слишком интересно все, что происходит вокруг, и он никак не мог заставить себя отвернуться, хотя и знал, что подслушивать и подглядывать — это непростительный грех. Никогда прежде за всю свою жизнь он не видел ни одного Дерини. А против Моргана отец предупреждал его почти с такой же опаской, как против диких волков или медведей.

Однако на вид Морган выглядел совершенно безобидным, и это отчасти даже разочаровывало. Он сидел на ступенях рядом с принцем, положив у ног герцогскую корону.

Келсона он слушал с ласковым вниманием, как если бы они были одного возраста. Голос Келсона не доносился до Дугала, однако когда принц завершил свою историю, Морган во весь голос расхохотался, запрокидывая голову. Принц взирал на него с довольным и гордым видом и, похоже, не испытывал перед Дерини никакого страха.

Затем Келсон и Морган вскочили на ноги при приближении королевы. Тонкими руками она обняла Келсона за плечи и сердито уставилась на Моргана, не ответив на его поклон. Как ни старался, Дугал не мог расслышать, о чем они говорили. Королева казалась рассерженной, а затем и у Моргана на лице появилось недовольное выражение.

Морган поклонился вновь, на сей раз одному лишь Келсону, нагнулся, чтобы взять свою корону и стремительным шагом направился прочь; полы черно-зеленого плаща взметнулись за ним, подобно крыльям огромной птицы.

Когда он удалился, королева развернула Келсона лицом к себе и одной рукой подняла его подбородок. Он внимал матери с недовольным, мятежным видом. Та, схватив сына за руку, повела его вверх по ступеням помоста, всю дорогу продолжая за что-то отчитывать.

Дугал вновь зевнул так широко, что уже не видел ничего вокруг, хотя ему очень нравилось наблюдать за происходящим.

— Ох, если я тотчас не отправлю этого сорванца в постель, то он всю ночь проведет здесь, с гарнизоном замка! — воскликнул Каулай прямо над ухом у Дугала, и мальчик подпрыгнул от неожиданности. — Давайте поговорим об этом завтра, милорд Эрскин...

Продолжая зевать и спотыкаясь на каждом шагу, Дугал вслед за отцом отправился в отведенные им покои, однако, оказавшись в постели, он почувствовал, что сон с него как рукой сняло. Ухватив отца за рукав, он удержал его рядом с собой.

— Папа, как ты думаешь, принц Келсон станет играть со мной?

Каулай уселся на край кровати Дугала и взял сына за руку. Лицо его было добрым и серьезным, и у мальчика упало сердце. С таким выражением отец всегда объяснял ему самые неприятные вещи.

— Не ожидай от принца слишком многого, Дугал, — медленно начал Каулай. — У сына приграничного графа и наследного принца Гвиннеда мало общего между собой. Его высочество не занимается в обычных классных комнатах вместе с остальными пажами, и я уверен, что его величество тщательно следит за тем, чтобы сын дружил лишь с самыми достойными отроками.

— Это я знаю, — согласился Дугал. — Но ведь

наверняка его высочеству хоть иногда позволяют играть с другими мальчиками.

— Ну, конечно, — кивнул Каулай. — Он ведь все-таки не пленник в замке. Но дни его высочества расписаны по часам, и за ним всегда строго наблюдают. При дворе у всех свои взгляды на то, как надлежит себя вести будущему королю. И не думаю, что хоть кто-то из этих надзирателей придет в восторг, если наследный принц вздумает играть во дворе с сыновьями приграничных правителей.

Дугал вздохнул. Скорее всего, ему никогда и заговорить-то не позволят с принцем Келсоном, не говоря уже о том, чтобы поиграть вместе.

Нагнувшись, Каулай поцеловал Дугала в лоб, и тот ощутил, что от отца сильно пахнет вином.

— А теперь давай, спи, Дугал. Может, тебе и не доведется поиграть с его высочеством, но у тебя будут и другие друзья. А мне пора сходить за твоим братом и увести его из зала, пока он не напился и не свалился под стол.

Поднявшись, он ушел, забрав с собой свечу.

Повернувшись набок, Дугал уставился на квадрат лунного света на полу. Он ничуть не сомневался, что принц Келсон улыбался именно ему и хотел с ним подружиться. Но их обоих окружали взрослые... в особенности Келсона. И если король не желает, чтобы его сын играл с отпрыском приграничного графа, то так тому и быть. Ни Дугал, ни даже сам Каулай не в силах заставить его передумать.

* * *

— В первый год, что вы проведете при дворе, каждый из новых пажей будет жить в одной комнате с кем-то из мальчиков постарше, — объявил им принц Нигель двумя неделями позже.

Дугал этим ранним январским утром дрожал от холода и не мог избавиться от тоски по дому. Новогодние празднества уже закончились, и час назад мальчик проводил отца и брата, возвращавшихся домой. Теперь с остальными пажами он оказался в трапезной, неподалеку от пажеских спален. Напротив Дугала и прочих новичков в ряд выстроились мальчики лет десяти-двенадцати.

— Ваши соседи по комнате помогут вам привыкнуть к здешнему распорядку, — продолжил принц Нигель. — Им надлежит проследить, чтобы вы как следует запомнили все правила, чтобы вы просыпались, одевались и приводили себя в порядок перед осмотром, что мы проводим до завтрака каждое утро. После этого ваш сосед убедится, что вы знаете, куда вам идти и чем заниматься весь остаток дня. Короче говоря, сосед должен будет помогать каждому из вас стать настоящим королевским пажом и достойно исполнять свои обязанности. И первейшая среди этих обязанностей — содержать свою комнату в чистоте и вовремя приходить на все уроки и занятия. Теперь мы назначим вам соседей, и они проводят вас по комнатам.

Взяв в руки список, принц начал зачитывать имена.

— Дугал Мак-Ардри, твоим соседом будет Николас Мердок.

Николас Мердок сделал шаг вперед, и сердце Дугала упало. Его соседом оказался рослый крепыш с темными, остриженными под горшок волосами, в точности, как у остальных пажей. Единственному среди всех принц Нигель разрешил ему, Дугалу, в виде исключения сохранить свою косичку, — традиционную для горцев Приграничья.

У Николаса далеко вперед выдавалась нижняя челюсть, карие глаза слегка косили и были посажены слишком близко к широкому вздернутому носу, с лица не сходило воинственное выражение. На Дугала он взирал сверху вниз с очевидным презрением.

— Ну, не стой же тут столбом. Бери свои пожитки и пойдем. — Николас вздохнул. — Так я и знал, что мне достанется какой-нибудь недоумок вроде тебя.

Дугал последовал за ним по узкой винтовой лестнице, сгибаясь под тяжестью седельных сумок, забитых вещами. На душе у него было тяжело от скверных предчувствий. Лестница привела их в длинный пустынный коридор с рядом совершенно одинаковых дверей по правую руку. С левой стороны такой же длинный ряд крохотных окошек выходил на пустой заснеженный двор замка.

— Сюда, — рявкнул Николас.

Он открыл одну из дверей посреди коридора

и отступил, чтобы дать Дугалу войти первым. Комната оказалась маленькой и узкой, с единственным окошком в противоположной стене. Две одинаковых железных койки с деревянными сундуками в изножье занимали большую часть помещения с голым каменным полом, а между кроватями под окном оказался шаткий деревянный столик. Дугал с тоской воззрился на эту скудную обстановку, с завистью вспоминая роскошные отцовские покои.

— Динь-дон! — налетел на него сзади Николас, с силой дергая Дугала за косу, так что у мальчика глаза наполнились слезами и он уронил на пол все свои пожитки.

— Какая у тебя чудная косичка, девчонка!

— Я не девчонка! — завопил уязвленный Дугал. — Все мужчины клана Мак-Ардри заплетают волосы в косу!

— Значит, все мужчины клана Мак-Ардри — это сопливые девчонки, — захохотал Николас. — Такие же, как ты!

Он с силой толкнул Дугала в спину, а затем ногами отшвырнул его вещи прочь с дороги, к левой стене.

— Вот там будет твоя кровать, и твой сундук. И чтоб я не видел тебя на своей половине. И не смей своими грязными лапами трогать мои вещи!..

В гробовом молчании Дугал откинул крышку сундука и принялся выкладывать туда одежду. Первым делом он уложил свой килт. Никто не

позволит ему ходить в привычной одежде, пока он на дежурстве, и все же один лишь вид родовых цветов Мак-Ардри слегка приободрил мальчика.

— Длинные волосы, а теперь еще и юбки! — взвизгнул от хохота Николас, глядя на килт. — И ты еще будешь утверждать, что ваши мужчины чем-то отличаются от девиц?

— Как раз только мужчины и носят килты, — возразил Дугал. — И все они куда крепче, чем ты!

— Какое мне дело до того, что там носят какие-то выскочки-крестьяне? — взвился Николас. — Да, да, вы там, в Приграничье, все равно что сервы и крестьяне... и не пытайся это отрицать! А уж твой отец и вовсе ни в какое сравнение не идет с моим дедом, графом Картанским.

С этими словами Николас наставил на Дугала толстый указательный палец и несколько раз ударил его в грудь, покуда не прижал к стене, грозно нависая над мальчиком. Голос его сочился неприкрытым презрением и насмешкой.

— Вот он-то настоящий граф, с настоящими владениями, а не этим крохотным захолустным закутком, где твой папаша предводительствует над вонючими невежественными дикарями в юбках.

— Мы не невежды и не дикари! — от возмущения Дугал побагровел. Еще никто и никогда не осмеливался при нем так оскорблять отца и весь клан.

— Но вы ведь носите юбки, и от вас воняет!

Фу! И как меня угораздило стать нянькой при таком червяке?!

В дальнейшем их отношения только ухудшились. Мало того, что по утрам Николас будил Дугала, опрокидывая на него кувшин с ледяной водой, но он еще и не сделал ничего, чтобы помочь мальчику освоиться с распорядком жизни в замке. За первую же неделю Дугал несколько раз получил взыскания за то, что нарушал правила, опаздывал на занятия или вовсе оказывался в неподобающем месте, — лишь тогда он осознал, что Николас намеренно вводит его в заблуждение, и перестал полагаться на его указания и советы.

Разумеется, всем новичкам при дворе доставалось от старших собратьев в эти первые недели, но Дугал видел, что *их* соседи по комнате все же стремятся защитить мальчиков от слишком грубого обращения. Зато Николас с тремя своими самыми близкими друзьями получал особое наслаждение, всячески преследуя Дугала, и его мучители не переставая, выискивали все новые поводы для насмешек, — благо ярко-рыжие волосы горца, заплетенные в косу, его веснушчатое лицо, провинциальный выговор и невысокое положение младшего сына приграничного лорда предоставляли им массу возможностей для издевок. Все свободное время они посвящали этому развлечению, так что под конец Дугал стал ощущать себя не лучше загнанного зайца.

Ему и в голову не приходило попросить о

помощи принца Нигеля или кого-нибудь из старших. В Транше любой мальчишка старше пяти лет, который не способен был сам за себя постоять, не мог рассчитывать на чужую помощь или сочувствие. Дугал полагал, что те же правила действуют и в Ремуте, только вдвое строже. Каждую ночь перед сном Дугал мечтал отомстить Николасу за его пакости и насмешки, но все упиралось в одну проблему: Николас был старше, крупнее и у него были союзники. Физически расправиться с ним было не под силу восьмилетнему пареньку.

Впрочем, слишком долго бодрствовать по вечерам Дугал был не в состоянии, ибо новая жизнь с ее непривычными требованиями выматывала его слишком сильно, как телесно, так и умственно. Ежедневно у них были занятия по верховой езде, владению оружием и стрельбе из лука, но здесь он справлялся неплохо, ибо занимался всем этим и в Транше. Также он умел читать, писать и совершать простейшие вычисления. Поэтому школьные занятия в Ремуте тоже не казались ему непосильным бременем.

Тяжелее всего давались ему непосредственные пажеские обязанности. Если верить принцу Нигелю и его помощникам, то существовало бесконечное множество «неправильных» способов сделать что бы то ни было и лишь один единственный «верный» способ решения каждой задачи. «А я-то всегда сначала все делаю наперекосяк», — горевал Дугал.

Среди новичков он обучался медленнее всех, и это невозможно было не заметить. От каждого мальчика требовалось достичь совершенства, независимо от того, сколько ему приходилось ради этого тренироваться. Дугал все еще пытался осознать, как же полагается «правильно» передавать сообщения, в то время как прочие новички уже вовсю учились подавать кувшины для омовения рук знатым господам после того, как они заканчивали обедать. Нечего и говорить, что это также служило для Николаса бесконечным поводом к насмешкам.

За первые два месяца при дворе Дугал видел принца Келсона по паре раз в неделю, но тот всегда куда-то торопился вместе с наставником или оруженосцем.

Всякий раз, заметив Дугала, Келсон улыбался и дружески махал ему рукой, однако им ни разу даже не представилось возможности поздороваться. Хотя формально Келсон и сам являлся пажом, но вел совершенно отличную от прочих мальчиков жизнь, — в точности, как предупреждал Дугала отец.

Будучи еще на первом году обучения, Дугал не имел совместных с Келсоном занятий: ведь тот вот уже четыре года как постигал воинские премудрости. Порой Дугал мог наблюдать, как Келсон упражняется в верховой езде, фехтовании или стрельбе из лука, и с гордостью отмечал, что во всех этих дисциплинах Келсон преуспевает ничуть не хуже, а то и лучше, чем мальчики

куда старше его по возрасту. Но это лишь увеличивало разрыв между ними.

* * *

— Стой!

Дугал опустил лук и обернулся с неловким поклоном. До сего мгновения он был полностью сосредоточен на стрельбе. В это хмурое мартовское утро он поставил себе целью поразить самую дальнюю мишень во дворе.

В последний раз, когда он видел принца Нигеля, тот шел в противоположную сторону, но сейчас он оказался прямо перед Дугалом, возвышаясь над мальчиком, словно колокольня. Принц Конал, старший сын Нигеля, стоял по левую руку от отца, с презрением разглядывая юного пажа.

По правую руку от принца Нигеля с самодовольным видом держался Николас Мердок. Сам принц Нигель сурово хмурился.

Сглотнув, Дугал опустил голову и уперся взглядом в землю. Он понятия не имел, почему принц Нигель так недоволен им, но не сомневался, что тут не обошлось без Николаса. Однако его успехи в стрельбе из лука тут явно ни при чем: ведь он только что послал в яблочко три стрелы из пяти.

— Николас мне сказал, что ты всегда стреляешь с левой руки, — заявил принц Нигель. — Это правда?

У Дугала отвисла челюсть, сердце заколотило

лось от волнения, и он испуганно воззрился на принца.

— Ну, так что же? Я, кажется, задал тебе вопрос, мальчик, и жду ответа.

— Да, ваше высочество, — сдавленным голосом признал Дугал.

— В Ремуте ты этого делать не будешь. На службе у его величества нет ни одного левши. Начиная с сегодняшнего дня ты будешь стрелять с правой руки.

Он взял лук Дугала, передал его Коналу, а сам поменял с руки на руку лучную перчатку и запястный браслет Дугала. Пажи, что тренировались поблизости, тут же прекратили стрелять и с любопытством стали прислушиваться, как бранят их товарища.

— Попробуй вот так, — велел принц Нигель, протягивая лук Дугалу.

Это был приказ. Дугал взял стрелу и после двух неловких попыток сумел натянуть тетиву. Ему было непривычно и неудобно держать лук в левой руке, а тетиву оттягивать пальцами правой, но ослушаться он не посмел.

Первый выстрел с правой руки оказался полным позором. Стрела взвилась вверх и вонзилась в сырую землю, не долетев до мишени доброго ярда.

— Уймись! — сухо велел принц Нигель мальчикам. — Дугалу так же трудно стрелять с правой руки, как вам было бы с левой.

— А теперь слушайте меня все! — принц повы-

сил голос, обращаясь к пажам. — Я хочу видеть, как ваши стрелы попадают в мишень! Если не будете тренироваться, то никогда не улучшите своих результатов, а Бог свидетель, вы в этом очень нуждаетесь!

Мальчики рассеялись, словно листья под порывом ледяного зимнего ветра. Вскоре на тренировочном дворе уже повсюду звенели стрелы и слышался стук глухих ударов, когда наконечники попадали в цель.

Нигель повернулся к Дугалу.

— Попробуй еще раз.

Следующим выстрелом Дугал поразил нижний край мишени, но выстрелил недостаточно сильно, и стрела, отскочив, упала на землю. Дугал застонал.

Принц Нигель тронул его за плечо.

— Не отчаивайся, это была всего лишь вторая попытка. Я вижу в тебе задатки неплохого лучника. Тебе просто нужно больше тренироваться.

* * *

«Я вижу в тебе задатки неплохого лучника...»

Позже, в тот день, Дугал раз за разом прокручивал в мозгу эти слова принца Нигеля, пока ухаживал за своим пони. Но на самом деле, день выдался ужасным. Если поначалу с правой руки он стрелял просто скверно, то под конец стал показывать ужасающе плохие результаты.

В отчаянии Дугал отбросил скребницу и прислонился к Звездочке щекой в поисках утеше-

ния. Он зажмурил глаза, чтобы не дать пролиться слезам, хотя и знал, что никто не увидит его в дальнем конце королевских конюшен.

Он никак не мог обижаться на принца Нигеля, хотя тот несколькими словами и уничтожил все прошлые достижения Дугала. Принц Нигель, суровый и требовательный, отличался справедливостью и огромным терпением. За два месяца при дворе Дугал ни разу не видел, чтобы он наказал кого-то из пажей, не выслушав сначала все заинтересованные стороны. Он ни разу не унизил никого из мальчиков. Все они из кожи вон лезли, чтобы заслужить хоть слово похвалы, на которую принц был весьма скуп. Даже его нынешнее небрежное замечание было для Дугала настоящим сокровищем.

Подняв с пола скребницу, Дугал вновь принялся расчесывать лошадь, пока та ела овес из кормушки.

Понемногу тяжесть в груди и в животе отступала. Запах сена и лошадей, их мирное похрапывание и стук копыт всегда утешали мальчика даже в минуты величайшего горя.

Возможно, только королевские конюшники и помогли ему пережить эту ужасную зиму при дворе. С конюхами и их младшими помощниками он сдружился куда быстрее, чем с другими пажами.

Жаль только, что Звездочка всегда будет выглядеть здесь не на своем месте. Она была косматой, подобно всем горским пони, и даже сейчас,

в марте, продолжала лить, покрывая всю одежду Дугала слоем шерсти, пока тот чистил ее.

Покончив с этим занятием, Дугал на прощание потрепал Звездочку по шее, уже раскаиваясь в этих своих мыслях. Конечно, он мечтал иметь настоящую р'кассанскую лошадь, как те, на которых выезжал сам король, но прекрасно понимал, что такой у него никогда не будет. К тому же эти красавцы мало приспособлены к суровой жизни в горах... даже если бы его отец и мог позволить себе столь дорогостоящую покупку.

По крайней мере, в Ремуте Дугал мог любоваться на великолепных чистокровных жеребцов. Выйдя из стойла Звездочки, он прошел по длинному проходу в другой конец конюшни, где содержались королевские лошади. С этого конца конюшни до его комнаты путь был короче, так что он всегда старался пройти здесь, когда не было посторонних. Конюхи тоже не возражали, зная, что Дугалу вполне можно доверять.

Завернув за угол, мальчик в изумлении остановился.

Принц Келсон стоял у самого входа, скармливая кусочки моркови высокому серому жеребцу и красивому кауруму пони. Рядом конюх стоял в ожидании, чтобы забрать лошадей, но его присутствия Дугал почти не заметил, пораженный тем, что впервые видит Келсона без свиты. Он торопливо направился к принцу, на ходу бормоча слова приветствия.

Келсон заметил его не сразу, зато спутник

принца тут же обернулся, и невозмутимый взгляд серых глаз уперся в Дугала, — который тут же попятился со страхом и разочарованием.

Как же он мог принять Моргана за простого конюшего! Келсон *никогда* не оставался без сопровождающих. Прячась за углом, Дугал ожидал, что вот-вот раздадутся шаги... Во рту у него пересохло от страха, но герцог так и не появился.

— Пойдемте, мой принц, — услышал он голос Моргана. — Час уже поздний. Не нужно давать вашей матушке повод подумать, что я мог похитить вас и продать Венциту Торентскому. Не думаю, что вы сами хотите такого скандала.

— До чего же она любит суетиться, — вздохнул Келсон. — А ведь отец сказал, что я могу поехать сегодня с тобой на прогулку.

— Об этом знаем вы и я, и ваш отец, — засмеялся Морган. — Однако, уверен, что ваша матушка полагает, будто речь идет не о простой прогулке, но об очередной попытке навеки сгубить вашу бессмертную душу...

Постепенно голоса и шаги затихли.

Дугал со вздохом направился к себе в комнату. После встречи с Морганом он уже сомневался, что сможет когда-нибудь приблизиться к Келсону. Если бы на то была воля его матушки, в список Десяти Заповедей она бы добавила еще и одиннадцатую: «*Не забывайся*». Расскажет ли Морган принцу Нигелю, что видел Дугала на конюшне? Или, хуже того, королю? Глядя на свою одежду, сплошь покрытую лошадиной шерстью, Дугал

внезапно осознал, что выглядит отнюдь не как пай-мальчик, с которым мог бы подружиться принц. Так что надо ему поспешить, чтобы переодеться и привести себя в порядок до ужина.

К огромному облегчению Дугала, Николаса не было на месте, когда он вернулся к себе. Раскрыв сундук, чтобы достать чистую рубашу, он увидел пару алых шоссов поверх стопки свежего белья. Мгновенно подхватив шоссы, мальчик выглянул в коридор, чтобы проверить, не идет ли Николас, а затем, открыв сундук соседа, подменил чулки Николаса на свои, куда меньшего размера.

Дугал беззвучно опустил крышку сундука, затем вернулся на свою половину комнаты и похищенные шоссы запихнул на самое дно сундука, прямо под килт. Он успел как раз вовремя. Снаружи слышались тяжелые шаги Николаса, поднимавшегося по винтовой лестнице на дальнем конце коридора. Крышка сундука выскользнула у мальчика из пальцев и с ужасающим грохотом, эхом отразившимся от каменных стен, рухнула на место.

— От тебя воняет, как от тяжеловоза, — пожаловался Николас, распахивая дверь. Он с шумом принюхался, а затем с видом величайшего отвращения прижал к носу платок. — Даже хуже, чем обычно. Какой ты все-таки грязнуля!

— Вот поэтому я и умываюсь! — пробурчал Дугал себе под нос. Он склонился над тазом и с колотящимся сердцем принялся тереть лицо.

Понял ли Николас, что шум доносился из их комнаты?

— Лучше бы ты помылся прямо на конюшне, — засмеялся Николас. — Когда закончишь, принеси мне чистой воды. Я не желаю прикасаться к тазу после тебя. Из вас, Мак-Ардри, конюхи получились бы куда лучшие, чем рыцари. Никогого воспитания...

* * *

— Ах, проклятая корова, эта прачка! — Дугал незаметно приоткрыл глаза на следующее утро и обнаружил, что Николас сидит на постели, отчаянно пытаюсь натянуть на себя шоссы Дугала, которые упорно не желали налезать на его крепкие ноги. Лицо мальчика покраснело от усилий, а лицо сморщилось в гневливо-обиженной гримасе.

Дугал закрыл глаза, пытаюсь удержаться от смеха.

— Что случилось? — поинтересовался он и изобразил широкий зев, чтобы скрыть улыбку.

— Эта никчемная прачка перепутала шоссы! — Николас указал на свои ноги. Он умудрился натянуть чулки всего до колен. — Я прослежу, чтобы ее за это уволили!

Дугал прикусил губу. Старая прачка всегда была добра к нему. Он вовсе не хотел, чтобы за его проделку пострадал кто-то другой... даже ради того, чтобы отомстить Николасу.

— Надень другую пару.

— Не могу, — проворчал Николас. — Я их вчера все перепачкал, а принц Нигель наверняка это заметит. — Он ухватил шоссy за пояс и принялся изo всех сил дергать их вверх.

Дугал торопливо оделся и выскочил в коридор. Он торопился как для того, чтобы успеть вовремя к утреннему смотру, так и чтобы избежать общества Николаса. Если бы он понаблюдал за своим соседом еще немного, то наверняка рассмеялся бы в голос, и тот понял бы, какую злую шутку над ним сыграли.

Из всех мальчиков Николас вышел в коридор последним. Шоссy Дугала были туго натянуты на его бедра. Дугал, стоя рядом с дверью, смотрел прямо вперед, боясь, что все же не удержится и расхохочется, если скосит глаза в сторону. Даже после того, как смотр был окончен и их отпустили, он по-прежнему должен был делать над собой невероятные усилия, чтобы удержаться от смеха. Нынче утром походка Николаса была на удивление неловкой, и он то и дело останавливался и подтягивал чулки, чтобы они не сползли у него на бедрах.

Все остальные также не сводили с Николаса глаз. Младшие мальчики не осмеливались смеяться вслух, но бросали на Дугала восхищенные взгляды. Даже некоторые из старших оруженосцев подмигивали ему на ходу. Как только Николас спустился вниз по лестнице, Дугал наконец позволил себе широко улыбнуться. Мысль о таком успехе вызывала в душе законное чувство

гордости. В то же время он был рад, что сегодня суббота, и все утро различные придворные обязанности не позволят им встретиться с Николасом. А после обеда он поедет на прогулку в город, решил Дугал.

Все равно, поймет ли Николас, кто именно подшутил над ним, но именно на своем младшем соседе по комнате он постарается отыграть за этот ужасный день... Так что лучше, пока возможно, успеть насладиться своей проделкой. Дугал уповал лишь на то, что сумеет ускользнуть на конюшню, прежде чем Николас бросится на его поиски.

* * *

— Дугал!

Дикон Мак-Эван торопливо пробежал через пажескую трапезную к тому месту, где Дугал сидел за длинным обеденным столом. Чтобы добраться до приятеля, мальчику даже пришлось растолкать группу ребят постарше и перепрыгнуть через скамью.

— Беги скорей отсюда! — выдохнул Дикон Дугалу на ухо. — Николас ищет тебя повсюду, и он зол, как черт. Ты должен спрятаться как можно быстрее!

Дугал застыл, не успев даже толком прожевать кусок хлеба с сыром, застрявший у него в горле.

— Ну же, давай! — торопил Дикон, дергая Дугала за рукав. — Я бежал всю дорогу, но, по-мое-

му, он меня заметил. Нам нужно уходить отсюда.

Дугал сунул в карман яблоко и выбежал вместе с Диконом к дверям. У выхода он еще успел задержаться и схватить с крючка свой плащ, после чего насмерть перепуганный приятель выволок его наружу.

— Мне нужно взять моего пони на конюшне, — воспротивился Дугал, когда неожиданный спаситель стал подталкивать его через двор к замку.

— Но ведь он как раз на конюшне и станет тебя искать! — голубые глаза Дикона округлились от страха.

— Сперва он все равно заглянет в трапезную, — шепотом возразил Дугал, устремляясь наперерез через сад в направлении конюшен. По сравнению с перетрусившим Диконом, он чувствовал себя почти храбрецом, хотя сердце у него колотилось, словно после долгого бега. — Я должен удрать как можно дальше и как можно скорее.

Дикона он оставил на страже у основного входа в конюшню, а сам кинулся седлать Звездочку. Он как раз выводил ее наружу, когда приятель подбежал к нему, задыхаясь от волнения.

— Николас выискивает тебя у ворот замка! Ты не сможешь выбраться незамеченным!

Дугал с трудом сглотнул. Остатки смелости окончательно покинули его. Где бы он ни старался укрыться, в самом замке или в саду, Николас

будет искать его до победного конца, а мальчику совсем не улыбалось прятаться и дрожать в каком-нибудь укромном углу, в ожидании пока разгневанный враг отыщет и избьет его. В особенности в такой погожий солнечный весенний денек... когда он наконец действительно сделал нечто достойное ярости Николаса.

— Что будем делать? — хныкал Дикон.

— Я все равно попытаюсь удрать, — твердо ответил Дугал. — Я ведь все-таки Мак-Ардри. И держу пари, что Николасу нипочем не догнать моего пони.

— Только не задерживайся здесь, Дикон, — добавил Дугал. — Не хочу, чтобы Николас знал о том, как ты помог мне... И спасибо, что предупредил.

— Ну, если ты уверен, что справишься... — с облегчением прошептал Дикон и поспешил прочь. — Будь осторожен!

Дугал вывел своего пони на конюшенный двор и сел в седло. От страха и волнения сердце у него в груди колотилось, как бешеное. Ощущая возбуждение всадника, Звездочка тут же перешла на рысь.

У выезда на основной двор Дугал натянул поводья. Нет никакого смысла выскакивать наружу как оглашенному: сперва лучше бы оглядеться. Он сразу же заметил Николаса, который дожидался у выездной арки, по правую руку от Дугала, чуть в стороне от въезда на конюшенный двор.

Позорная промашка в стратегии противника: Дугал невольно хмыкнул, уже прикидывая про себя, как он мог бы это использовать для собственной выгоды. Нужно будет сразу же послать Звездочку в галоп, затем резко развернуть ее вправо и проскакать мимо Николаса, пока тот не сообразил, в чем дело. Более крупная лошадь, возможно, и не справилась бы с таким маневром, но юркая Звездочка наверняка сумеет спасти своего хозяина.

Мальчик сжал бока пони коленями, и лошадь стремительно набрала скорость, стрелой вылетев во двор замка через крытый проход. Дугал прижался к шее Звездочки и свесился вправо, чтобы Николас не сразу признал его... и едва не перелетел через голову лошади, когда та внезапно остановилась, чтобы избежать столкновения с двумя крупными боевыми скакунами, только что показавшимися из ворот.

В замок прибыла целая кавалькада, живой рекой из лошадей, всадников и груженных повозок разделившая Дугала с Николасом. Даже несмотря на владевший им страх, Дугал успел насчитать не меньше дюжины конных рыцарей, окружавших своего господина и какого-то нарядного подростка. Их сопровождали конные лакеи и множество повозок с багажом.

— Давай! — Дугал ударил Звездочку в бока, как только проход освободился.

Пони метнулся вперед, едва не сбросив седока, когда на резком повороте обходил угол. Ду-

гал уцепился за гриву и прижался к шее лошади, в надежде, что та вынесет его в безопасное место.

Николас также не терял времени даром, дожидаясь своего единственного шанса, и теперь, побавровев от ярости, бросился бежать следом, размахивая кулаками.

— Держись подальше! — выкрикнул Дугал через плечо. — Она лягается!

Копыта Звездочки прогрохотали по доскам опускного моста, затем застучали по мощеной мостовой. Слишком быстро, Николасу было их уже не догнать. Обернувшись через плечо, Дуглас заметил своего врага, который стоял на мосту через ров, упершись кулаками в бока, и с ненавистью глядел ему вслед.

— Свобода! — восторженно завопил Дугал. Он натянул поводья, чтобы с галопа Звездочка перешла на небыструю рысь, позволявшую куда легче маневрировать на запруженных городских улицах.

* * *

— Уилфред, там, в стойле Звездочки какая-то другая лошадь, — окликнул Дугал торопившегося мимо конюха. Изумленный, он стоял в конце прохода, держа в поводу нерасседланную, проголодавшуюся Звездочку. Солнце уже клонилось к закату, и на конюшне царила привычная вечерняя суета.

— Ну да, Дугал, я знаю, ты уж не сердись, паренек, — откликнулся Уилфред. — Может, Звез-

дочка твоя перебьется одну ночку под навесом? У нее ведь шерсть густая, правда?

Чувствуя, что Уилфред не только очень занят, но еще и здорово устал, Дугал не стал возражать. Здесь, в низинном Ремуте, даже в прохладную весеннюю ночь все равно гораздо теплее, чем дома, в горах, и пони ничуть не пострадает. Ему доводилось ночевать на свежем воздухе и в куда худшую погоду.

— Ну, конечно, ничего страшного. Но откуда взялись все эти лошади, Уилфред?

— Герцог Джаред Мак-Лейн прибыл на два дня раньше, чем мы его ждали, — проворчал конюх. — Весь день только и делаем, что носимся, как угорелые, пытаюсь разместить лишних четыре десятка лошадей. Сегодня в королевских конюшнях не осталось ни одного пустого стойла, и еще две дюжины ждут своей очереди под длинным навесом снаружи. — Уилфред усталым жестом взъерошил свои жесткие седые волосы. — Только и думай теперь, как развести подальше кобыл и жеребцов. — Он ухмыльнулся, качая головой.

— Ладно, тогда пойду устрою Звездочку поудобнее, — заметил Дугал и развернул своего пони, чтобы вывести его наружу под навес.

— Погоди, парень, — задержал его Уилфред. — Раз уж ты нынче такой уступчивый и согласен оставить свою Звездочку на улице, так, может, окажешь мне еще одну услугу? Не приведешь ли на обратном пути Лунную Тень?

— Лунную Тень? — задохнулся Дугал. — Но...

— Да ладно тебе, отсюда до навеса всего две дюжины шагов, — поддразнил его Уилфред. — Мало кому из вас, ребятни, я бы доверил эту красотку, но надеюсь, что ты справишься без труда. — Он сунул Дугалу в руки узду и длинную свернутую веревку. — И уж точно я не стал бы ни о чем просить того здорovenного болвана, что был здесь до тебя.

Блаженное настроение Дугала, которому впервые в жизни доверили самому поухаживать за Лунной Тенью, тут же исчезло.

— Кто здесь был? — испуганно спросил он, уже заранее предвидя, каким будет ответ Уилфреда.

— Да этот недоумок Мердок... Николас, помоему, его зовут. — Уилфред пожал плечами. — Видел ведь, как мы тут заняты, тупица, но все равно крутился под ногами и докучал своими вопросами. Видите ли, подавай ему тебя — и все тут. В конце концов старший конюх послал его куда подальше, и больше он не возвращался.

— Уилфред! — внезапно донесся зычный рассерженный голос с другого конца прохода. — Тут лошадей пора кормить. Пошевеливайся!

Сглотнув, Дугал торопливо повел Звездочку из конюшни к длинному навесу. Несколько лошадей уже хрустели соломой, рассыпанной на сырой земле. Дугал быстро привязал своего пони, проверив, надежно ли заперты низкие ворота, а затем двинулся к стойлу Лунной Тени. Каж-

дые пару шагов он оглядывался по сторонам и через плечо, в ожидании, что Николас вот-вот набросится на него из какого-нибудь темного угла. Он прекрасно сознавал, что враг не упустит возможности свести с обидчиком счеты, и мысль о том, что ему предстоит претерпеть сегодня, еще до того как лечь спать, наполняла ужасом душу Дугала. После того как Николас весь сегодняшний день тихо кипел от злости, его месть станет лишь еще более изощренной.

Однако едва лишь он достиг стойла Лунной Тени, Дугал заставил себя успокоиться, чтобы не пугать кобылу. Лунная Тень приблизилась к нему; ее светло-серебристая шерсть мерцала в полумраке. Дугал дал ей понюхать ладонь, и от близости столь великолепного животного страх окончательно исчез. Кобыла послушно наклонила голову, словно сама помогая накинуть узду, и Дугалу лишь оставалось застегнуть пряжку сбоку и вывести лошадь наружу.

Гордясь неслыханной привилегией, выпавшей на его честь, он медленным шагом провел Лунную Тень к конюшне, чувствуя себя таким же счастливым, как если бы сопровождал саму королеву Джехану, — ибо Лунная Тень была любимой лошадью королевы, подарком на день рождения, который прошлой осенью король сделал своей венценосной супруге.

Она была чистейших р'кассанских кровей, выращенная на конюшнях самого короля Р'Касси. По словам Уилфреда, если у лошадей есть

свои короли и королевы, то Лунная Тень, несомненно, самых знатных кровей среди них. Она была восхитительным образчиком породы, с маленькой головой, широким лбом и узкой изящной черной мордой.

В ласковых крупных карих глазах светился живой ум, а маленькие острые уши прекрасно отражали все настроения кобылы. От изогнутой спины до тонких ног и горделиво посаженного хвоста, вся она была безупречна, как в мелочах, так и в целом. Грива, хвост и бабки были стального серого цвета, равно как и большие круглые пятна на шее и на крупе, заслужившие лошади ее имя. Восьмилетний Дугал был окончательно и бесповоротно влюблен в эту р'кассанскую красавицу.

...В это мгновение что-то очень быстрое и тяжелое налетело на Дугала сзади, и он ничком рухнул на грязную тропинку. Лунная Тень попятилась и испуганно заржала, вырвав поводья из рук мальчика, хотя тот изо всех сил пытался удержать веревку. Он слышал, как кобыла галопом унеслась прочь, но даже не мог определить, в каком направлении, ибо Николас с силой прижал его к земле.

— Ах ты, маленький ублюдок! — прорычал Николас Дугалу. — Если я еще хоть раз тебя поймаю, когда ты трогаешь мои вещи, я...

— Пусти! — выкрикнул Дугал. Он извивался всем телом, выворачивая шею и пытаясь определить, куда же убежала Лунная Тень.

Николас ударил его головой об землю и заставил лежать смирно.

— Никуда ты не пойдешь! Сейчас я с тобой поквитаюсь за сегодняшнее. Так унижить меня перед архиепископом и королевой!..

Несмотря даже на то, что враг окунул его в жидкую грязь, Дугал еще пытался отчаянно дергаться, чтобы вырваться на свободу, но затем с криком боли оставил всякие попытки, когда Николас вывернул ему левую руку, заводя запястье за спину. Теперь он и впрямь был сильно напуган, но больше за Лунную Тень, чем за собственное благополучие. Куда она могла ускакать? Он не видел перед собой ничего, кроме колена Николаса и травинки, росших на обочине дорожки.

— Для начала я подобью тебе оба глаза и расквашу нос! — с мстительным торжеством пообещал Николас. — Но сперва отведай вот это...

Он наклонился поближе к лицу Дугала и выпустил изо рта тонкую струйку слюны. Прижатый к земле щекой, с рукой, заломленной за спину, мальчик ровным счетом ничего не мог поделать, чтобы избежать этого унижения. От отвращения он закрыл глаза, но спасения не было. Что-то мокрое и отвратительное коснулось его щеки...

— Пусти же меня наконец! — выкрикнул Дугал, вновь пытаясь освободиться. — Я должен найти Лунную Тень!

— Да ты такой же младенец, как мой младший брат, — разочарованным тоном заявил Ни-

колас. — Это же надо — так верещать из-за какого-то плевка! Но теперь, если ты готов к тому, чтобы я как следует врезал тебе, то можешь просто сказать мне об этом.

— Прекрати! — внезапно послышался чей-то голос у Дугала над головой. — Оставь его в покое, Николас!

Голос явно не принадлежал взрослому, но был исполнен силы и власти. Совсем рядом слышались шаги, и Николас наконец слез со спины Дугала и отпустил его левую руку.

— А ты, я вижу, не сильно переменялся, Николас, — послышался другой голос. — По-прежнему выбираешь себе слишком слабых противников, чтобы они не могли дать отпор.

Потрясенный, Дугал по-прежнему лежал на земле, не смея пошевелиться.

— Он это заслужил, Ричард, — сплюнул Николас. — Он подлый воришка и посмеялся надо мной. Я должен был проучить ублюдка!

— После того, как он прожил с тобой в одной комнате целых два месяца, наверняка у него появились причины сыграть с тобой злую шутку, — возразил тот, кого называли Ричардом. — Его высочеству не нравится, когда таким образом обходятся с его друзьями.

При словах «его высочество» и «друзья» Дугал наконец осмелился поднять глаза. Принц Келсон стоял на входе в конюшню, спиной к свету, так что мальчик не мог разглядеть его лица. Но, вне всякого сомнения, это был именно принц. Вско-

чив на ноги, Дугал неловко поклонился, однако Келсон сейчас смотрел отнюдь не на него.

Дугал обернулся, чтобы полюбопытствовать, что стало с Николасом. Рослый темноволосый оруженосец заломил Николасу руку за спину, в точности так же, как тот только что обошелся с самим Дугалом.

Другой рукой Ричард держал Николаса за шею.

— Мне и впрямь не нравится, когда обижают моих друзей, — согласился Келсон, направляясь к ним. — А дядя мой очень не любит, когда старшие пажи принимаются тиранить младших. Тебя предупреждали и раньше, Николас. Ты знаешь, что если дядя проведает об этом, то тебя отошлют домой. Тебе придется ждать лишний год до посвящения в рыцари.

— А раз его здесь нет, то, полагаю, вы ему обо всем расскажете? — насутился Николас, исподлобья взирая на Келсона.

— Я мог бы сделать это и, вероятно, мне бы следовало именно так и поступить, — согласно кивнул принц. — Или я мог бы сказать отцу. Но думаю, что я не стану этого делать... По крайней мере, пока.

— И что дальше? — поинтересовался Николас.

— Ты знаешь, все до единого пажи в Ремуте были бы счастливы, если бы тебя отослали домой, — ровным голосом промолвил Келсон. — Но я знаю человека, которому будет даже интереснее узнать о случившемся, чем моему дяде.

— Это ваша матушка? — со смешком осведомился Николас.

— Называй королеву «ее величество», Мердок! — рявкнул Ричард, сильнее выворачивая тому руку. — Прояви почтение!

— Нет, не матушка, — покачал головой Келсон. — Она просто передаст все дяде Нигелю, и тогда тебя точно отправят домой. Я дам тебе еще один шанс, но если ты будешь продолжать преследовать Дугала и прочих пажей, то я расскажу обо всем Моргану, и он превратит тебя в жабу!

В неярком свете, лившемся из открытых дверей конюшни, Дугал заметил страх на лице Николаса при упоминании имени Морган.

— Он этого не сделает! — выпалил Мердок.

— Не сделает, если пообещаешь оставить Дугала и остальных младших пажей в покое, — кивнул Келсон. — Если дашь клятву, то тебе не придется тревожиться о том, что может и чего не может сделать Морган. — И принц улыбнулся Николасу, явно довольный таким разумным решением.

Вид насупленного, перепуганного лица Николаса вызывал у Дугала смех, но он старался держаться как можно незаметнее, чтобы не привлечь к себе внимания врага. Как-никак, а им все равно предстояло сегодня провести ночь в одной комнате.

— Ладно, — процедил Николас сквозь стиснутые зубы.

— Поклонись, — настаивал Келсон.

— Клянусь, что оставлю Дугала в покое, — проворчал Николас. — Отпусти наконец мою руку, Ричард!

— А как насчет других пажей? — поинтересовался Келсон.

— Клянусь, что не буду трогать и других пажей тоже. — Николас выдавливал из себя эти слова с таким трудом, словно они причиняли ему боль.

— Вот и отлично, — констатировал Келсон. — Можешь отпустить его, Ричард. Но запомни хорошенько, Николас. Если ты отступишься от своего слова, то я точно расскажу обо всем Моргану, и он приведет тебя в чувство!

— А как только я отпущу тебя, Мердок, беги со всех ног, или я ни за что не отвечаю, — заявил Ричард. С этими словами он отпустил Николаса, подтолкнув в спину, и тот устремился по тропинке, ведущей прочь от конюшни. Вскоре его тяжелые шаги затихли в темноте.

— Ну, дело сделано, — заявил Келсон, отряхивая ладони. — С тобой все в порядке?

— Угу, — кивнул Дугал, во все глаза взирая на принца, не в силах поверить, что тот и впрямь пришел ему на помощь.

— Думаю, больше тебе на этот счет беспокоиться не придется, — с дружеской усмешкой заявил Ричард Дугалу. — Ник ведь в душе трусоват. У всех Мердоков скверный нрав, но он еще хуже, чем его братья и кузены.

— Ну, теперь ему придется держать себя в руках. Пусть помнит, что он попадет в беду, если будет и впредь досаждать другим пажам, — с улыбкой согласился Келсон. — Николас точно не успел тебя избить?

Дугал потер затекшую левую руку. Боль чувствовалась, конечно, но скоро все пройдет. И правая ладонь тоже горела, — там, где ее обожгла веревка...

— Лунная Тень! — воскликнул Дугал, испуганно озираясь по сторонам. Кобылы нигде не было видно.

— При чем тут Лунная Тень? — переспросил озадаченный Келсон.

— Уилфред доверил мне привести ее сегодня из открытого загона, — пояснил Дугал, по-прежнему со страхом оглядываясь по сторонам. — Я как раз шел с ней на конюшню, когда Николас сбил меня с ног. Он напугал ее, она вырвалась и убежала.

— Тогда мы должны отыскать ее! — заявил Келсон. — Отец будет в ярости, если с кобылой что-то случится! — Наклонившись ближе к Дугалу, он заговорщицким тоном прошептал: — Он заплатил королю Р'Касси за Лунную Тень полторы тысячи золотых марок.

Потрясенный, Дугал уставился на Келсона. Полторы тысячи золотых... Он и понятия не имел, что какая-то лошадь, пусть даже Лунная Тень, может стоять так дорого. Если кобыла упадет во тьме, охромеет, может, даже ломает себе

ногу, его отец до конца жизни не расплатится с королем. Неужто Дугал сегодня довел до нищеты весь клан Мак-Ардри, из-за того что не сумел удержать поводья?..

— Я принесу из конюшни фонарь, ваше высочество, — предложил Ричард. — Уже совсем стемнело, и без света нам ее не найти. Конюхи тоже помогут. Наверняка она не успела далеко убежать.

— После захода солнца за ворота ей не выйти, — согласился Келсон. — Начнем, пожалуй, с открытого загона. Может быть, она вернулась под навес?

Развернувшись, Дугал со всех ног устремился туда, откуда пришел, отчаянно надеясь, что Лунная Тень именно так и поступила, — но загон был пуст. Однако когда его глаза привыкли к темноте, он обнаружил в грязи отпечатки маленьких круглых копыт.

Не дожидаясь ни принца, ни оруженосца с обещанным фонарем, Дугал со всех ног бросился по следам. Он так спешил, что толком не разбирал дороги, и когда отпечатки копыт внезапно исчезли на краю грязной лужи, то не удержал равновесие и свалился прямо в грязь.

Лужа была очень большой, — целое озеро, — и Дугал весь промок и перемазался с головы до ног. Однако, едва лишь выбравшись на сухую поверхность, он, не тратя ни единого мгновения, вновь принялся искать следы Лунной Тени. На другой стороне лужи он нашел их вновь, — и

вскоре оказался в небольшой березовой рощице, чуть поодаль от тренировочного плаца.

Завидев бегущего к деревьям Дугала, Лунная Тень в панике попятилась. Она ловко ускользнула от мальчика, прижимая уши и испуганно закатывая глаза, затем развернулась и отскочила еще на несколько шагов, после чего застыла в неподвижности, опасливо косясь на преследователя. Дугал отчетливо видел, что лошадь напугана до крайности, но с облегчением убедился, что она, вроде бы, ничего себе не повредила и даже не хромает.

Он стоял не шевелясь и пытался решить, что предпринять. Нет ничего глупее, чем гоняться за испуганной лошадью. Лунная Тень была явно проворнее любого человека.

Озадаченный, Дугал сунул руки в карманы. Под левой ладонью он ощутил нечто круглое и гладкое, — это было забытое с обеда яблоко. С улыбкой он вытащил его наружу и разрезал на куски кинжалом. Затем все кусочки, кроме одного, вернул в карман и очень медленно, шаг за шагом, двинулся к Лунной Тени, на вытянутой руке предлагая ей лакомство.

— Лунная Тень, — ворковал Дугал самым ласковым и тихим голосом, на какой был способен.

На сей раз кобыла не бросилась бежать. Она стояла на месте, повернув голову к мальчику. Уши насторожились при звуке знакомого голоса.

— Лунная Тень...

Дугал по-прежнему медленно шел вперед, раз за разом повторяя ее имя тем же мягким голосом, изо всех сил внушая кобыле, чтобы та послушалась его. Затем, всего в одном шаге, он остановился и стал ждать, призывно протягивая руку.

Веточка хрустнула под копытом лошади, когда та двинулась вперед, а затем ее мягкая морда ткнулась в ладонь мальчика, и она взяла яблоко. Лакомство захрустело у нее на зубах, и Дугал потянулся за новым кусочком. Она съела почти все яблоко, прежде чем Дугал осмелился наконец ухватиться за поводья. Еще пара ломтиков ушли на то, чтобы позволить ему приблизиться и потрепать ее за шею.

Он был очень рад, что крепко взялся за поводья, ибо Лунная Тень внезапно резко вскинула голову. Но ее испугало отнюдь не прикосновение мальчика. Чьи-то шаги и голоса приближались, и свет фонаря отбрасывал длинные отблески на землю, играл среди белых стволов берез...

— Все в порядке, — прошептал Дугал Лунной Тени, скармливая ей последний кусочек яблока.

Кобыла совершенно успокоилась и теперь игриво толкала мальчика мордой в грудь, требуя еще угощения.

— Больше нет, извини, — негромко откликнулся Дугал. — Яблоко было не очень большое.

Он повел лошадь вперед, и она тихо и послушно последовала за ним из березовой рощицы.

— Ура! — закричал Келсон, завидев их. — Ты ее отыскал!

— С ней все в порядке? — послышался перепуганный голос Уилфреда из-за спины принца.

— По-моему да, но там, в темноте плохо видно, — отозвался Дугал.

— Дай я ее возьму у тебя, парень, — с этими словами Уилфред принял поводья из рук Дугала. — Чем раньше мы поставим ее в стойло и как следует накормим, тем лучше. Позже я ее внимательно осмотрю.

Идти до конюшни оказалось куда дольше, чем предполагал Дугал.

Прежде он не обратил на это внимания, но сейчас чувствовал, как в прохладном вечернем воздухе промокший пажеский костюм липнет к его телу. К тому времени, как они вернулись на конюшню, он дрожал с головы до ног, и зубы его выбивали дробь.

У дверей их дожидался принц Нигель, с выражением мрачной суровости на лице. Они дружно поклонились.

— Так, хорошо... и каким же образом Лунной Тени удалось вырваться?

— Ну, ваше высочество, этот мальчуган, Дугал, он отменно умеет обращаться с лошадьми... — забормотал Уилфред, но вскоре замолк под сердитым взглядом Нигеля.

— Заводить Лунную Тень на ночь в стойло — это твоя обязанность, Уилфред, а отнюдь не Дугала. Нельзя такую лошадь доверять мальчику.

Дугал сглотнул и весь съежился, чувствуя, как на него ложится строгий взгляд принца. Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

— Дугал не виноват, дядя, — торопливо вмешался Келсон. — Он ничего плохого не сделал. Лунная Тень испугалась, потому что Николас напал на Дугала сзади. Когда мы с Ричардом увидели их, Николас прижимал Дугала к земле и хотел избить его. Ричарду пришлось силой растаскивать их.

— Так все и было? — спросил Нигель у Дугала. Мальчик, по-прежнему не находя слов для ответа, судорожно закивал.

— И он сам отыскал Лунную Тень, — добавил Келсон. — Он поймал ее и привел обратно.

— В самом деле? — принц Нигель поднял брови и вновь взглянул на Дугала. — Эту кобылу нелегко поймать, если уж она вырвется на свободу. — В его голосе звучали удивленные нотки и нечто напоминающее уважение.

Дугал в очередной раз открыл рот для ответа, но вместо этого громко чихнул. В первый раз за все время Нигель обратил внимание, в каком состоянии находятся волосы и одежда мальчика.

— Боже правый, паренек, что с тобой случилось?

— Упал в лужу, ваше высочество, — сознался Дугал.

Принц Нигель негромко фыркнул, и это прозвучало почти как смех. Затем лицо его вновь приняло суровое выражение.

— Да не стой же здесь столбом, Уилфред, води Лунную Тень в стойло! И вот что... Если Лунная Тень окажется в полном порядке, то я, так и быть, не стану упоминать об этом случае его величеству. Но ради твоего же блага желаю, чтобы больше подобное никогда не повторялось. Я достаточно ясно выразился?

— Да, ваше высочество, — Уилфред согнулся в поклоне, а затем заторопился внутрь, ведя Лунную Тень в поводу.

— Пойдем со мной, Келсон, — продолжил принц Нигель. — На самом деле, я пришел сюда отыскать тебя, а отнюдь не сбежавшую кобылу. Ты не спешил возвращаться в свои покои, и королева начала тревожиться... Не забывай, что она — твоя мать, — резким тоном добавил Нигель, заметив, что Келсон закатил глаза в деланном отчаянии. — А теперь пойдем со мной и покажем ей, что ты по-прежнему цел и невредим.

Он приобнял Келсона за плечи и развернулся, чтобы идти прочь. Принц обернулся через плечо, дружески улыбаясь Дугалу на прощание.

Дугал попытался улыбнуться в ответ, хотя и почувствовал себя сейчас совсем одиноким и никому не нужным.

Келсон, конечно, помог ему, сперва с Николасом, а затем только что и с принцем Нигелем. На какой-то краткий миг они превратились просто в двух обычных мальчишек, которые ищут сбежавшую лошадь, но теперь Келсон вновь сделался принцем, он возвращался во дворец к

своему истинному рангу, оставив Дугала далеко позади...

— Ну же, Дугал, что ты там стоишь, пойдем быстрее, — повелительным тоном внезапно окликнул принц Нигель. — Ты что, так и намерен ходить во всем мокром посреди ночи? Кому на завтра будет нужен простуженный паж?

Дугал потрусил вперед, слишком изумленный, чтобы послушаться, и принц Нигель положил руку ему на плечо.

— А, Ричард, вот ты где, — обратился он к оруженосцу Келсона, когда тот показался с горящим факелом в руке. — Держи его повыше, чтобы мы видели, куда ставим ноги.

Вчетвером они вышли с конюшенного двора. Дугал торопливо семенил рядом с дядей принца, потрясенный и благодарный тому за заботу. Сейчас он был рад любой возможности оттянуть встречу с Николасом. Принц Нигель по-прежнему держал его за плечо, но в его хватке не было суровости, — лишь доброжелательная поддержка. Пару раз Дугал осмелился взглянуть на него, но заговорить не рискнул. Келсон также хранил молчание. Они уже вышли в широкий, хорошо освещенный коридор замка, ведущий к королевским апартаментам, когда принц Нигель наконец подал голос:

— Скажи мне, Дугал, Николас и в самом деле обижал тебя?

От столь неожиданного вопроса Дугал подпрыгнул.

— Да, ваше высочество.

— Я не люблю, когда жалуются по пустякам, но и не одобряю подобного поведения старших пажей. Тебе следовало обо всем рассказать мне, и я положил бы конец этому безобразию, — несмотря на суровость его слов, голос Нигеля звучал мягко и ободряюще.

— Простите, сударь, я не знал, — прошептал Дугал.

— Нет, это я должен просить у тебя прощения. Я должен был догадаться сам, — Нигель покачал головой. — Я знал, что Николас частенько обижает младших, но поскольку ты хранил молчание, то я решил, что в кои-то веки он вознамерился вести себя прилично... В любом случае, полагаю, что теперь тебе нужен новый сосед по комнате, и уж точно тебе не обойтись без новой пары шосссов...

На сей раз Дугал не сомневался, что слышит смех в голосе принца Нигеля, но он даже не успел этому удивиться, ибо все вместе они уже поднимались по небольшой лестнице, а затем принц постучал в украшенную изящной резьбой дверь, по правую руку от прохода. Горничная, которая открыла им, тут же присела в глубоком реверансе, а затем поспешно отступила в сторону, чтобы дать пройти внутрь обоим принцам и Дугалу.

— Келсон?

Послышался шорох дорогой ткани, и в дверях показалась королева Джехана, торопливо пе-

ресекшая изысканно обставленные покои. За ее спиной виднелись еще две служанки. Лишь когда принц Нигель незаметно нажал ладонью ему на плечо, Дугал наконец опомнился от изумления и поклонился королеве.

Выпрямившись, он уставился на нее как зачарованный. Золотистые с рыжеватым отливом волосы были распущены и волной лежали поверх светло-зеленого шелкового платья. Наряд был оторочен лисьим мехом по вороту, рукавам и подолу. Даже когда королева была сердита, как сейчас, ее лицо оставалось прекрасным.

— Нигель, ты даже еще не одет, — вздохнула королева Джехана, обращаясь к своему родичу. — Ступай немедленно и смени одежду, а я пока поговорю с Келсоном.

— Вы и сами еще не готовы, — резонно указал принц Нигель. — И уверен, что Брион тоже. Что касается меня, то я был слишком занят, отыскивая ваших пропавших овец. Отыскал сразу двух, как видите. Но не тревожьтесь, я не опоздаю. — С этими словами он поклонился и вышел прочь.

— Где же ты был, Келсон? — спросила королева у своего сына. — Недостойно с твоей стороны давать мне повод для тревоги, ведь ты прекрасно знаешь, что сегодня мы с твоим отцом ужинаем с архиепископами.

— Но я просто спустился на конюшню, матушка, — воскликнул Келсон. — Я даже не покидал пределов замка!

— Это правда? — строго спросила королева. Взор ее не отрывался от лица сына.

Дугал не сводил глаз с королевы, хотя и знал, что неприлично так таращиться на кого бы то ни было, и в особенности на ее величество. У нее были темно-зеленые глаза, — до сих пор он ни разу не оказывался так близко, чтобы заметить это. Она была высокой и стройной, а кожа на лице казалась нежной и гладкой, точно сливки. В блестящих волосах не было заметно ни малейших следов седины. По-своему, она была столь же прекрасна, как Лунная Тень, и выглядела слишком молодой, чтобы быть матерью принца.

— Это правда, матушка, и со мной все время был Ричард, — ответил Келсон, уверенно встречая ее взгляд. Выражение материнского лица не изменилось, и тогда он склонил голову набок и улыбнулся ей.

На сей раз суровость королевы растаяла, как снег под солнечными лучами, и она также улыбнулась Келсону.

— Ну, ладно. — Потянувшись, она убрала у него со лба волосы. — Но тебе все равно следовало вернуться до наступления темноты.

От теплого воздуха в королевской гостиной у Дугала защекотало в носу, и он громко чихнул, не сумев удержаться. Королева вздрогнула, лишь сейчас обратив на него внимание.

— Кто это такой? — спросила она.

— Дугал Мак-Ардри, матушка. — Келсон был явно рад сменить тему разговора.

Королева Джехана, взяв Дугала за подбородок, мягко развернула его лицо к свету.

— Бедный ребенок! — воскликнула она. — Ты весь промок и дрожишь от холода. Келсон, немедленно отведи его в детскую. Пусть примет горячую ванну, и найдите ему сухую одежду. Если хочешь, потом он может поужинать с тобой.

— Пожалуйста, матушка, а можно он у меня переночует?

— Ну, только сегодня, — согласилась королева. — Завтра пусть возвращается к себе. А теперь ступайте прочь, вы оба. Я должна закончить одеваться. — Она развернулась и в шорохе пышных юбок исчезла в сводчатом проходе.

— Пойдем со мной, — велел Келсон Дугалу, и они вместе вышли из королевской гостиной.

— А твой отец... король не будет возражать, что я останусь на ночь? — встревоженно спросил Дугал.

Келсон озадаченно нахмурился.

— Нет, а с какой стати он должен возражать?

— Ну... — Дугал поежился. Келсон вел себя так, словно они были закадычными друзьями. Словно не было ничего необычного в том, что произошло сегодня.

— Не бери в голову, — Келсон широко ухмыльнулся и обнял Дугала за плечи. — Отец возражать не будет. Он позволяет мне играть, с кем я захочу, если это не мешает занятиям. Ну же, пойдем, я голоден, как волк. А ты?

Два часа спустя, согревшись и переодевшись

в домашнее платье Келсона, Дугал, впервые с того дня, как он приехал в Ремут, почувствовал себя по-настоящему довольным жизнью. Они с Келсоном сидели в креслах перед пылающим камином в спальне принца, потягивая горячее молоко, приправленное медом и специями, пока Ричард разбирал Келсону постель. Дугал протянул ноги к огню, упираясь пятками в расстеленную перед очагом медвежью шкуру.

Он был переполнен блаженством, в точности как желудок его был переполнен свежим хлебом и тушеным мясом, съеденным за ужином. Одежда, к которой он привык, — в основном, из шерсти траншайских овец, — была грубой и колючей, и по сравнению с ней одолженное у Келсона платье казалось восхитительно мягким, теплым и ласкающим кожу. Похоже, дружба с наследным гвиннедским принцем могла принести и иные выгоды, кроме избавления от Николаса...

Мысль о Николасе сразу напомнила мальчику о шутке, которую он сыграл со своим бывшим соседом по комнате.

— А почему принц Нигель сказал, что мне понадобится новая пара шосссов?

Келсон так расхохотался, что едва не подавился горячим молоком.

— А ты разве не видел, что случилось?

— Нет.

Заслышав их смех, Ричард присоединился к мальчикам. У него на лице также играла широкая улыбка.

— Как жаль, что ты пропустил все самое интересное, Дугал. Это была блестящая месьть.

— Мы с матушкой в полдень спустились вниз поприветствовать архиепископа Лориса, — пояснил Келсон. — Николас также был в парадном зале. Когда он поклонился нам, то шосссы лопнули у него сзади во всю длину. И матушка, и архиепископ, и все остальные, кто находился поблизости, смогли вдоволь насладиться видом его голой задницы!

Дугал зажал рот руками, взыв от восторга. Он был потрясен, ибо месьть его удалась куда лучше, чем он планировал. Ничего удивительного, что Николас пришел в такое неистовство, после того как был унижен на глазах у королевы и примаса всего Гвиннеда. Возможно, стоит пожалеть, что сегодня вечером ему не позволили избить Дугала. Теперь Николас станет копить обиду, и отмщение его от этого будет еще более страшным.

«Завтра», — подумал Дугал и содрогнулся. Едва ли ему стоило рассчитывать на то, что и второй раз кто-то придет ему на помощь. Келсон это заметил и хорошо понял, какие чувства владела Дугалом.

— Я же сказал, что тебе больше нечего беспокоиться насчет Николаса, — заявил он. — Дядя Нигель пообещал, что найдет тебе нового соседа по комнате. Да если бы он этого и не сделал... Николас так боится Моргана, что все равно не осмелился бы отыграться на тебе.

— Не думаю, ваше высочество, что герцогу Моргану понравилось бы, узнай он, что вы вмешивали его в ссору между пажами, — мягким тоном, но с ноткой осуждения заметил Келсону Ричард. — Я сильно сомневаюсь, что даже *он* способен превратить Николаса в жабу.

— Я тоже в это не верю, Ричард, — отозвался Келсон, по-прежнему весело и ничуть не встревоженным голосом. — Но Николас-то этого не знает. И если он решит, что угроза вполне реальна, то оставит Дугала и прочих пажей в покое. А Моргану об этом знать и вовсе не обязательно.

— По крайней мере, от меня он ничего не узнает, принц, — заверил его Ричард. — Немного страха Николасу не повредит. Это только пойдет на пользу его характеру.

— Видели бы вы сегодня утром, как он пытался натянуть мои шосссы, — захихикал Дугал. Делая ужасающие гримасы, он стал изображать, как Николас изо всех сил дергает чулки и извивается во все стороны, покуда Ричард с Келсоном не закатились от хохота.

— А куда ты исчез после обеда? — поинтересовался Келсон, когда наконец пришел в себя. — Я тебя повсюду искал. Впервые за несколько недель у меня выдался свободный денек, и я хотел поиграть.

— Какая досада! А я поехал кататься за город, — ответил Дугал. — Я пытался сбежать от Николаса. Если бы я знал, то мы бы могли поехать вместе.

С огорченным видом Келсон покачал головой.

— Нет, с тобой бы я поехать точно не смог.

— А почему? Ты же сам сказал, что у тебя был свободный день.

Вместо ответа Келсон смерил его долгим оценивающим взглядом, словно проверяя, насколько можно доверять новому другу.

— Обещаешь, что никому не скажешь?

— Обещаю. — Дугал наклонился вперед, чтобы услышать слова принца.

— Это ужасно неловко, но мне не позволяют выезжать за ворота замка без вооруженного эскорта и, по крайней мере, одного из лордов, членов Высшего Совета, — сознался Келсон. — Обычно я вообще никуда не езжу, если только за мной по пятам не следует половина придворных. К тому времени, как все они наконец сядут в седло, день уже начинает клониться к вечеру.

Дугал кивнул, разочарованный, но ничуть не удивленный.

— Это все потому, что на прошлую Пасху я сбежал в город, чтобы с остальными пажами и оруженосцами повеселиться на весенней ярмарке, — продолжил Келсон. — Я не мог уговорить никого из придворных взять меня с собой, и поэтому отправился с ними.

Он закатил глаза.

— Ты и представить себе не можешь, какой шум из-за этого подняли! Матушка плакала несколько часов кряду, а отец велел своим личным

телохранителям и гвардейцам прочесывать весь город. Потом меня на неделю заперли в своих покоях, — после того, как отыскиали и силой вернули домой.

— Все дело в том, что отец волновался за вас, мой принц, — напомнил ему Ричард. — Ведь ходили слухи о том, что торентцы строят планы, чтобы вас похитить. Когда обнаружили, что вы пропали, все решили, что это их рук дело. И вы лучше, чем кто бы то ни было, знаете, почему вам не позволяют гулять где захочется, самому по себе.

— Если бы я знал о торентском заговоре в то время, Ричард, то, разумеется, никуда бы не сбежал, — возразил Келсон. В голосе его звучала усталость, словно он заводил этот спор уже в тысячный раз и отчаялся, что кто-то поймет и примет его точку зрения. — Я же не виноват, что никто мне ни слова не сказал.

— Вот уж сомневаюсь, ваше высочество, — хмыкнул Ричард и легонько, играючи, шлепнул Келсона по затылку. — Обычно вы прекрасно ухитряетесь вызнать все, что пожелаете, независимо от того, хотят вам это рассказывать, или нет.

— Принц должен быть в курсе всего, что творится вокруг, — с самодовольным видом подтвердил Келсон. — Отец любит это повторять.

— Ну, разумеется, — со смехом согласился Ричард, а затем подмигнул Дугалу.

Дугал улыбнулся ему в ответ, ошарашенный

таким дружеским подтруниванием. Оруженосец собрал пустые кружки и покинул комнату.

— В любом случае, — вновь обернулся к Дугалу Келсон, — мы *могли бы* покататься вместе за городом, если бы взяли с собой кого-то из взрослых. Но тогда уж точно не будет никакого веселья. — Он с завистью взглянул на Дугала. — Какой же ты счастливчик!

— Я счастливчик? — Дугал окинул взглядом просторные, богато обставленные комнаты Келсона, мысленно сравнивая их с собственными почти нищенскими покоем.

— Ну да... Как должно быть славно, если можешь в любой момент в одиночку ускакать куда хочешь, едва лишь выпадет пара свободных часов. Я не могу и шагу ступить, чтобы вокруг все не начали суетиться... — Он вздохнул.

— Отец говорит, что судьба любого принца — никогда не оставаться в одиночестве, и с этим следует смириться, но порой... — Келсон не договорил и поморщился с видимым отвращением.

Дугал медленно кивнул. Он никогда всерьез не размышлял над подобными вещами, но теперь видел, сколь сильно жизнь Келсона ограничена навязанными ему правилами.

— Полагаю, уже пора ложиться в постель, мой принц, — заявил Ричард, возвращаясь в комнату. — Поутру вам надлежит присутствовать на мессе в соборе, и вы прекрасно знаете, как ее величество сердится, когда вы клюете носом во время богослужения.

Выбравшись из кресла, Келсон пробежал через всю комнату и в прыжке рухнул на кровать, так, что подпрыгнула пуховая перина. Ричард расстелил для себя постель у изножья огромной кровати, увенчанной балдахином. Дугал с сомнением взирал на все эти приготовления. А где же должен спать он?

— Ну, чего ты ждешь? — окликнул его Келсон.
— Ты что, не собираешься ложиться в постель?

Смущенный, Дугал забрался на кровать рядом с Келсоном. Здесь хватило бы места и на троих взрослых, так что они с Келсоном и недавно разместились без всяких затруднений. Дугал лежал и смотрел, как Ричард, затушив огонь в камине, поочередно гасит в комнате свечи.

— Спокойной ночи, — зевнул Келсон.

— Спокойной ночи, — прошептал Дугал в ответ.

Вскоре ровное, размеренное дыхание принца подсказало Дугалу, что тот заснул.

Сам Дугал еще какое-то время бодрствовал, наслаждаясь жизнью. Такая роскошная постель, гладкие простыни... С изумлением и радостью он вспоминал минувший день. Ему наконец удалось отомстить Николасу и подружиться с принцем Келсоном. Он и мечтать не смел, что сумеет достичь и того, и другого в один день.

И кроме того, теперь ему будет чем похвалиться перед старшим братом. Более того, даже отец никогда не ужинал наедине с кем-то из членов королевского семейства и не проводил ночь

в их апартаментах. Наверняка теперь жизнь Дугала при дворе совершенно изменится. Может быть, она даже покажется ему интересной и приятной.

* * *

Когда он вернулся в свои покои после мессы на следующее утро, Дугал обнаружил на постели чистый сложенный пажеский плащ и новую пару алых шоссов. Николас исчез вместе со всеми своими пожитками. Когда Дугал наконец набрался смелости и заглянул в сундук соседа, тот оказался пустым.

На следующий день к нему переселился молодой оруженосец по имени Питер Мак-Эван. Питер оказался рослым четырнадцатилетним подростком, рыжеволосым и веснушчатым. Он, конечно, то и дело поддразнивал Дугала и отдавал ему всяческие распоряжения, но делал все это беззлобно, и никогда не обижал мальчика. Дугал давно привык к такому обращению со стороны старшего брата. Кроме того, Питер преподавал Дугалу массу полезных уроков, как надлежит исполнять пажеские обязанности, — это была как раз та помощь, в которой отказывал ему злобный Николас. Более того, Питер защищал своего подопечного и от других мальчишек. Теперь даже приятели Николаса оставили Дугала в покое.

Понемногу мальчик перестал так сильно тосковать по дому. Он стал более уверен в себе и многому научился. Когда у них обоих выпадало

свободное время, Питер показывал Дугалу Ремут, или они верхом на своих пони выезжали на прогулку за городские ворота. Если бы еще Дугал мог почаще встречаться с Келсоном, то и вовсе сказал бы, что эта весна — самое великолепное время в его жизни. Но, к вящему его разочарованию, с принцем они встречались очень редко и ненадолго. Дугал старался терпеливо переносить разлуку, потому что всякий раз, когда их пути все же пересекались, Келсон приветствовал его с прежним дружелюбием. Но вся беда в том, что когда погода наладилась, у Келсона, и без того вечно занятого, стало еще больше дел.

По счастью, и с Николасом Дугал встречался теперь все реже и реже. Всякий раз, заведя мальчика, Николас провожал его мрачным взглядом, обещавшим суровое отмщение, но взглядами дело пока и ограничивалось. Возможно, Николас страшился Моргана, памятуя об угрозах Келсона, или же опасался недовольства Нигеля. Дугалу было решительно наплевать на Николаса, покуда тот готов был оставить его в покое. Само по себе то, что им больше не приходилось жить в одной комнате, оказалось подлинным благословением. Он не обменялся ни единым словом со своим бывшим мучителем, а поскольку их расписания теперь почти не совпадали, то виделись они крайне редко.

К концу апреля страх Дугала перед Николасом превратился в крохотное черное облачко на далеком горизонте. С помощью Питера за про-

шлый месяц он добился больших успехов, и ему даже позволили прислуживать за главным столом на пасхальном пиру. Ни о чем другом Дугал так не мечтал, как пережить этот вечер, не допустив ни единой оплошности. Силенок у него не доставало, чтобы таскать тяжелые подносы с едой, и потому вместе с прочими мальчиками того же возраста Дугал сновал взад и вперед между парадным залом и кухней, добавляя на стол свежий хлеб, унося пустые кувшины из-под эля и вина и волоча обратно полные, а также забирая грязные тарелки. Во время перемены блюд он приносил также салфетки и теплую воду для омовения рук и всегда старался первым услужить королевской семье.

Королева признала мальчика и улыбнулась ему, ласково потрепав по плечу, когда возвращала полотенце. Король никакого внимания на Дугала не обратил, зато Келсон улыбнулся и подмигнул ему. Дугал также улыбнулся в ответ, но не осмелился заговорить с другом, поскольку и король, и принц Нигель находились поблизости. Сегодня, видя, как Келсон восседает за столом в алой шелковой тунике с серебряным обручем на голове, Дугал с трудом мог поверить, что это тот же самый мальчик, который спас его от мстительного Николаса, а то, что они вдвоем ужинали в покоях принца и ночевали в одной постели, и вовсе казалось выходящим за грань возможного.

Дугал вернулся на кухню как раз перед тем, как на столы должны были подать птицу. Здесь

царил ужасный шум и суета, — повсюду толпились повара, прислуга, пажи и оруженосцы.

— Этих фазанов я зажарил для ее величества, и их надлежит подать горячими! — сердито вопил коротконогий, взмокший от пота повар. В его речи явно чувствовался бремагнийский акцент. — Кто прислуживает за главным столом? Немедленно несите блюдо!

В руках он держал гигантский серебряный поднос, на котором были уложены запеченные фазаны. К вящему ужасу и изумлению Дугала, внезапно именно этот поднос оказался у него в руках. Прежде чем мальчик успел отказаться или что-то объяснить, он зашатался под такой тяжестью.

— Не волнуйтесь, мастер Жюль, Дугал их отнесет, — громким голосом объявил Николас, внезапно возникший рядом. — Это он сегодня прислуживает за главным столом.

— Но мне нельзя... — перепуганный Дугал устоял на Николаса, который с торжествующим видом ухмыльнулся ему в ответ.

— Ее величество терпеть не может, когда остывает блюдо, которому надлежит быть горячим! — прорычал повар. — Ступай, ступай быстрее!

Он замахал руками, прогоняя Дугала прочь, а затем вновь исчез в клубах дыма и пара. Даже Николас с демонстративным видом повернулся к мальчику спиной. Дугал в отчаянии устоял перед собой. Чтобы ухватить рукоятки, приделанные по обеим сторонам огромного овального

блюда, ему пришлось что есть силы развести руки в стороны. Две дюжины фазанов были уложены на подносе в круг, головами внутрь, и их распушенные хвосты были широко расправлены, так что свисающие перья с бронзовым отливом щекотали Дугалу ладони. Каждая птица была полита ароматным соусом. Поднос оказался слишком тяжелым, чтобы мальчик мог дотащить его до главного стола. Он мог лишь удерживать его... да и то ненадолго.

— Простите, я не могу... — попытался обратиться Дугал к пробегающему мимо слуге.

— Да не стой же здесь столбом, мальчик! Ступай! В зале тебя уже ждут!

И Дугал, спотыкаясь, встал последним в один ряд с выстроившимися подавальщиками. Всю дорогу по коридору он отчаянно силился не выронить свою ношу. Принц Нигель, конечно, рассердится, когда увидит, как он ковыляет по залу с таким тяжелым подносом, но Дугал ничего не мог придумать, чтобы исправить положение. Ему оставалось лишь надеяться, что он без особых затруднений доберется до главного стола. А завтра он все объяснит принцу Нигелю...

Спина и руки отчаянно ныли, но теперь отступать было уже некуда: он оказался в парадном зале. Осталось еще чуть больше половины пути...

На то, чтобы не наклонить блюдо и не вывалить всех фазанов на пол, ушли все силы и внимание Дугала, пока он поднимался по ступеням,

ведущим на королевский помост, так что он никоим образом не мог уследить за тем, куда ступают его ноги. К тому же он ничего не видел из-за широченного подноса. На последней ступеньке Дугал оступился, левой ногой задев за длинный заостренный носок правого сапожка...

Блюдо наклонилось вперед, и фазаны выпорхнули с него в облаке дымящегося соуса. Дугал сильно ударился подбородком об верхнюю ступеньку, когда приземлился на нее, по-прежнему отчаянно сжимая пустой поднос. Остатки горячего соуса вылились на него, и он невольно вскрикнул от боли.

Не успев восстановить равновесие, Дугал скатился назад по ступеням и приземлился прямо в гору жирных жареных фазанов.

Он лежал ничком, не осмеливаясь оторвать взор от красного ковра, — слишком напуганный и пристыженный, чтобы пошевелинуться. Все вокруг стали свидетелями его падения и теперь смеялись над ним.

Впрочем, и вид ковра не слишком утешал. Соус заляпал алую ткань отвратительными бурыми пятнами, и повсюду валялись перемазанные в соусе длинные фазаньи перья. Дугал жалел лишь об одном: что не может и сам впитаться в ковер и исчезнуть навсегда.

«После такого позора меня точно отошлют домой! — думал он. — Что скажет отец?!»

Впрочем, побеспокоиться об этом у него уже не было возможности, потому что внезапно

из-под соседнего стола метнулся огромный волкодав и схватил в зубы самого крупного фазана.

— Не смей! Пусти! — закричал Дугал.

Пес оскалил длинные желтые клыки и издал утробный хищный рык. Перепуганный Дугал тотчас отдернул руку. А к неожиданной добыче уже спешили и другие собаки. Дугал метался от одного пса к другому, но не мог удержать животных, растаскивавших фазанов. Два спаниеля посреди зала передрались за остатки птицы. Весь двор хохотал над столь неожиданным развлечением.

Дугал задыхался, лицо его побагровело, и он не мог удержать слез отчаяния, текущих по щекам. Его унижение достигло предела, когда, случайно подняв глаза, он заметил, что и Келсон тоже смеется над ним. Принц тотчас прижал ладонь ко рту и бросил на Дугала извиняющийся взгляд, однако это предательство оказалось последней каплей. Дугал рухнул на ступени, в отчаянии склонив голову. Он едва мог удержаться от рыданий.

Неожиданно весь зал притих. Над головой у Дугала кто-то многозначительно откашлялся.

Вздрыгнув, паж вскинул голову и тут же вскочил с места, неловко пытаясь поклониться. Рядом стоял король Брион.

— Ты не пострадал, мальчик? — голос короля звучал мягко, почти ласково, но лишившийся дара речи Дугал смог лишь покачать головой. — Вот и славно. Тогда, возможно, тебе стоит со-

брать этих фазанов и отнести их обратно на кухню?..

Дугал вновь молча кивнул.

— А когда ты с этим закончишь, то ступай к себе, переоденься и умойся, — велел король Брион, вновь возвращаясь на свое место. — Ты весь в перьях и в соусе, так что тебя невозможно отличить от этих птиц.

Его глаза искрились весельем, и выражение лица было самым благожелательным. К тому же в голосе короля Дугал отчетливо расслышал нотки смеха. Обернувшись, король кивнул Ричарду, стоявшему за стулом Келсона.

— Не мог бы ты ему помочь?

Благодаря Ричарду, Дугал быстро собрал всех фазанов, в то время как оруженосец отбирал недоеденных птиц у разочарованных собак и распугивал их прочь. Дугал же тем временем собрал все, что валялось на полу. Он еще раз поклонился королю, а затем бегом бросился прочь из парадного зала.

— Мои фазаны! Уничтожены! — взвыл повар-бремагниец, когда Дугал вернулся на кухню. Он выхватил у мальчика из рук блюдо и с отчаянием уставился на эти жалкие останки. По его щекам покатились крупных, как горох, слезы. — Я самолично вскармливал этих птиц для ее величества, — горевал он. — Она их даже не отведала!

Дугал повесил голову, ощущая сейчас почти такой же стыд, как и в парадном зале, когда все хохотали над ним. Когда он наконец осмелился

поднять глаза, то поймал на себе гневный взгляд повара, который, похоже, намеревался нанизать виновника происшедшего на свой вертел. Дугал бросился бежать.

Вернувшись в комнату, Дугал бросился ничком на кровать и зарыдал. Он никак не мог заставить себя вернуться в парадный зал... и вообще встретиться лицом к лицу с кем-либо из придворных, в особенности с принцем Нигелем. Все другие пажи также станут дразнить его. А принц Келсон посмеялся над ним... Он хотел вернуться домой... хотел бы оказаться дома прямо сейчас... хотя это, конечно же, было невозможно.

Когда слезы наконец кончились, Дугал поднялся, скинул перепачканную одежду, вымыл лицо и руки. Король велел ему «ступай и переоденься». Он ведь не говорил: «ступай и ляг в постель». Чистый и опрятный, Дугал присел на краешек кровати и, подобно осужденному перед казнью, стал ждать, пока король призовет его к себе.

Наконец, очень поздно вечером, в дверь к нему постучали. Дугал обрадовался, обнаружив, что именно Ричарда прислали за ним.

— Король, должно быть, очень сердит на меня? — выпалил он.

— Пойдем! Ну, не повесит же он тебя, Дугал, — со смехом поторопил его Ричард. — Однако не годится заставлять его величество ждать.

Мысли одна ужаснее другой теснились в со-

знании Дугала всю дорогу, в особенности когда они с Ричардом шли по опустевшему парадному залу. Там две служанки ползали на коленях, отчищая перепачканный ковер на ступенях королевского помоста.

Вот, должно быть, зачем король пожелал видеть его: ведь он испортил такой прекрасный ковер. Однако даже если бы Дугалу и захотелось сбежать прочь, ему бы это не удалось, ибо Ричард уже стучал в дверь, ведущую в малую приемную, расположенную прямо за королевским помостом.

— Войдите, — пригласил король.

— По вашему распоряжению, я привел Дугала Мак-Ардри, сир, — заявил Ричард.

Дугал, которого от страха уже начало подташнивать, вслед за Ричардом вошел в комнату и поклонился.

Там, внутри, его дожидались король с королевой, Келсон и принц Нигель. Все они молча взирали на Дугала. Первой шаг вперед сделала королева Джехана и стиснула мальчика в объятиях.

— Ах, бедное дитя, не нужно так бояться, — проворковала она, целуя его в макушку.

Дугал растерянно заморгал. Такого поворота событий он никак не мог ожидать.

— Никто ведь не станет наказывать тебя, правда, Нигель? — королева Джехана обернулась к своему родичу.

— Надеюсь, что Дугал хорошенько запомнил сегодняшний урок и не станет больше таскать

подносы, слишком большие и тяжелые для его возраста, — согласился принц.

— Я лишь хотела удостовериться, что ты остался невредим, после того как свалился со ступеней, — продолжила королева. — Какое ужасное падение! Ты ведь не ударился головой?

Она отстранилась, взволнованно глядя Дугалу в лицо и ласково ощупывая его затылок в поисках ссадин или шишек.

Мальчик не сумел выдать из себя ни слова и лишь покачал головой.

— Возможно, нам следует попросить юного Мак-Ардри объяснить нам, что произошло, — вмешался король.

Хотя голос его звучал ровно и доброжелательно, у Дугала все равно подкосились колени. Королева Джехана, потрепав его за плечо напоследок, отошла и села рядом со своим супругом. Оба выжидательно уставились на Дугала.

Он открыл рот, не зная толком, с чего начать.

— Я... я был на кухне, сир. И Николас Мердок сказал повару, что я смогу отнести блюдо с фазанами на главный стол. Я пытался найти кого-нибудь другого, чтобы они взяли у меня поднос, но никто не хотел слушать, и я...

Король поднял руку, жестом прерывая его.

— Начиная с самого начала, — приказал он. — Я так и знал, что без Николаса тут не обошлось. Келсон рассказал мне, как он с тобой обращался. Он уверен, что именно Николас сегодня вечером сыграл над тобой злую шутку, однако я же-

лал бы услышать *твое* мнение. — И он ободряюще улыбнулся мальчику.

Дугал постарался как можно правдивее передать всю свою историю. Это было хуже, чем исповедь перед священником. Он не стал щадить Николаса в своем рассказе, но не скрыл и того, как расплатился с ним, унизив его прилюдно. Наконец Дугал завершил свое повествование описанием того, что произошло сегодня на кухне.

Король слушал с любезным вниманием, не перебивая. Выражение его лица изменилось лишь на миг, но очень зрелищно, когда Дугал упомянул об эпизоде с шоссами Николаса.

— Ох уж мне эти Мердоки, — вздохнул король, когда Дугал наконец закончил рассказ. — Придется мне все же поговорить со стариком Картаном. Что скажешь, Нигель? Этому Николасу уже с поддюжины раз давали шанс исправиться.

— Тут есть и моя вина, — признал принц Нигель. — Я строго-настрого предупредил Николаса, чтобы тот вел себя как следует, перед тем как поместить его в одну комнату с Дугалом. Поскольку мальчик ни на что не жаловался, то я был уверен, что Николас все же исправился и взялся за ум. Когда я узнал правду, то поселил Дугала с новым соседом. До сегодняшнего вечера я был уверен, что проблема решена. Однако ты совершенно прав. За каждого из наших мальчишек я стараюсь бороться до последнего, но, полагаю,

нам всерьез надлежит задуматься о том, есть ли у Николаса Мердока будущее при дворе.

— Стало быть, поутру я переговорю об этом с лордом Картаном, — заключил король. — Все его сыновья и внуки причиняли нам беспокойство, но Николас хуже их всех, вместе взятых. — Он с сожалением покачал головой, а затем улыбнулся Дугалу. — Ты и представить себе не можешь, как мне было жаль этих восхитительных фазанов, доставшихся собакам.

Король поднялся и потянулся, затем взъерошил Дугалу волосы.

— Возможно, мальчик, сегодня ты запомнишь на будущее еще один полезный урок: нет никакой нужды страдать и терпеть втихомолку, когда кто-то обращается с тобой не по справедливости. Если бы ты сразу рассказал принцу Нигелю, что происходит, тебе было бы куда легче прожить эти месяцы при дворе.

Дугал слотнул.

— Да, сир.

— Ну, раз с этим мы покончили, то теперь можно и разойтись, — приказал король. — Ступай скорей в постель, Дугал. Час уже поздний, а поутру тебе рано вставать. — Он дружески потрепал Дугала по плечу, а затем обернулся и подал руку королеве.

Когда они двинулись к выходу, Дугал низко поклонился. У него от облегчения кружилась голова. Келсон с широкой улыбкой на ходу похлопал его по спине, и даже принц Нигель друже-

ски подтолкнул в плечо, перед тем как выйти за дверь.

Когда все разошлись, Дугал вернулся к себе в комнату, разделся и забрался в постель. Он по-прежнему не мог прийти в себя от изумления и еще долгое время лежал без сна.

* * *

— Дугал!

Заслышав голос Келсона, окликавший его, Дугал вскинул голову. Это было на следующий день после пасхального пира, и он во дворе тренировался в стрельбе из лука. Келсон, завидев приятеля, бросился к нему через всю площадку.

— Ну, слышал новости? — с жаром спросил его улыбающийся принц. Он оттащил Дугала в сторону, чтобы никто из пажей не мог их услышать.

Дугал с утра узнал немало самых разных новостей, однако, судя по довольному виду Келсона, речь шла о чем-то особенно приятном. Краем глаза он видел, что остальные мальчики с завистью косятся на него: никому больше наследный принц не уделял такого внимания. Он притворился, будто ничего не замечает.

— Николаса отослали домой на целый год! — выпалил Келсон. — Сегодня утром отец поговорил с графом Картанским. Они с Николасом сегодня же вернутся в Найффорд. — Келсон с трудом мог скрыть радостный смех. — Я видел, как лорд Картанский выходил из отцовского кабинета.

та, и лицо у него было такое же красное, как герб Халдейнов. — Он хмыкнул. — Сомневаюсь, что Николаса ждет приятная дорога домой.

Дугал тоже широко улыбнулся, вне себя от радости. Николас больше не потревожит его!

Внезапно Келсон посерьезнел и с виноватым видом покосился на Дугала.

— Мне очень жаль... насчет вчерашнего вечера, — прошептал он. — Я честно пытался не смеяться над тобой. Должно быть, ты чувствовал себя просто ужасно, когда споткнулся вот так, у всех на глазах. — Он прикусил губу и опустил взгляд, но в глазах его все равно плясали веселые огоньки.

— Честное слово, я ничего не мог с собой поделать. У тебя был ужасно смешной вид... весь перемазанный в соусе, с прилипшими перьями!.. И лицо у тебя было вот такое перекошенное, — Келсон широко распахнул глаза и оттянул вниз уголки рта. Нижняя губа и подбородок у него задрожали, словно он вот-вот расплачется.

Вообразив себе, как он, должно быть, выглядел прошлым вечером, Дугал и сам расхохотался, глядя на ужимки Келсона. Теперь, когда принц извинился перед ним, это воспоминание уже не казалось таким унижительным.

— Ничего страшного, — Дугал пожал плечами и улыбнулся в ответ. — Я, наверное, и впрямь выглядел ужасно глупо, особенно когда гонялся за собаками.

И они вместе дружески рассмеялись.

— Келсон? — окликнул с другого конца стрельбища мужской голос.

— О, боже! Дугал, извини, но мне пора бежать. — Келсон устремился навстречу герцогу Корвинскому. — Морган обещал позаниматься со мной фехтованием после обеда.

— Морган учит тебя фехтованию? — изумленно выдохнул Дугал.

Обернувшись, он узнал высокого светловолосого Дерини, который терпеливо дожидался неподалеку. Подняв руку, Аларик поманил к себе Келсона.

— Ну, разумеется, он не мой постоянный наставник, — пояснил Келсон. — Для этого у него просто нет времени. Но ведь он в Гвиннеде лучше всех владеет клинком. Мне всегда есть чему у него поучиться. А сейчас мне и вправду пора бежать. Морган сказал, что если мы задержимся, то для занятий уже не хватит времени. А в следующую субботу у тебя будет свободное время?

— Да.

— Тогда приходи ко мне, и мы вместе поиграем, — торопливо бросил Келсон и в последний раз улыбнулся к Дугалу, перед тем как присоединиться к Моргану.

Дугал проводил обоих взглядом и помахал Келсону рукой, прежде чем принц с Морганом завернули за угол и скрылись из виду. Затем Дугал с улыбкой вновь поднял свой лук и наложил стрелу на тетиву.

То, что Николаса отправили домой — это бы-

ла замечательная новость. Однако стоявшие поодаль пажи таращились на него отнюдь не из-за этого. В их взглядах читалась зависть и уважение. Все они видели, как он разговаривал с принцем, и слышали, как тот пригласил его поиграть вместе с ним.

Делая вид, будто он ничего не замечает, Дугал медленно оттянул тетиву к правому уху. Он усиленно тренировался последние полтора месяца и теперь гораздо лучше стрелял с правой руки, хотя до сих пор и ощущал при этом неловкость. Глубоко вздохнув, он выпустил стрелу, — и та с глухим стуком вонзилась в набитую соломой мишень.

Опустив лук, Дугал обнаружил, что наконец попал прямо в яблочко.

* * *

Примечание автора: этот рассказ был написан еще до публикации ограниченного подписного издания «*Кодекса Дерини*» в 1988 году. Теперь мне известно, что семейство Мердок больше не правит в Картанском графстве. Тем не менее, мне показалось, что Николаса, одного из моих персонажей, будет уместно сделать именно Мердоком. За два столетия, прошедших от правления Алроя и Джавана до короля Бриона, Мердоки, несомненно, могли превратиться из отъявленных злодеев в людей просто малопрятных. И мне хотелось сделать акцент именно на этом. Однако все прочие возможные ошибки и несоответствия я тщательно исправила, согласуя их с данными «*Кодекса*».

Энн Джонс

Гадалка¹

1116 год

Наш следующий рассказ имеет отношение к предыстории великолепной леди Риченды, которая впоследствии стала супругой Аларика и матерью его детей. Однако, когда Аларик впервые встречается с ней, она — супруга другого мужчины и мать *его* ребенка... А задолго до этого, вероятно, она вела точь-в-точь такую же жизнь, как и большинство других молодых женщин из благородных семей, принадлежавших тому времени и культуре, чье будущее изначально определялось желаниями родителей.

Мы должны всегда помнить об этом и не судить о прошлом по стандартам сегодняшнего дня. Мне часто задавали вопросы, почему я не позволяю женским персонажам в своих романах сбросить длинные юбки и вуали и на равных сразиться с мужчинами. На это я всегда отвечала, что стараюсь показывать женщин такими, какими они могли бы быть, если бы жили в несколько идеализированном варианте нашего собственного прошлого, а это означает, что в подавляющем большинстве своем они бы придерживались традиционных для женщин социальных ролей.

Несомненно, жизнь знатных женщин была именно такова, и давайте взглянем правде в глаза: причина, почему писатели в большинстве своем

¹ © Ann W. Jones «The Fortune Teller», 2002

предпочитают не делать своими героями персонажей из простонародья, лежит в том, что знатные люди благодаря своему богатству имеют возможность переживать всевозможные «приключения», в то время как низкороджденные ремесленники и крестьяне вынуждены все время и энергию тратить на то, чтобы попросту обеспечивать собственное выживание и существование своих семей и детей, которые нуждаются в еде, одежде и крове над головой. В нашем собственном прошлом лишь немногие привилегированные дамы имели достаточно свободного времени и финансов, чтобы вести праздную жизнь и заниматься учеными изысканиями, подобно Ивейн Мак-Рори (сознательно списанной мною с Маргарет Роппер, дочери сэра Томаса Мора) или Риченде и Росане. Что же касается возможности на равных померяться силами с мужчинами, — то это считалось просто невозможным, неслыханным и постыдным!

Поэтому мы должны судить о том, что уготовило будущее девушке из благополучной семьи именно в тех условиях, в которых обычно находились юные знатные дамы: они должны были прежде всего предвидеть для себя замужество с мужчиной, чье состояние и будущие перспективы окажутся не ниже ее собственных и, возможно, дадут шанс еще больше продвинуться по социальной лестнице их будущим детям, — ибо от женщин требовалось прежде всего производить на свет потомство... как можно чаще, и желательно мужского пола.

И хотя о браке по любви чаще всего в подобных союзах речь вообще не шла, по крайней мере, среди высшего класса, но подозреваю, что в большинстве своем супруги со временем начинали чувствовать друг к другу по меньшей мере искреннюю привязанность. И, разумеется, большинство девушек до замужества мечтали обрести подинную любовь и уважение даже в устроенном родителями браке.

Итак, наш следующий рассказ дает возможность представить, как могла складываться жизнь Риченды в этом возрасте. В канонической вселенной Дерини мы не имеем возможности понаблюдать за ней в обществе первого мужа, Брэна Кориса, графа Марлийского, и потому ничего не знаем об их отношениях до тех пор, пока измена не привела его к гибели. Однако из некоторых оброненных ею реплик, даже когда предательство супруга становится очевидным, мы можем сделать вывод, что этот брак, по крайней мере внешне, казался вполне благополучным: Брэн был нежным и снисходительным супругом, хорошим отцом для юного Брендона; и, разумеется, сама Риченда была без ума от своего первенца. Однако до свадьбы, когда реальность замужества еще казалась очень далекой и можно было предаваться сладостным девическим мечтам, она с подругами вполне могла прийти на сельскую ярмарку и обратиться за советом к гадалке.

Риченда!
 Кто-то неожиданно взял ее за руку, и она обернулась. Радостная улыбка озарила лицо девушки.
 — Ависа! Откуда ты здесь?
 — Я на пару недель приехала погостить к родичам. А ты знаешь, что и Леонора тоже вернулась?
 — Нет. Где же она?
 — Гостит у своей тетушки. Как забавно, что мы оказались здесь все в одно и то же время! Мы могли бы встретиться, Риченда?
 — Очень надеюсь на это. Я была бы рада, — с удовольствием согласилась девушка.

Взяв друг друга под руку, две шестнадцатилетние красавицы двинулись дальше, весело болтая и не обращая никакого внимания на горничных, которые торопливо последовали за ними.

— Мой дядя не давал мне ни минуты покоя весь прошлый год, но я так пока и не встретила своего идеального рыцаря, — продолжила Ависа.

— Значит, пока никакого замка в перспективе? — поддразнила ее Риченда.

— Нет, но я не оставляю надежды. Кто знает? Пока я здесь, я вполне могу встретиться с ним. — Ависа легкомысленно подпрыгнула, затем тут же посерьезнела, оправила юбки и потянула Риченду за собой, чтобы присесть на площади, поодаль от толчеи. — Я уже заметила нескольких рослых, красивых мужчин. Наверняка, один из них — это мой рыцарь с замком. Дядя знает, чего я хочу. Как чудесно будет стоять на крепостной стене и махать ему вслед платочком, когда любимый супруг поскачет в бой...

Она вскочила и воочию продемонстрировала это, вынув из рукава тончайший лиловый платок.

— Или же, — она присела в низком реверансе, — встречать его по возвращении и, возможно, даже быть представленной королю, в то время как весь двор будет глазеть на нас... — Она вновь чинно уселась на скамью. Глаза девушки сияли, озаренные видениями близкого будущего.

Риченда негромко засмеялась.

— А ты совсем не изменилась. Знаешь, жизнь

состоит не только из ярких нарядов и придворных церемоний. Представь себе, как на самом деле ужасны все эти сражения: дожди, грязь, раны... Его ведь могут и убить.

Ависа надула губки.

— Ну почему ты вечно смеешься над моими мечтами?

— Я не смеюсь, — заверила ее Риченда. — Просто я в глубине души слишком практична. Вещи видятся мне такими, как они есть на самом деле.

Ее подруга вновь улыбнулась.

— Ты то же самое говорила и Леоноре, насколько я помню, когда она заявила, что намерена выйти замуж за богача.

— Кажется, речь шла о графе?

— Ну да, и ты сказала, что если она и впрямь ухитрится его найти, то он наверняка будет старым и толстым.

— А разве нет? — захихикала Риченда. — Как же он может не быть старым, если у него уже есть титул, замок и доходы, достаточные, чтобы обустроить свой дом по вкусу Леоноры? К тому же, если он и впрямь ведет столь роскошную жизнь, как она надеется, то непременно скоро растолстеет... И тогда он наверняка окажется слишком ленив и не сможет вдоволь плясать с молодой супругой и закатывать ей празднества и балы.

Ависа присоединилась к веселью Риченды.

— Несомненно, ты права. Но она никогда не изменится. Весь год — сплошные увеселения и

гости. Ее руки добиваются не меньше полудюжины титулованных женихов. Я слышала, с отцом Идрисом едва не случился удар, когда он узнал, как она намерена обустроить свою жизнь.

— Бедный отец Идрис! Как он, должно быть, настрадался с нами, — пробормотала Риченда, с любовью вспоминая ласкового священника, их наставника.

— Думаю, ты права, — согласилась Ависа. — Но, по-моему, он был искренне привязан к Леоноре, несмотря даже на то, что то и дело упрекал ее в грехе гордыни.

— Хм. — Риченда окинула взглядом площадь, размышляя над собственным будущим. Она всегда мечтала прежде всего об удачном замужестве и детях... особенно о детях. Даже когда сама она была ребенком, ей нравилось ухаживать за другими. Особенно она любила маленьких мальчиков: как они поджимают губы, когда упадут, чтобы не расплакаться, как трут глаза кулачками, как сжимают рукояти деревянных мечей, затевая потешные бои на зеленых лужайках...

Теперь, год спустя после того, как она рассталась с подругами и ничего не знала об их мечтаниях, — она доподлинно выяснила и то, кто же станет отцом ее детей.

— Удачный брак, — объявил ей отец, когда не столь давно призвал к себе для разговора. — Настоящий граф, моя дорогая. На меньшее для своей дочери я бы и не согласился! Я уверен, что вы прекрасно поладите.

Риченда знала, что отец желает ей только добра, но в этот миг первым делом вспомнила о тех словах, которые сама же говорила Леоноре: старый и толстый. Должно быть, тревога отразилась на ее хорошеньком личике, ибо отец тут же подошел ближе и усадил дочь на стул.

— Брэн Корис, моя дорогая... Восхитительный молодой человек. Лучшего и представить нельзя.

— Молодой? — шепотом переспросила Риченда.

— Ну конечно, конечно, — отец потрепал ее по руке. — И весьма хорош собой.

Сперва она никак не могла в это поверить, но у нее не было причин сомневаться в словах отца.

«Графиня... Я стану графиней, — внезапно пришло ей на ум. — И даже раньше, чем Леонора».

— А теперь беги и переоденься, моя дорогая, — велел ей отец. — Милорд Брэн ужинает с нами сегодня вечером.

— Хорошо, отец.

Она присела в реверансе, затем торопливо чмокнула отца в щеку и выбежала из комнаты. Переодевшись, она уставилась на свое отражение в зеркале. Риченда очень старалась, чтобы выглядеть наилучшим образом: одно за другим меняла платья, примеряла и отставляла в сторону головные уборы. Наконец она остановилась на одеянии синего цвета, с подолом, расшитым серебряными цветами, — этот узор повторялся и

на вуали; цвет платья как нельзя лучше подчеркивал лазурь ее глаз. »

Горничная расчесывала золотистые локоны, пока они не начали блестеть, и оставила их распущенными, как подобает молодой незамужней даме. Волосы девушка обрызгала цветочными духами, нанеся также по капельке на шею и на запястья. Разумеется, никакой краски на лицо... Серебряный браслет, — унаследованный от бабушки по материнской линии, — украсил запястье Риченды и, в последний раз взглянув на себя в зеркало, она спустилась в парадный зал. Как обычно, ее отец стоял перед очагом, но, увидев дочь, сделал пару шагов ей навстречу, взял за руку и представил гостю.

На первый взгляд нареченный супруг пришелся Риченде по душе. Он не был ни старым, ни толстым. Граф поднес ее руку к своим губам. Она ощутила щекочущее прикосновение аккуратно подстриженной бородки. Это не показалось ей неприятным.

— Миледи.

У него был звучный голос. Риченда наконец осмелилась поднять глаза. Он не был также и уродлив. Взгляд золотистых глаз остановился на ней. Круглые, выпуклые, они напомнили ей золотистые ягоды, под тяжестью которых по осени сгибались ветви кустарника под ее окном.

— Милорд?

Внезапно она усомнилась, так ли положено к нему обращаться. Жаль, что нет здесь Леоноры,

она-то знала все эти вещи досконально. Лорд Брэн улыбнулся ей и подвел к столу, дождавшись, пока девушка сядет, прежде чем и сам занял свое место...

— Риченда, да ты ни слова не слышишь из того, что я говорю, — подруга похлопала ее по руке, возвращая мыслями к реальности.

— Прости меня, Ависа, я что-то замечталась. Так о чем это ты?

— Я говорю, что завтра на лугу начнется ярмарка, и я слышала, что там будет гадалка. Неплохо было бы нам всем троим сходить к ней. Я бы очень хотела узнать, за кого выйду замуж. А ты? — Ависа не могла скрыть возбуждения.

«А я уже знаю это наверняка», — подумала Риченда, но пока не решилась выдать свой секрет.

— Ну, что скажешь? — настаивала подруга.

— Но почему ты решила, что эта гадалка и вправду способна предсказывать будущее? — усомнилась она.

— Кто-то из моих родичей уже слышал о ней прежде. Они говорят, она знает свое дело. Ну, скажи же, что ты согласна, Риченда.

— Давай спросим сперва Леонору.

И они расстались, чтобы вновь встретиться на следующий день, а Риченда вернулась домой. За обедом она рассказала отцу о случайной встрече с Ависой и их планах на завтрашнее утро, но не стала упоминать о гадалке. К ее облегчению, отец был всецело поглощен делами и лишь рассеянно кивнул в знак согласия.

Вечером, переодевшись в белоснежную льняную ночную рубашу, Риченда, локтями опираясь на подоконник, выглянула за окно, любуясь травой и кустами, посеребренными луной. Она гадала, будет ли Марли похож на ее дом, и решила при следующей встрече расспросить лорда Брэна про его родные края.

На следующий день поутру она поднялась очень рано, но завтракать Риченде пришлось в одиночестве: отец уже уехал верхом, чтобы навесить своих крестьян-арендаторов и получить от них ежемесячный отчет. Наскоро поев, девушка вызвала к себе горничную, которая должна была ее сопровождать, и по широкой дорожке двинулась в сад аббатства, где они должны были встретиться с Ависой.

Утро выдалось ясным и теплым, но Риченда шагала быстро, не желая задерживаться на городских улицах. Она пришла на место встречи первой. В самом центре владений аббатства, среди цветочных клумб и ухоженных лужаек находился фонтан, у которого девушка собиралась дожидаться подруг. Присев на край бассейна, она опустила пальцы в воду, разбив свое отражение. В воздухе висел густой аромат цветов; прислушиваясь к гудению пчел, Риченда размышляла о том, что очень скоро станет замужней дамой и, позабыв все детские радости и наслаждения, станет ухаживать за мужем и вести домашнее хозяйство.

— Риченда?

Ясный девичий голосок ворвался в ее мечты,

и девушка поднялась с места, отряхивая юбки. Это оказалась Ависа, а за ней виднелась и еще одна знакомая фигурка.

— Леонора! — Риченда обняла подругу. — Как я рада вновь тебя видеть!

Леонора была все так же хороша собой. Темные кудри спускались почти до талии, подчеркнутой изящно расшитым пояском. Платье с низким вырезом было пошито по последней моде. Прелестная и беззаботная, словно ангелочек, она подвела подруг к стоявшей неподалеку скамье.

— Риченда, ну что за чудо! Ависа рассказала мне про ярмарку. Давайте пойдем и узнаем свою судьбу!

К собственному удивлению, Риченда согласилась.

— У меня есть замечательная мысль, — объявила Ависа. — Как насчет того, чтобы всем одеться одинаково и не говорить ей наши имена?

— С какой стати? — удивилась Леонора.

— Потому что она могла слышать о ком-нибудь из нас и сказать лишь то, что нам самим хотелось бы услышать, или то, что ей известно, — пояснила Ависа.

— Да, мысль и впрямь превосходная, — хихикнула Леонора.

Обсудив все подробности этого плана, Ависа с Леонорой ушли, но Риченда еще на некоторое время задержалась в саду аббатства, наблюдая за одетыми в черное монахами, неторопливо сновавшими по своим делам, и гадая, каким обра-

зом они могут выносить такую жизнь, в отрыве от родных и семьи. Она понимала, как устроена Церковь, исполняла все положенные обряды и делала пожертвования. Однако в душе сознавала, что ее религиозности недостает подлинной искренности.

Возможно, все дело в том, что она Дерини. Возможно, обычные люди относятся к Церкви по-другому...

Порой она сожалела, что не имеет возможности соблюдать старые религиозные деринийские обряды, которым обучили ее родители, но эти обычаи давно уже были запрещены, и Церковь непримиримо относилась ко всему, что имело хотя бы косвенное отношение к Дерини. Наконец, она поднялась с места, окликнула горничную и направилась из сада домой. Отец уже ждал ее там.

— Вновь прибыл лорд Брэн, — объявил он дочери, едва лишь завидел ее в дверях. — Разумеется, он отобедает с нами. Тебе он пришелся по душе?

— Да, отец. — Она все равно подчинилась бы его воле, но было приятно, что на сей раз подчинение доставляет ей удовольствие. Граф Марлийский был хорош собой и в прошлый раз уделял ей немало внимания, что явно показалось отцу добрым знаком.

— Подойди ко мне. Нам нужно поговорить с тобой до обеда, — пригласил ее отец в свой кабинет, обшитый дубовыми панелями. — Это насчет

лорда Брэна... Ты ведь знаешь, что он не Дерини.

Риченда опустила глаза. Разумеется, ей это было известно.

— И более того, я сомневаюсь, чтобы он с симпатией относился к нашей расе. Во всем остальном это очень удачный брак. Полагаю, мне не следует напоминать тебе о том, что существуют вещи, которые лучше держать при себе и хранить их в тайне даже от своего супруга... разумеется, если его взгляды со временем не переменятся. Ты ведь понимаешь, о чем я веду речь, не так ли, моя дорогая?

— Я все понимаю, отец.

Вечер прошел быстро. Милорд Брэн был настойчив в своих знаках внимания, прислушивался ко всему, что говорила Риченда и спрашивал ее совета даже по мелочам. Кроме того, ей удалось расспросить его о Марли. Он с удовольствием описал свои родные края, богатые пастбища и уголья. Он рассказывал обо всем этом с горящим взглядом. Его юность и очарование никого не могли оставить равнодушным, и Риченда с удовольствием думала о том, что очень скоро сделается его женой.

Наутро она никуда не пошла, но вместо этого занялась домашними хлопотами: проверила все счета и содержимое кладовых. После полудня, наскоро перекусив и покончив с делами, она оделась так, как они условились с подругами, — в длинное простое белое платье, распусти-

ла волосы и не стала брать никаких украшений, — после чего вместе с горничной направилась на луг, где раскинулась ярмарка.

Подруги уже ждали ее там и встретили с радостным смехом, но Риченда неожиданно почувствовала себя гораздо старше; возможно, сегодня она откроет им свой секрет. Они отправились бродить по ярмарке, мимо палаток и лотков, где торговали всем на свете, толкаясь в толпе, среди сельских кумушек, придирчиво выбиравших товар.

На небольшой площадке показывал свое искусство жонглер, и какое-то время девушки любовались узорами, что сплетали подброшенные в воздух булав.

Задержавшись у другой лавки, Леонора купила марципановых сладостей, угостила подруг и была столь щедра, что предложила понемногу даже горничным. Наслаждаясь лакомствами, они двинулись дальше к своей цели, невзрачной палатке, затерявшейся среди роскошных лавок с заморскими товарами. Вокруг не было ни души, и Леонора отдернула занавеску на входе. Внутри оказалось темно и тесно.

— Заходи, моя дорогая, — прокаркал старческий голос.

— Ты первая! — воскликнула Леонора, попятилась и повернулась к Риченде.

— Да, ты первая, — эхом отозвалась Ависа, отходя в сторону.

Риченда подняла занавес и вошла. Пару мгно-

вений, пока глаза не привыкли к темноте, она ничего не могла разглядеть.

— Садись, моя дорогая, — настойчиво промолвила старуха.

Взволнованная Риченда присела на подставленный табурет.

— Позволь мне взглянуть на твою ладонь.

Девушка положила левую руку на стол, стоявший между ними. Старуха приподняла ее за запястье и внимательно уставилась на ладонь, грязным пальцем прочерчивая линии. Риченда никак не могла понять, каким образом та способна хоть что-то разглядеть в полумраке.

— Дай мне денежку, красавица, и я загляну в свой кристалл.

Порывшись в кошельке, Риченда достала маленькую серебряную монетку и выложила на стол. Та тотчас исчезла внутри многослойных одеяний старухи, и оттуда почти в тот же миг появился стеклянный шар, который гадалка положила на стол. Она провела над ним рукой, и Риченда увидела, что ногти у старухи желтые и загнутые, точно когти.

— Я вижу букву «М»... Она что-то значит для вас, не так ли?

Эти слова озадачили Риченду. «М» — Марли, разумеется. Графство Марли, ее будущий дом. Она кивнула.

— Буква «М», — продолжила гадалка, — будет играть в твоём будущем куда более важную роль, чем тебе самой кажется. Однако долгое время

она еще будет оставаться в тени. — Последовали новые пассы, на сей раз сопровождаемые заклинанием, произнесенным вполголоса. — Я вижу мужчину, с которым неразрывно связано твое будущее.

Риченда кивнула. Может, эта женщина и впрямь что-то смыслит в своем ремесле: она ведь предсказала ей Марли, а сейчас, должно быть, опишет будущего супруга.

— Он высокого роста, стройный... У него серебристые волосы и серые глаза, глубокие, точно озера.

Риченда растерянно заморгала. Все неправильно. Это ничуть не похоже на лорда Брэна. Какая глупость! Да и зачем, вообще, ей понадобилось это гадание? Она и без того знала свое будущее!

Девушка поднялась и двинулась к выходу.

— Благодарю вас, матушка.

— погоди, разве ты не хочешь узнать про своих детей?

Но Риченда уже вышла наружу. Нет, она ничего пока не станет говорить подругам.

— Я вам все расскажу после того, как вы тоже побываете у нее.

Те кивнули, ибо именно об этом они заранее и условились. Ависа нырнула в шатер. Она пробыла там столько же, сколько и Риченда, и выбралась наружу, раскрасневшаяся, с улыбкой на губах. Настал черед Леоноры, и девушки принялись ждать ее, доедая последние крошки марци-

пана. Они никак не были готовы к тому, что последовало далее. Леонора вылетела из шатра с горящими от гнева глазами и разразилась пронзительным хохотом.

— Пойдемте отсюда скорее! — воскликнула она сердито.

Она ни о чем не пожелала говорить, покуда подруги не добрались до садов аббатства неподалеку от ярмарки.

— Ну же, теперь-то ты скажешь нам, в чем дело? — спросила ее Риченда.

— Вы знаете, что она мне заявила?

— Нет, откуда? Мы ждем, пока ты расскажешь нам сама, — резонно заметила Ависа. — Мы же не ясновидящие.

— Равно как и она, — заявила Леонора. — Она сказала, что я не выйду замуж, а вместо этого стану невестой Христовой. Это я-то!

Подруги рассмеялись вместе с ней, настолько это было нелепо. Чтобы Леонора, проклятье отца Идриса, стала монашкой? Ничего более безумного и вообразить было невозможно.

— А что насчет тебя? — спросила Риченда у Ависы.

— Ну, ничего необычного. Я выйду замуж в течение года. Мой муж будет среднего роста, с каштановыми волосами и бородкой, с желто-кариыми глазами и при деньгах. Это вполне может быть правдой...

— Совсем необязательно, — возразила Риченда.

— А ты откуда знаешь?

— Насчет меня она все перепутала. Сказала, что моим мужем станет высокий сероглазый блондин.

— А почему бы и нет?

— Потому что я знаю правду. Послушайте... — и Риченда рассказала своим подругам о грядущей помолвке.

Они ненадолго притихли, после чего Ависа хлопнула в ладоши.

— Но ведь она описала *моего* будущего супруга в точности как лорда Брэна! Наверняка она все перепутала, и мне достался твой. К тому же ты только вообрази, чтобы Леонора стала монашкой!

Их мрачное настроение вмиг развеялось. Девушки еще немного посмеялись над этим происшествием, а затем разбежались по домам.

И все равно в грядущие месяцы вплоть до замужества Риченда нет-нет, да и возвращалась мыслями к этому предсказанию. Воспоминания преследовали ее в самые неподходящие моменты. Странно ведь, чтобы гадалка оказалась права насчет буквы «М» и так ошиблась по поводу лорда Брэна...

Еще больше усилились сомнения Риченды, когда она узнала, что Ависа выходит замуж за сына одного из знатных соседей, кареглазого юношу с каштановыми волосами и небольшим собственным доходом. По счастью, в том, что касалось Леоноры, гадание не сошлось совершенно.

но. Та по-прежнему оставалась царицей всех ба-лов, блистая там красотой и веселостью.

Несколько месяцев спустя, покидая аббатство, где совершилась церемония их бракосочетания, Риченда из тускло освещенной церкви вышла на дневной свет, держа под руку лорда Брэна. Здесь собралась целая толпа, осыпавшая молодоженов цветочными лепестками. Брен поцеловал новобрачную, и в этот самый миг подкатил его экипаж. Он открыл дверцу, помог молодой жене сесть внутрь, а сам отошел, чтобы поговорить с кучером.

Толпа внезапно затихла. Риченда оглянулась и увидела поблизости древнюю старуху, чье черное одеяние показалось ей пугающе знакомым.

— Я с самого начала так и знала, что это вы, миледи, — прокрихтела гадалка, обращаясь к Риченде. — Это ведь я была помогала вашей почтенной матушке в ту ночь, когда вы родились. Помяните мое слово, миледи, буква «М» — это не то, что вам кажется... она очень важна для вас. И ждите своего сероглазого суженого. У него ключи от вашего будущего.

Затем с хриплым смешком она протянула Риченде какую-то вещь и тут же исчезла в толпе, расступившейся, чтобы дать старухе проход.

Риченда была потрясена. Заметив, что Брен отвернулся в другую сторону и прощается с отцом Идрисом, который проводил обряд бракосочетания, она рискнула взглянуть на предмет, который сжимала в руке. Это оказался камушек,

с грубо вырезанными очертаниями грифона... Озадаченная, она едва успела спрятать этот неожиданный подарок, прежде чем Брен вернулся и уселся с ней рядом. Он окликнул кучера, и экипаж покатил их прочь.

Впереди Риченду ждала жизнь графини Марлийской.

Лор Э. Миллер

Любовники сумерек¹

1121 год

Наш следующий рассказ совершенно точно из ряда тех, которые я мечтала бы написать сама, хотя и не думаю, что мне удалось бы сделать это с той же точностью, которой достиг автор «*Любовников сумерек*». Я думаю, такую историю мог рассказать только мужчина, — и он сделал это превосходно. Что особенно зачаровывает меня в его рассказе, помимо внимания к военным деталям (автор, как-никак, является военным историком) и несомненной поэтики (он невероятно талантлив!), так это то, что история рассказывается с точки зрения «противоположной стороны», то есть от лица тех, кого мы считаем «плохими парнями»... На самом деле, конечно же, они вовсе не плохие, они просто по другую сторону баррикад.

Чтобы быть точным, это история о Кариссе Толанской, дочери Марлука, и того человека, что был влюблен в нее на протяжении десяти лет до начала действия романа «*Возрождение Дерини*». Этот голос во многом отличен от моего, — куда сильнее, чем просто отличаются голоса рассказчиков-мужчин и женщин. Место действия этой истории — земли к востоку от Гвиннеда, куда я сама заглянула лишь совсем недавно; бесплодные нагорья, лежащие на границе между Торентом и Гвиннедом. Мне кажется, что некоторые из образов, созданных Лором Миллером в этом рассказе,

¹ © Lohr E. Miller «*Lover to Shadows*», 2002

во многом повлияли на мое собственное видение Торента.

Итак, имею честь представить вам Кристиана Ричарда Фалькенберга, который любил Кариссу, Сумеречную колдунью...

Не доверяйте сильным мира сего, — так нам советуют. И ты, и я знаем, что это правда. До меня дошли слухи, что ты играешь на стороне Клейборна и Ридинга. Преданность отступает, ибо жажда власти сильнее; все это лишь в порядке вещей. Несомненно, я желаю тебе удачи и великих побед. Но не доверяй сильным мира сего: ни Оленю, ни Льву. Существует верность и иного порядка, кроме той, что связывает вассала и сюзерена, и если случится так, что Орел будет сражен Оленем или Львом, то ты знаешь, где сможешь найти убежище вместе со своими людьми. Это самое меньшее, что я мог бы для тебя сделать...»

*Кэйр Керилл, год 1121 от Рождества Христова
Лорд Фалькенберг графу Марлийскому...*

Подобных посланий было три. Каждое написано четким убористым почерком лорда Фалькенберга. Каждое с личной печатью, выжженной перстнем Дерини. Каждое отослано с большой черной восковой печатью, несущей на себе герб дома Фалькенбергов: *Брэну, графу Марлийскому; Лайонелу, герцогу Арвенольскому; Нигелю, герцогу Картмурскому*. Каждое письмо содержало одно и то же предложение. Дому Фалькенбергов было под

силу разместить немногих приспешников, но во всех Одиннадцати Королевствах беглец едва ли мог рассчитывать на более надежное укрытие, нежели Кэйр Керилл, в горах над Северным морем.

Гонцы отправились в путь в мае, накануне того дня, когда герцог Кассанский потерпел сокрушительное поражение при Рейнгарте. Теперь фурстанский Олень и Лев Халдейнов столкнутся под Кардосой, в битве, которую позднейшие хронисты, несомненно, нарекут величайшей и ужасающей. Никто не мог бы упрекнуть дом Фурстанов в чрезмерном миролюбии; а девиз *«gwaе'r gorchfygedig»* — *vae victis!* — был принят Халдейнами еще во времена Реставрации.

Очень скоро первые беженцы, пошатываясь и задыхаясь от усталости, преодолеют Рельянские отроги, дабы просить убежища в Кэйр Керилле, а это, по мысли Кристиана Ричарда Фалькенберга, представляло искушение совершенно особого рода.

Фалькенберг оторвал взор от страниц, покрытых изящной мавританской вязью, что лежали на его рабочем столе.

В первый день нового года он ответил отказом Венциту Торентскому, который предлагал ему участвовать в кампании против Гвиннеда, и теперь занимал долгие дни ожидания, сочиняя поэзию на мавританском, аккуратно укладывая строки справа налево.

Какая лютня рождена для наслажденья,
Чьи струны не испытывают боли...

Очень скоро, — Фурстаны или Халдейны, — у его ворот, задыхаясь от долгой скачки, столпятся всадники, напуганные, просящие о защите. Брэн или Лайонел, или... Глядя на витражи, впускавшие солнечный свет в гостиную, он позволил себе ненадолго задержаться мыслями на этом последнем искушении.

Вероятно, Нигеля Халдейна следовало считать другом и относиться к нему соответственно. Но что если под потрепанным алым стягом Халдейнов вместе с Нигелем прибудет его племянник? Или даже Королевский Защитник?.. Келсона Халдейна можно было бы отослать в Белдор, — со всеми почестями, но все же как державного пленника.

В Белдор: ибо только король вправе убить короля...

Но вот что касается герцога Корвинского... В Кэйр Керилле не бывало казней со времен его деда, когда Майкл Фалькенберг выставил головы полусотни истмаркских пиратов на пиках вдоль дороги, ведущей к побережью. Но Королевский Защитник Гвиннеда...

Что за надежда соткана из света
Которую бы не пронзила тьма...

Прикрыв глаза, он позволил себе вообразить, как тело Аларика Моргана падает с Дарклерского

утеса, чтобы, пролетев девятьсот футов, рухнуть среди скал, на которых шипит прибор.

Проклятье! Фалькенберг швырнул перо на стол. Эта шутка была бы слишком удачной, даже для ее величества Судьбы. А пока нет никакого смысла предаваться бесплодной горечи и мечтам о мести. Прошлой осенью он сказал себе, что способен обойтись без лживой улады подобных грез. *Хотя Морган, безусловно, заслуживает этого.* Всю зиму он смеялся, потягивая бренди: Моргана отлучили от Церкви, за ним охотились по всему королевству, в Корвине вспыхнули мятежи против Дерини, бунтовщики сжигали дома и захватили Корот, столицу герцога. *С наилучшими пожеланиями от одного Дерини другому,* — провозгласил он тост на Страстную неделю. — *Гореть тебе в аду, Морган!*

Нет, Аларика Моргана ему едва ли стоит ждать к себе в гости. Он вообще сомневался, чтобы Морган когда-либо слышал имя Фалькенберга. Скорее всего, нет. Чтобы один из копейщиков Венцита пикой пробил Моргану доспехи, — это еще возможно. Но личная месть... Такого просто не бывает на свете.

Потянувшись, он взял в руки небольшой блестящий черный кубик. Если поднести его к глазам, становилось видно, что он темно-аметистового цвета и изнутри словно бы наполнен жидкостью. Некогда он был белоснежным: один из восьми кубиков Старшей Защиты. Когда-то он занимался этим, — очень давно... тем далеким ле-

том, когда возможность сломать Защиту вызывала лишь смех и таила в себе бездны очарования.

Он повертел кубик в пальцах, чтобы уловить в нем свое отражение: Кристиан Ричард, лорд Фалькенберг, владетель Кэйр Керилла. Мрачное лицо с высокими скулами, коротко подстриженная борода и ежик черных волос. Глубоко посаженные глаза, словно полированные осколки обсидиана под темными бровями. Никогда не меняющееся выражение лица, которое Лайонел Арьенольский некогда именовал «насмешливым презрением»...

Да, верно, маска задумчивой мрачности и чрезмерных страстей. *Дилетант, поэт-неудачник, бывший капитан отряда конных наемников, считавшийся — бог весть почему! — умелым и опытным.* Лицо, состоящее из сплошных «почти». Почти умное, не вполне отважное, почти красивое. Нет, не такое лицо должно быть у убийцы герцога Корвинского.

Так выпьем же за пешек на игровой доске! Он насмешливым жестом поднял черный кубик, словно провозглашая тост. Почти герой, почти красавец...

Она была здесь всего год назад, и розовый свет проливался через высокие окна гостиной, бросая малиновые отблески на светлый пламень ее волос, падавших на обнаженную грудь и на плечи... она сидела на большом меховом ковре, подбрасывала на ладони сгоревший кубик Защиты и смеялась вместе с ним...

Только для нее он был кем-то. Ее портрет был

здесь: угольный набросок, сделанный его старшим помощником в первое лето по возвращении с юга. Она похудела за те годы, что он провел в Бремагне и в землях мавров, — похудела и стала держаться с еще большим достоинством. Словно утраченная невинность сменилась самопознанием и иронией.

Так что же портрет? Девушка лет двадцати, стройная, со светлыми волосами, разделенными пробором посередине и струящимися по плечам. Тонкие изящные линии рук и груди. Лицо, утонченное и полное решимости. На шее — черная лента с единственным драгоценным камнем. И глаза необычайной глубины, бледные, как лепестки подсолнуха, вызывающие в памяти то горные ледники, то летние солнечные блики, то серебряные зеркала. Да, так прекрасна... Изящество, теплота, изысканность, ирония, чувственность, власть, холодная сдержанность, — все это было при ней. И все отражено на портрете, к которому она прижала свое кольцо-печатку, так что корона и львиные когти прожгли след на пергаменте. А чуть ниже, летящим почерком оставила надпись: *«Кристиану со всей любовью — Кариад, Карисса»*.

Кариад, сердце моего сердца. Фалькенберг сжал кубик в длинных тонких пальцах, с силой вдавливая острые грани в ладонь. *Кариад. Не нужно горечи,* — сказал он себе. *Ее лишь бесчестят твои мечты о мщении, которые ты не в силах осуществить.*

В его руках кубик разгорался тускло-лиловым светом, и поверхность сделалась ледяной на ощупь. Раскрыв ладонь, он поднес его к глазам, пытаясь сосредоточиться на этом холодном сиянии. В землях мавров он сидел с эмиром аль-Джабалем, Владыкой Горы, в Аламуте и учился смотреть на свет. *В ясности — целостность. Да. Лишь зеркало и миг единый. Да. И все равно, будь ты проклят, Морган.*

— Сударь...

Фалькенберг оторвал взор от кубика. Высокий мужчина в синем одеянии, расшитом серебром, стоял в дверях. Его звали Бреннан Колфорт, и некогда он был капитаном Толанских гвардейцев. Колфорт и еще дюжина из двух десятков охранников, которых Карисса взяла с собой в Ремут в качестве почетного эскорта, остались на свободе после коронации Келсона Халдейна. Как видно, у Халдейнов просто не дошли руки... *Faute de mieux*, теперь он служил под знаменами Фалькенберга. Сейчас Колфорт бросил пристальный взгляд на сияющий кубик защиты и на портрет Кариссы Толанской.

— Извините, что помешал вам, сударь... — смущенный, он замолк.

Фалькенберг бросил кубик на стол.

— Это же не поминальное святилище, — заметил он чуть резче, чем намеревался. Выражение лица Колфорта показалось ему выжидательным и полным надежды, и один лишь вид его вызвал у Кристиана чувство усталости. *Я их под-*

вел, — подумал он. *Я не тот, на кого они рассчитывали...* — Здесь никто не предается скорби. Что стряслось?

Колфорт подбородком указал на окна, выходящие на восточную сторону.

— Там всадники, сударь. Один отряд движется от Уэнлокского ущелья по Толанской дороге. Еще один идет от водопадов и, похоже, там раненные. Аврелиан отправился им навстречу.

— Отлично. — Фалькенберг поднялся и оттолкнул стул. — Иди, собирай своих людей. Пошли также за лекарем и за священником. Мы ведь готовы исполнить роль гостеприимных хозяев, не так ли?

Он потянулся за перчатками. Розоватый свет бросал лиловые блики на темно-синюю бархатную тунику. Из-под разложенных на столе бумаг он извлек тяжелую серебряную цепь, взвесил ее на ладонях, а затем надел через голову. Серебряный ястреб тяжестью лег на грудь. Конечно, это не серебряная корона, но все же достаточно церемонно. Он намеренно не позволял себе задаваться вопросом, который из приглашенных спешит сейчас сюда по горной дороге.

Я слишком долго был капитаном наемников, — подумал он. — Для нас конец пути один: мы истекаем кровью в седле, стучим в ворота и просим убежища. И любое утро подходит для этого, не хуже всякого другого.

О, да, он вполне способен предоставить защиту беглецам, утешить умирающих, предло-

жить вино и сочувствие изгоям. Когда владеешь таким замком, как Кэйр Керилл, — все это в порядке вещей. Вот только ожидание дается тяжело.

Вслед за Колфортом он спустился по длинной винтовой лестнице во двор замка, готовясь сыграть роль любезного хозяина; шаги его гулко отдавались в каменном колодце.

* * *

Стрела с силой ударилась в центр мишени, и Фалькенберг оглянулся на Торна Хагена, который с недовольным видом ковылял в его сторону. Хаген с трудом уселся на серые каменные ступени и поморщился, вытягивая ноги. В свои пятьдесят лет Торн Хаген оставался по-прежнему красивым мужчиной и любил утверждать, что выглядит не больше, чем на тридцать. Однако сегодня, под тусклыми лучами декабрьского солнца, в непривычной для него походной одежде, он выглядел на очень усталые пятьдесят.

Фалькенберг протянул руку к колчану, скрытому под черным плащом, и извлек вторую стрелу. Зазубренный наконечник он поднес ко лбу в насмешливом приветственном жесте. Торн Хаген был самым невоинственным из всех людей, кого он знал, и одна лишь мысль о том, как дородный лорд-Дерини в новых, необмятых кожаных доспехах в такой холод гнал лошадь по горам, от Уэнлокского кряжа, казалась совершенно неправдоподобной.

— Доброе утро, — поприветствовал его Фалькенберг. — Рад видеть тебя в Гнезде Ястреба, Торн. Удачно ли прошла твоя поездка из Карта-та?..

В голосе его отчетливо слышалась насмешка.

— Черт возьми, Фалькенберг, почему, во имя всего святого, у тебя нет Переносящих Порталов? Я провел в седле четыре дня, все время в гору и против ветра! Я за двадцать лет столько не ездил верхом, а сейчас едва-едва сполз на землю!

Фалькенберг наложил стрелу на тетиву.

— Ну, что я могу сказать тебе, Торн... У меня здесь, разумеется, есть Порталы. Я просто не люблю непрощенных гостей, и даже Ридон или его святейшество Стефан Корам не смогут прорваться через мою защиту. А все потому, что никто не придает значения моей писанине. — Облаченной в перчатку рукой он крепче сжал лук и оттянул назад тетиву, так что скрипнули деревянные рога. Это был угловатый составной лук из Он-Огура, края Семи Племен к востоку от Торента, истинное оружие степного кочевника... — Поверь, это ради твоего же блага, Торн. Невозможно выглядеть истинным Дерини, восседая в паланкине. Достоинство рождается только в седле. — Его улыбка по-прежнему вызывала раздражение.

— Ублюдок. — Хаген с силой растирал бедра, пытаясь совладать с болью в ноющих мышцах. — Холодный, грубый, надменный, лукавый ублюдок, страдающий манией преследования!

— Ну, если только... — Фалькенберг поднял лук, натянул как следует тетиву, отводя глаза от мишени, и выстрелил. Стрела, подрагивая, замерла в верхней левой четверти черного круга. Он потянулся за следующей.

— От меня ждут, что я смогу обсудить с тобой важные вопросы, — промолвил Хаген. — Ты по-прежнему представляешь для всех проблему... А сам стоишь тут передо мной и играешь с этим дикарским луком, будь он неладен. Проблема того же рода, как когда ты вынуждаешь людей гоняться за тобой по этим проклятым горам, в холод и под дождем.

— Стало быть, официальный посланец. — Не открывая глаз, Фалькенберг вновь поднял лук, нацелил на мишень и выстрелил. Стрела вонзилась в точности рядом с первой, отсекая щепки и глубоко входя в дерево. — Довольно жаловаться! Они послали тебя сюда своей властью... так чего же хочет Совет? — Он ослабил тетиву и обернулся к Хагену.

— Денис Арилан приходил к Баррету. Один из странствующих гвиннедских епископов написал Денису письмо и поведал некую удивительную историю...

— Истелин, — очень тихо произнес Фалькенберг. — Должно быть, это Истелин.

— А Денис все выложил Совету. — Усталый и раздраженный, Хаген поднял глаза. — Нам ведь следовало узнать об этом, не правда ли?

— А в чем дело, Торн? — Голос Фалькенберга

звучал тускло и невыразительно. — Чего они от меня хотят?

Пожав плечами, Хаген отвел взгляд. Он чувствовал себя непривычно беспомощным. Кристиана Фалькенберга он знал с самого детства; Баррет и Вивьен решили, что именно он лучше прочих подойдет на роль посланника. Он давал сыну Дереку Фалькенберга первые уроки по истории Дерини, и сейчас ему совсем не хотелось встречаться взглядом с Кристианом Ричардом.

— Этот епископ утверждает, что был в Картмуре, и на горе Кинтар обнаружил новую часовню. Кто-то построил ее там и нанял священника только для того, чтобы читать заупокойные службы по Кариссе Толанской.

— Разумеется, это я. Неужели ты в этом сомневался? — Лицо Фалькенберга застыло, глаза смотрели куда-то вдаль. — Ей нравилось это место и вид на южное море. Она встречалась там со мной, в последний раз, когда я вернулся из Бремагны. Я ведь тоже верующий... в своем роде. И имею полное право возвести часовню и зажечь там свечи. Кто возражает: Церковь или Совет?

— Да они, собственно, не то чтобы возражают, но... Совет ведь запретил Кариссе бросать вызов новому королю Гвиннеда. Она погибла, будучи официально объявленной вне закона, и Стефан был бы рад считать, что обрек ее вечные муки. И, кроме того, все они желают знать...

Хаген огляделся, бросив взгляд на свиту Ястреба и на стены Кэйр Керилла, чувствуя себя

очень одиноко и неуютно. Он продрог до костей, и все его тело ныло от долгой скачки. Ему совсем не по душе было покидать свой дом в Картате ради того, чтобы бросить вызов непредсказуемому Кристиану Фалькенбергу. Он сделал еще одну попытку.

— Они ведь успели позабыть о тебе. Никто тебя не видел, и они забыли. После всех твоих книг и того, что ты там написал, они хотели забыть. Но они боятся. Ты такой же, каким был Ридон: слишком любишь одиночество. Они помнят, что было между вами с Кариссой, и они... *мы* не знаем, как ты поступишь теперь. Стефан, Баррет и Деннис опасаются, что ты можешь отправиться на юг, чтобы убить Аларика Моргана или его короля. От имени Совета я должен передать тебе, хотя это и не вполне официально, что Совет желал бы...

— Чтобы я вернулся в эмираты, или в Аламут, или свалился в горах с обрыва. — Фалькенберг подправил натяжение тетивы и взял новую стрелу. — Где-то здесь у меня есть запись последней речи, с которой к ним обратился Ридон. Я могу приложить свою печать, а ты отвезешь ее Совету. Скажи Кораму, что я подписываюсь под каждым словом. У меня нет армии, с которой я мог бы двинуться на Ремут, и я не собираюсь поджидать Моргана с ножом в темном закоулке. Она отправилась в Ремут в одиночку и запретила мне следовать за ней. Таково было ее решение. И я буду оплакивать ее гибель так, как пожелаю. Но

Совет может вновь позабыть о моем существовании... пока что. Корам с Барретом с самого начала желали ей смерти. С того самого дня, как погиб Марлук, они хотели, чтобы и Карисса последовала за ним. К тому же им нравится делать вид, будто меня нет на свете. Однажды я напомню им о себе... но не сегодня. Скажи им, чтобы забыли обо мне.

С резким свистом стрела сорвалась с тетивы и вонзилась по самое древко прямо в центр мишени.

* * *

Во дворе раздавались голоса мавров: Юсуф аль-Файтури тренировал полдюжины уцелевших соплеменников из числа телохранителей Кариссы. Все они поклонились проходившему мимо Фалькенбергу с выражением безмолвного ожидания на лицах.

Губы Фалькенберга скривились в холодной усмешке. Он ощущал на них привкус гибели. *Ты был возлюбленным Сумеречной, — говорил ему Юсуф. — Мы пришли, чтобы вместе с тобой двинуться на юг, в город большого собора. Мы говорили с эмиром аль-Джабалем, и Владыка Горы повелел нам отомстить за госпожу. Мы дали клятву стать фeday'инами и предаемся в руки Ястреба, как подобает Всадникам Смерти...*

Положив ладонь на рукоять кинжала за поясом, Фалькенберг поклонился в ответ, с негромкими словами на певучем мавританском наречии:

— Так говорите же, что смертная кара настигнет всех, кроме тех, что следуют Истинной Вере и живут в трудах праведных; ибо их ждет награда...

На лице Юсуфа аль-Файтури он заметил легкую одобрительную улыбку. *Федай'ин*.

* * *

Торн Хаген прохромал через всю комнату, подтаскивая кресло ближе к огню и к хрустальному графину с бренди, затем с трудом уселся и потянулся за своим стаканом.

— Ты не можешь напасть на них, — говорил он. — Даже Ридон с Венцитом не могли бросить вызов им напрямую. Так не делается. Видит Бог, мы не вправе кидаться друг на друга.

— Почему же? — Фалькенберг, весь затянутый в черное, в черном плаще поворачивал перед глазами хрустальный бокал. — Ты самый миролюбивый из людей, кого я знаю, Торн. Сколько Дерини ты убил? Мне известно о шестерых. Трех — ядом. Двоих — в поединке. И еще одного — кинжалом в рукопашной схватке... что очень нас всех удивило. Давай не будем говорить о Льюисе или Макферсоне. И даже о Ридоне. Совет всегда желал смерти Кариссы; она была живым напоминанием об их поражении. И не смей утверждать, будто Вивьен с Лораном никогда не брали в руки клинок, чтобы добиться согласия непокорных. Так почему бы теперь и мне не бросить им вызов? Владыки-Дерини ничем не отличаются

от всех прочих; править возможно лишь когда держишь смерть на коротком поводке.

— Ты наследник одного из старейших семейств Дерини, — заявил Торн. — Твой отец... все Фалькенберги... Тебя не видят, и все готовы забыть. Но ты мог бы стать членом Совета. Лоран и Кайри предпочли бы тебя Тирцелю.

Фалькенберг покачал головой.

— Я не хочу никакого кресла в Совете. Боже! Прав был Ридон: нужно уничтожить его. Я не разделяю их взглядов на будущее Дерини. Все, чего я хочу, это чтобы меня оставили в покое. И еще кое-что для Кариссы. Не справедливости... но, возможно, удовлетворения. Однако я брошу тень бесчестия на ее отвагу и любовь, если брошусь в ноги Совету и стану требовать смерти для всех тех, до кого сам не могу дотянуться. Впрочем, я не отказался бы увидеть голову Корама на острие копья.

— Мы должны защищать своих. Совет — это... Мы ведь не такие, как Фестины. Мы высшие Дерини. Внутренний круг...

Пальцем в перчатке Фалькенберг погрозил Хагену.

— С надменностью понтификов они разливаются пафосными словесами о Чести и Ответственности, но не в силах остановить гонения. И к тому же представляют меньше половины известных Дерини. Никто не называл Стефана Корама господом Богом. Баррет, возможно, и впрямь великий человек, но, черт возьми, кто такие все

остальные? Ты учил меня истории Дерини, но в твоих уроках больше половины было ложью. Они воображают историю в виде широких мазков, неких трансцендентных категорий, и ровным счетом ничего не смыслят в том, что творится вокруг на самом деле. Они никогда не пытались действительно понять, кто мы такие. Я пытался им объяснить. Только Кайри пожелала меня выслушать, и то лишь потому, что любой изгой всегда ищет поддержки у других отверженных. Из тех источников, которые я приводил, дай бог, если Лоран сумел прочесть хоть четверть. Остальные же просто возопили о святотатстве.

Хаген оторвал взор от языков пламени в камине.

— Вот почему они так хотели забыть о тебе. Ты единственный человек, которого и Камберинский Совет, и Курия Гвиннеда с равным удовольствием предали бы огню за ересь. Ты ухитрился потрясти даже Ридона. Ты утверждал, что мы не... что никакой магии не существует... что... Ты сидишь себе и слушаешь короля мавров-асасинов в Аламуте, и ни с кем не разговариваешь, кроме шурина Венцита, а затем в один прекрасный день все вдруг узнают, что ты — любовник Кариссы, а Совет...

— Совет очень не любит тех Дерини, которые предпочитают одиночество. И Дерини, которые мыслят не так, как все. Они ненавидели Кариссу двенадцать лет. Она принадлежала к роду Фестиллов, была одиночкой и не позволяла им забыть,

что Гвиннед не отмечен никакой особой Божьей благодатью, и что их святые короли Халдейны ничем не отличаются ото всех прочих земных владык. Я любил ее, а они пытались сделать вид, будто меня не существует, поскольку ее считали изгоем и предавали анафеме. — Одним глотком он допил остатки бренди. — Я не могу найти способ отомстить за нее; я не настолько значительная фигура в этой игре. Она обладала куда большей отвагой, чем все вы, вместе взятые. И даже чем я сам. И того, что сделал с ней Совет, я не намерен прощать. На время я останусь в Кэйр Керилле; возможно, летом вернусь в эмираты. Скажи им, пусть забудут обо мне. Но о ней я им забыть не позволю. Нет, не позволю.

И он отвернулся, прежде чем в отблесках огня станут заметны слезы, навернувшиеся ему на глаза.

* * *

— Кристиан!

Через восточные ворота ворвался всадник, — худощавый, в черных походных доспехах, с вышитым на груди золотым ястребом. Фалькенберг медленно поднял руку в приветственном жесте. За спиной он ощутил, как напряглись мавры, почувствовав тяжесть их холодных выжидающих взглядов.

Все обернулось донельзя скверно, хуже не бывает. За все эти годы, с того злосчастного дня в Фатане, когда Марк Фридрих Аврелиан присоединил-

ся к Вольному отряду Фалькенберга, никто не помнил, чтобы он хоть раз приносил добрые вести.

— Кристиан!

Фалькенберг стянул перчатку с правой руки и большим пальцем коснулся резного герба на своей печатке. Глядя, как спешивается его старший помощник, он пытался что-то прочесть по его лицу. Такому лицу можно лишь позавидовать. Они с Аврелианом были одного возраста... но даже если забыть о деринийских защитах, — в глубоко посаженных синих глазах Аврелиана не отражалось ничего, кроме мрачной ироничной решимости. Фалькенберг напрягся. Ничего хорошего их явно не ждет впереди.

— Все так плохо? — спросил он.

— Достаточно. — Аврелиан бросил поводья прислужнику в черной ливрее. — Скоро они уже будут здесь. Но я могу сказать тебе прямо сейчас: десять всадников поднимаются от Кардосы по Толанской дороге. У них герб в виде перекрещенных полумесяцев, и нет герольда. — Он стянул перчатки и слегка опустил ментальную защиту, чтобы выказать скорбь и сочувствие. — И Лайонела тоже нет с ними.

Лайонела нет с ними.

Фалькенберг кивнул. Если арьенольцы бегут, то случившееся просчитывалось достаточно легко. Халдейны одержали победу. Армия, что шла войной на Гвиннед, разбилась на мелкие группы беглецов. Военачальники и правители мертвы,

взяты в плен или отступают в Белдор, чтобы там закрепиться перед последним натиском.

— А остальные?

— Синие орлы, — отозвался Аврелиан. — Дюжина марлийцев; четверо из них в крови. Они говорят, что на пару часов опережают охотничьих псов.

Значит, и красавчик Брэн тоже...

Во дворе понемногу собиралась толпа. Он оглянулся на них: беглецы из Р'Касси и Форсинна, недавние толанские изгои, искатели приключений, следовавшие за ним из Бремагны, профессиональные наемники отряда Ястреба. Половина из них надеялись отправиться на юг, дабы подвергнуть разграблению побежденный Гвиннед. На юг, к богатой добыче, ждущей в Кулди, Ремуте и Валорете. Многие месяцы они ждали здесь, в суровых прибрежных горах, пока не кончится зима. У Колфорта был потрясенный вид. Лица мавров застыли, не выражая никаких чувств. Остальные казались разочарованными.

В ком же они разочаровались? В Венците? Во мне? Он кивнул маврам.

— Юсуф, Хусейн, вы будете нести дозор для Бреннана. Колфорт, возьми толанского жеребца и поезжай в горы. Никто не смеет охотиться на моих землях. Сделай так, чтобы они хорошо это запомнили.

Он вновь обернулся к Аврелиану.

— Похоже, у меня совсем не осталось друзей...

— *Нет, не так.* Он сделал еще одну попытку, и

на сей раз его голос звучал по-военному резко, как и положено капитану Вольного отряда. Негоже выказывать свою горечь перед всеми. — Что еще?

— Есть новости и похуже. — Аврелиан взмахнул рукой, одновременно выказывая сочувствие и обреченность. — Но полагаю, это лишь для твоих ушей.

* * *

Ястребы и Волки, — сказал себе Лайонел Арье-нольский. *Ястребы и Волки*.

Он положил свой шлем с черным плюмажем на массивный стол и окинул взглядом присутственный зал Кэйр Керилла.

Легенда гласила, будто Дом Фурстанов последовал за серебристым небесным Оленем на запад, по Пути Королей, — широкой звездной ленте, раскинутой в весеннем небе. Олень, украшавший штандарты Фурстанов, был воистину королевским животным... И лишь Дом Фалькенбергов мог избрать для своего герба тварей, символизовавших конец света: сперва Крадущегося Волка, рожденного в те славные дни, когда восточные Дома завоевывали запад и север, основывали Толан, Торент и Арьенол; а со времен Реставрации Халдейнов и бегства в горы, — Вольного Ястреба, освобожденного от оков.

Подойдя к стене, он пальцем проследил угловатые очертания надписи, сделанной на языке степняков под гербом Фалькенберга, красовав-

шимся в этой комнате. Мало кто из торентских и арьенольских дворян ныне был способен читать на он-огурском. А здесь, на Западе, кому вообще есть дело до этого древнего языка, кроме Фалькенберга?..

Кого не прищиплют — не пробудится. Кого не загонят в угол — не отыщет спасения.

С улыбкой Лайонел пересек комнату и застыл в ожидании у жестких потрепанных боевых стягов, что висели на восточной стене в ознаменование давнишних военных кампаний в Р'Касси, на землях Хортисса и Исмарка, а также в восточных степях. Должно быть, челядь Фалькенберга сегодня с утра не знает покоя, — подумалось ему. Им почти удалось создать такое впечатление, будто Кэйр Керилл и впрямь обитаем. За все те годы, что он появлялся в Гнезде Ястреба, ему никогда не удавалось заставить себя в это поверить. Шестнадцать герцогов правили в той великой цитадели, где был рожден сам Лайонел. Девять владетелей со времен Халдейнской Реставрации взирали на мир сверху вниз, с отрогов Дарклерского кряжа. Однако Фалькенберги прославились как капитаны наемных отрядов на приграничных землях, — в том числе и в Арьеноле, — и Гнездо Ястреба всегда казалось пугающе пустынным.

— Ваша милость.

Открылась дверь, и вошел Марк Фридрих Аврелиан, худощавый, в серой тунике с высоким воротом. Он отвесил изящный придворный по-

клон, вызывавший в памяти восточную церемонную вежливость, и расставил на столе серебряные приборы. Лайонел уловил аромат мавританского кофе и понимающе кивнул.

Аврелиан был человеком загадочным, и никто, — даже Лайонел со всей его ученостью, или его шурин со своим магическим искусством, — не сумел бы определить, откуда родом вечный спутник Фалькенберга. Дерини, да. Кажется, чужеземец. Не торентец — это точно. Идеальное воплощение неприметного помощника командующего. Такой же, каким всегда был Лайонел при Венците.

Аврелиан застыл, как на параде, весь внимание.

— С почтением от лорда Фалькенберга... мы приготовили магрибский кофе для вашей милости, и я могу велеть принести бренди или дариа.

Лайонел кивнул на три крохотных серебряных чашечки.

— Кристиан стал весьма любезен в последнее время. Очень проницателен и очень гостеприимен. Так, стало быть, никаких карт на сегодня, Аврелиан?

Тот передал Лайонелу чашку.

— Значит, не сегодня.

Взгляд голубых глаз был тусклым и не выражал никаких эмоций. Однако говорит он совсем как Фалькенберг, отметил про себя Лайонел. Тот же ровный голос без всякого акцента, мягкий, текучий и полный недомолвок, за которыми мо-

жет скрываться все, что угодно, — от чрезмерно самоуверенного ума до неловкости при владении неродным языком.

— Это тоже своего рода решение.

Лайонел отвернулся и выглянул из окна на малый двор. Завтра — новый год, и внизу челядинцы Фалькенберга складывали поленья для больших костров.

Завтра вечером в Белдоре Венцит официально объявит собравшейся на торжества торентской знати о грядущем походе против Гвиннеда. Пять сотен арьенольских всадников уже ожидали в Медрасе, пока остатки гвиннедских войск уйдут на зимние квартиры, прежде чем отрезать последние пути через снежные перевалы в Кардосу.

В новогоднюю ночь Белдор вспыхнет тысячами магических огней; за все последние годы ни одна кампания не вызывала такой радости и предвкушения. Во всех Одиннадцати Королевствах поэты станут воспевать Оленя, который вновь ступил на Путь Королей.

Лайонел наблюдал за суетой на заснеженном дворе, по черным одеяниям без труда отличая людей Фалькенберга от свитских его кузена Гордона, в ярких тартановых пледах.

— Ну, почему он не хочет идти с нами, Аврелиан? — спросил Лайонел. — Что мы можем предложить ему?

— Кроме любезного приглашения? А что у вас есть еще?

Голос Фалькенберга. Он стоял в дверях. Снег местами еще пятнал узкие рукава черной туники. В руке был свиток, запечатанный алым воском. Он принял чашку из рук Аврелиана и поднес свиток к глазам Лайонела.

— Венцит рассылает призыв к оружию всем вольным владетелям. Но что он обещает, Лайонел? — Он ткнул свитком в сторону Аврелиана. — Ты видел сам. Хочешь стать герцогом?

Оба заговорщицки усмехнулись: давняя шутка между ними, еще со времен Бремагны. Лайонел отставил чашку.

— У Венцита есть особое предложение для тебя, если только ты пожелаешь его принять. Но сперва я хочу объяснить. Начни с высокой политики... Пришло время объединить все Одиннадцать Королевств. Ты ведь и сам получил образование, достаточное, чтобы понимать, как создают империи и как управляют ими. Кроме того, мне помнится, владыки Гвиннеда кое-что отняли у тебя. — Он взирал на черные траурные ленты на рукавах Фалькенберга и Аврелиана.

Губы Кристиана Ричарда сжались. Отодвинув стул, он уселся, затылком откинувшись на резные фигуры волков, поддерживающих герб Фалькенбергов, что венчал высокую спинку.

— И что же сможет вернуть мне Венцит?

— Для начала — командование конницей. Восемь сотен всадников, что хлынут на земли Касана и Истмарка. Твой дед сражался под знаменами отца Венцита и вернулся домой с марша-

льским жезлом. Ты способен на большее. Я не мог бы предложить лучшего кандидата на должность наместника Картмура или Фаллона.

Фалькенберг отшвырнул свиток на стол.

— Жезл у меня уже есть. В Бремагне меня сделали маршалом после Шалмира. У нас даже где-то имелись владения в Бремагне. И все это за мои услуги. За всадников Ястреба и...

— Сто восемьдесят пять человек, — подсказал Аврелиан. — И еще полсотни, если призвать людей Майкла Гордона.

— Разве это армия для Венцита? У него есть ты и Ридон, и Меррит... Из всех известных мне даровитых военачальников, половина в его полном распоряжении. Лайонел, ему нечем меня купить, и я не стою того, чтобы лгать мне. Зачем я ему понадобился?

— Ты наследник деринийского рода, старейшего, чем сами Фурстаны. Венцит высоко ценит твои способности к магии. Все вольные владельцы побережья последовали бы за тобой, если, к примеру, ты решил бы поохотиться на морских путях близ Меары. — Лайонел потерял черные волосы, заплетенные в косу. — А потом... После Гвиннеда настанет черед Юга: Р'Касси и Хортиса. Без тебя нам не обойтись. Венцит понимает, что в войне ему нужны постоянные союзники. А я знаю, что наместники нам понадобятся еще дольше.

— И у меня есть причины ненавидеть юного короля из Ремута.

— Для тебя это вопрос чести.

— Ах, да, честь... — Он вскинул левую руку. На безымянном пальце блеснуло серебряное кольцо с тигровым глазом. — Это ее подарок. Там внутри надпись на древнем языке Дерини. А снаружи значится — *Outremer*, то есть «за морями». Она подарила мне его, когда я впервые повел свой вольный отряд на юг... Мне тогда исполнилось восемнадцать. Почти что обручальное кольцо. Лучшего у меня не будет. Я уничтожил бы Гвиннед ради нее. Сровнял Ремут с землей, засыпал землю солью и сложил бы горы черепов на речном берегу. Я сделал бы это, — что для меня Гвиннед?! Так давай поговорим о чести. Она любила меня и сказала, что желает сделать это в одиночку.

Так не смейте теперь трепать передо мной ее имя и взывать к отмщению. Я смертельно устал от того, что все вокруг пытаются на меня давить. За тебя я бы сражался где угодно, но никогда не стану драться за Венцита. Если Халдейны придут в Арьенол, я встану на твою защиту, Лайонел. Ведь это ты сделал меня солдатом; ты был с моим отцом, когда он погиб...

Если это будет *твоя* война — можешь послать за мной. Но я не желаю сажать Венцита на престол, который должен был по праву принадлежать ей. И я не собираюсь сжигать Гвиннед дотла, и не стану ликовать, когда Олень войдет в Ремутский замок. Это ваша война, — так идите и сражайтесь. Пусть солнце воссияет над

вами, и день вашей победы будет прекрасен. Ты великолепный политик, способный управлять людьми, а также превосходный полководец. Я служил под твоим началом и восхищаюсь тобой. Надеюсь, вы втопчете знамена Халдейнов в грязь. Но я не пойду с вами на Ремут. Все равно я не смогу добиться той мести, которая будет значима для меня, а ничего иного вы не сможете мне предложить.

Он повернулся к своему старшему помощнику.

— Принеси бренди. Я буду любезным хозяином и выпью за здоровье Венцита и Мораг, и за праздник нового года. Но я никуда не поеду.

* * *

Линдрут Медоуз.

Фалькенберг ощутил, как бренди обжигает ему горло. Он пил с обеда, когда Аврелиан принес ему эту весть, и теперь даже тончайший букет утратил всякий вкус.

Линдрут Медоуз. Когда-то он там бывал. На второе лето по возвращении, когда они с Аврелианом провожали Кариссу из Белдора в Кэйр Керилл. На ней были мужские походные доспехи и узкие сапоги, а волосы клубились за спиной подобно светло-золотистому туману. В эти дни она скинула жестокую личину Сумеречной колдуньи, и яростный упрямый огонек на время угас в ее взоре...

Подтянув колени, он забросил ногу на низкий столик.

Так что, еще немного бренди? И воспоем же гибель королей...

— Все как в нравоучительной пьесе, верно? — заметил Аврелиан, поворачивая хрустальный бокал и любясь его гранями на просвет в сиянии свечей, горевших в кабинете Фалькенберга. — Все это похоже на какое-то нелепое представление. Полководцы и короли ведут Большую Игру... Земли, власть, высокая политика... А затем внезапно начинаются эти нелепые явления Сил Света и Тьмы, и всё приобретает Мораль и Высший Смысл. И всем кажется, будто происходящее хоть что-то означает...

Аврелиан позволил себе коснуться мыслями темного свечения, окутавшего сознание Фалькенберга.

Стало быть, ты видишь это как Тень и Свет, Кристиан? Желаете ли, чтобы я воспел Глубинный Смысл для тебя?

Смысл? Фалькенберг поднял руку, которую тут же окружил лазурный ореол, и начертал линии в воздухе: изогнутые обводы, которые могли бы быть границами его владений.

Взгляни на карту. Вот и весь смысл. Ничего более.

Аврелиан задал мысленный вопрос, подпустив в него толику иронии.

И честь, возможно?

Сжался кулак, и сияние исчезло. Фалькенберг поднял ментальную защиту.

— Не смей. Я не потерплю этого от тебя.

— Но ведь они говорят именно так. Сперва —

госпожа, а теперь и твои друзья... Они помнят Брэна и Лайонела, все гордились Брэном после Коннаитской кампании и Лайонелом после Сомлэ Силлагги. И теперь чего-то ждут от тебя.

Фалькенберг уткнулся лбом в колени.

— Сейчас в Ремуте поют *Te Deum* Келсону Халдейну, прославляя триумф Добра и Света. Там, внизу, в парадном зале, они все хотят, чтобы я поклялся отомстить за Кариссу. Но Боже правый, ни моя ярость, ни то, что я Дерини, ни даже наша любовь с Кариссой не значат ровным счетом ничего. Все дело в картах. — Он подлил себе еще бренди. — Аларику Моргану за ужином в Коротском замке прислуживает больше лакеев, чем у меня всадников в отряде... Нам следовало отправиться с Венцитом.

— Разве ты сумел бы удержать Венцита от глупостей?

— Я ведь не сумел уберечь Кариссу, верно? Так чем же лучше Венцит Фурстан? Нет, но каков недоумок! Не представляю... Магический поединок!.. Брэна еще можно было обмануть или запугать, но Лайонел-то не мог не понимать, во что ввязался! Боже правый, мы — высшие Дерини, и моя сила не меньше, чем у Венцита... но ему все равно следовало бы положитьсь на мощь клинков. И даже в самом конце кто-нибудь, — хоть тот же Меррит, — должен был поднять войска в атаку. Я не смог бы этого сделать. Но ради Лайонела и Брэна обязан был попытаться...

— Не разум судит под конец, но холодный меч... — Аврелиан отставил в сторону бокал. — Венцит бы попросил тебя сопровождать его. Ты лишь стал бы еще одной жертвой, принесенной Корамом на алтарь самоуничтожения.

Фалькенберг прикрыл глаза.

— Стефан Корам все же ухитрился сыграть в Господа Бога. Наконец получил распятие, о котором всегда так мечтал. — На губах его мелькнула безрадостная ухмылка, похожая на оскал черепа. — И все же... О, как ему, наверное, нравилось быть Ридоном! Он чувствовал себя столь восхитительно виновным...

— И быть святым Камбером тоже: *Stephanus Defensor Hominem*, — поддержал его Аврелиан.

— Знаешь, а ведь он явился на коронацию Келсона Халдейна, — продолжил Фалькенберг. — *Печать Защитника*, как поют арфисты... Он пришел ради того, чтобы посмеяться над ней. Как славно вкусить всего разом: самопровозглашенный святой, король, или королевский Защитник. — Он нахмурил брови. — Мы могли бы остаться в Бремагне... владения на границе и командование приграничной конницей. Или даже в эмиратах, под сенью лимонных деревьев в монастырских садах Квазии... шербет и ледяное молоко, шахматы и метафизика Аламута...

— Нет. — Аврелиан вздохнул. — Ты никогда не смог бы там остаться. Даже если бы отправился к эмиру аль-Джабалю и медитировал о Пустоте на лезвии кинжала. Подумай об этом. У тебя

есть владения в Бремагне. Да, и кстати... великолепная вилла в Вейре. Но однажды является гость: «О, вы слышали о поединке на коронации в Гвиннеде?»

— И что мне это дало?.. — Потянувшись, Фалькенберг погасил свечи на столе. — Уходи. Я пьян и начинаю предаваться жалости к себе. Не хочу показаться слабым или озлобленным. Уходи.

Он прижался лбом к коленям и зажмурил глаза.

* * *

Двадцать лет назад, сказал бы Кристиан Фалькенберг. Однажды в хмурый зимний день мавры Насра ад-Дина разбили рыцарей короля Бремагны при Вратах Наковальни.

Почти половина всей бремагнийской знати полегла среди девяти тысяч закованных в сталь мертвецов, оставшихся лежать на скалах и мерзлом песке. А следующей весной Льюис ап Коналл умер во сне, — старик, так и не сумевший воплотить в жизнь свою мечту о возрожденном и едином Коннаите.

Пятнадцать лет назад Марлук затеял свой заведомо обреченный поход против Бриона Халдейна и юного Аларика Моргана. Как ни мечтал об этом Филипп Бремагнийский, он так и не смог маршем пройти через Фаллон и Фианну, а оттуда морем — в Корот. Не было сильного Коннаита, который мог бы вместе с Меарой или Лланнедом и Ховиссом стать противовесом

Гвиннеду. Фестилийское возрождение в Толане было раздавлено. И лишь Олень и Лев остались на игровой доске.

Слишком мало принцев или слишком много королей; в этом, по крайней мере, Кристиан Фалькенберг мог согласиться с Венцитом Фурстаном. Один король для Одиннадцати Королевств. Или бесчисленное множество вольных князей и городов. Олень и Лев не могли сосуществовать в одиночестве. Фестил Второй не женился на своей кузине из рода Фурстанов; и все это закончилось в Линдрут Медоуз. Так сказал бы Кристиан Фалькенберг. После гибели Марлука, в году тысяча сто пятом от Рождества Христова, взглянув на доску Великой Игры, лишь два знамени можно было узреть в Ремуте и в Беддоре.

И в Толане — маленькая пешка в синем и серебре.

Ей было одиннадцать в тот год, когда умер Марлук, — бледное дитя, хранившее молчание с улыбкой на губах. Высшая Дерини, потомок королей и инцеста. Наследница великого пустынного Толанского герцогства, на севере торентской равнины. Венцит и сам тогда был моложе, лишь недавно занял престол и огнем и мечом пытался призвать к порядку земли Семи Племен. Вот почему ее Беддорский кузен не стал оспаривать волю Хогана Гвернаха, и Дерек Фалькенберг из Кэйр Керилла на время присоединился к герцогу Арьенольскому в составе Регентского совета Толана и приютил девочку в Гнезде Ястреба.

В дни правления Малькольма Халдейна на северном побережье было немало вольных владений, — там правили Дерини-одиночки или младшие сыновья знатных родов Ридинга, отправленные в изгнание. К апрелю 1108 года, когда от кровоизлияния в мозг скончался Дерек Фалькенберг, благодаря аннексиям, выгодным бракам и удачным военным кампаниям, численность этих владений сократилась до дюжины, и два самых крупных из них находились в руках рода Фалькенбергов, и их родичей Гордонов. Кристиан Ричард, ставший единоличным владельцем Кэйр Керилла спустя пару месяцев после своего совершеннолетия, унаследовал огромную пустынную крепость на вершине горы, сто тридцать легко вооруженных всадников в черных доспехах, дружбу и покровительство владык Марли и Аръенола, имя древнего деринийского рода, а также, на время от майских празднеств до дня осеннего равноденствия, — общество Кариссы Толанской, недавно сделавшейся герцогиней.

Фалькенберги никогда не славились своим богатством. Все их владения составляли базальтовые скалы, продуваемые ветрами пустоши и узкие фьорды, глубоко врезавшиеся в линию побережья. Каждый из лордов Фалькенбергов в свою очередь возглавлял отряд вольных наемников, с которым раз в пару лет отправлялся в очередной поход. Фалькенберги были капитанами наемников по необходимости и традиции, со времен безумия, порожденного Рамосским сове-

том. Майкл Фалькенберг переломил хребет войскам Хорта Орсальского при Янтарной реке, отвоевал р'кассанские земли под знаменем Фурстанского Оленя и вернулся домой с грузом серебряной посуды и походным маршалским жезлом. Дерек Фалькенберг возглавлял марлийскую конницу в приграничных походах против истмаркских кланов и вместе с отцом Лайонела ходил войной на восточные княжества.

Все это унаследовал от них Кристиан Ричард, воспитанный отнюдь не в рыцарских традициях, ибо отец и Лайонел Аръенольский готовили его к судьбе предприимчивого вольного наемника. Языки, история, политика... Он никогда не был ни пажом, ни оруженосцем, но к пятнадцати годам говорил на восьми языках и прекрасно разбирался в интригах даже самых захолустных из Одиннадцати Королевств.

Кроме того, он был Дерини, и увлекался историей своей расы, а также изучением того, что упорно отказывался именовать магией. Годам к сорока пяти, должно быть, он представлял бы собой внушительную фигуру, но в пятнадцать...

Несмотря на все успехи в стрельбе из угловатого лука Семи Племен, он все же не был истинным воином. Он неплохо фехтовал, но предпочитал саблю широкому двуручнику, прославленному в рыцарских легендах. Он рос одиночкой, не отличался ни силой, ни красотой, и был слишком нелюдим и циничен, чтобы изображать галантность. Он мало с кем говорил, сме-

ялся отдельно от других, завидовал юным Гордонам, которые всю заигрывали с девицами. И сам Кристиан Ричард был потрясен больше всех прочих, когда на рождественском балу Карисса Толанская первой пригласила его танцевать, а затем, презрев общество знатных дворян, собравшихся в замке, увела его на прогулку по темным галереям и там, — он по-прежнему никак не мог в это поверить, — одной рукой обняв Кристиана за шею, неожиданно наградила поцелуем.

Argwyddes arian niwelen... Владычица Серебряных Туманов.

Он накрепко поднял ментальную защиту, не оставив ни единого просвета. В пятнадцать лет она была прекрасна до боли, бледная и утонченная, и такая уязвимая. Взгляд ее затягивал в одиночество, точно в омут.

Она была рослой для девушки, и он смотрел ей прямо в глаза, любясь игрой света на высокой линии скул. Она замерла в неподвижности, прикусив губу.

Он чувствовал пытливые касания ее разума, но по-прежнему держал защиту, — далекий образ обсидиановых скал ограждал его от остального мира. Даже в пятнадцать лет он хорошо сознавал, чего стоит. Уже тогда она была невероятно далека от него, — и столь желанна, что он готов был продать дьяволу душу. Самое страшное — получить именно то, чего хочешь: он явственно ощущал это в себе.

Она коснулась его щеки.

— Прости, — слышался шепот. — Я дочь Марлука, и мне не следовало бы... никому навязывать себя. Я хотела стать для тебя... чем-то иным. Прости.

— О, Боже. — Он наслаждался теплом ее руки на лице. — Не знаю, почему ты пошла со мной. И боюсь услышать твой ответ, если осмелюсь спросить тебя об этом. Я совсем не тот, кто тебе нужен.

Покачивая головой, она вновь попыталась проникнуть сквозь завесу, ограждавшую его разум.

— Все лето я наблюдала за тобой... Эти твои книги, и этот лук, и твоё молчание, и... — Она встретила с ним взглядом. — Я знаю, кто я такая. Я могла бы заполучить любого, там, в зале...

— А я нет, — ответил он. — Те девушки только посмеялись бы, вздумай я подойти к ним. Я боюсь даже думать о тебе. Я тоже знаю, кто я такой, и этого достаточно, чтобы не доверять слишком щедрым дарам.

Она по-прежнему не сводила с него глаз.

— Не прячься от меня. Я хочу открыть тебе свои мысли. Я сама выбрала тебя. Ты хранишь своё одиночество и любишь тьму. Обитающие во мраке не внушают тебе страха. Доверься мне хоть немного.

Фалькенберг протянул руку, чтобы коснуться ее волос. Глядя прямо в глаза, подобные лепесткам подсолнуха, он позволил ее сознанию пройти сквозь ментальный барьер.

— Я боюсь тебя, — прошептал он. — Я так легко мог бы в тебя влюбиться...

Серебро и лазурь... эти цвета заполонили его разум. Образ летних небес и вкус ледяного вина.

Пальцем она коснулась его рта, скользя по очертаниям губ.

— Кристиан... *послушай...* — Ее мысли смешались с его собственными. — Привязанность, уязвимость, забота... вот все то, чего ты боишься, но это не имеет ничего общего с моими страхами. Все те, кто собрались там, в зале, они рождены быть рыцарями, героями и галантными возлюбленными. Но мне нужен тот, кем станешь ты.

— Кем стану я? Боже. — Он взял ее за руки. Длинные тонкие пальцы скользнули в его ладони. Он с силой втянул в себя воздух, и во рту пересохло. — Как это печально для нас обоих.

Нагнувшись, он поцеловал ее. Волосы Кариссы упали ему на глаза, и в мыслях ощутился привкус вина, охлажденного на снегу.

Четыре месяца спустя, на пустоши близ Дарклерского утеса они стали любовниками. На древнем языке это именовалось *Anwyryfi*: даровать свою девственность. То, что она стала его первой женщиной, — в этом не было ничего удивительного. Он отнюдь не мнил себя привлекательным.

Но что касается Кариссы... тут он был озадачен. С двенадцати лет она считалась самой восхитительной из красавиц Севера. Здесь женщины выходили замуж и рожали детей к пятнадцати годам. Она могла бы заполучить любого знат-

ного юношу, — или кого-то из старших. И то, что Кристиан оказался для нее первым, странным образом опечалило его.

На ней был его наряд для верховой езды. На холме, рядом со стреноженными лошадьми, она стояла, вертя в руках флягу с вином. Затем внезапно распустила волосы.

Сегодня, — донеслась до него ее мысль. Это будет сегодня.

Потрясенный, он обернулся. Нахмурился, и она покачала головой.

— В апреле мне исполнится шестнадцать. А тебе семнадцать лишь в ноябре. Сегодня не праздник летнего солнцестояния и не новый год. Просто, обычный день. Кристиан... — Она протянула руку в перчатке.

Он взял ее ладонь и преклонил колени, любуясь изящными ногами в высоких сапожках, затем поднял на нее взор. Волосы рассыпались по плечам Кариссы, и в раскрытом вороте туники проглядывала светлая кожа.

— Есть одна присказка, — заметил он. — Смысл в том, что как бы сильно женщина ни любила мужчину, который лишил ее девственности, она в глубине души отчасти ненавидит его.

— Ах, вот оно что... Если бы я переспала с половиной толанской и торентской знати, тебе бы это больше понравилось? А мне было бы приятнее возлечь с тобой, если бы я с двенадцати лет привыкла отдаваться каждому встречному? Ты слишком добр ко мне.

Она бросила ему открытую винную флягу и, увернувшись от брызнувших капель, Кристиан упал на траву. Глядя на него сверху вниз, Карисса улыбнулась.

— Дамы в Бремагне привыкли к галантности, — насмешливым тоном проронила она. — А мавританские конники быстры и смертоносны. Что же вы так скверно держитесь на ногах? Они будут плохого мнения о вас, милорд. Поднимайтесь. — Она вновь протянула ему руку. — Ты можешь встать и заняться со мной любовью.

Кристиан нежно потянул ее к себе, и она опустилась рядом на траву.

— Я не стану тебя потом ненавидеть, нет.

Он запустил руку в ее волосы, и Карисса прижалась к нему. Их губы сомкнулись. Чуть погодя, по-прежнему опираясь на него, она начала с улыбкой стягивать перчатки, провела рукой по его щеке, и он накрыл ее ладонь своей.

— *Кариад*, — прошептал он. — *Кариад*, сердце моего сердца. — Он обнял ее за талию и засмеялся, любуясь.

— Только ты не смейся, — предупредил он. — Все, что хочешь, только не смейся надо мной.

Она запрокинула голову и закрыла глаза под его прикосновением. Затем стряхнула с себя куртку и ногой потерлась о его бедро. Заскрипела промасленная кожа штанов. Под темно-серой туникой у нее ничего не было, соски напряглись под тонким бархатом. Карисса нагнулась, чтобы распустить завязки на горле его рубахи.

— О, нет, — промолвила она. — Мне незачем смеяться. И я не стану ненавидеть тебя. Между нами все должно быть иначе.

Когда это наконец случилось, то он вскрикнул первым, а она лишь вздохнула, притягивая его к себе. Позже, когда она была сверху, то выгнулась дугой, вцепляясь ему в волосы.

— Ах, черт! *Черт...* — Глаза ее распахнулись и, утомленные, воззрились на него. С улыбкой она стряхнула волосы со лба, а затем провела пальцем по его бровям.

— Черт бы тебя побрал, — улыбнулась она, — Кристиан.

Они лежали на земле, завернувшись в его походный плащ. Ее тело было бледным и стройным, с маленькой грудью и узкими бедрами. Он провел ладонью по бедру Кариссы, и она содрогнулась под неярким августовским солнцем.

— *Anwylldyn*, — проронила она, касаясь его груди губами из-под бледной завесы волос. — Я так люблю тебя, *arglwydd coryll...* — И прижалась к нему, а он закрыл глаза, шепча ее имя.

Вечером они ужинали в Гнезде Ястреба, не переставая пересмеиваться через стол, — Фалькенберг, как всегда в черном, а Карисса в узком платье темно-янтарного шелка, облегавшем ее, как вторая кожа.

— *За тебя...* — провозгласил он, поднимая свой бокал и любуясь серебристым ореолом, окружавшим ее.

Вечером она покинула парадный зал, рука об

руку с Кристианом, и поднялась в его спальню. Ее придворные дамы остались сидеть с оскорбленно-недовольным видом; свитские Фалькенберга обратили внимание на то, каким странно печальным было лицо их молодого господина. Лишь у кузена Кристиана, Майкла Гордона, хватило присутствия духа провозгласить тост в их честь, и его веселый смех провожал влюбленных, пока они поднимались по лестнице.

* * *

Помнится, именно в то лето он и обрел голос. Все его стихи были посвящены Кариссе, и он открыл в ней музу, чьи свойства лежали вне рифмованной соразмерности церемонных поэтов и арфистов Толана и Бельдора и их творений, запечатленных в тонких позолоченных томах библиотеки Кэйр Керилла. Ее суть невозможно было уложить в привычные комплименты; она нуждалась в более четком и одновременно более гибком обрамлении, в голосе, полном мягкой сумрачной иронии. Он испытал и наречие он-огур, и древний язык Дерини, и мавританский, прежде чем отыскал суровые ритмы, в которых мог воплотить ее образ.

Ветер в твоих волосах. Мои губы и пальцы
Двигутся дальше, и дальше, и дальше
Живи вечно, Карисса, ты юна и прекрасна!
Изгнавшая зиму, — сколь малым я отдалил тебя:
Лишь вкусом слез на губах, прижатых к моим.
Оставайся же юной, Карисса:
Пусть не для меня, — но по-прежнему юной.

Они были вместе — в Кэйр Керилле, и в Толане, и в Белдоре. Он писал для нее на полудюжинных языках, и вечерами она лежала с ним рядом, и пока он любовался рыжими отблесками закатных лучей на ее теле, читала угловатую вязь онгура или витые письма языка мавров.

Зиму он провел в Арьеноле, в свите Лайонела, то и дело выезжая с дозором на границу степей, или просиживал в библиотеке Кэйр Керилла, читая варнарийские и гавриилитские манускрипты, которые сумели уберечь во времена великих гонений первые владельцы Кэйр Керилла.

Защиты повсюду, — и лишь Карисса могла воспользоваться Переносящим Порталом в Гнезде Ястреба. Она следовала за ним по пятам, с северного побережья в Арьенол, и оттуда — в дикие степи; возникала в его покоях, подобно призраку, окутанному россыпью голубых огней, и скакала бок о бок в дозоре, — и нагота под легкими кожаными доспехами была их тайной и наслаждением.

Лайонел Арьенольский, — к великой досаде Мораг, — был от нее без ума и заявлял Кристиану, что венчаться они непременно должны будут в его базилике. (Позже, много позже один лишь Лайонел явится в Кэйр Керилл, чтобы отстоять рядом с Кристианом Ричардом Фалькенбергом заупокойную мессу по Кариссе Фестил Толанской...)

С р'кассанской границы он прислал ей насмешливое любовное послание:

Это солнечный свет, — так взгляни же:
 Небо в полдень, добела раскаленное.
 Синева черепица нашей виллы над морем.
 Испарина на стекле твоего бокала.
 Летний ветер на коже.
 Перехватывает дыханье.
 Пальцы чертят спирали
 Меж бедер, твоих, убыстряя движенье.
 Это солнечный свет, — так взгляни же:
 Этот свет я добавляю тебе в вино...
 А к любви добавляю свои стихи,
 Мою книгу, что открыта в твоих руках.
 Это солнечный свет, — так взгляни же:
 Я исполнен пустых мечтаний.

Кариад, — называла она его. *Кариад*, сердце моего сердца. А он мечтал о том дне, когда вольный отряд Фалькенберга устремится на юго-восток, сперва в Арьенол, и затем — в Бремагну.

Кариад. Марлук обучил ее всем искусствам Дерини, и сейчас ее магия достигла зрелости. Он привык к иным ритуалам, более утонченным и не опиравшимся на столь любимые ею рифмованные заклинания. Листая записи Марлука и сравнивая их с собственными представлениями, основывающимися на собранном по крупичкам знании, он заранее печалился о Кариссе, ибо в слове *колдунья* таились свои ловушки.

В Толане, они лежали в ее роскошной постели. Апрель, вскоре после ее восемнадцатилетия, — и проливной дождь над северной равниной. Полночи она пролежала безмолвно, прижимаясь к нему всем телом.

Она сильно изменилась к тому времени, стала

задумчивой, но в то же время рассеянной и отстраненной, даже в порывах страсти. Он не мог придумать ничего лучше, как ночами утешать ее в своих объятиях, а днем отправляться прочь из Толана и до изнеможения скакать наперегонки по равнине. После полуночи она вдруг расплакалась, села в постели, опираясь о резную спинку кровати, и из-под сомкнутых век потекли слезы.

— Ты знаешь, что это была за комната? — ее голос был так напряжен, словно вот-вот сломается.

— Нет. Я... Карисса... — Она заставляла его забыть о презрении к самому себе, о пустотном ощущении слабости, но сейчас он стыдился, что не в силах ничем ей помочь. Ее разум был замкнут за ледяной завесой, которую даже ему не удавалось пробить.

— Здесь моя семья хранила портреты Фестилов, все портреты, начиная с десятого века, вплоть до Марка и Эриеллы.

Она крутила на пальце кольцо с печаткой.

— Кристиан, мне исполнилось восемнадцать.

— О, Боже! — Он смотрел на нее со страхом, ибо знал, что должно последовать дальше.

— Я дочь Марлука. Я из рода Фестилов. Так долго я не думала об этом... — Открыв глаза, она искала его взором во тьме. По лицу текли слезы, дыхание было хриплым и прерывистым. — Я должна внушать людям страх, я должна быть жесткой и холодной. Я старше, чем был Аларик Морган, когда погиб мой отец, и я из рода Фестилов, герцогиня и Дерини...

— Ты моя возлюбленная, ты Карисса Толанская, и я без ума от тебя. Нет никакой нужды думать ни о чем больше.

— Ты знаешь, что они сделали с моим отцом... Морган и король Халдейн. Мне восемнадцать, и я обязана что-то предпринять. Я из рода Фестилов и могу, если пожелаю, претендовать на Гвиннедский престол. — Она вытянула безымянный палец, и в полумраке кольцо вспыхнуло резким багровым светом. — Кристиан... — Она взглянула на него, распахивая свой разум, и он ощутил волны страха, неуверенности и затаенной ненависти.

Сев на постели, он взял ее за руку, затем кивнул, — и серебристый свет окутал их обоих. Она содрогалась, обнимая себя руками за плечи. Лицо было напряженным и бледным.

— Никогда прежде не видел тебя в слезах... Я чувствую себя таким бесполезным, любимая. У меня нет войска, иначе, Господь свидетель, я спалил бы весь Гвиннед, от края до края, чтобы проложить тебе дорогу... — Он ловил ее взгляд. — Если ты желаешь их смерти... это нужно обдумать как следует. Невозможно так просто решиться — и убить короля. Но лишь скажи мне, что я должен сделать. Все, что ты хочешь, — я постараюсь дать тебе. Если нужно, я встану рядом. Я ведь не новичок в воинских искусствах, и я тоже Дерини. Если пожелаешь, я буду сражаться с ними ради тебя.

Она покачала головой.

— Я дочь Марлука. Я сказал тебе об этом в нашу первую ночь. В Торенте мне не от кого ждать помощи; Камберианский совет ненавидит меня за то, что я дочь своего отца. Все это добром не кончится, и ты это прекрасно знаешь. Они все чего-то ждут от меня, и я вынуждена... но я не желаю утянуть за собой еще и тебя. Я люблю тебя, и не вынесу твоих страданий. Ты нужен мне, — но только не ради того, чтобы умереть за ту незнакомку, какой мне придется стать. — Она отвела взор. — Ты мне доверяешь?

— Всей жизнью. Ты и есть моя жизнь.

Она тщательно выбирала слова.

— В своем герцогстве я не способна набрать армию, с которой смогу двинуться на Ремут. У меня нет богатства, нет союзников. Конечно, я Дерини, и это многого стоит, но я должна буду искать себе союзников, соглядатаев и полководцев. У меня должно найтись нечто такое, чем я могла бы купить их всех. Нечто такое, что даст мне возможность управлять ими. Кристиан... Мне восемнадцать, я стройная, светловолосая, красивая и, по крайней мере с тобой, хороша в постели. Это единственное оружие, которым я могу завоевывать мужчин. Ты — это все, что у меня есть, и я не хочу ранить твое сердце. Не хочу, чтобы ты возненавидел меня. — Она сильнее стиснула его руку. — Что бы ни случилось, не позволяй ненависти войти в свою душу. Я не покину тебя, никогда!

Он попытался отстраниться и погасил сереб-

ряное сияние, но она не отпускала — и вновь развернула его к себе лицом. Со вздохом, стараясь не думать о мучительной пустоте, возникшей в душе, он поднял руку и коснулся слез на ее щеке.

— Я не стану ненавидеть тебя. Я не покину тебя, Карисса. На это я не способен. Что бы ни случилось, я всегда останусь с тобой. Что бы ни случилось.

Она заперлась в башне, что принадлежала ее отцу в Толанском замке, и там принялась рыться в книгах заклинаний, оставшихся от Марлука. В Гнезде Ястреба она внимательно слушала объяснения Кристиана о природе деринийских способностей, изучению коих он посвящал все свое время.

«Колдовство! — При этом слове он не мог удержаться от презрительной гримасы. — Вот здесь — подлинная власть! Стоит только руку протянуть...» И раскладывал перед ней карты Одиннадцати Королевств, вытаскивая из постели, чтобы раз за разом повторять имена родовитых семейств, чьи интересы были враждебны Халдейнам, и названия младших Домов, известных своей продажностью.

Он обучал ее всем трюкам, почерпнутым у Лайонела, — стилет, небрежно скользнувший в ладонь; тетива вокруг горла; короткие резкие удары в шею и в грудь, позволявшие слабым одолевать силачей.

«Плоть во многом слаба, — говорил он ей. —

Сталь и кристалл — вот истинная красота. Власть смертоносна. Суть власти в том, чтобы даровать и удерживать смерть. Сделайся подобной стали, и ты овладеешь властью и красотой. И смертью».

На день летнего солнцестояния она подарила ему серебряное кольцо. *Outremer*, — бежала надпись по внешнему ободку. *За морями*. А внутри — ее имя на древнем языке Дерини, и слова из Ллевеллина: *Против Ночи*.

Он долго лежал с ней рядом той ночью, страшась заняться любовью. Она готовилась сыграть роль, от которой он так надеялся ее уберечь, и теперь больше ничем не мог помочь Кариссе. Около двух пополудни она сама потянулась к нему и коснулась губ Кристиана. «*За тебя...*» — прошептала она, лодыжкой касаясь его ноги. К рассвету они вымотали друг друга до изнеможения. В полдень он поскакал со своим отрядом в Арьенольские степи, и дальше, к угасающему великолепию Бремагны. Она провожала его, — хрупкая фигурка в синем, на террасе, выходившей на южную дорогу.

Знакомый силуэт не различить с дороги.

Терраса остается вдалеке.

Не разглядеть ни бледный огонь волос,

Ни очертаний плеч и шеи,

Ни света, что в глазах таится.

Улыбку вечером, над шахматной доской.

Вздых пробуждения поутру.

Знакомый силуэт не различить с дороги,

Которая ведет на юг.

Ей нет конца...

Прошло двадцать шесть месяцев, прежде чем они встретились вновь. В Сартакских степях ему пришлось вместе с Лайонелом Арьенольским отправиться в погоню за *нойонами* Кипчака, а затем в Бремагну, чтобы очистить р'кассанские границы и навести порядок в пустошах Господиней Наковальни, ради покоя и величия Бремагны. Юг оказался совсем иным, нежели Гвиннед. Тамошняя культура — куда старше и утонченнее. Юг наслаждался недомолвками и интригами, изощренными, словно изящные механические игрушки, существующие лишь ради собственной красоты.

За два года отряд Ястреба завоевал себе славу в угасающем королевстве благодаря ловкости, скорости и полнейшей беспринципности, впечатлившей даже мавританских *хази* в их горных крепостях.

Он повел своих всадников на побережье Форсинна, чтобы в тамошних мелких княжествах и вольных городах вдоволь насладиться низвержением одних владык и возвышением других. Там он принимал самое действенное участие в тайной, кровавой, запутанной игре, ради защиты честолюбивых устремлений Бремагны от натиска Орсалов и Халдейнского герцога Картмурского, — когда внезапно посланник Кариссы отыскал его в Даксе. Двадцать шесть месяцев спустя после того, как они расстались в Толане, Кристиан отыскал ее в портовом Равенспуре на западе Форсинна.

— Подлинный южанин, — сказала она. — Ты весь — шелк и серебро мавров. — Она засмеялась, и он поднес ее руку к губам. — Трубадур. Ты словно какой-нибудь наемный мицнезингер...

Карисса Толанская в двадцать лет была так прекрасна, что захватывало дух. Она приняла его в приземистом, наглухо заколоченном городском особняке близ монастырских развалин. На ней было светло-серое платье и вуаль того же цвета... и Кристиан не мог оторвать от нее взгляда. Она была подобна безупречно сбалансированному клинку, в котором красота и мощь переплелись в замысловатом единстве. Светлые волосы ниспадали на обнаженные плечи, и глаза ее цветом были подобны южному рассвету. Два года он посылал свои стихи на север, в Толан, и порой оттуда до него доходили вести о Кариссе: о, да, она прекрасна, но сделалась Сумеречной Владычицей севера, злой колдуньей, наводящей свои чары, дабы омрачить правление Бриона Халдейна. Теперь она стала насмешливой и жесткой, — но когда обняла его за шею, улыбка сделалась прежней.

Кариад...

Однако в любви она хранила отстраненность, хотя и цеплялась за Кристиана, с глазами, полными вины и одиночества. Послевкусие, оставшееся от борьбы за власть и поддержку, — это он мог понять, но никогда не стал бы спрашивать: *кто, как или зачем*. Карисса была нацелена на мщение, но жажда мести не владела ее душой. И

это самое печальное. Она слепила из себя Сумеречную Владычицу лишь чистым усилием воли: ведь именно этого ожидали от дочери Марлука. *Музыка играет, и все должны танцевать.*

Он сжимал ее в объятиях, ненавидя Марлука, и Аларика Моргана, и Бриона Халдейна, и себя самого за малодушие.

Еще год на Форсиннском побережье он вел игру против Нигеля Халдейна. Лорд Фалькенберг и герцог Картмурский поддерживали переписку и преподносили друг другу изящные эпиграммы на исторические темы; канцлеры Бремагны и Картмура отрицали любое чужеземное влияние в Форсинне, а в закоулках и по обочинам дорог трупы скапливались зловонными горами.

Затем были Альбредские горы и знаменитая оборона Шальмира от войск Насра аль-Дина. После Шальмира он сбежал с торжественных парадов и придворных балов, уехал в эмираты, и наконец в Аламут, высившийся среди скал, над перекатами Касира. В Аламуте он заперся в библиотеке, корпя над древними фолиантами, и произвел на свет три тома «Подлинной истории Кэйриса».

Эмир аль-Джабаль и его присные таили улыбку; этот юный неверный, Ястреб, занятый историей Дерини, был сам по себе проявлением *батинийя*, — откровением об истинном мироустройстве, основанном не на Осмысленности, но лишь на Случае и Необходимости. На севере Гвиннедская Курия, — и втайне Камберинанский

Совет, — не переставали ужасаться. Эмир аль-Джабаль смеялся над смятением священников и магов и, понимая юного Ястреба куда лучше, чем его гость знал самого себя, послал Фалькенбергу в подарок кинжал и алый кушак *асассина-фидаи*.

В ее письмах была горечь и насмешка над собой: *Карисса, Сумеречная, — лорду Фалькенбергу*. Еще дважды она являлась к нему на юге: однажды на Карканских озерах в Бремагне, а другой раз — в Квазии, в эмиратах, и с каждым разом он все сильнее ощущал в ней растущую напряженность. Она куталась в ледяной холод, словно епископ-изгнанник — в драгоценный пурпур. Она рыдала во сне, и мыслями он ощущал черную испарину ее грез.

Злые колдуньи не плачут, когда занимаются любовью. Он коснулся пальцами ее губ.

А капитаны наемников не вспоминают о женщинах, которыми овладели. Она прижала его руку к своей щеке. *Прости. Прости, что делаю это с тобой. Прости, что я такая, какая есть*.

Карисса скрывалась на севере Толана, в Сендале, где находилась разрушенная башня ее отца, выходящая прямо на ледник, что прогрызал себе путь с гор прямо в море. Фалькенберг пришел к ней с юга, чтобы предложить любую поддержку, какую она бы пожелала принять. Она встретилась с ним в Кинтаре, на Южном море, и вместе они вернулись в Кэйр Керилл. Там они вволю могли посмеяться над гневными посланиями

Совета, полными попреков в ереси и отступничестве. Они наперегонки скакали по пустошам, и она вновь становилась прежней юной Кариссой, скидывая опостылевшую личину. Ночами она была нежной и страстной, и полной удивительного спокойствия.

«Скоро, — шептала она ему. — Теперь уже скоро».

И вот осенью 1120 года Брион Халдейн отправился на свою последнюю охоту в Кэндор Ри.

* * *

— *Deus regnorum omnium, regumque dominator, qui nos et percutiendo sanas, et ignoscendo conservas: praetende nobis misericordiam tuam...*

Фалькенберг преклонил колени у дальней стены собора и перекрестился. Он смотрел во тьму и пытался представить, как будет выглядеть собор святого Георгия поутру, когда здесь соберется толпа, дабы восславить имя Халдейнов. Никто больше не станет молиться за нее, и ему было нечего сказать Богу Халдейнов.

Бог Аламута одобрил бы ее отвагу. Бог часовни Кэйр Керилла почтил бы ее за то, что она в одиночку выступила против Совета и Халдейнов, но Бог Ремутского собора был Богом королей и героев; он не ведал пощады к одиночкам и изгоям. Где-то в глубине души Фалькенберг был верующим человеком, но сейчас не мог придумать, как вымолить у Господа жизнь и душу Кариссы Толанской.

Те, что стоят за Истинную Любовь...

Верно, слова древней песни.

«Те, что стоят за Истинную Любовь, прячутся на перекрестке дорог...»

Поморщившись, он поднялся на ноги, вновь перекрестился и двинулся вперед по темному нефу. Каблуки сапог стучали по мраморным плитам.

— Eripe me de inimicis meis, Deus meus: et ab insurgentibus in me libera me. Ego autem cantabo fortitudinem tuam: et exultabo mane misericordiam tuam.

Нечто...

Рывком Фалькенберг обернулся.

Странное, едва осязаемое покаяние...

Было нечто необычное в трансепте собора: он ощущал слабый ток Силы сквозь мозаику на полу. Примитивная, необузданная энергия. Он пытался нащупать ее и заранее поднимал защиты.

Карисса тут была ни при чем. Это оказалась Сила в чистом виде, источник без точки приложения, без ключа.

Все так скверно, что хуже и быть не может. Тошнотворная уверенность накатила волной. Он попытался проникнуть в тайну собора...

— Посмотри на меня!

Голос раздался из-за спины, чуть левее. Фалькенберг обернулся, принимая низкую боевую стойку.

Кинжал тут же лег в левую ладонь. Правую окружило янтарное свечение. Если он успеет ножом отразить первую атаку, то сумеет собрать достаточно силы, чтобы спалить полсобора, об-

ратив его в черное стекло... Вглядевшись во тьму, он узрел перед собой Нигеля Халдейна.

— Фалькенберг. — В голосе принца удивление мешалось с суровой властью.

Кристиан приветственным жестом вскинул кинжал.

— Рад нашей встрече, Нигель.

Все ощущения Дерини, весь опыт, почерпнутый в Аламуте он пустил на то, чтобы пронзить окружавший их полумрак, но там не было ни души, — кроме герцога Халдейна.

Короткий жест, — и завеса серебристого света окутала Фалькенберга. Столп холодного сияния посреди пустого собора. Ладонь Нигеля Халдейна лежала на рукояти меча.

— Я так и знал, что ты появишься здесь. Зачем она прислала тебя, Фалькенберг? Прикончить меня, пока я молюсь за Келсона? Ведь это твой излюбленный ход — удавка, стилет... и мертвецы в темных переулках. Нынче в Ремуте было довольно смертей. И не ты ли тому виной? — Он обнажил клинок.

Фалькенберг уронил руку, державшую нож.

— Не надо, Нигель. Ты один, и меня не достанешь. Я пришел не за тобой. Я хотел лишь взглянуть на это место и попытаться представить, каким оно будет завтра. И помолиться за нее.

— Ну да, ты же ее любовник... Я полагал, что именно тебе она вложит в руку клинок.

Нигель нахмурился. В серебристом магическом свете лицо Фалькенберга казалось бледным

и застывшим; у кого угодно другого подобное выражение он назвал бы отчаянием. Это не было лицо ловкого наемника, которого он помнил по Форсинну. С глухим лязгом меч принца вернулся в ножны.

— И все же странно: историк-Дерини, осужденный как еретик, в главном соборе Гвиннеда молится за колдунью и убийцу.

Фалькенберг устало оперся рукой о спинку скамьи.

— Да, странные слова ты используешь... Убийство... — Со вздохом он устремил взгляд на алтарь. — Ударить ножом человека, чтобы отнять у него жену или кошелек — вот это *убийство*. Если же ты совершаешь это ради Короны, то таков естественный порядок вещей. В свое время мы и сами отнюдь не отличались кротостью.

— Ты прав. Но Брион был моим братом, и моим королем, а Келсон — мой племянник и также мой король. Потому я и называю это убийством. — Нигель подошел ближе, так что отблески ореола, окружавшего Фалькенберга, легли на его фигуру, и также ладонями уперся в спинку скамьи. — Сегодня в Ремутском замке было слишком много убийств. И все — во мраке, и исполнены с коварством. Я помню, прежде ты был весьма искушен в этой игре.

— Ищи среди своих людей, — возразил Фалькенберг. — Я не ее посланник. Она принудила меня отступить за грань своих замыслов. Все прочие молятся за твоего Келсона. Я единствен-

ный, кто молится за Кариссу. — Он вернул кинжал в ножны на поясе. — Завтра меня здесь не будет. Никаких всадников из ниоткуда. Никаких арбалетных стрел из окна. Никакого яда в освященном вине. Никто не намерен облегчить жизнь тебе и Моргану. Она сделает все, как полагается, по полному обряду...

— Она дочь Марлука, — промолвил Нигель. — Она воплощает в себе все то, с чем мы боролись во времена Реставрации. Она убила Бриона; а затем еще не меньше дюжины человек погибли от подлых ударов в спину. Завтра она попытается одолеть Келсона, и если преуспеет, то уничтожит весь Гвиннед. Станешь ли ты это отрицать?

Фалькенберг пренебрежительно отмахнулся.

— Не жди, что я стану проливать слезы по Гвиннеду. Мне безразлична его судьба, равно как и весь Дом Халдейнов. Игроки гибнут в Великой Игре, Нигель, и это меня не тревожит. — Он поднял правую руку; перстень Дерини вспыхнул багрянцем. — И не указывай мне на Аларика Моргана и Камбера Мак-Рори, и не веди душе-спасительных бесед о Реставрации. С самого начала мы были на стороне Фестилов. И останемся навсегда. Фалькенберги всегда предпочитали держать сторону проигравших, это у нас в крови... — Пожав плечами, он отвернулся. — Она не пожелала, чтобы я помог ей... Боже! Я люблю ее, Нигель. Вот уже десять лет Карисса моя возлюбленная. Мне наплевать на все, что она сделает с

любим из вас. Она куда отважнее, чем я. И я боюсь за нее.

— Только не проси меня молиться за нее. — Нигель Халдейн распрямился, отступая в тень. — Она величайшая злодейка и жестокостью превосходит даже Венцита Торентского. Бывали дни в Форсинне, когда мне казалось, что тебе нравится убивать; но Сумеречная Владычица любит причинять другим страдания. Ты писал ей стихи, посвящал свои еретические творения... Она прекрасна, так все говорят. Но если хотя бы половина слухов правдивы, то она предала тебя, изменила множество раз. Не могу представить, чем она держит тебя, и почему ты не видишь ее такой, как она есть в действительности!

— Нигель, я знаю, какая она. Но Халдейну этого не понять. И не провоцируй меня. Если ты ищешь убийцу, то я не тот, кто тебе нужен. Я пришел сюда не ради того, чтобы убить тебя, и не стану сражаться. Ты можешь кричать: «Рогоносец», сколько пожелаешь, но все равно не сумеешь разозлить меня или принудить к драке. Я пришел помолиться за нее, увидеть воочию то место, где все должно свершиться, и ничего более. Можешь молиться за своего Келсона. Все, чего хочется мне — это уберечь ее от мучительной смерти.

— Подобной той, что она подарила Бриону.

— О, Иисусе. — Скривившись, Фалькенберг отвернулся от Нигеля. — Мне недостает твоей отточенной способности различать Добро и Зло.

Происходящее не имеет никакого отношения к морали...

— Это слова историка или капитана наемников?

— Обоих. А также владельца Кэйр Керилла и возлюбленного Кариссы. Ты родич королей, Нигель. Ты можешь говорить о морали по праву рождения. Но я всего лишь наемник из приграничья; мы видим вещи в разном свете. Я не считаю себя важной персоной. Я никто. Был никем даже при Шальмире. Даже в тот день, когда мы выгнали вас из Гуинского замка и сожгли у причала все ваши корабли. Господи, как же я ненавижу это место. Ваш собор, и вашего Бога, и все величие Халдейнов.

Он принялся натягивать перчатки.

— Я не желаю быть частью всего этого. Что бы ни случилось завтра, меня здесь не будет. Я останусь вдалеке. Я страшусь за нее, но не в силах ничем помочь... Забудь обо мне, Нигель. Молись за своего племянника. Я не желаю больше находиться в этой проклятой церкви. Призрак на пиру... это моя лучшая роль. Но я ухожу. Забудь обо мне... Так и быть, я избавляю тебя от пышного исчезновения на деринийский манер.

Серебристый свет погас, и Фалькенберг сделал шаг в сгустившуюся тьму. Когда глаза Нигеля Халдейна вновь привыкли к полумраку, перед ним уже не было ни души.

* * *

Кубики Старшей Защиты, установленные вокруг ее покоев, вспыхнули, меняя цвет с белого на ярко-красный, а затем единожды полыхнули бледно-лиловым, и понемногу угасли до тусклого, сонного зеленого свечения. Нечто вроде подписи. Это было первое, чему он ее научил: разрывать защиты и проходить через Порталы. Не сводя взгляда с зеркала, она ждала его появления. И вот он оказался у нее за спиной, в окружении тающих отсветов синеватого свечения Портала, игравших на черной ткани плаща. Она, не прерываясь, расчесывала невесомые светлые пряди.

— Кристиан.

— Моя госпожа. — Улыбка казалась натянутой, а лицо напряженным.

В зеркале она взглянула на его отражение и нахмурила брови.

— Ты рисковал. Что если бы я оказалось не одна?

Фалькенберг пожал плечами.

— Могло выйти куда более неловко, если бы о моем появлении тебя известила стража, не так ли? — Он огляделся по сторонам. Это были боковые, не парадные покои. — На самом деле, у меня есть *ширал*. И ты осталась одна. Наконец-то.

Она по-прежнему смотрела в зеркало.

— И как многое ты видел? — В ее голосе гнев боролся с обреченностью.

— Не все. Пока я этого не вижу, то не должен

никого убивать. — Развязав плащ на горле, он отшвырнул его в сторону. — Мне нужно было прийти сюда... увидеть тебя. Этой ночью. Сегодня.

Она уронила гребень на туалетный столик.

— Прости, — промолвила Карисса. — Плохое у нас вышло прощание, верно? В итоге, я всегда причиняю тебе боль.

— Нет... — Фалькенберг приблизился, щекой прижимаясь к ее волосам. Он тоже смотрел в зеркало на их отражение и видел на лицах одинаковую усталость. — Нет, я должен был увидеть тебя. Прежде чем наступит завтра. — Руки скользили по ее плечам, ощущая нежную плоть под тонкой лазурной тканью. Закрыв глаза, он отвернулся. — Никогда раньше не видел, чтобы ты спала в ночной сорочке. Ты не любила никаких одежд по ночам.

Карисса ухватила за его руку.

— Когда-то, давным-давно, — прошептала она, — был человек, с которым мне нравилось спать обнаженной. Когда-то давно.

Пальцы Кристиана выскользнули из ее ладони, и он опустился на табурет. Когда она взглянула на него, то увидела на лице ледяную гримасу отвращения.

— *Детка!* — поморщился Фалькенберг. — Этот юнец-недоумок зовет тебя *«детка»!*

Карисса покачала головой.

— Господи Боже! Ты ведь никогда прежде ничего не говорил. Ты никогда не возражал против того, что я задумала.

— Но сегодня — это сегодня. — Его голос был не громче шепота. Он ощущал, как все это давит на него: пустота, любовь, беспомощность и предошущение трагедии, витающее в воздухе. — Уже завтра ты будешь на коронации и бросишь вызов Моргану и Халдейну. И ты будешь там с ним, *детка!* Он — Хоувелл, он уничтожит тебя, или предаст. Он тебя подведет. В конечном итоге он обернется против тебя.

— Знаю. Я все это знаю. Он нужен мне. Еще совсем недолго. — Она стиснула его руку. — А потом...

— *Карисса...* — Голос Фалькенберга был полон мольбы. — Он в соседней спальне. Я мог бы... Карисса, позволь мне убить его. Прямо сейчас, а не когда-нибудь позже. Позволь мне убить его ради тебя. Я мог бы сделать это с легкостью, *вот так*. — Рука его вспорхнула, и стилет мелькнул в ладони. — Я убью его, и завтра сам выйду на поединок в соборе святого Георгия. Карисса... Прошу тебя!

Она уткнулась лбом ему в плечо.

— Нет, не могу. Ян — опытный фехтовальщик, а ты нет. Аларик Морган разрежет тебя на куски.

— Все пойдет наперекосяк. В Ремуте это чувствуется повсюду. По всему собору на стенах написано — *ловушка...* Я всегда знал, что под конец не сумею тебя защитить. Я могу выступить против Моргана ради тебя, — это все, что я способен предложить. Я не хочу, чтобы завтра ты

погибла. Этот проклятый красавчик Ян подведет тебя...

Он заставил Кариссу взглянуть ему в глаза.

— Позволь мне убить его. Я могу провести в собор две сотни наемников. Существуют Порталы, о которых не знают ни Халдейны, ни Морган. У меня имеются изначальные планы всего Ремута, собора и замка. Камберу Мак-Рори удалось провести Реставрацию всего с парой дюжин михайлинцев. Я могу собрать в этой церкви своих людей. Пока все молятся, мы перебьем вельмож, уйдем в подземелья замка и удержим внутреннюю крепость. Я делал нечто подобное в Форсинне и в эмиратах. Позволь мне повторить то же самое сейчас. Или дай вызвать Моргана на магическую дуэль. Разреши мне это. Убить Хоувелла, выступить против Моргана... Карисса!..

— Нет. — Карисса потянулась, чтобы кончиками пальцев смахнуть слезы, что текли у него по щекам. Она зажмурилась. — Все должно быть сделано согласно обряду. Я желаю их гибели, — но церемонии прежде всего. Я претендую на гвиннедский престол. И хочу, чтобы во мне видели истинную королеву. Мне нужен Защитник, а ты не устоишь перед Морганом с мечом в руке. Я люблю тебя и не желаю твоей гибели. Я *обязана* сделать это. Я та, кто я есть. Но ты — единственный, кого я когда-либо любила; ты не орудие и тобой нельзя пожертвовать. Я не позволяю, чтобы ты погиб ради меня.

— Проклятье, — воскликнул он. — Проклятье!

Это же *мое дело*! Я был твоим возлюбленным, и десять лет ты дарила мне себя, была всем для меня, а теперь я предаю тебя; я не в силах тебя защитить. Единственное, что я могу — выступить в твою защиту. Даже Имре сделал это для Эриеллы... — Он отвернулся.

— Не хочу, чтобы ты видела меня таким. Я пытаюсь предложить тебе мой меч и мою жизнь. Я не хочу, чтобы ты видела, как я предаю тебя. — Лицо Фалькенберга было липким от слез. Он устал вился в стену.

— Ты никогда меня не предавал. Никогда не боялся того, чего так страшилась я сама; ты был мне необходим, сколько я себя помню. Ты учил меня магии, учил политике, истории и владению ножом... *Кариад*, я должна отправиться в Ремут без тебя. После того, как минует завтрашний день, я наконец смогу тебе хоть чем-то отплатить.

— О, Господи. — Он пытался мысленно отгородиться от нее, удержать в узде усталость и пустоту, заполонившие душу. — Ты ведь даже не думала об этом по-настоящему, правда? Ты не представляешь, как все будет в действительности. Наша жизнь завершится сегодня. Завтра на закате ты либо станешь королевой Гвиннеда, либо погибнешь. В любом случае, я потеряю тебя. Все кончено.

Карисса сжалась, и слезы потекли у нее из глаз.

— О чем ты говоришь?

Фалькенберг сложил руки на коленях, ладонями вверх. Сосредоточившись на них взглядом, он попытался ответить — ровным, наставительным тоном, каким говорил со своими наемниками:

— Мы еще можем принять в границах допустимого, чтобы герцогиня Толанская взяла в мужа никому не известного приграничного князька. Но правящая королева Гвиннеда этого сделать не может. Если ты одержишь победу, то должна будешь играть свою роль до конца и подыскать себе достойного супруга, чтобы сохранить корону. Так устроена жизнь, и не думаю, что я смогу быть гостем на твоей свадьбе.

— Если я одержу победу, то стану правящей королевой. И я могу взять себе в консорты любого, кого только захочу. А я хочу *тебя*. — Она заставила его развернуться к ней лицом. — Я буду королевой, или погибну. В моей власти сделать тебя владыкой всего Севера: воссоздать герцогство Клейборнское из Келдора и Ридинга. Это сделает тебя одним из самых знатных вельмож королевства, а затем моим соправителем. Ты всегда будешь нужен мне, и титул — это самое меньшее, чем я могу отплатить за все твои дары...

— Фалькенберг, — проронил он. — Наемник. Провозглашенный еретиком, если они вспомнят об этом... Дерини... Не надо, Карисса. Даже не думай об этом. Твоим мужем должен стать один из гвиннедских нобилей. Королевская власть —

это нечто большее, чем просто месть и гора черепов перед воротами замка. Ты ведь силой захватишь престол; тебе придется стать великой королевой, чтобы заставить всех позабыть об этом. Твой Беддорский кузен попытается отнять у тебя Гвиннед; ты должна удержать королевство единым, заставить их сражаться за тебя. Лайонел был бы превосходным избранником. Есть еще граф Кирнийский; ты отнимешь его у сестры Моргана, — это должно кое-что для тебя значить. Или, если бы могла быть достигнута... договоренность о помиловании... и будь он на пару лет старше, то сгодился бы даже сын Нигеля Халдейна...

— Только не Халдейн. *Никогда...* — она вновь взяла его за руки. — Мне никто из них не нужен. Я ведь никогда по-настоящему не задумывалась, что будет, если я одержу победу... о том дне, который наступит послезавтра. Я ведь Владычица Сумерек, я — злой рок, а Госпожа Смерть не думает о том, что будет *после*. Я хотела бы стать леди Фалькенберг и остаться с тобой в Кэйр Керилле, или жить в доме с видом на Южное море... Мне не нравится быть одной, и я не люблю спать в сорочке. Но сейчас я не у себя в спальне, потому что не могу терпеть прикосновения Яна всю ночь. Я никого из них не могу выносить так долго.

Не знаю, сумею ли я завтра победить, но я должна отправиться туда и бросить им вызов, и встретиться с врагом лицом к лицу. Я буду

очень холодной, и очень зловещей, и очень красивой. Ты сможешь гордиться мной. Это важно для меня. Я делаю это одна, и хочу, чтобы ты мною гордился. Я — Смерть, пришедшая с Севера, и не знаю, что случится после коронации. Гора черепов — возможно... Я придумаю, как тебе попасть в Ремут. Можешь прикончить Яна Хоувелла в тот самый миг, когда меня коронуют. Он ничего не значит, едва лишь не станет Моргана. Если и будет какое-то потом, то мне нужен лишь ты один... Я не хочу отпускать тебя, и не хочу, чтобы ты пострадал. Замкни круг. Не делай ничего... если я проиграю. Если выиграю, останься со мной. *Кариад...*

Фалькенберг поднес ее руки к губам.

— Все пойдет наперекосяк. Там затевается какой-то мрачный хоровод, о котором мне ничего не ведомо. Я не могу тебя спасти. Но я люблю тебя и буду там... что бы ни случилось.

— Завтра, — проронила Карисса. — Но до рассвета еще несколько часов. — Она тряхнула головой, отбрасывая волосы назад. — Мне и прежде случалось приходить к тебе, покинув постель другого мужчины, хотя и не так скоро. Если для тебя это не имеет значения, то я хотела бы, чтобы ты остался. Ты приучил меня верить в символы и значимые жесты, и я хочу, чтобы ты был со мной сегодня ночью. Поэзия ритуалов всегда удавалась тебе... Я хочу ощущать на коже твое касание, а не Яна, когда завтра войду в собор святого Георгия.

Карисса взглянула на него, и он кивнул.

— *Кариад*, — воскликнула она. — Сними же с меня наконец это проклятое платье!

* * *

Фалькенберг со стоном выпростался из кресла. Тонкая полоска солнечного света сочилась из окна. Он окинул взглядом комнату, задержавшись на выстроившихся в ряд пустых флягах из-под бренди. Дальние свечи растеклись бесформенными лужицами, и он ощущал в воздухе привкус воска. Выглянув во двор, он обнаружил толпящихся там всадников. Это вернулся отряд толанцев, еще при оружии и в доспехах. И у троих, покосившихся прочь, он заметил окрашенные алым повязки. Фалькенберг поморщился.

— Вот проклятье!

Послышался резкий, торопливый стук в дверь, и голос Аврелиана с другой стороны:

— Кристиан! Колфорт воротился. Тебе лучше сойти вниз.

Он ощутил мысленное касание своего старшего помощника, но слишком устал, чтобы открыться ему навстречу. И вместо этого просто прокричал:

— Иду!

Скинув тунику, он швырнул ее на другой конец комнаты. Во рту стоял неприятный привкус бренди. Склонившись над медным тазом, Фалькенберг опрокинул на себя кувшин, затем встряхнулся, и вода тонкими ручейками побежа-

ла по бороде и по груди. Порывшись в украшенном золотой чеканкой мавританском сундуке, он извлек оттуда черную шелковую рубашу в он-огурском стиле.

Рывком натянув ее через голову, он взял запястные чехлы.

В одном покоился тонкий арьенольский стилет, в любой миг готовый выскользнуть из бархатного гнезда в ладонь хозяина; на другой руке, обвивая предплечье, крепилась удавка — сдвоенная тетива с деревянными рукоятками.

Сунув за пояс тонкие лайковые перчатки, он направился к дверям, ощущая, как ноет спина и ноги после ночи, проведенной в кресле.

— Кристиан!

Они все ждали его, сгрудившись на площадке: Аврелиан, Бреннан Колфорт, Юсуф аль-Файтури, его кузен Майкл Гордон. Колфорт с мавром еще не сняли доспехов; у Аврелиана и Майкла Гордона был чересчур довольный вид, — как у детей, таящих какой-то секрет.

— Что, черт возьми, происходит? — воззрился он на Колфорта. — На кого вы наткнулись?

Колфорт тут же вытянулся по стойке смирно и поприветствовал Фалькенберга. Тот вздохнул. Бреннана Колфорта всегда подводило излишнее придворное воспитание. Он был не на своем месте в компании вольных наемников.

— Две дюжины гвиннедцев на лошадях двигались через горы, сударь. Они встали лагерем на южном склоне, а на рассвете вышли к землям

Гордонов. Мы настигли их в Южном к югу. Тридцать четыре трупа; и пятеро раненых у нас.

— Они взяли вот это, — Аврелиан протянул серебряную бляху. — Эмблема полководца... Трупы сбросили с обрыва, а головы сложили на въезде в ущелье.

— Господин, — Юсуф принялся разматывать округлый сверток из промасленной ткани. На нем были алые кожаные перчатки посвященного *федай'ина*. — Вот что мы доставили владельцу Ястребиного Гнезда. — И он протянул свой трофей, запустив пальцы в короткие, остриженные горшком седеющие волосы.

Фалькенберг перевел взгляд на Аврелиана.

— Их полководец? Вам известно его имя?

Аврелиан кивнул.

— Некто лорд Мортимер, королевский военачальник Гвиннеда. Владения в Пурпурной Марке... — Он кивнул Майклу Гордону. — У него был королевский приказ об аресте беглых марлийцев... и еще вот это. — Гордона передал ему перепачканный в грязи пергаментный свиток.

Фалькенберг развернул длинный лист, утяжеленный огромной печатью с гербом Гвиннеда и увенчанный витиеватой надписью: *«Ми, Келсон, милостию Божией...»*

— О чем там идет речь?

— Триумф Гвиннеда, — пояснил Аврелиан. — Тираны и предатели уничтожены. Список лиц, подлежащих аресту. *Vae victis*, куда ни глянь... А вот это тебе особенно понравится. Ввиду изме-

ны Брэна Корриса, Марли передается в управление вдовствующей графине Риченде и герцогу Корвинскому. Ввиду предательства Лайонела, Арьенол подлежит аннексии и входит отныне в коронные земли Халдейнов; Аларик Морган назначен вице-королем. Сын Лайонела — наследник Торента и Арьенола, а Толан отныне — часть Торента. Аларик Морган — вице-король на двух наших границах.

— *Предательство!* — Фалькенберг с трудом удержался от смеха. — *Предательство Лайонела?* Лайонел принял смерть за своего короля и родича, — и это предательство?.. Однако Халдейны ведь являют собою Истину и Свет, не так ли? И могут делать все, что им заблагорассудится. Черт бы их побрал... — Он швырнул свиток Аврелиану. — Майкл, пошли за своими людьми. Бреннан, всех к оружию! Они скоро нападут на нас.

Фалькенберг видел их всех перед собой в парадном зале, чувствовал на себе их взгляды, — и ожидание, что он вот-вот наденет наконец ту маску, на которую они так рассчитывали всю зиму и весну. В марте они рисовали Корвинского грифона на мишенях для стрельбы. Он мог бы выяснить, кто это делал, но не видел смысла. Они все были настроены одинаково. Огонь, слава, мщение, грабеж и восторг войны... Он был Дерини, и они ждали, что он сделается сумрачным воплощением какого-то легендарного колдуна-владыки...

Фалькенберг. Должно быть, это у него в крови,

— горячность, романтика сумерек и страсть к проигравшим. Вот о чем говорила Карисса: *играет музыка, и все должны танцевать*. Он мог бы взять кристалл *ширала* и вызвать сейчас этот образ: Всадники Ястреба волной несутся на черные с зеленью штандарты Грифона, и поднимается дикий, пронзительный крик *федай'инов*: «*Йя хийя шухада! Да здравствуют воины!*» — и Шон Дерри, юный помощник Моргана, увлекает гвардию Корвина им навстречу...

Но, Боже правый, то были бы тяжело вооруженные рыцари на гигантских боевых скакунах; они смяли бы Всадников Ястреба в кровавую кашу, если бы дошло до прямого столкновения... Он стремительно терял контроль над событиями. Но в этой неотвратимости таилось особое наслаждение.

* * *

Один из разведчиков Гордона указал:

— Они точно здесь, сударь.

Аврелиан принялся перемещать красные метки по карте, выжженной на оленьей коже.

— Вот. Их две сотни. Если сейчас они на марлийских приграничных перевалах, то к нам доберутся лишь ближе к вечеру. — Он поднял глаза на Колфорта и остальных командиров. — Там оружные рыцари. Они начнут занимать перевалы. Если они направляются в Южное ущелье, чтобы выяснить, куда подевался Мортимер, то соберутся вот здесь. Юсуф?

Мавр не сводил взора с карты.

— Они рыцари, ты это верно подметил. Разве можно провести здесь коней в боевом порядке? Мы могли бы задержать их на склонах. Ни один бремагниец не способен сражаться среди скал против гхази из горных крепостей. Разве сейчас есть разнища?

— Не годится. — Фалькенберг взирал на карту с другого конца стола. — Стоит им спешиться, и мы потратим весь день, пытаясь выманить их из-за утесов. А если они все же смогут собраться на перевале для атаки, то растопчут нас без труда. Я не хочу подпускать их так близко. Я хочу, чтобы они стали живым примером. Много, много трупов... Мы пропустим их вперед, и пусть дойдут до Южного ущелья, а там мы их настигнем. У кого-то есть вопросы?

Он по очереди оглядел их всех.

* * *

Фалькенберг протянул руки, и Хусейн набросил ему через голову черный мавританский плащ. Сжав кулаки, он натянул тугие, отделанные медью перчатки для верховой езды, затем расправил рукава плаща на запястьях, прощупывая стилет и гаротту.

Хусейн суетился, затягивая на плечах завязки стального нагрудного доспеха, украшенного черной эмалью. Металл прижал черную кожу куртки, и Фалькенберг отмахнулся от мавра.

— Господин мой Ястреб. — Юсуф уже был

здесь, держа на протянутых руках алый кушак фидаи. — Ты владетель *Дар аль-Харба*, но мы стали твоим отрядом смертников по воле Владыки Горы, и к тому же ты сам — фидаи эмира аль-Джабаля в Аламуте. Здесь, в *Дар аль-Харбе*, Земле Неверных, не может быть *джихада*, но преданность — это божественный путь, и Сумеречная Владычица была нашей госпожой. — Сделав шаг вперед, он обернул кушак вокруг талии Фалькенберга.

Аврелиан, уже севший в седло, подъехал к своему капитану.

— Ястреб *Бахадур*, — проронил он. — Надо бы заказать песню об этом. Мы скачем в поход вместе с лордом-асассином, чтобы отомстить за Кариссу.

Фалькенберг вскочил на коня.

— Нет, это неправда. Они сами пришли к нам. Морган и Халдейны на моих границах. Охотятся на моих землях. Не надо никакой романтики, — все дело в картах.

Аврелиан хмыкнул.

— Так спой мне новые песни, за чем дело стало? — Он смахнул со лба седеющие каштановые волосы и натянул шлем. — В твоей душе читать легко, как в кристалле *ширала*. Попробуй только сказать, что все это тебе не по нраву. Я ведь и сам наполовину был в нее влюблен... В жизни должно быть нечто такое, ради чего стоит рискнуть все потерять.

Фалькенберг взглянул на него.

— Кэйр Керилл или Карисса Толанская?

— Ну, — отозвался Аврелиан, — если ты слушал, о чем говорили тебе в Аламуте, то это, по сути, одно и то же.

Широко ухмыльнувшись, он направился к людям Майкла Гордона, столпившимся у восточных ворот.

Фалькенберг подал знак командирам эскадронов и своему знаменосцу.

— Ну, красавцы, отправляемся на охоту.

Двадцать беглецов, включая старшего помощника Брэна Кориса, Гвиллима... Фалькенберг не потерпит, чтобы Халдейны топтали его земли. Он не был ничьим вассалом; и если Гнездо Ястреба предлагает кому-то убежище — то это святое. По осени он собирался в эмираты, и сейчас куда важнее было даже не нанизать голову Аларика Моргана на пику, а доказать кое-что Камберианскому Совету. Пусть ему не под силу уничтожить Гвиннед и его короля. Но Совет... Совет ненавидел Кариссу, злоумышлял против нее, объявил изгоем и, возможно, приложил руку к ее гибели.

На миг он вообразил себе, как *федай'ины* врываются в зал заседаний Совета. Пощады могут ждать разве что Торн и Кайри. А сегодня... Он перебьет их прямо на месте; и не получит от этого никакого удовольствия. Ему надлежит защищать Кэйр Керилл. Фалькенберг хотел лишь, чтобы его все оставили в покое. Но должен же быть способ заставить их помнить о Кариссе, — и по-

зволить Моргану с Келсоном узнать, кто он такой... Черт побери. Он дал шпоры лошади, направляясь к восточным воротам. Аврелиан и знаменосец последовали за ним.

* * *

Майкл Гордон остановил коня, чуть не доезжая до вершины, и указал на Южное ущелье.

— Ну вот, — заметил он. — Вороны и стервятники. Неплохое пиршество для них.

— Тридцать с лишним голов, — отозвался Аврелиан. — Птицы к такому не привыкли. Здесь нищая земля.

Майкл Гордон то и дело касался пальцами серебряной броши в форме волчьей головы, скреплявшей на плече плед, наброшенный поверх кольчуги. Обернувшись к Аврелиану, он широко ухмыльнулся. Волосы у него были светлые, но темные глаза и кривая усмешка достались в наследство от матери, которая происходила из рода Фалькенбергов.

— Ну что ж, теперь им хватит продержаться до первого снега.

Две сотни гвиннедских рыцарей толпились у входа в ущелье, взобравшись сюда группами по десять-двенадцать человек; вечернее солнце отражалось в их кольчугах. Тяжело вооруженные рыцари на огромных боевых скакунах не привыкли скакать по горам и не сумели сохранить привычный строй. Если они и впрямь проделали весь этот путь с Марлийских перевалов без

единой остановки, то сейчас, должно быть, умирают от жажды и усталости под своей броней, а воды вокруг нет нигде, кроме как среди трупов в ущелье.

Аврелиан скривил губы. Он знал, что Лайонел Арьенольский, любой мавританский эмир или степной *нойон* сделал бы с телами воинов первого отряда. У рыцарей странное отношение к таким вещам. Он гадал, о чем они подумали, завидев пирамиду голов с выющимися над ней падальщиками, отмечавшую конец отряда лорда Мортимера.

Всадник направился к группе рыцарей под алым с золотом гвиннедским штандартом. Майкл Гордон обернулся к Аврелиану и Фалькенбергу.

— На нем плед Мак-Лейнов, — заметил он. — Похоже, у нас там кассанцы.

Приподнявшись в стременах, Аврелиан пристально взгляделся в рыцарей.

— Львы и Розы, — объявил он наконец. — Да, это кассанцы. Все прочие — королевские рыцари Гвиннеда. — Он кивнул Фалькенбергу. — У командира — знамя Линдестарка: очень старый род, верные слуги Халдейнов, всегда возглавляли их дворцовую гвардию.

— Ну что ж, — Фалькенберг улыбнулся. — Значит, тут собралась сплошь старая знать... А при смешанном командовании рыцари никогда не знают, кому подчиняться... — Он поманил своего знаменосца. — Донал, давай вперед.

Их лошади рысцой поднялись на вершину холма и застыли. Два десятка Всадников Ястреба и дюжина людей Майкла Гордона ожидали там, неподвижно выстроившись в ряд вдоль хребта. Донал развернул штандарт, и Вольный Ястреб раскинул черные с золотом крылья на ветру. Внизу, на дне ущелья, рыцари подняли крик, указывая в их сторону. Некоторые тут же начали строиться.

Фалькенберг подал знак знаменосцу, и штандарт дважды склонился влево. Теперь рыцари с криком указывали на другой конец ущелья. Оттуда появились сорок Всадников Ястреба и замерли на месте. Это была легкая кавалерия, — все равно что дети рядом с тяжелыми рыцарями. Гвиннедские скакуны на голову возвышались над степными лошадами, которым отдавали предпочтение наемники Фалькенберга.

Несмотря на черные плащи, рыцари видели, что им противостоят бездоспешные противники. У Всадников Ястреба были лишь кожаные куртки и стальные нагрудники; у некоторых — легкие кольчуги.

Ни у кого из них, кроме толанцев Бреннана Колфорта, оставшихся в Кэйр Керилле, не имелось даже шлемов. Здесь собрались воины степей и пустынь, привыкшие стремительно нападать и так же мгновенно уноситься прочь... Защищенные стальной броней, в закрытых наглухо шлемах, рыцари Гвиннеда возвышались в своих высоких седлах, подобно движущимся крепостям.

Они взирали на врага с явным чувством превосходства.

Единственный всадник отделился от расположения Ястреба и поскакал в ущелье. Он вонзил в землю копье и тотчас повернул обратно, оставив древко торчать в земле под острым углом. На холме Майкл Гордон поднес к губам рог и протрубил сигнал тревоги. Этот звук долетел и до рыцарей, хмуро взиравших на голову Мортимера, украшавшую наверху копья. Пики с лязгом легли на седельные крючья, и гвиннедские рыцари плотной толпой с криком устремились вниз по ущелью.

Всадники Ястреба задержались на миг, а затем подхлестнули лошадей, развернулись и устремились прочь, поднимаясь по склону горы. Приободрившиеся рыцари галопом последовали за ними, черной волной выливаясь из ущелья. Комья земли летели из-под копыт. Фалькенберг, стиснув зубы, наблюдал за ними. Пока он не увидел ничего, что заставило бы его преисполниться уважением к воинским талантам Линдестарка, но масса рыцарей способна внушать страх и сама по себе. Пока они не растянулись шеренгой по равнине, их общий напор несокрушим; они способны опрокинуть любого врага. По самой сути своей, рыцари были отважны, недисциплинированны, не слишком умны и легко уступали в обходных маневрах, — но могли смолотить в пыль любую легкую конницу, если бы сумели ее настичь.

Тем временем беглецы принялись отстреливаться из луков. Щиты взлетели, прикрывая всадников. Стрелы свистели в воздухе, скорее вызывая ярость, нежели нанося серьезный ущерб. Одной из лошадей гвиннедцев стрела угодила в шею. Животное рухнуло, и всадник, перелетев через седло, свалился на землю, в падении сломав себе шею.

Атака продолжалась. Гвиннедцы отчаянно силились преодолеть ту тысячу футов, что отделяла наконечники их копий от людей, нагромодивших отрезанные головы в устье ущелья. Вновь залп лучников, — и двое рыцарей вылетели из седла, пронзенные длинными стрелами степняков. Знамя Линдестарка оказалось во главе атакующих, и королевские рыцари теперь пытались отеснить Мак-Лейнов, чтобы первыми нанести смертельный удар.

Они миновали склон, на котором стоял Фалькенберг. Всадники Ястреба по-прежнему вяло отстреливались, увлекая рыцарей за собой. На равнине те окончательно утратили строгое построение; две сотни всадников неслись теперь во весь опор, соревнуясь друг с другом за скорость и более удобную позицию. Фалькенберг подал знак знаменосцу.

— Полный наклон.

«Вольный Ястреб» метнулся вниз и исчез с линии горизонта. Спасавшиеся бегством конники натянули тетивы луков и резко остановились в развороте. С восьми сотен футов они повели

стрельбу. Сорок стрел нашли цель, и несколько седел опустели. Лошадь рухнула на колени, и три другие налетели на нее. Рыцари сумели удержать коней и продолжили атаку.

Но натиск не увенчался успехом, ибо в последний момент черные всадники ускользнули вновь, по-прежнему подманивая людей лорда Линдестарка своими стрелами. Рыцари рассыпались по склону. Позади остались лишь Фалькенберг, Аврелиан и Донал. Рыцари думали только о схватке. Загоняя добычу, они неслись прямо на вершину холма, растянувшуюся широким полумесяцем. Они потеряли уже около дюжины человек, их лошади начали уставать, а эти проклятые недомерки никак не желали остановиться и принять бой!.. Ярость кровавой пеленой застила им взор.

В точности как бремагнийцы, — сказал себе Фалькенберг. *Рыцари...* это почти ругательство. Так учили его отец с Лайонеллом. *Без страха и упрёка* — да, согласен. Но ничего более. Линдестарк был глупцом, и его рыцари ничем не лучше: рослые светловолосые широкоплечие здоровяки, кидающиеся друг на друга с двуручниками. Они бы и нескольких месяцев не протянули в эмиратах или в степях Он-Огура.

Он обернулся к Доналу:

— Подъем.

Затем извлек лук из-за спины и наложил стрелу на тетиву.

Прицелившись в самый край полумесяца, Фа-

лькенберг выстрелил. Стрела взмыла в воздух, зазубренным наконечником лова солнечные лучи. Предпоследний рыцарь в шеренге вскинул руки и рухнул на шею лошади со стрелой, торчащей между лопаток. Двое позади него обернулись и отчаянно замахали руками. Со своего возвышения Фалькенберг видел, как они изумленно открывают рты.

Заслышав за спиной шум, рыцари начали оборачиваться. Из-за склона на них устремлялись остатки отряда Ястреба и люди Майкла Гордона. Впереди были четыре десятка черных всадников, и вчетверо больше — позади. Головные рыцари вокруг Линдестарка и знаменосцы натянули поводья, все прочие столкнулись с ними. Атака замялась. Рыцари толпились, мешая друг другу, не зная, в какую сторону наступать. Небо у них за спиной потемнело от стрел. Задняя шеренга была всего в паре сотен футов, и траектория оказалась достаточно низкой для нанесения наибольшего ущерба. При первых же выстрелах рыцари потеряли дюжину воинов и четырех коней.

Они пытались перегруппироваться и напасть на врага в арьергарде. Треть отряда, оторвавшись, устремилась в атаку, высоко подняв щиты и сжимая копыя. Всадники Ястреба прыгнули в стороны, продолжая стрелять. Люди и лошади падали наземь. Степные луки славились своей силой и на таком расстоянии без труда пробивали доспехи. Воины в пледах Мак-Лейнов отшвырнули копыя и бросились в атаку, выхватив двуруч-

ные мечи. Из восемнадцати четверо сумели подобраться достаточно близко. Одну из степных лошадей всем своим весом сшиб с ног боевой конь; черный всадник вылетел из седла, пронзенный широким клинком.

Но тут же люди Ястреба сомкнулись вокруг этих четверых, и сабли засверкали на солнце. Мак-Лейнов вышибли из седла, и, истекая кровью, они рухнули под копыта всадникам. Прочие рыцари промчались среди Всадников Ястреба, оставляя на пути мертвых и раненых. Они вновь сгруппировались, — уже для защиты. Многие спешили, бросив раненых лошадей, и теперь стояли, выпрямившись или опустившись на одно колено, за высокими щитами, сжимая в руках мечи. Со всех сторон в них летели стрелы.

Линдестарк и его авангард позабыли о преследовании, когда на них напали сзади, но теперь первые полсотни черных всадников вернулись и открыли стрельбу по рыцарям. Лошади сталкивались друг с другом и падали наземь.

Вокруг Линдестарка осталось не более шести десятков бойцов. Их кони были слишком утомлены, чтобы пойти напролом и прорвать окружение. Под натиском стрел им пришлось отказаться от этой попытки, и они отступили. Пал гвиннедский знаменосец, и кто-то другой подхватил штандарт со Львом. Человек сорок из задней группы двинулись в обход рыцарей, не подпуская их к спешенным бойцам. Теперь гвиннедский отряд оказался разрезан на три части, и

лишь первая из них еще пыталась вырваться из окружения.

С детства рыцарей обучали сражаться копьем и двуручным мечом; никто не готовил их к бою с конными лучниками, стреляющими издалека. Они явно теряли мужество, и теперь над полем боя раздавались другие крики: «*Пощады!*» и «*Во имя любви Христовой!*», а нечастые призывы: «*За Гвиннед! За святого Георгия!*» заглушались резким скандированным: «*Фалькен-берг! Фалькен-берг!*» черных Всадников Ястреба.

Фалькенберг прикрыл башлыком нижнюю часть лица, так что из-под шлема блестели лишь глаза цвета жженой сиены. Наложив стрелу на тетиву, он коленями направил лошадь с вершины холма, затем махнул рукой Аврелиану.

— Давай спускаться, черт возьми!

Аврелиан также высвободил лук из чехла. Серо-голубые глаза его казались осколками льда.

— Какая отвага! Ого, я и не ждал от тебя такого...

Со смехом он подхлестнул лошадь, чтобы не отстать от Фалькенберга. Колено прижимало рукоять сабли в седельных ножнах.

Галопом они спустились со склона. Донал следовал позади со штандартом Ястреба. Трижды упал флаг, — и Майкл Гордон вывел вперед дюжину своих бойцов навстречу Фалькенбергу. Половина эскадрона черной кавалерии последовала за ними. По всему полю разносились их крики: «*A Faucon! A Faucon!*» Те, кто были родом с Восто-

ка, что-то завывали на он-огуре... И отовсюду неслись стрелы, сражая рыцарей.

Линдестарк пытался увести авангард прочь от этой резни и направил своих людей наискосок по склону, из последних сил стремясь к выходу из ущелья. Рыцари основного отряда двинулись было за ним, но полсотни Ястребов преследовали их по пятам.

Оказавшись в тридцати ярдах, Фалькенберг дал знак открыть стрельбу. Рыцари попятились. У многих из кольчуг торчали сломанные древки стрел. Они побледнели от страха. Лишь у немногих еще остались копья, а иные бросили даже мечи. Гвиннедскому знаменосцу стрела пробила плечо. Лошади дышали тяжело и хрипло, и даже в лязге доспехов слышалось отчаяние.

Аврелиан вскинул лук и выстрелил, почти не целясь. Стрела угодила в лицо одному из помощников Линдестарка. Он выстрелил вновь, и знаменосец Линдестарка осел в седле: стрела, пробив ему колено, пригвоздила ногу к боку лошади.

Рядом с ним Фалькенберг натягивал и спускал тетиву слитными размеренными движениями. Вот стрела пронзила заслонку шлема, липкую от крови, угодив прямо в лицо. Осколки костей брызнули во все стороны... Он отвел глаза, стреляя вслепую.

Кто-то из людей Гордона устремился к рыцарям, взмахивая саблей, но получил в ответ яростный удар копьем. Наконечник пронзил всад-

нику грудь, и тот рухнул наземь, исчезнув под копытами гвиннедских коней. Фалькенберг слышал, как Майкл Гордон что-то кричит своим людям, — его голос ясной певучей нотой звучал среди резких боевых выкриков. Он выстрелил вновь, и боевой скакун попятился, извергнув из горла потоки крови.

Фалькенберг подъехал ближе к Аврелиану. Он пытался сразить Линдестарка или его крупного р'кассанского жеребца, но стрела сбила с другого рыцаря шлем и вонзилась в плечо второго помощника командующего. Хлопнув Аврелиана по руке, он ткнул луком вперед. Рыцари уже подбирались к выходу из ущелья. Если они сумеют рассыпаться среди скал, то некоторым удастся ускользнуть; а он не желал оставлять уцелевших. В устье ущелья показались две дюжины рыцарей. Вместе они могли отбросить преследователей. Узкий проход казался им залогом безопасности.

Вскинув руку, Фалькенберг дал приказ своим людям отступить. Из седельных ножен он извлек длинную мавританскую кавалерийскую саблю. Ее лезвие было позолочено и в лучах заходящего солнца вспыхнуло, подобно языку пламени. Стих из Корана был начертан по всей длине клинка: *Хвала Аллаху, Творцу Всевидящему, Милосердному, Владыке Судного Дня.*

Рыцари вскинули головы при их приближении и попытались отбросить атакующих двуручными мечами. Фалькенберг пригнулся, дабы

уйти от широкого замаха, и поскакал рядом с гнедым жеребцом. Он перекинул саблю в правую руку и нанес рыцарю удар. Воин обернулся, открыв для крика рот... И тут лезвие полоснуло ему по глазам. Завопив, он вскинул руки к лицу; следующий удар пришелся по запястьям, и Фалькенберг услышал, как трещат кости...

Он дал лошади шпоры, физически ощущая у себя за спиной тяжелую массу рыцарей. На ходу с силой нанес низкий режущий удар всаднику по бедру, и кровь струей ударила из перебитой артерии. Теперь черные всадники окружили рыцарей со всех сторон, заставляя сгрудиться беспорядочной толпой, нападая на них с краев. Он видел, как Аврелиан добивает раненого, вышибает того из седла. Майкл Гордон, двумя руками ухватив меч, пронзил насквозь молодого светловолосого рыцаря в накидке с гербом Линдестарка. Рядом скакали две степных лошади, оставшиеся без всадников.

Гвиннедский знаменосец столкнулся с чужим скакуном и свалился на землю, с истошным воплем хватаясь за раненое плечо. Его лошадь рухнула сверху. Вокруг павшего знамени образовалась сумятица. С полдюжины человек пытались сомкнуть ряды вокруг лорда Линдестарка, прикрывая щитами командующего и боевой штандарт. Но кланники Гордона срубили стяг Линдестарка. Вокруг немногих уцелевших мелькали черные всадники и среди них — Фалькенберг с Аврелианом.

Фалькенберг получил удар в грудь тяжелым кулаком в латной перчатке и отпрянул в сторону, одновременно нанося удар понизу. Рыцарь взревел, когда лезвие сабли взрезало ему бок, и повалился с седла. Аврелиан рубил штандарт Льва, оказавшийся на земле. На перепачканный кровью клинок налипли нити алого шелка. Р'кас-санский жеребец стоял с пустым седлом. Всадники Ястреба медленно двигались по полю боя, приканчивая раненых и умирающих. Фалькенберг подъехал к Аврелиану и размотал башлык. Здесь все было кончено.

Они рысью двинулись по склону горы, туда, где сдавались без боя последние рыцари. Все они спешили и теперь пытались укрыться за щитами среди мертвецов и оставшихся без седоков лошадей. Отбрасывая в сторону клинки и стаскивая шлемы, они зывали:

— Сдаемся! Сдаемся!

Черные всадники натянули поводья и рассыпались кругом. С трех сторон в рыцарей полетели стрелы, и те закричали от страха и ярости, осознав, что их ждет. Они падали наземь один за другим; горстку уцелевших, бросившихся на колени, стрелы сразили последним кучным залпом. Наконец, все враги были повержены, и черные конники устремились вперед, рубя саблями тела. Следом ехал Фалькенберг, положив поперек седла пылающий золотом меч. Аврелиан приблизился, держа павшего Гвиннедского Льва на сло-манном древке. Им навстречу летел приветст-

венный крик: «*Фалькенберг!*» и мавританское: «*Йа хийа шухада!*»

Фалькенберг передал флягу своему знаменосцу и сверху вниз взглянул на изорванные в клочья стяги Гвиннеда и Линдестарка, на переломанных древках лежавшие поверх растущей груды оружия и доспехов. Он проглотил остатки вина.

— Две сотни человек с одного удара. Аврелиан, во что нам это обошлось?

Его старший помощник оторвал взгляд от собравшихся командиров эскадронов.

— Восемь убитых. Из них половина — люди Гордона. Мы лишь один раз сошлись с ними в рукопашной. Они пытались перестроиться. Лобовая атака и беспорядочная стычка...

На равнине среди трупов рыцарей передвигались небольшие отряды, перерезавшие раненым горло и снимавшие с мертвецов все ценное. Аврелиан указал на гору доспехов:

— Все это, и боевых коней мы можем продать на побережье или в Коннаите. Но если Халдейны захватили Торент и Аръенол, то я не знаю, откуда нам взять новых степных лошадей.

Подъехал Майкл Гордон.

— Их было двести человек. То есть, в общей сложности, чуть больше двухсот тридцати рыцарей, и два королевских полководца. Ты чертовски неплохо знаешь свое дело, — но что теперь? Думаешь, Халдейны не вернутся?

— Это моя земля, — заявил Фалькенберг. — Я не допущу их сюда. Боже правый, откуда мне

знать, что будет дальше? Не обязательно быть Дерини, чтобы заметить пропажу отряда из двухсот воинов.

— Но какое-то время для передышки у нас все же есть, — возразил Аврелиан. — Венцит с Лайонеллом вели войны на востоке, и Морган с королем Халдейном унаследуют эту головную боль. У Моргана будет хлопот полон рот: нужно восстанавливать свое герцогство, изображать вице-короля, да еще стараться держать р'кассанцев подальше от морских торговых путей. Державные приемы и казни в Марли, Торенте и в Арьеноле, размещение гарнизонов на завоеванной территории... Они до самого конца лета не смогут позволить себе собрать полное войско, а после Ренгарта едва ли получают людей из Кассана и Кирни. Думаю, время есть.

— Да, какое-то время, — подтвердил Майкл Гордон. — А потом начнется война с Халдейнами. Со всем Гвиннедом.

Фалькенберг нахмурил брови, глядя на него.

— Брэн Корис был ведь и твоим другом тоже. Как нам следовало поступить? Подъехать и вежливо попросить убратся прочь с нашей земли? Ты же вольный владетель, кузен. Хочешь, чтобы короли приезжали сюда охотиться, как в свои личные угодья? Майкл, мы как-никак с тобой родня... Не верю, чтобы сегодня ты не насладился сполна!

Аврелиан подъехал ближе к Фалькенбергу.

— Но ведь они узнают твое имя, можешь не

сомневаться. Едва ли они позабудут о существовании Кэйр Керилла. Ты писал Брэну и Лайонелу, чтобы предложить им убежище, а значит, помогал врагам Келсона Халдейна. Этого им будет достаточно.

— Стало быть, вновь приграничная стычка. — Он взглянул на тела, уже едва видневшиеся в подступающих сумерках. — Как всегда, дело в одних лишь картах, и в моих суверенных правах. Верите?

— Нет. — Аврелиан покачал головой. — Не верю ни единому слову. Да и никто другой не поверит.

— Твоя взяла. Хорошо, я намеренно отправил вчера в горы Юсуфа и Бреннана. Я знал, что они непременно найдут повод ввязаться в драку, а сегодня... ничего не может быть прекраснее, мой друг... задумать засаду, осуществить ее, а затем пойти своей дорогой, оставив позади мертвецов. Ничего. Морган и Келсон Халдейн посмотрят на свои карты, и это превратится всего лишь в приграничную стычку. Пройдет год, и они даже не вспомнят о Кариссе. Она останется лишь полузабытой помехой, приключением, пережитым на славном пути к Линдрут Медоуз и Великому Гвиннеду. Их челядь очистит Сендаль, и больше никто и не вспомнит о ней... — Он тряхнул головой. — Я окончательно перестал понимать, ради чего мы все это творим.

— Морган никогда даже не слышал твоего имени, — сказал Аврелиан. — Равно как и Келсон

Халдейн. Совет делает вид, будто ты — ничтожный отступник, не стоящий упоминания. Халдейны вернутся сюда... и неважно, по какой причине. Те, другие, хотят притвориться, будто тебя вообще нет на свете. Я родом с Востока... и вижу в этом некую особую поэзию, — отправиться в бой, чтобы дать всем им понять: *кто и почему*. Подумай об этом: после Падения, крепок ли был сон Бога — со всеми воспоминаниями? Некогда Люцифер стоял перед ним, заведомо зная, что произойдет, и все же сказал: *Non serviam*.

Фалькенберг засмеялся. Он поднял взор на свой штандарт: черный ястреб, распростерший крылья на золотом поле, несущий в когтях четырехзвенную цепь, первое и последнее кольцо которой разомкнуты. Геральдика конца света, — так называл это Лайонел. Освобожденный Ястреб.

— Стало быть, за изгоев? За одиночек?

— А ты хочешь, чтобы они думали, будто это все лишь поучительное представление?.. Пьесаморалите про то, каково быть Дерини, и в чем суть королевской власти? — парировал Аврелиан.

Фалькенберг прикрыл глаза.

— Она умерла, пытаюсь стать королевой. Она не была просто приключением на пути Господа в Его рай, Келсона на престол, или людей и Дерини к примирению. Боже, как я устал от нравственности!

Он окинул взором Аврелиана и Майкла Гордона.

— Сложите их головы на входе в ущелье. До

осени мы уедем в эмираты, в Аламут, а затем — *за изгнанников!* Сыграем в призраков на праздничном пиру. — Он поймал взгляд Аврелиана. — Мне ведь все равно больше нечем заняться, не так ли?

Его помощник покачал головой.

— О, да. И ты должен стать таким, каким я всегда хотел видеть тебя.

Кариад. Фалькенберг развернул лошадь и рысью поскакал по равнине. На будущий год, весной трава пробьется сквозь остовы гвиннедских боевых лошадей.

Карисса. Он был Дерини, и это означало... что же это означало, на самом деле?.. Что он наделен силой и способен заставить их всех понять, что дело лишь в Возможности и Необходимости, и мир не сводится к Морали и Высшему Смыслу. Он не мог добиться желаемого отмщения. В этом году Корот и Ремут не сгорят до кругов черной травы...

Но он не позволит им сделать ее частью своего мифа. Хотя бы от этого ему под силу уберечь ее. В двадцать шесть лет она была стройной, светловолосой, нежной и восхитительной. Она была единственной, кого он когда-либо любил; той, кому он писал стихи.

Ей он посвятил «Истинную историю Кэйриса», а перстень с тигровым глазом стал почти обручальным кольцом. Она была отважной, и ей достало силы превратиться во Владычицу Сумерек и бросить вызов им всем. Она могла бы

стать леди Фалькенберг — или правящей королевой Гвиннеда.

Кариад. Халдейны и Аларик Морган существовали в мире малых богоявлений; он не позволит им завлечь и ее в эту игру Добра и Зла.

Его лошадь выбирала путь среди мертвецов.

Они узнают. Карисса, затем Лайонел... Отмщение — да, конечно. Но и нечто большее: отказ от овеществления морали. «Истинная история Кэйриса» была написана именно ради этого. Этому он учился в Аламуте и в Арьенольской цитадели. Бог Ремута против Бога Аламута и Кэйр Керилла; гавриилитская набожность Стефана Корама против иронии и исторической точности трех томов «Кэйриса»; рыцарственность Моргана против всего, что он почерпнул от Лайонела. Тот же давний спор, что в свое время вынудил род Фалькенбергов искать убежища в этих горах. Но они узнают. Сперва в эмираты, а затем, может быть, на восток: там степи вновь сомкнутся с Западом. Ему никогда не стать немезидой Аларика Моргана, но Морган и этот мальчишка Халдейн, и Денис Арилан, и весь Совет еще увидят, как их тщательно выстроенные планы могут рассыпаться в прах под ударами холодной руки...

Натянув поводья, он оглянулся на равнину. Последние лучи заходящего солнца понемногу угасали, и Всадники Ястреба казались отсюда лишь крохотными черными силуэтами. Трупы рыцарей и вовсе превратились в бесформенные,

бесцветные нагромождения. Не было никакого повода исторгнуть торжествующий вопль... ни «*Йа хийа шухада!*», ни даже боевой клич Фалькенбергов. Все ради Кариссы. Знак для тех, кто живет за пределами Смысла.

Она была мертва и, возможно, Аларик Морган и его король так никогда и не поймут, *почему* или даже, по-настоящему, *кто*. В этом была своеобразная поэзия, некая суровость и даже утонченность, — в его зачарованности изгнанием и роком. Он, Кристиан Ричард Фалькенберг, любил Кариссу Фестил Толанскую. Он был лордом из Приграничья, поэтом и историком, а порой и капитаном отряда наемников, и возлюбленным Владычицы Сумерек. Вот она, Возможность и Необходимость. Но если Халдейнам и Аларику Моргану, и Камберианскому Совету так нужно видеть во всем происходящем некий Высший Смысл, то он готов им в этом помочь.

Накинув капюшон, чтобы защититься от ночной прохлады, Кристиан Фалькенберг дал шпоры коню и отправился вслед за своими людьми.

Лесли Уильям

Вопрос гордыни¹

1118 год.

Несмотря на то, что мы можем ориентировочно датировать наш следующий рассказ 1118 годом от Рождества Христова, благодаря упоминанию там имени архиепископа Корригана (который был избран на Святой Престол в Валорете в 1117 году), на самом деле, эта история могла произойти практически в любое время за предыдущие два столетия, ибо в отличие от всех прочих наших рассказов, здесь речь идет скорее о концепции, нежели о судьбе какого-то конкретного персонажа из тех, кто населяют Одиннадцать Королевств. Если говорить точнее, то автор попытался исследовать здесь артистический дар и саму природу творчества. Магия Дерини не имеет почти никакого отношения к данному рассказу и, в какой-то мере это также «вопрос гордыни».

Свет факелов тусклым ореолом окружал колонны, отбрасывая тени, карабкавшиеся по каменным стенам. Поеживаясь и стараясь обходить темные места, аббат добрался до закрытых дверей и остановился, сжимая в руках промокший от пота пергаментный свиток. Утерев пухлые щеки ру-

¹ © Leslie Williams «A Matter of Pride», 2002

кавом грубой рясы, он подергал дверь, а затем принялся колотить по ней, да с такой силой, что по коридору разнеслось гулкое эхо. В тысячный раз он задался вопросом, как вообще мог позволить монаху-послушнику завести себе личные апартаменты в подвале.

Разумеется, брат Вайен — один из лучших его писцов и рисовальщиков. Возможно, даже восходящая звезда, которую ждет известность среди братии аббатства святого Фоиллана. Но это совсем не обязательно должно означать, что столь многообещающему юноше следует непременно выбирать для своих занятий самые уединенные и недоступные уголки монастыря, а затем еще иметь дерзость запираť дверь на засов.

Еще несколько раз ударив кулаком по двери, аббат прижался ухом к деревянной створке, слышал шорох сандалий и поспешно отступил. Скрипнул замок, и свет свечи разогнал тьму в коридоре. Настоятель уперся руками в бока и воинственно уставился на художника.

— Брат Вайен, не соблаговолите ли объяснить мне, по какой причине заперли эту дверь?

Неуверенный голос отозвался, заикаясь, из освещенного прохода:

— Я... ну, я...

— Ну что ж.

С царственным видом вступив в крохотную, ярко освещенную келью, аббат подошел к столу и внимательно воззрился на разложенный на столе пергамент. В верхней части левого поля

возвышался замок, чья изгородь из терна и лозы изящно переплеталась с безупречно выписанной буквицей, а среди листвы сновали ящерики и порхали крохотные пичужки. К замку подъезжал рыцарь в позолоченных доспехах верхом на изящной лошадке, дабы встретиться со своей дамой сердца, которая выглядывала из занавешенного окошка на нижнем этаже донжона.

Неплохо. Чертовски неплохо!

Аббат отвернулся, раздраженно откашлялся, и лишь теперь заметил, что монах по-прежнему стоит у закрытых дверей.

— Подойди сюда, брат Вайен.

С пытливой улыбкой монах неуверенно двинулся вперед. Ряса болталась на слишком худом теле, костлявые руки нервно ломали пальцы, но стоило ему приблизиться к столу и узреть свою работу, как аскетичные черты тотчас смягчились, а в черных глазах зажегся огонек. Взъерошив припорошенные пылью черные волосы, он улыбнулся настоятелю.

— Это для приорства святого Пирана. Я хотел как можно лучше выполнить свою работу. — И он смущенно отвернулся, узловатым пальцем водя по грубой чернильнице.

Теплые воспоминания нахлынули на аббата. Монастырь святого Пирана... О, что за славное место! И служанки там были прехорошенькие...

Вновь прокашлявшись, он вспомнил о влажном пергаменте, что держал в руке.

— Вот твое следующее задание. Эта страница

из Евангелия святого Матфея так перепачкалась, что ее не прочесть. Ты должен скопировать ее целиком, вместе с картинками. И уж постарайся сделать все, как следует. Это для его милости архиепископа Корригана.

Он протянул смятый лист и был изумлен, когда Вайен, пристально взглянув на него, неожиданно медленно отвернулся и попятился. Последовало долгое молчание. Вайен уперся глазами в дверь и вновь принялся тревожно потирать руки.

— Отче, не думаю, что смогу исполнить это, — неуверенно промолвил он наконец.

Что? Но Вайен был лучшим из лучших! Как он мог отказаться? О, нет... Может, ему просто нужен слуга, кто-то, чтобы приносить свечи и чернила? Ну, если так...

Аббат уже вдохнул поглубже, чтобы заговорить, когда Вайен вдруг вновь подал голос.

— Отче, я должен покаяться.

— Покаяться? Прямо сейчас? Неужто нельзя с этим подождать?

— Это ужасный грех. И я... м-м-м... — голос монаха дрогнул. Он звучно сглотнул и продолжил: — Я чувствую себя недостойным продолжать работу.

Черт возьми! Должно быть, потискал у себя в подвале какую-нибудь девицу. Немудрено, что он так стремился заполучить уединенную келью, и вот почему стал запирает дверь. Может, она и сейчас была здесь, и только что выскользнула че-

рез заднюю дверь в спальне? Ох уж эти глупые юнцы... Что с ними поделаешь?

— Я тщеславен, отче. — Теперь слова вылетали стремительно, наскакивая друг на друга, словно он торопился выложить все как можно скорее. — Все время, когда я рисовал, люди хвалили меня, и я старался еще пуще, думая, что это во благо аббатства святого Фоиллана. И чем больше я старался, тем сильнее люди меня хвалили, и я решил попробовать что-то новое, и стал рисовать вещи, не имевшие отношения к Священному Писанию... А теперь я не могу смотреть на сотворенное мною, не совершая греха гордыни. Я ничего не могу с собой поделать. Мне ненавистно то, что я художник.

Рывком развернувшись и шагнув к аббату, монах рухнул на колени и, ухватившись за пухлую руку, иступленно принялся целовать пастырский перстень.

— Помогите мне, отче! Избавьте от этого искушения, прежде чем я ввергну себя в адские муки, вместе со всеми теми, кто восхищается моей работой.

Молчание тянулось бесконечно. Аббат пытался собраться с мыслями.

Проклятье!

И что теперь делать с манускриптом архиепископа Корригана? И все ради чего... Не столь уж велик грех брата Вайена: все художники тщеславны, это их отличительная черта. Но Вайен достаточно наивен, чтобы это встревожило его все-

рьез. Возможно, следует пояснить бедняге, что грех не столь уж велик...

— Брат мой!

Налитые кровью глаза монаха торопливо заморгали.

— Да?

— Покажи мне свои опыты.

Полный отчаянья, словно торопясь осудить самого себя, монах устремился к дверям спальни и распахнул ее настежь. На пороге аббат с трудом сдержал возглас, готовый сорваться с уст, ибо теперь он ясно видел, в чем проблема Вайена.

Он был талантлив. Пейзажи на полотнах улавливали и передавали самую сущность жизни, искру заката на окнах замка, пурпурную отдаленность горных хребтов... Ненадолго предавшись созерцанию, аббат отступил и закрыл дверь, а затем принялся расхаживать по комнате. Монах, тоскливо ожидавший его решения у стола с манускриптом, бессознательно потянулся за пером, но тут же вздрогнул и выронил его из рук, словно обжегшись.

И что же теперь делать? Вайену следует позволить заниматься искусством, но так, чтобы гордыня его не могла подпитываться чужой похвалой.

Что-нибудь очень простое, дабы занять руки монаха, но заставить попоститься его самомнение. Что-нибудь достаточно неопрятное, дабы испытываемые неудобства послужили наказанием,

достаточным для покаяния. Возможно... гончарное ремесло?

Застыв на полушаге и покосившись на униженно потупившегося монаха, аббат торжествующе улыбнулся. Ну, конечно! Мастер гончар был его старинным другом и вечно жаловался на то, что у него не хватает рабочих рук. Он будет только рад принять помощника, в особенности если этот помощник попадет к нему из скриптории, от извечных соперников, которые не знают недостатка в учениках. А для юного монаха это будет достаточно уничижительно.

С добродушной улыбкой он подозвал Вайена. Монах преклонил колени, и настоятель возложил ладонь на склоненную голову.

— Твоим покаянием будет оставить это искусство и три месяца обучаться гончарному ремеслу. Если к тому времени ты почувствуешь, что тщеславие оставило тебя, то сможешь вернуться к своей нынешней работе. — Возможно, манускрипт архиепископа Корригана сможет подождать до тех пор.

Аббат заторопился к двери и уже открыл ее, как вдруг костлявая рука ухватила его за локоть, и Вайен благодарно улыбнулся настоятелю.

— Спасибо вам, отче.

Раздраженно стряхнув руку, аббат проворчал:

— Не меня благодари. Благодарите Господа. — И словно маленькое сопящее грозовое облако, вылетел прочь из комнаты.

* * *

Несмотря на незаконченный манускрипт, архиепископ Корриган был столь добр, что выделил деньги аббату для покупки выбранного им мерина, и выигрыш с первых же скачек отчасти пошел и на нужды керамической мастерской. Аббат заглянул в мастерскую, полюбовался на заляпанные глиной колеса и бесчисленные полки ночных горшков и кувшинов для воды, а затем уже собрался было уходить, как внезапно хлопнула дверь и послышались чьи-то шаги. Из-за высокой стопки блюд настоятель заметил смутно знакомую фигуру в черном, проскользнувшую в соседнюю комнату. Порывшись в памяти, аббат припомнил монаха Вайена, их разговор, состоявшийся два месяца назад, и внезапно решил проверить, как у того идут дела.

Незаметно подойдя к двери, за которой исчез монах, аббат задержался, с подозрением глядя по сторонам. Дверь оказалась старой и растрескавшейся, и сперва он заглянул в щелку, а затем, одной рукой опершись о косяк, настежь распахнул ее.

Склонившийся над комом глины с ножом в руке, Вайен виновато уставился на вошедшего. Когда аббат приблизился, он уронил нож на стол и попятился, заливаясь румянцем.

Это была небольшая скульптура, изображавшая голубку... Распростертые крылья, хвост, распушенный для равновесия, тонкий клюв. Каждое перышко отчетливо выделялось, прочерченное

тонким острием, и мрачный взгляд аббата со статуэтки переместился на съездившегося монаха.

— Я полагал, что излечил тебя от этого греха.

Вайен страшился встретиться с ним взглядом.

— Мне казалось, это может...

— Может что? Не вижу никакого прока от этой безделки. — Толстый палец уткнулся в птицу. — Никчемное украшение.

Монах по-прежнему стоял, уткнувшись взглядом в пол. Припорошенная пылью черная голова дернулась в кивке.

— Да, отче.

Наклонившись ближе, аббат уставился на перья. Неплохо, очень неплохо. Даже коготки видны на лапках. Прокашлявшись и вытирая влажные ладони о сутану, он рывкнул:

— И что же это такое, скажи на милость? Голубка, выпущенная Ноем из ковчега? Я не вижу у нее в клюве оливковой ветви.

— Это просто голубь с улицы. — Голос Вайена оборвался, и он дрожащей рукой вытер нос.

Распрямившись и направившись к дверям, аббат в последний раз обернулся.

— Именно такие художества и довели тебя до беды в прошлый раз. И потому единожды и навсегда я намерен излечить тебя от этого. Завтра же явись к кузнецу. Ты будешь подковывать лошадей. Может, хоть это удержит тебя от безобразий.

Задержавшись в дверях, он увидел, как тощий согбенный монах склонился над столом, паль-

цем проводя по изогнутому крылу, а затем схватил птицу обеими руками и с силой швырнул об пол. Необожженная глина разбилась с глухим стуком. Аббат отвернулся и вышел из мастерской.

* * *

Аббат не мог не заметить, что в прошлом этот проклятый монах организовывал всю работу среди писцов и рисовальщиков, и с его уходом, похоже, там ничего не могли толком довести до конца. Отложив в сторону последнее прошение из скриптория о том, чтобы продлить срок выполнения работы, и заметив, что в окна уже льются алые лучи заката, аббат откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, чтобы ненадолго вздремнуть перед ужином.

Скверный выдался день, сплошное невезенье. И явно не простая случайность. Наверняка, он что-то сделал не так. Сперва с пустыми руками вернулись сборщики милостыни. Не то, чтобы в окрестных деревнях перестали посещать службы — просто ни у кого не было денег, чтобы подавать монахам. Сомневаться в преданности прихожан не приходилось, но ведь это не наполнит его стол и не возвысит среди прочих аббатов и епископов...

Затем его призовая кобылка потеряла подкову и проиграла скачки, где уверенно шла победительницей... И наконец переписчики в мастерской перепутали все листы, потому что этот

чертов рисовальщик трудился теперь в кузнице, вместо того чтобы...

Растерянно заморгав, аббат выпрямился и, пару мгновений поразмыслив, велел доставить пред свои светлые очи этого самого монаха. Он никак не мог избавиться от терзавшего его подозрения: кто именно подковывал кобылу нынче поутру?

Стук в дверь, и появился брат Вайен, — по крайней мере, аббат решил, что это тот самый человек. Исчез лихорадочный блеск в глазах, нездоровая монашеская бледность. Когда вошедший поклонился, то под измазанной сажей рясой заиграли крепкие мышцы. Поднявшись с места и обойдя кругом стол, чтобы получше разглядеть монаха, аббат заметил на его длинных пальцах небольшие шрамы. Давно не стриженные волосы прядями лежали на шее. Руки безвольно висели по бокам.

Застыв в нескольких шагах от монаха и скрестив руки на груди, аббат вспомнил свой вопрос:

— Брат Вайен, кто подковывал мою лошадь сегодня утром?

Не поднимая взора, тот отозвался:

— Какую лошадь?

Аббат сердито топнул ногой.

— *Мою* лошадь. Кобылу. Ее подковывал ты или кузнец?

Похоже, монах никак не мог сосредоточиться. Наконец он протянул:

— Кузнец подковывал вашу лошадь. Я подковал кобылу.

— Но *моя* лошадь — это и есть та кобыла! — Это было просто возмутительно. Ухватившись за поникшие плечи, он принялся трясти Вайена, до тех пор пока монах наконец не поднял голову. Встретившись с бессмысленным взглядом пустых черных глаз, аббат отпустил его и отступил на шаг. Наконец некое подобие озарения зародилось в этом взоре, и Вайен промолвил:

— Было две лошади. Две кобылы. Я подковал серую.

— Ты подковал... — подавившись ругательствами, рвавшимися с языка, аббат медленно обошел монаха кругом и объявил: — Моя лошадь — серая!

— А. — Вайена это, похоже, ничуть не заинтересовало.

Гнев понемногу отступил. Ну что ж, будут и другие скачки, непременно будут.

Отвернувшись, аббат двинулся к столу, но внезапно застыл на полушаге. На поясе у монаха висело бронзовое распятие ручнойковки. Великолепная работа, от склоненной головы на кресте до крохотных точек на запястьях и лодыжках... В алом свете заходящего солнца, омывавшего Вайена через окно, она казалась почти живой.

Крест лег в пухлую ладонь аббата. В груди жаркой волной поднялось пламя, но он все же сумел спросить:

— Что это такое?

Вайен пожал плечами.

— Распятие, отче.

Гнев закипел в душе, но наружу излился лишь ледяным спокойствием.

— Это ты сделал?

— Да, отче.

— Зачем?

И вновь пожатие плеч.

— Я был столь беспечен, что потерял свое и боялся попросить другое.

Толстый кулак аббата сомкнулся вокруг креста, а затем рванул с неожиданной силой. Кожаный шнурок лопнул. Кованая фигурка со стуком легла на стол.

Так вот почему покаяние Вайена никак не могло подойти к концу! Вот почему серая кобыла потеряла подкову. Вместо того чтобы должным образом исполнять обязанности кузнеца, монах вновь занимался искусством, — и это после всех тех усилий, что аббат предпринял, дабы очистить совесть негодного собрата...

Вайен по-прежнему перетаптывался у него за спиной. Не сводя взор с распятия, аббат испустил вздох.

— Брат Вайен, что же мне с тобой делать? Ты не раскаялся в своей гордыне и не бросил попыток творить, даже на самой черновой работе. У меня нет иного выхода, кроме как поместить тебя в одиночное заключение для набожных молитв и поста, вплоть до самой весны или до тво-

его полного раскаяния... в зависимости от того, что наступит скорее.

Молчание.

— Можешь идти.

Вайен пошатывался и волочил ноги, словно ходьба стоила ему слишком больших усилий. Когда дверь за ним наконец закрылась, взор аббата вновь вернулся к распятию. Последний кровавый закатный луч тронул правую руку бронзовой фигурки, высвечивая крохотную ладонь и ручейки крови из пронзенного запястья. Гвоздь чем-то походил на стилос...

Резким движением аббат сбросил распятие со стола, и оно зазвенело по каменным плитам пола.

* * *

Весна выдалась куда лучше, чем мог бы ожидать аббат. Черная кобыла ожеребилась, и ее тонконогий отпрыск уже подавал большие надежды. С визитом заезжали братья из приорства святого Пирана, и привезли самые свежие, восхитительно нехристианские сплетни. Похоже, одна из монастырских служанок лишилась девства, а затем стала утверждать, что отцом ребенку придется кто-то из насельников аббатства святого Фоиллана. По счастью, не сам аббат, — но лишь по чистой случайности, а не сознательным устремлением...

По весне зачастили крещения, а с ними и жертвования, и стол аббата украсила свежая зе-

лень. Сухая ясная погода обещала добрые всходы и победы на грядущих скачках.

Вперевалочку шагая по полутемному коридору, аббат удостоил мимолетного взгляда распахнутые двери, ведущие в подвал, и задумался над ожидавшей его задачей. Весна прошла неплохо, если не считать этих проклятых манускриптов. Чертов монах вышел наконец из заключения и заперся в своих прежних комнатах, где некогда так успешно трудился на благо всей обители; однако до сих пор ничего, ни единого благословенного листа пергамента не появилось из-за двери, на которую взирал сейчас настоятель.

Стиснув челюсти и стараясь подавить поднимающийся в душе гнев, аббат поднял кулак и замолотил по деревянной створке.

Влажные каменные стены гулко разнесли этот звук по коридору, но никакого ответа не последовало. С нарастающей злостью аббат взялся за ручку и повернул, — оказалось, что она была открыта. Распахнув дверь пошире, он вступил в крохотную келью, озаренную тусклым сиянием свечей...

Горный воздух... Ледяной ветерок проник под одежду, играя полами рясы, а затем вырвался в коридор... Неуверенным шагом аббат двинулся в ту сторону, откуда ощутил дуновение ветра, и оказался перед картиной, висевшей на стене. Солнце медленно восходило среди пурпурных утесов, черные скалы едва ли не торчали наружу из рамы. Охристая зелень таилась в уголках. Ве-

тер свистел над теснинами, вырывался за пределы холста, и казалось, что кусты шевелятся, трепещут под его порывами...

Чувствуя, как его прошибает холодный пот, аббат поспешно отступил и, озираясь по сторонам, наткнулся взглядом на другую картину. Темные мрачные джунгли, влажные и жаркие, как апельсера...

Прищурившись, аббат стал медленно оглядывать стены; все они были увешаны картинами. Ярость понемногу уступила место любопытству, когда, развернувшись к центру комнаты, он заметил стол, заваленный недоконченными пергаментами. Послышался какой-то слабый шум. В поисках его источника аббат заозирался, но потом замер, чтобы попытаться понять, откуда берется свет в комнате.

Странное тусклое золотисто-розовое сияние исходило от непривычно блестящих свечей. Дохнув на округлую поверхность, аббат побледнел, когда «воск» вдруг затуманился, — свечи были сработаны из бронзы.

А огонь? С трудом решившись приблизиться, настоятель протянул дрожащий палец. Огонек заплясал; но это было не пламя, а полированная окалина.

Больше он не мог этого вынести. Резко развернувшись, аббат встал лицом к столу.

— Брат Вайен!

Из-за горы манускриптов появилась знакомая фигура. Черные глаза блестели под сдвинутыми

черными бровями, блестящие черные волосы ниспадали на ворот опрятного монашеского одеяния. Крепкий и худощавый, он держался прямо, не гнул плечи, и во всей его позе ощущался надменный вызов. В длинных пальцах он сжимал тонкую керамическую иглу. Аббат не мог отвести взгляда от этого инструмента, даже заслышав ответ монаха:

— Да, отче?

Настоятель медленно отвел взор и покосился на стопку пергаментов. Внезапно вспомнив о причине своего визита, он указал на них рукой.

— Брат Вайен, ты сознаешь, что эта работа должна была быть завершена еще несколько месяцев назад?

— Сознаю.

Раздражение и досада.

— Так почему же ты ничего не сделал?

Медленно отложив иглу в сторону, Вайен слегка поклонился, и на губах заиграла улыбка.

— У меня были дела поважнее.

Серебристый блеск на поясе: там красовалось новое распятие.

Аббат раскрыл рот от изумления. Взгляд его помимо воли вновь окинул комнату со всей ее удивительной обстановкой. Когда он наконец вновь повернулся к монаху, его встретил насмешливый взгляд черных глаз.

— Брат Вайен, эта работа... в чем ее смысл?

Усмешка.

— А что вы сами думаете об этом?

— Это все твои художества... — Улыбка сделалась еще шире, и аббат обвиняющим тоном продолжил: — Именно от этого я и пытался излечить тебя. Мне казалось, я преуспел. Неужто ты ничему не научился за время своего покаяния?

— Научился.

В смятении аббат уперся руками в бока.

— И чему же? Ты тратишь время впустую, а работа остается несделанной... По-моему, тебе нужно приучиться к смирению. Думаю, теперь я займусь тобой всерьез.

В руках у Вайена вновь появилась керамическая игла.

— Если вы сделаете это, то я отрекусь от своих обетов.

Аббат выкатил глаза.

— Но твоя душа... Как насчет спасения души? Что ты скажешь, когда тебя осудят за эти тщеславные труды... за то, что занимался искусством вне пределов, указанных Святой Церковью ради ее пущей земной славы? Где твое смирение?!

Игла тихо звякнула, упав на столешницу, и в темных глазах вспыхнул недобрый огонек.

— Искусство не есть смиренный дар.

Застыв как громом пораженный, аббат молчал, не зная, что ответить на это. Затем Вайен криво усмехнулся.

— Не хотите ли взглянуть, что я сделал для вас?

Он указал на груду пергаментов. Привлеченный помимо собственной воли, аббат обошел во-

круг стола и обнаружил, что за горой свитков не заметил крохотной глиняной фигурки. Нагнувшись ближе, он смог разглядеть ее как следует.

Это была лошадь. Маленький тонконогий жеребец, подкованный по всем правилам кузнечного искусства. Тонкая игла прочертила гриву и завитки хвоста. Всецело поглощенный созерцанием, аббат неуверенно потянулся к фигурке и с трудом расслышал слова Вайена, встал у него за плечом.

— Чему я научился? Тому, что принижать свой дар означает уродовать его.

Толстый палец аббата наконец притронулся к лошади. Теплая глина шевельнулась, фигурка подняла голову, и крохотные глаза-бусинки доверчиво уставились на настоятеля...

Кэтрин Куртц

Зеленая башня¹

1052 год

Последний рассказ в этом сборнике — мой собственный, и наверняка он вызовет лишь досаду у большого количества читателей, которые давно уже интересуются эпизодом, описанным здесь. «Зеленая башня» — это предыстория повести, которую я начала не столь давно, — первой книги трилогии о юности Моргана. Речь пойдет о том самом случае, когда мастер Дерини Льюис ап Норфал исчез, проводя таинственный магический ритуал в Коротском замке, в котором неожиданно все пошло наперекосяк. За три года до этого он бросил вызов власти Камберианского Совета. Я мельком упоминала об этом в романах «Возрождение Дерини», «Сын епископа» и «Милость Келсона», хотя нигде этот эпизод не был раскрыт достаточно подробно.

Разумеется, нечего и говорить, что беглые аллюзии на столь увлекательное событие тайной истории Дерини подстегивали любопытство подлинных фанатов Дерини. За прошедшие годы они умоляли меня рассказать как можно больше о Льюисе, о том, что он сделал, дабы навлечь на себя гнев Совета, и какой именно магический опыт так не удался ему, — но до сих пор я хранила на этот счет решительное молчание.

Пока еще по-прежнему не пришло время по-

¹ © Katherine Kurtz «The Green Tower», 2002

ведать вам об этом происшествии все от начала и до конца; но работая над началом первого из романов о юности Моргана, я решила, что могу рассказать вам хотя бы кое-что, пусть лишь с точки зрения дочери Льюиса, Джессами, и юной Стеваны Корвин, будущей бабушки Аларика Моргана. Повзрослев, Джессами станет одной из главных героинь первой книги новой трилогии о юности Моргана, вместе с дочерью Стеваны, Элис, — будущей матерью Аларика.

Разумеется, в этом рассказе Джессами и Стевана еще только дети, одной из них одиннадцать, а другой — десять лет. На пороге взросления они никак не могут быть посвящены в то, что в действительности происходит в Зеленой башне; но события, описанные в этом рассказе, будут иметь весьма значимый отклик четыре десятилетия спустя, когда начнутся события трилогии о юности Моргана. В какой-то мере это «бессовестная затравка» для нового романа, хотя я предпочла бы называть ее лакомым кусочком или аппетитной закуской... С другой стороны, полагаю, что этот рассказ и сам по себе имеет полное право на существование, ибо дает нам новый взгляд на бескрайнюю вселенную Дерини...

И, наконец, со словами особой благодарности я хотела бы обратиться к тем читателям, которые однажды вечером в феврале участвовали в интернет-чате на сайте Дерини, когда я попросила помощи в сборе информации на тему, о которой нечасто пишут в романах. Вы сами знаете, о ком идет речь. В конечном итоге, я так и не использовала большую часть информации, которую вы помогли мне раздобыть, но это многое прояснило для меня, когда я дописывала конец истории. Для большинства читателей, которые пока не знают, о чем идет речь, все станет ясно без слов, когда вы прочитаете этот рассказ.

Стевана Корвин, десяти лет от роду, как-то по весне наблюдала с крепостной стены за гостями, прибывшими в Коротский замок. Внизу, во дворе, особое внимание ее привлекла девочка примерно ее возраста, восседавшая на великолепном сером в яблоках пони с пышным зеленым плюмажем. Девочка была миловидной и опрятной, очень темненькой, тогда как сама Стевана была светловолоса. Блестящие черные кудри каскадом струились по спине незнакомки, перехваченные зеленой шелковой лентой; на ней был костюм для верховой езды из темно-рыжего бархата, светившегося на солнце, а по подолу и рукавам его украшала сверкающая вышивка.

Стевана не удержалась от завистливого вздоха, и ей внезапно разонравилось ее собственное простенькое платье из ноской зеленой шерсти, но она прекрасно сознавала, что матушка никогда не позволит ей в бархатном наряде даже близко подойти к лошади. Грания Корвин лишь посмеется со словами, что как ткань, так и сам стиль платья заезжей гостьи абсолютно не подходит ребенку такого возраста, и в особенности для верховой езды. Брошенный исподтишка взгляд подтвердил Стеване, что лучше ей не трагивать эту тему с матушкой.

Должно быть, это все потому, что у самой девочки матери нет, — решила Стевана. Леди Илда умерла прошлым летом, оставив двоих детей на попечении отца, которому никогда не было до

них особого дела. Мальчика уже отправили служить оруженосцем ко двору короля Малькольма Гвиннедского, и он жил в Ремутском замке... Так что этот мужчина, довольно некрасивый и сутулый, восседавший на крупном жеребце рядом с девочкой на пони, должно быть, никто иной, как мастер Льюис ап Норфал собственной персоной, — после всех разговоров, что велись в замке на прошлой неделе, она ожидала увидеть куда более значительную фигуру. Прошлым вечером за ужином взрослые ни о чем другом не говорили, и Стевана едва не заснула над своей тарелкой.

— Что ж, он все-таки привез свою дочь, *beau-pere*, — обратилась Грания Корвин к деду Стеваны. — Тогда едва ли он мог затеять что-то *действительно* опасное.

Стиофан Корвин, герцог-Дерини, покачал головой, отломив кусочек свежего хлеба от буханки, лежавшей на оловянном подносе между ним и матерью его единственной внучки.

— Хотел бы я разделить твою уверенность. Ты прекрасно знаешь, что он сделал три года назад... или, по крайней мере, что попытался сделать... Я почти удивлен, что они оставили его в живых. Видит Бог, я пытался его отговорить. Но он придумал, как подойти к этому с другой стороны, и убежден, что он именно тот человек, кто способен довести дело до конца. Вот почему я решил, что уж лучше нам позволить ему работать здесь, где найдутся люди, достаточно ответственные, чтобы позаботиться обо всем и

проследить за порядком... либо впоследствии подобрать осколки...

Стевана невольно задалась вопросом, что же такое натворил мастер Льюис, — и что может случиться, если он попытается то же самое сделать сейчас! Ей было известно, хотя в открытую никто об этом не говорил, что все гости, посетившие замок за прошлую неделю, были Дерини. Уже само по себе это было необычным, даже здесь, в Корвине, поскольку к представителям их расы обычные люди относились с явным недружелюбием, чтобы не сказать враждебностью, на протяжении более ста лет.

И все же в Корвине дела обстояли лучше, нежели в остальном Гвиннеде. Там, за исключением считанных счастливчиков, пользовавшихся покровительством и защитой сильных мира сего, — впрочем, даже тогда они предпочитали держаться тише воды, ниже травы, — Дерини вообще были вынуждены скрывать свое происхождение.

Разумеется, Корвин находился на самых границах королевства и некогда пользовался полным суверенитетом, — всегда под властью правителей Дерини. Герцоги Корвинские по-прежнему оставались чем-то вроде удельных князей в пределах собственных границ. Суровые анти-деринийские законы в Корвине соблюдались куда реже и не слишком строго, если не считать запрета для Дерини вступать в ряды духовенства. Стиофан, герцог Корвинский, сражался на стороне короля

Халдейна в кровавой битве при Килингфорде, вместе со своим отцом, и правил герцогством уже более четверти века. Его считали справедливым и благоразумным правителем. Подданные относились к нему с искренним уважением, вот почему здесь никогда не случалось бунтов и недовольства.

И все же большинству Дерини, обитавших к западу от Торента, даже в Корвине имело смысл не слишком выставлять себя напоказ, — не самая простая задача... Стевана прекрасно сознавала это, ибо, будучи внучкой и наследницей герцога Корвинского, она никак не могла надеяться скрыть свое происхождение от всех тех, кому известно ее имя.

Вот почему с раннего детства ее учили держать язык за зубами и скрывать свои способности, — еще даже до того, как они начали развиваться.

И в то же самое время эта осторожность в проявлениях магической силы, судя по всему, была далеко не всегда свойственна взрослым; по крайней мере, тем из них, что собрались ныне в Коротском замке. Не было никаких сомнений, что человек, только что въехавший во двор, — несомненно, очень могущественный и способный Дерини, — намеревался произвести некую магическую демонстрацию, с одобрения или хотя бы при терпеливом попустительстве множества опытных адептов. Некоторые из них вчера вечером сидели за обеденным столом ее деда, а сей-

час также наблюдали за происходящим во дворе замка.

— Ее зовут Джессами, — пояснила матушка Стеване. — Она всего на год старше тебя. Хочешь, мы спустимся и поприветствуем их?

Та с сомнением покосилась на девочку, которой кто-то из челядинцев помогал спешиться.

— Она хорошенькая, — решила Стевана, — но вид у нее не слишком дружелюбный.

Поднятые брови матери яснее ясного говорили, что она не находит замечание дочери достойным наследницы Корвина.

— Но это же правда, *татап*.

— Да, и если ты обратишься к ней с таким видом, как у тебя сейчас, то, несомненно, твои худшие опасения подтвердятся. Но ты сама будешь в этом виновата.

Стевана лишь закатила глаза и, взяв мать за руку, обреченно последовала за ней по винтовой лестнице в парадный зал.

* * *

Вскоре обнаружилось, что большинство дедушкиных друзей-Дерини прибыли в замок в течение дня, пока она была на занятиях. Неподалеку от подножия лестницы она заметила своего двоюродного брата Михона, который порой вел у нее уроки. Он был молод и хорош собой и совершенно невыносимым образом вечно подтрунивал над девочкой. Больше всего ей хотелось бы сейчас броситься ему навстречу и повиснуть

у кузена на шее, — но он был поглощен разговором с другим юношей, чуть постарше, с вьющимися рыжими волосами и пронизательными карими глазами.

— Кто это там с кузеном Михоном? — шепотом спросила она у матери по пути к дверям, ведущим во двор замка.

Грания с улыбкой отозвалась чуть слышно:

— Можешь не тревожиться, моя дорогая, *он* тебя дразнить не станет. Это сэр Сьеф Мак-Атон. Впрочем, если у нас и будут какие-то проблемы в ближайшие дни, кроме как от мастера Льюиса, то скорее всего, именно он будет тому причиной. Но не беспокойся, Михон за ним проследит.

Стевана лишь кивнула в ответ, торопясь вслед за матерью вниз по ступеням и оставаясь в блаженном неведении, что подобными откровенными замечаниями взрослые и умудренные опытом женщины обычно не делятся с десятилетними дочерьми. Она никогда не знала своего отца, погибшего вскоре после ее рождения, и потому полагала, что для матери совершенно естественно было избрать ее своей наперсницей.

Дедушка разговаривал о чем-то с мастером Льюисом, а рядом его дочь изо всех сил старалась выглядеть достойно и по-взрослому в присутствии благородного хозяина замка. Герцог Стиофан обернулся при приближении невестки с внучкой, а затем, улыбнувшись, поманил их ближе, чтобы представить гостям.

— Ну, вот и они, — промолвил Стиофан. — Грания, дорогая, позволь представить тебе мастера Льюиса и его дочь Джессами. Льюис, это вдова моего сына, графиня Грания и моя дочь, Стевана Корвин.

Пока взрослые обменивались любезностями, Стевана исподтишка наблюдала за девочкой, чувствуя смутную зависть к столь роскошным черным кудрям. Со своей стороны Джессами, вздернув подбородок, невозмутимо созерцала саму Стевану, — у нее были темные, иссиня-фиолетовые глаза, — но Стевана решила, что ее новая знакомая лишь напускает на себя горделивый вид, а на самом деле волнуется куда сильнее, чем хочет показать.

— *Матан*, можно я покажу Джессами наш сад? — спросила она, воспользовавшись первой же паузой в разговоре взрослых.

— Ну, разумеется, моя дорогая. Только попытайтесь не перепачкаться в грязи. У Джессами такое нарядное платье...

Скорчив в сторону матери гримаску, Стевана ухватила Джессами за руку и потащила ее к воротам, что вели в сад замка, разбитый за конюшнями. Сперва немного удивившись, гостя послушно последовала за Стеваной, хотя и воззрилась на нее с некоторым недоумением, когда та распахнула кованую калитку и выжидательно уставилась на Джессами.

— Тут... очень мило, — любезно промолвила гостя, хотя на лице ее не отразилось особого

восторга. У нее был странно низкий для девочки голос, в котором чувствовался слабый, незнакомый Стеване акцент.

— Конечно, все еще мертвое после зимы, — признала Стевана. — Но все-таки началась весна. В земле проклевываются луковицы. *Matan* говорит, что здесь в Короте теплее, потому что мы живем у моря. После Пасхи будет много цветов. Хочешь взглянуть на луковицы?

— Ну... да.

Вслед за Стеваной гостя углубилась в сад, где при ближайшем рассмотрении и впрямь обнаружили первые весенние ростки. В тенистом углу Джессами опустилась на корточки, чтобы полюбоваться расцветающими крокусами.

— Ты только взгляни на эти цвета! — воскликнула Джессами. — Я думала, крокусы бывают только пурпурные.

— А разве у вас дома нет желтых? — поинтересовалась Стевана. — Или белых?

Джессами встряхнула темными кудрями и тут же, вскочив, подбежала к другой клумбе, где что-то новое привлекло ее взор.

— Ты только посмотри... Тут же жонкилии... Или лучше называть их нарциссами?

— Можно и так, и так, — добродушно откликнулась Стевана и, нагнувшись, сорвала крохотный желтый цветок, чтобы вдохнуть пряный аромат. — Вот тебе и жонкилия. На, понюхай.

— М-м, они мне так нравятся, — прошептала Джессами, наслаждаясь запахом. — Достаточно

всего несколько цветов в комнате, чтобы они всю ее наполнили своим ароматом. Мне нравится, когда в вазе они сочетаются с какими-нибудь красными цветами.

— Мне тоже, — согласилась Стевана. — Еще я люблю гиацинты. И розмарин...

Вскоре стало ясно, что девочки разделяют страсть к садоводству, и вот уже, весело болтая и смеясь, они принялись порхать по тропинкам сада, пока Стевана закидывала гостью подробностями о расположении клумб и указывала ей на самые интересные, с ее точки зрения, цветы. К тому времени, как они добрались до дальнего уголка огороженного сада, волосы у них совсем растрепались, подола платьев были в грязи, — но теперь Стевана была готова поделиться с новообретенной подругой величайшим из своих сокровищ.

— Это мое любимое место, — заявила она, приблизившись к железной калитке, вделанной в каменную стену.

Отряхивая юбки и пытаясь пригладить растрепанные волосы, чтобы вернуть себе достойный вид, ее спутница завертела головой, пытаясь разглядеть, откуда доносится журчание воды. Скалистый выступ возвышался почти на высоту крепостных ограждений замка, за пределами сада, и весь порос серебристо-серым лишайником, с пятнами бархатистого, светло-зеленого мха.

— Что там такое? — любопытствовала Джессами.

— Грот Часов.

— Почему его так называют?

— Не знаю. Это грот, и иногда люди проводят здесь часы. Наверное, в этом все дело. Я-то точно сюда прихожу так часто, как только могу. — У входа, под небольшим навесом, в железное кольцо был вставлен негорящий факел. Привстав на цыпочки, Стевана потянулась и вытащила его. — Это мой предок, первый герцог Корвинский, здесь все обустроил, — продолжила она, очищая факел от грязи и паутины. — Здесь никого не было всю зиму, поэтому сейчас так сыро, и полно опавшей листвы, но все равно очень красиво. А летом здесь самое чудесное место, чтобы прийти и посидеть в холодке... и чтобы никто тебя не нашел и не заставил делать уроки.

— А я *люблю* делать уроки, — с легким вызовом возразила Джессами. Она тотчас попятилась и встревоженно заозиралась по сторонам, когда факел внезапно вспыхнул в руках Стеваны.

— О, нет! Это нельзя делать там, где чужие могут увидеть!

— Здесь можно, — слегка озадаченная, возразила Стевана. — Но за стенами замка я бы, разумеется, воздержалась, — добавила она.

— Все равно опасно, — прошептала Джессами, хотя и постаралась заглянуть Стеване через плечо, когда та со скрипом отворила калитку.

— Если честно, то я тоже люблю делать уроки, — продолжила Стевана. — Только не всегда.

Особенно в чудные теплые летние вечера... Иногда мне просто хочется побыть одной, там, где никто не сможет меня найти. Пойдем.

С этими словами она повела гостью внутрь, держа факел перед собой на вытянутой руке. Внутри было сыро, пахло плесенью и застоявшейся водой. Потолок оказался низким и неровным, — каким он и должен быть в пещере. В стене напротив входа было проделано небольшое окошко, закрытое металлической решеткой, — и свет неожиданно так ослепил Джессами, что она едва не упала, споткнувшись о низкую скамью из черного камня, установленную прямо посреди грота.

— Осторожно... — воскликнула Стевана с запозданием, хотя и удержала свою спутницу от падения. — Здесь можно присесть, когда хочешь навестить герцога Доминика. Его могила там, под окном, у стены. Все черное, поэтому ничего не разглядеть. Это он был первым герцогом Корвинским. Мой дед — его прямой потомок.

— По-моему, я слышала о нем, — заявила Джессами, — он ведь был кем-то вроде короля?

— Ну, в общем-то, да, — кивнула Стевана. — Но это было очень давно. Они с отцом пришли сюда с Фестилом Первым, в 822 году. Его отцом был Бьюэн, младший сын герцога Жуйского...

— Бьюэн? — перебила Джессами. — Тогда, выходит, мы с тобой дальняя родня! Мой отец не любит использовать это имя, но он также из рода Бьюэнов Жуйских; а *его* отец — герцог Ренье,

но... каким образом твой предок Бьюэн породнился с королями?

— По-моему, его мать приходилась кузиной королю Фестилу, поэтому и он, и его дети носили родовое имя Бьюэн Фурстанов... а всем известно, что Фурстаны — это королевский род.

— Мне доводилось встречаться с Фурстанами, — заметила Джессами. — Онй... — голос ее прервался, она оглянулась через плечо, а затем вновь воззрилась на Стевану, явно сомневаясь, стоит ли в открытую говорить о подобных вещах. — Они опытные Дерини. Ничего удивительного, что папа пожелал посоветоваться с твоим дедушкой.

Стевана пожала плечами.

— Да, наверное... Но кровь Фурстанов сильно разбавлена в нашем семействе. Впрочем, по-моему, Корвины всегда брали в супруги только Дерини. Мне известно, что сын Доминика женился на девушке из семейства Мак-Рори... Так что, полагаю, теперь можно сказать, что мы в родстве и с самым святым Камбером. — Она помолчала. — Хочешь увидеть его портрет?

— Чей? Сына Доминика?

— Нет. Святого Камбера.

Она обернулась к левой стене, поднося факел к мозаике, как вдруг услышала за спиной возглас Джессами:

— У тебя есть изображение святого Камбера?

— Да. Здесь мы в безопасности, и об этом можно говорить, — откликнулась Стевана, хотя

пока и не стала дальше освещать факелом стену. — Ты ведь Дерини, иначе я бы ничего не сказала. Можешь мне поверить, сюда никто не приходит, кроме членов семьи, — а ты как-никак тоже наша родственница. Так ты хочешь взглянуть, или нет?

— Конечно!

Без промедления Стевана вновь повернулась к стене и подняла факел. На сей раз она ушла вглубь грота, и на стенах в отблесках огня постепенно начали проступать исполненные в человеческий рост мозаичные фигуры, сходявшиеся к возвышавшемуся в дальнем конце грота надгробию Доминика.

Свет факела отблескивал на золотистых осколках, специально вделанных среди обычной смальты, дабы выделить нимбы и короны, а также золотую трубу святого Гавриила, архангела, несущего Благоую Весть. Близ святого Гавриила располагался архангел Уриил, порой служивший Ангелом Смерти.

А вслед за ними, между Уриилом и ликами Святой Троицы, украшавшими восточную стену под маленьким окошком, над надгробием Доминика фигура в серой рясе преклоняла колени в поклонении Благословенной Троице, одновременно указывая рукой в сторону могилы, словно взывая к тому, кто лежал под надгробным камнем. Лицо под монашеским капюшоном было обращено прямо к зрителю, и светлые глаза словно бы следовали за ним повсюду, — их взгляд удерживал и хватал за душу, словно был

исполнен некоей загадочной магии, проникавшей сквозь кусочки смальты.

Стевана увидела, как Джессами опустилась на колени и закрыла лицо руками, в то время как плечи ее содрогались от безмолвных рыданий. Охваченная состраданием, Стевана присела рядом с подругой и обняла ее, пока та не выплакалась. Через пару минут Джессами наконец подняла голову и, шмыгая носом, вытерла глаза краешком тонкой льняной нижней юбки.

— Я всегда была уверена, что он выглядел именно так, — промолвила она вполголоса. — Но и представить себе не могла, что кто-то в Гвиннеде осмелится сохранить его изображение.

Стевана пожала плечами.

— Дедушка говорит, что мы живем не в Гвиннеде, а в Корвине. Кроме того, как я уже сказала, сюда приходят лишь члены семьи... И все равно его трудно обнаружить, если точно не знаешь, где искать.

Вновь зашмыгав носом, Джессами позволила Стеване помочь ей подняться на ноги, в последний раз утерла глаза и взяла под руку свою новую подругу.

— Терпеть не могу плакать перед посторонними, — заявила она все еще сквозь слезы. — Тетушка Элен говорит, что скоро я стану женщиной и иногда буду плакать перед месячными. — Она с шумом сглотнула. — Надеюсь, это случится не очень скоро, потому что тогда они... они тотчас выдадут меня замуж.

— Ну и что? Ведь ты уже будешь женщиной?
— резонно возразила Стевана.

— Нет, ты не понимаешь, — прошептала Джессами. — Это все из-за того, что сделал папа... Хотя я даже не знаю толком, о чем речь. Но они боятся его. И они боятся того, что может произойти со мной. Вот почему они хотят поскорее выдать меня замуж. Мне уже выбрали супруга.

По мере того как эти слова слетали с уст девочки, глаза Стеваны раскрывались все шире.

— Кто такие эти *они*? — выдохнула она.

Джессами встряхнула темными кудрями.

— Мне нельзя об этом говорить.

Ее голос звучал так потерянно, что Стевана, не удержавшись, вновь обняла подругу и поспешила сменить тему разговора. Развернувшись, они вышли из Грота Часов.

Те намеки, которые она краем уха слышала от своей родни, также подсказывали, что речь идет о чем-то настолько ужасном, что даже не подлежит обсуждению...

В тот вечер, хотя насколько Стеване было известно, день был отнюдь не праздничным, ее дед устроил в парадном зале торжественный ужин. Льюис ап Норфал прибыл с не слишком многочисленной свитой, и все же за столом сидело куда больше народу, чем накануне. Слуги поставили второй длинный стол под прямым углом к основному, в форме буквы «Т». Стиофан восседал на своем обычном месте, во главе стола, с Льюисом по правую руку, а мать Стеваны —

справа от Льюиса. Почтенный мастер Норфал, наставник Льюиса, сидел от Стиофана слева, — Стевана слышала, что ему уже почти сто лет, — а рядом с ним Тайлифер, граф Лендорский. Прямо напротив располагались Михон де Курси и Съеф Мак-Атан. Даже на непросвещенный взгляд Стеваны подобное расположение гостей явно намекало на то, что Льюиса ап Норфала старались окружить самыми опытными Дерини. Джессами, похоже, также заметила это. Они вместе со Стеваной сидели неподалеку от графини Грании. Девочка заметно притихла, наблюдая за остальными гостями.

— В чем дело? — шепотом спросила ее Стевана, когда подали первые блюда и музыканты заиграли на галерее, расположенной на другом конце зала.

Джессами бросила на нее пронзительный взгляд, а затем вновь обвела глазами людей, сидевших рядом с дедом Стеваны.

— Они все здесь, — прошептала она наконец, уткнувшись в тарелку. — Даже мой нареченный супруг.

У Стеваны закружилась голова, но она постаралась не выдать волнения и еще больше понизила голос.

— И кто же он такой? — выдохнула она. — А они — ты имеешь в виду, что это те самые они, которые так боятся тебя и твоего отца?

Джессами на миг прикрыла глаза, затем поднесла к губам кубок и покосилась на Стевану.

— Пожалуйста, води себя потише, — взмолилась она. — Да, это те самые *они*... по крайней мере, некоторые из них. А в мужья мне прочат сэра Сьефа Мак-Атана. Вот он сидит там, напротив твоего деда.

Стевана заставила себя потянуться за крылышком цыпленка и, держа его обеими руками, откусила кусочек и принялась задумчиво жевать. Лишь после этого она осмелилась бросить взгляд на Сьефа.

Он был старше, чем показалось ей на первый взгляд, когда она сегодня поутру заметила его с кузеном Михоном. Скорее всего, ему уже под тридцать. В рыжих волосах, заплетенных в косу, проступала седина, и в аккуратно подстриженной бородке и усах также виднелись светлые нити. Но темные глаза оживленно блестели, и у него был добрый взгляд. Руки, беспрестанно жестикулирующие во время разговора, смотрелись маленькими и изящными. Одежда — простая, но добротная.

— А зачем, ты думаешь, он здесь? — шепотом поинтересовалась Стевана, прежде чем откусить еще кусочек цыпленка.

Джессами покачала головой.

— Так же, как и все остальные. Они беспокоятся о том, что задумал мой отец. Ты же знаешь, он приехал сюда работать. Ради этого прибыли и все остальные.

Внесли новую перемену блюд, и разговор оборвался сам собой.

* * *

Позже вечером, устраиваясь в постели рядом с Джессами, Стевана по-прежнему пыталась понять, что происходит вокруг. Как только няня задула свечи и удалилась, она повернулась к подруге.

— Ты говоришь, они прибыли сюда для какой-то работы, — прошептала она, создав прямо над головой шар слабо светящегося магического света. — Думаешь, они сделают это сегодня?

Темноволосая головка Джессами обернулась к ней с подушки.

— Нет, это будет завтра вечером.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что они ели. Когда занимаешься высшей магией, то есть перед этим нельзя. Нужно поститься.

— Но ты все-таки думаешь, они что-то затевают?

Джессами медленно кивнула.

— Мы за этим и приехали. Папа доверяет твоему деду. Он говорит, что герцог Стиофан сможет поддержать его.

— Поддержать в чем? — выдохнула Стевана.

И вновь Джессами покачала головой.

— Не знаю. Знаю только, что это опасно.

— Тогда зачем он это делает?

— Потому что это единственный способ чему-то научиться, — донесся ответ Джессами. — Но он будет осторожен, он мне обещал.

Эти слова заставили Стевану примолкнуть,

ибо лишь подтвердили опасность того, что сотворил Льюис несколько лет назад, — и, судя по всему, намеревался повторить завтра. Она понимала, что любые ее слова лишь усилят тревогу подруги, поэтому прижалась к ней потеснее, чтобы подарить хоть немножко душевного тепла, и погрузилась в дрему. Она не видела снов, но улавливала отголоски грез Джессами. Темноволосая девочка всю ночь ворочалась в постели и несколько раз невольно будила соседку. Но когда рассвет наконец наступил, она утверждала, что не помнит, какие видения сделали таким беспокойным ее сон, — и сон Стеваны.

* * *

Матушка на следующее утро отослала их из замка на верховую прогулку, в сопровождении няни Стеваны, коннетабля и нескольких оруженосцев. Прогулка получилась восхитительной, — оруженосцы сами были немногим старше своих подопечных, насмешливо поддразнивали их и отчаянно флиртовали, — но девочки все равно прекрасно понимали, что это лишь хитрость, призванная удалить их замка почти на весь день.

Вечером их худшие предположения подтвердились, ибо вместо того чтобы поужинать в большом зале, еду им принесли на подносах прямо в комнату Стеваны.

— Его милость, похоже, простудился, и потому попросил лорда Гамильтона исполнить за столом роль хозяина, — поведала девочкам няня

Стеваны, наливая им эль и расстилая поверх юбок широкие салфетки. — Кроме того, госпожа ваша матушка знает, как вы обе устали после прогулки. Уж я-то точно устала дальше некуда... Когда поедите, я приберу за вами. А теперь давайте возблагодарим Господа за эту пищу.

Женщина ушла после того, как они вместе помолились. Когда дверь за ней наконец закрылась, Стевана обернулась к подруге.

— Думаешь, нас отправили ужинать сюда, потому что старшие постятся? — прошептала она, отламывая кусочек хлеба.

Джессами собралась было отхлебнуть эля из кружки, но внезапно застыла, едва поднеся ее к губам. Взгляд ее сделался расплывчатым.

— Что такое? — испуганным шепотом спросила Стевана.

Темноволосая девочка заморгала, после чего поставила на стол нетронутую чашку.

— Не притрагивайся к элю, — выдохнула она, испуганно косясь на дверь, а затем медленно провела рукой над всем столом. — Нет, кроме эля — ничего. Но они рассчитывали, что мы проголодаемся и захотим пить после прогулки... Терпеть жажду особенно тяжело.

— Это точно, я ужасно хочу пить, — начала Стевана.

— Я тоже, — поддержала ее Джессами. — Но если мы выпьем этот эль, то сразу заснем и проспим до утра.

Стевана раскрыла глаза.

— Туда что-то подмешали?

Джессами с серьезным видом кивнула.

— Они не хотят, чтобы мы бодрствовали, пока они будут делать то, что намеревались.

По спине у нее побежали мурашки. Стевана медленно положила хлеб на блюдо, не чувствуя больше ни голода, ни жажды.

— Ты говоришь правду?

— Разумеется.

Стевана, у которой во рту пересохло, рассеянным жестом взяла с колен салфетку и принялась вытирать ладони. Джессами низко склонила голову над стиснутыми руками, хотя Стевана и сомневалась, что подруга сейчас молится.

— А хочешь, мы попробуем узнать, чем они занимаются? — спросила она негромко.

Джессами вскинула голову.

— Каким образом? — выдохнула она.

Стевана показала взглядом на дверь. Если кто-то и впрямь ожидал, что они выпьют эля с сонным зельем, то скоро матушка или няня появятся, чтобы убедиться, достаточно ли крепок сон девочек...

— Ты можешь заставить себя заснуть на определенное время? — шепотом спросила она у подруги, и та кивнула. — Я имею в виду настоящий, глубокий сон.

Джессами неуверенно кивнула вновь.

— Иди послушай у дверей, — прошептала Стевана, взяла обе чашки с элем и поднялась на ноги. Джессами повиновалась, с любопытством ко-

сясь на подругу, а Стевана торопливо подбежала к уборной, расположенной в нише у окна, и большую часть содержимого вылила в дыру. Затем она поставила чашки на столик и вновь уселась, жестом велев подруге присоединиться к ней.

— А теперь ты должна заставить себя заснуть... скажем, на два часа. Наверняка они начнут не раньше, чем убедятся, что весь замок погрузился в сон. Ты сможешь это сделать? Если мы уснем не взаправду, то они узнают.

Джессами безмолвно кивнула и села напротив Стеваны, которая расплескала остатки эля по столу, а затем поставила чашку в эту лужицу. Одну руку она вытянула вдоль столешницы и уронила на нее голову. Другой подобрала с блюда отломанный кусок хлеба и, опустив руку вдоль тела, разжала пальцы, бросив хлеб на пол. Джессами последовала примеру подруги, и Стевана, глубоко вздохнув, начала безмолвно проговаривать заклинание, погружающее в глубокий сон. Забытье охватило ее даже прежде, чем она успела закончить.

* * *

Через некоторое время она пробудилась, лежа в постели. Кто-то снял с нее одежду для верховой езды и натянул ночную сорочку; даже расчесал и заплел волосы, — скорее всего, няня, но это вполне могла быть и матушка. Рядом с ней, свернувшись в клубочек, спала Джессами, за которой тоже кто-то успел поухаживать. В замке царила

сонная тишина и, судя по лунному свету, сочившемуся из окна, время близилось к полуночи. Где-то вдалеке послышался крик стражника, объявлявшего время, но она не смогла разобрать точно, который час.

Набравшись решимости, девочка выскользнула из постели и босыми ногами прошлепала к окну, выходявшему во двор замка. Затем она перевела взгляд на башню, куда дедушка всегда удалялся для занятий магией. Луна освещала стены из светлого камня, но за узкими, забранными зеленым стеклом окнами верхнего этажа Стевана различила огónek свечи.

— Думаешь, они работают там? — прошептала Джессами, незаметно подкраившаяся к подруге.

Стевана все же успела почувствовать ее приближение и потому, даже не вздрогнув, кивнула.

— А мы могли бы пробраться туда?

— Если будем очень осторожны, то, думаю, сумеем пересечь двор незамеченными, — заговорщицким шепотом отозвалась Стевана. — Но наверх ведет единственная винтовая лестница, хотя по пути есть три или четыре площадки, где можно спрятаться, если придется. Я слышала, что в стенах есть и потайные проходы, но, возможно, это лишь досужие сплетни прислуги.

— Жаль, что мы не знаем наверняка, — шепнула Джессами. — Но раз так, то придется обойтись и площадками.

* * *

Спустя четверть часа, натянув плащи поверх ночных сорочек и мягкие шлепанцы на босу ногу, девочки подобрались к Зеленой башне и застыли у подножия винтовой лестницы. Теперь, оказавшись так близко к цели, они общались между собой лишь жестами либо мысленными касаниями. Ни та, ни другая не слишком хорошо владели этим искусством в силу юного возраста, но сплетенные руки помогали усилить ментальный контакт. Иначе даже самый тихий шепот мог бы расслышать кто-то из тех, кто собрались нынче в башне.

Крадучись, они начали подниматься по ступеням винтовой лестницы, задерживаясь на каждой площадке, прислушиваясь ко всем звукам и шорохам. У обеих так сильно колотилось сердце, что они боялись, как бы этот стук не услышали наверху. Им оставалось подняться еще на несколько этажей, — Стевана давно утратила им счет, — когда Джессами внезапно со стоном согнулась в три погибели, упала на колени и сжала голову руками. В тот же миг вспышка, ощутимая скорее ментально, нежели обычным зрением, осветила всю лестницу, и ночное безмолвие пронзил высокий звенящий звук.

Тотчас вслед за этим откуда-то с верхнего этажа послышался глухой удар, — словно хлопнула дверь, повернувшись на петлях, а затем донеслись приглушенные возгласы и чей-то кашель.

Пригнувшись, Стевана затащила Джессами

на ближайшую площадку и постаралась укрыться в темноте, зажимая подружке рот рукой, чтобы заглушить ее стоны. Шаги и голоса сделались ближе.

«Ни звука! — мысленно воззвала она к Джессами. — Они идут сюда».

Одновременно у себя за спиной она пыталась нащупать дверь комнаты, выходившей на эту площадку, — к счастью, там не было ни души. Полумертвая от страха, она втащила Джессами следом и прикрыла дверь, опустившись на корточки, чтобы выглянуть в замочную скважину. Теперь голоса с лестницы доносились вполне отчетливо.

— Но что могло случиться? — говорил мужчина. — Куда он исчез? Все должно было пройти совсем иначе!

— Мы сделали все возможное, — отвечал ему другой. Стевана узнала голос деда. — У меня нет для тебя готовых ответов.

— Придется обо всем рассказать Совету, — заметил третий голос. Похоже, то был ее кузен Михон.

— Это так необходимо? — Голос матушки!

— Ты знаешь это, не хуже нас, — отозвался еще один мужской голос. — Если бы мы могли быть уверены, что он погиб, все обстояло бы иначе... Но даже в этом случае мы обязаны известить их.

— А я и впрямь надеялся, что он преуспеев в своей затее, — промолвил дед, минуя площадку, где прятались девочки.

Шагов казалось куда больше, чем голосов, услышанных Стеваной. Люди почти целый час сновали взад и вперед по лестнице перед их дверью. Вскоре стало очевидно, что стряслось нечто ужасное, однако судьба, постигшая отца Джессами, оставалась для них загадкой. Из того, что смогла понять Стевана, следовало, что Льюис ап Норфал попросту исчез. Причем никто доподлинно не знал, остался ли он в живых. Джессами сидела на полу в уголке, опустив голову и обняв колени, качалась взад и вперед, безмолвно заливаясь слезами и тихонько поскуливая. Когда шаги снаружи затихли окончательно, Стевана вызвала магический огонек и подошла к подруге, которая теперь наконец сидела неподвижно. Даже слезы успели высохнуть на лице.

— С тобой все в порядке? — шепотом спросила Стевана, обнимая девочку за плечи.

Шмыгнув носом, Джессами подняла голову. Ее лицо в зеленоватых отблесках магического огонька приобрело какое-то потустороннее выражение.

— Он умер, да? — Ее голос был лишен каких-либо эмоций.

— Неизвестно, — ответила Стевана. — Они сами ничего толком не знают.

Джессами вновь всхлипнула, вытерла глаза уголком ночной сорочки, но ничего не сказала.

— А ты сама как думаешь, он погиб? — решилась спросить Стевана чуть погодя.

— Если он не вернется, то это не имеет значе-

ния, — тусклым голосом отозвалась Джессами. — В любом случае я перейду под опеку Съефа Мак-Атана, пока не достигну возраста, подходящего для замужества... А затем нас поженят.

— Это так ужасно? — удивилась Стевана. — На вид он добрый и довольно симпатичный.

Джессами пожала плечами.

— Он подчиняется другим, более влиятельным Дерини. Я не знаю, кто они такие, — резко перебила она готовую заговорить Стевану. — Они в ужасе от того, что мог... и хотел сотворить мой отец. А теперь, когда он сделал... то, что сделал... они испугаются, что я могу пойти по его стопам. Поэтому они должны выдать меня замуж за того, кто сможет уследить за мной... и вовремя меня остановить. Боже, как все это мерзко!..

Ее лицо было столь мрачным, а голос столь унылым, что Стеване ничего не оставалось, как сжать подругу в объятиях, горюя, что она ничем больше не может ей помочь. Когда они наконец отодвинулись друг от друга, Стевана взяла Джессами за руки и заставила подняться.

— Нам надо возвращаться ко мне в комнату, — сказала она негромко. — Они и без того уже могли нас хватиться. В любом случае, скоро они придут, чтобы рассказать нам обо всем... если сами хоть что-нибудь знают.

— Никак не могу понять, что там произошло, — прошептала Джессами, стряхивая пыль с плаща. Внезапно она вскрикнула и поднесла ру-

ку к глазам. В свете магического огонька Стеваны на ладони обнаружилось что-то липкое и влажное... какой-то мазок алого цвета.

С тоненьким жалобным стоном Джессами обернулась взглянуть на то место, где сидели они со Стеваной. На деревянном полу отчетливо виднелись следы крови.

— О, нет! — вмиг побледнев, прошептала Джессами. — Только не сейчас. *Не сейчас...*

Стевана понимала, что означает эта кровь, — и чем это обернется для Джессами.

— Нам лучше вернуться в комнату, — благоразумно предложила она, взяв подругу под руку.

— Но мне ни за что не удастся это скрыть, — отозвалась та потрясенно. — Съеф здесь, а мой отец исчез. Они выдадут меня за него, прежде чем... Боже правый, что со мной теперь будет? Что мне делать?..

Поток жалоб утонул в тихих завываниях, заглушенных Стеваной, которая подставила подруге плечо, чтобы та могла выплакаться, уткнувшись в него. Она и сама понятия не имела, что им теперь делать. Дождавшись, пока рыдания Джессами сменятся редкими всхлипываниями и икотой, она молча повела ее вниз по лестнице. Удача улыбнулась им, и они сумели незамеченными пересечь двор замка, а затем без приключений добрались до опочивальни.

Но матушка Стеваны уже дожидалась их там, выглядывая в окно. Сперва они не заметили ее, тихонько прикрыв за собой дверь, но застыли,

заслышав шорох юбок, когда женщина вышла им навстречу из оконной ниши.

— Я видела, как вы шли через двор, — спокойным, печальным голосом промолвила она. — Я так и думала, что вы попытаетесь пройти туда.

Девочки виновато переглянулись, с испуганным видом обнимая друг друга за плечи.

— Милые дети, я не стану бранить вас... ни одну, ни другую, — воскликнула Грания Корвин, раскрывая им объятия. — Все... все получилось совсем не так, как мы задумывали. Мне очень жаль.

Эти слова вызвали новый поток слез у обеих девочек. Рыдая, они бросились к матери Стеваны. Грания ласково обняла их, одновременно пытаясь успокоить мысленными прикосновениями и бормоча что-то утешительное, покуда всхлипывания не затихли.

— Я знаю, что с тобой произошло, — негромко обратилась она к Джессами. — Это означает, что ты стала женщиной.

Темноволосая девочка подняла голову, но не осмелилась встретиться взглядом с Гранией.

— Это означает, что меня выдадут замуж, и очень скоро. Но я *не хочу* выходить замуж.

— Я все знаю, моя дорогая, — промолвила Грания. — Но Сьеф хороший человек. Думаю, он станет тебе добрым мужем.

— Они все меня боятся, — всхлипнула Джессами. — Из-за отца...

— Да, это правда. Но тебя могла постичь и куда худшая участь.

— В самом деле? — потухшим голосом усомнилась девочка.

— Ну, дети, пойдемте. Вам нужно привести себя в порядок, — пригласила их Грания. — Что касается тебя, Джессами, то, разумеется, мы не сможем этого скрыть. Так давайте попытаемся с честью выйти из сложившихся печальных обстоятельств... Мне очень, очень жаль твоего отца.

В тот же день в часовне Коротского замка, стоя бок о бок с матерью, Стевана, все еще во власти тягостного недоумения, взирала на то, как ее дед вручает руку Джессами сэру Съефу Мак-Атану. Старый отец Венцеслав засвидетельствовал клятву, которой обменялись новобрачные, хотя чуть раньше Съеф и заверил, что физически их брак будет скреплен лишь на будущий год, когда Джессами исполнится двенадцать лет, — и это было записано в брачном контракте. Он пообещал также, что наймет наставников, которые обучат его юную супругу должным образом развивать и скрывать свой магический дар. Он и впрямь казался добрым человеком...

Прикусив губу, Стевана Корвин, наследница герцогства Корвинского, взирала на отца Венцеслава, соединявшего священными узами стоящую перед ним пару, и гадала, какая судьба ждет в будущем ее саму. Она давно смирилась с тем, что ее брак также будет замешан на расчете, как ради политической выгоды, так и во благо расе

Дерини, но не знала, имеет ли смысл надеяться на то, что между ней и ее будущим мужем однажды возникнет любовь. Разумеется, матушка и дед постараются выбрать ей в супруги человека, который относился бы к Стеване с заботой и уважением; однако судьба может перемениться в любой миг, — как только что доказало исчезновение Льюиса ап Норфала...

Что же до Джессами, то печальный облик этой бледной девочки-невесты, исполнившего свой долг дочери благородного рода, останется в памяти Стеваны Корвин до ее смертного часа.

Лаура Джефферсон

Гобелен Камбера¹

1982 год

Наше последнее включение вновь принадлежит перу Лауры Джефферсон, но на сей раз с полной атрибутикой профессионального археолога. Я была в таком восторге, что не могла не поделиться с вами этим творением. В основу статьи легло описание реально существующей вышивки, созданной руками самой Лауры и описанной в надлежащих археологических терминах. Сейчас этот гобелен занимает в моем кабинете почетное место, — над готическим реликварием, который ныне вмещает в себя мою коллекцию ангелочков. Гобелен Камбера — это один из бесчисленного ряда восхитительных и щедрых подарков, которыми осыпали меня поклонники за минувшие годы. Нижеследующая статья — это великолепный пример того, как вселенная Дерини влияет на реальную жизнь многих читателей — и наоборот.

*Доклад Королевскому
археологическому обществу Гвиннеда*

Этот доклад публикуется вперед полного отчета о раскопках в Дун Кимбре, в Рельянских на-

¹ © Laura Jefferson «The Camber Embroidery»,
2002

горях. Последняя из известных нам и наименее пострадавшая от времени молельня, посвященная Камберу, сейчас находится в процессе реконструкции, осуществляемой министерством общественных работ. Руководящий раскопками археолог, Рианон Эванс, заверила нас, что уже начала описывать сделанные в Дун Кимбре находки и надеется посвятить им больше времени, после того как завершатся работы в Найфорде.

Несмотря на то, что в нашем распоряжении имеются образчики старинных гобеленов, относящихся еще ко временам Фестилов, так называемый «гобелен Камбера» является своего рода уникальным примером работы эпохи до Великих Гонений. По ряду внутренних свидетельств мы можем с уверенностью заявить, что работа над ним была начата не ранее 906 года; а наличие монет и глиняных черепков в разрушенном слое часовни позволяет датировать окончание работы над гобеленом 921 годом. Стиль вышивки идентичен иллюминации манускриптов того же периода; так что ценность его простирается далеко за пределы исключительно вышивального искусства. И еще более значимыми представляются выводы, которые можно извлечь из исследования данного полотна, касательно политических взглядов служителей Святого Камбера и их отношения к монархии Халдейнов.

Гобелен, которым мы располагаем в настоящее время, представляет собой фрагмент размерами 62 на 33 сантиметра. Вероятно, он является

лишь частью более длинной вышивки; описываемая сцена, вероятно, имеет место в середине полотна. Тем, что этот фрагмент сохранился в неприкосновенности, мы обязаны непосредственной близости серебряного алтарного блюда, обнаруженного при раскопках на краю кладбища, значительно ниже уровня обычного археологического мусора. Вполне возможно, что слухи об уничтожении ордена достигли монашеского сообщества вовремя, чтобы монахи успели спрятать хотя бы часть принадлежащих им сокровищ; однако возможно также, что один из грабителей таким образом пытался укрыть свою долю добычи от собратьев. В любом случае, ценности так никогда и не были извлечены наружу. Оба края вышивки подверглись гниению. Несмотря на бережно проведенные раскопки, сохранился лишь внутренний слой, надежно защищенный серебром.

Основа гобелена представляет собой полотно ровного плетения, высокого качества; для самой вышивки использовалась одно-, двух-, и трехпрядная шерсть, исходных восьми цветов. Можно выделить два оттенка темно-синего, со временем сгладившиеся до схожего тона, сине-зеленый, болотно-зеленый, салатный и красный, а также коричневый и золотисто-желтый цвета. Шитье отличается простотой: контурные стежки, возвратные стежки, а также заполняющая вышивка. Ни работа, ни рисунок не отличаются особой изысканностью. Вероятнее всего, что в

основу рисунка был положен набросок, сделанный одним из писцов-рисовальщиков. Вполне вероятно, что это дар, поднесенный общине кем-то из прихожан. За время своего недолгого существования, Служители святого Камбера были достаточно состоятельным орденом, и вполне можно вообразить женщину благородного происхождения, которая, вероятно, обучалась под руководством одного из монахов или же являлась к нему на исповедь, и из восхищенного почтения к святому покровителю общины сочла возможным вышить этот гобелен вместо привычных простыней или скатертей для своего сундука с приданым.

Вся поверхность гобелена четко разделяется на три области: одно основное и два узких поля (пять с половиной сантиметров), ограничивающие и вмещающие комментарий к основному полотну. Несмотря на то, что эта работа именуется «гобеленом Камбера», но она имеет скорее отношение к королю Синхилу. Если бы она была обнаружена в ином месте, мы могли бы предположить, что это образчик чисто халдейского искусства. Слева, на главном поле гобелена во всех архитектурных подробностях изображено аббатство Синхила, обозначенное как обитель святого Фоиллана. Исполнитель не сумел справиться с изображением в достаточно убедительной манере, однако растительность, виднеющаяся вдали и окружающая монастырь, придает картине свежий и отчасти мирской оттенок.

Здание отделено от соседней сцены стилизованным изображением дерева. Оно растет на холме, где Синхил и Камбер стоят в дружелюбных, располагающих позах. Эти фигуры также подписаны и отличаются друг от друга одеянием. На Камбере пышный дублет, плащ и чулки-шоссы. У Синхила заметна тонзура; на нем монашеская ряса его ордена, поразительно похожая на одеяния позднейшего ордена цистерцианцев, столь схожих с представителями общины *Verbi Dei* (см. «Сито, Клауни и Гвиннед: Святой Стивен Хардинг и его видение реформ». Д. Ноулс, Лондон, 1952).

Любой человек, внимательно изучавший культуру этого периода, не может не обратить внимание, что создатель вышивки опирался не на более исторически достоверную и полную михайлинскую версию жития Камбера, но на более популярные и освященные церковью «*Acta Sancti Camber*». Этот анонимный труд появился немедленно вслед за битвой при Йомейре. Данный рассказ одновременно проще и менее подробен, нежели отчет михайлинцев, причем постоянное, хотя и скрытное, противостояние Служителей с михайлинцами (вероятнее всего имевшее место по вине о. Джорема Мак-Рори, противившегося канонизации своего отца) дает нам дополнительную причину принять этот текст лишь в качестве легенды «*Acta*» более верноподданнически относясь к престолу и представляют Синхила горящим желанием покинуть монастырь во бла-

го Гвиннеда. Камбера извещает о местонахождении истинного короля ангел-посланец, и он немедленно, благодаря магии, переносится к Синхилу, который в одиночестве молится в саду аббатства. Носители Божественной благодати избавляют Синхила от данных им монашеских обетов, что явственно продемонстрировано на гобелене Благословляющей Дланию, простертой над головой короля. Надпись гласит (приношу свою благодарность Майклу Аквавиве за помощь в расшифровке и переводе): «И настоял [чтобы он] принял престол» (ET HORTATU [R] UT [NUM] CARIA [T])

Изображения на полях подтверждают законность королевской власти Синхила. На нижнем поле мы обнаруживаем фигуру дракона, внешне не имеющего отношения к сюжету; также изображение пастыря среди стада (явный намек на королевскую власть); а кроме того Алого Льва Гвиннеда, который угрожающе наступает на пятящегося шакала. За спиной у первого другой шакал, — вероятно, самка, — сидит, задрав морду вверх, словно воет на луну. Трудно увидеть в этих опасных и отвратительных животных нечто иное, кроме аллюзии на Имре и Эриеллу.

По верхнему полю два павлина приветствуют крест и купол аббатства святого Фоиллана. Они являют собой не только символы бессмертия, но также считаются символами королевского величия. Рядом феникс поднимается из объятых пламенем гнезда, восставая из пепла, в точности

как Халдейны после кровавой резни. Над головой Синхила фигура в библейском облачении изливает из рога благовонное масло на склоненную голову юноши, стоящего перед ней на коленях. Вероятнее всего, здесь мы видим помазание Давида пророком Самуилом: еще один пример божественного избрания человека, призванного сместить на престоле недостойного правителя. Это вызывает определенную перекрестную параллель: Самуил, божественный призванник, даровал власть человеку светскому, в то время как мирянин Камбер с тем же призывом обратился к монаху.

До сих пор комментарии на полях кажутся исполненными в чисто роялистском духе; мы вновь имеем возможность убедиться в недальновидности и ограниченности дворянского сословия, искоренившего реальную опору трона. Но этот гобелен принадлежал Камберианскому ордену, и потому нам надлежит с повышенным вниманием отнестись к утверждению, что вышивка может быть исполнена в чисто верноподданническом духе, и не таит в себе никакого двойного смысла. Последнее, сильно пострадавшее боковое поле наверху несет изображение двух ангелов. Первый из них держит корону. Вероятнее всего, здесь содержится очередная аллюзия на так называемое боговдохновенное видение Камбера. Однако в руках у другого ангела — стилизованная пальмовая ветвь.

На этом моменте взгляд ученого-историка не

может не задержаться: корона не есть символ лишь мирской власти, но также мученичества, подобно лавровой ветви. Ангел парит над головой Камбера, а не Синхила; его нимб значительно крупнее, чем у следующего за ним, и имеет четыре поперечных полосы; на крыльях ангела заметны семь тщательно разделенных линий оперения. Его одеяние зеленого цвета. Возможно ли, чтобы здесь был представлен один из ангелов Четырех Сторон Света, один из Семи, стоящих перед Господним Престолом, чьим геральдическим цветом является зеленый?

Несомненно, это сам Уриил, предвещающий гибель Камбера, который отдал жизнь за своего короля.

На холме Камбер располагается несколько выше, чем сам принц, и при последнем внимательном взгляде становится очевидной еще одна деталь. Рука, являющаяся из облака в благословляющем жесте, принадлежит человеку в таком же зеленом дублете с желтыми манжетами, как у самого Камбера. Хотя художник, несомненно, поддерживает монархию Халдейнов, мы инстинктивно ощущаем, что именно Камбер изображается здесь как человек, наиболее близкий к Богу. Возможно, феникс на гобелене все-таки служит символом возрождения не только королевского дома Халдейнов.

ОБ АВТОРАХ

Лаура Э. Джефферсон родилась в Чикаго в 1956 году. С тех пор успела переехать в Бостон, получила степень бакалавра по классическим языкам и литературе (Брандисский университет, 1977 год) и после нескольких лет серьезных исследований защитила докторскую диссертацию в Уэстонской иезуитской теологической школе в 1997 году. В перерывах между получением этих званий работала в основном за границей, в Кентерберийском археологическом сообществе (Англия), где познакомилась и много путешествовала вместе с собратом по писательскому ремеслу, которая в ту пору собирала материал для написания романа *«Ночь на праздник урожая»* (Прим. переводчика: речь идет о самой Кэтрин Куртц). Лаура была замужем, имеет двух чудных детишек и числит фэндомское сообщество, приверженцев секты Викканы, иезуитов, археологов из Нью-Гемпшира и братьев ордена святого Михаила среди тех людей, кто оказал на нее особенно сильное влияние и позволил сохранить здравый рассудок, — хотя остается сомнительным, чтобы они могли с уверенностью утверждать то же самое.

Дэниэл Кохански работал в Нью-Йорке программистом, когда они вместе с Джейм Барри Азнером написали

рассказ *«Арилан изучает Талмуд»*. Он по-прежнему зарабатывает себе на жизнь программированием, но живет теперь в Сан-Франциско с Джин, его любимой супругой, и котами Арчи, Тристаном и Сирано. Он опубликовал одну научно-популярную книгу *«Мотыльки внутри машины: сила и опасности программирования»*, а сейчас работает над другой *«Древо познания и век информатики»*, а также над романом в стиле фэнтези *«Старые грезы на продажу»*.

Джей Барри Азнер родился в Филадельфии в 1946 году. В 1976 переехал в Нью-Йорк, чтобы начать там врачебную практику, а заодно продолжить обучение вокалу, начатое им во время интернатуры (у Джея мощный тенор, особенно подходящий для героических партий, как, например, в операх Вагнера!). После двадцати пяти лет обучения и двадцати лет выступлений в небольших оперных труппах он утверждает, что теперь готов посвятить все свое время одной лишь медицине.

Джей живет в Кью-Гарденс (штат Нью-Йорк), вместе с супругой, — их брак длится уже восемнадцать лет, — и с собакой по имени Пуперс. Помимо этого рассказа, они с Дэном сотрудничали также, осуществляя перевод Вечерней Литургии, которая и по сей день используется в ряде синагог по всем Соединенным Штатам.

Шерон Хендерсон является Независимым католическим священником. Она помешана на последних достижениях науки и техники и ныне обитает в Фэйрфаксе, штат Вирджиния. Она родилась в нескольких милях к северу от Бостона, в Массачусетсе, и первую книгу о Келсоне ей случайно дала почитать подруга, которую она с тех

пор никогда не уставала благодарить, — ибо эти романы в буквальном смысле изменили всю ее жизнь. Шэрон познакомилась с Кэтрин благодаря своему рассказу «*Deo Volente*». Подобно многим другим, она с готовностью подтверждает, что ее духовная жизнь значительно расширилась и приобрела новые горизонты благодаря общению с этим ходячим светловолосым ускорителем.

Кэтрин активно подталкивала ее вернуться в университет и получить степень бакалавра исторических наук (почетную!), — которой она и добилась в университете Джорджа Мэйсона в 1992 году. Все это время она была замужем за Джеймсом (с 1978 года) и воспитывала сына Брайана (с 1982 года).

Все то время, когда она не странствует по вселенной Дерини, Шэрон исполняет роль священника в небольшой конгрегации кельтских католиков в Северной Вирджинии, а также является служителем экуменического ордена святого Михаила. Ныне ею владеют пятеро кошек и лошадь по имени Джаспер. Шэрон обожает вышивку, теологические и литургические дискуссии, литературу, а также слишком много времени проводит в Интернете. Она слишком много знает об авиации времен первой мировой войны, о Германии, об истории времен средневековья и Ренессанса, а также страдает нездоровой привычкой писать о себе в третьем лице.

Мелисса Хоул, большая любительница кошек и человек артистических устремлений, получила диплом бакалавра по музыке в Линдфильдском колледже в 1986 году, после чего получила удостоверение технического помощника библиотекаря. Последние десять лет она работала в

библиотеке города Купертино Бранч. Она является членом писательской группы, которая проводит встречи дважды в месяц, и одним из трех человек, поддерживающих веб-сайт, посвященный Дерини. Когда она не работает в сети, не пишет или не рисует картинки для веб-сайта, она любит готовить, печь хлеб и заниматься вышивкой (хотя на это в последние дни у нее почти не остается времени), а также слушает классическую музыку по радио или на компакт-дисках в течение всего дня.

Когда Энн Джонс писала рассказ *«Гадалка»*, она работала в Ливерпульском университете, где руководила приемной комиссией, и жила вместе с родителями и двадцатилетним сыном, студентом Шеффилдского университета. Почти все выходные и во время отпуска она ездит по Великобритании, посещая замки, аббатства, церкви и особняки. Интересуется церковной архитектурой и памятниками старины, в особенности саксонского и нормандского периода. Кроме того, она занималась историей своих родных краев и много путешествовала за границей.

Сейчас, после выхода на пенсию, она переехала на другой берег реки Мёрси и поселилась на полуострове Уиррол, вместе с коллекцией из семидесяти двух плюшевых мишек, многие из которых родом из-за границы. Ее сын Саймон, ставший профессиональным писателем, наконец женился и подарил Энн двух внуков: Морган, которой уже исполнилось пять лет, и двухгодовалую Рианну. По вине ревматического артрита она не может больше столько путешествовать, но по-прежнему обожает ярмарки антиквариата, ремесленные выставки и часто навещает друзей в Уэльсе. Сейчас она ждет выхода в свет своей пер-

вой книги из задуманной трилогии в жанре научной фантастики; два последующих тома уже существуют в виде черновиков.

Лор Миллер говорит о себе: «Я написал *«Любовников Сумерек»* очень давно, еще когда учился в Йельском университете. Кристиан Ричард, разумеется, очень похож на меня самого в том возрасте, — полагаю, он похож на меня и до сих пор. С той поры я успел написать еще один рассказ о Дерини: *«Время меча»*, который также был опубликован в журнале *«Архивы Дерини»*.

Я закончил Йельский университет, защитил докторскую диссертацию по истории в Луизианском университете и впоследствии преподавал в нескольких университетах на юге. Я жил в Вене, Будапеште и Венеции, преподавал военную историю офицерам армии США, как на родине, так и на Балканах. Я даже преподавал — о, да! — международные отношения и гражданские свободы турецкой полиции безопасности. В настоящий момент я готовлюсь защитить докторскую по юриспруденции (Луизианский университет дает превосходное образование в области гражданского права) и надеюсь со временем вернуться в Европу. К 2001 году я еще ни разу не был женат, но ведь в реальной жизни так непросто отыскать девушку, подобную Кариссе Толанской...»

Лесли Уильямс написала: *«Вопрос гордыни»*, в то время как готовилась получить диплом преподавателя истории искусства в Бэйлорском университете. В колледже она считала себя одной из лучших художниц, но в Бэйлоре обнаружила, что ее окружают люди по меньшей мере

столь же одаренные, а многие и куда более талантливые, чем она сама. Чтобы преуспеть в учебе, ей потребовалось научиться воспринимать отклики и критику со стороны однокашников. В процессе этого ее «эго» не раз основательно страдало, и потому вопросы искусства и гордыни начали занимать ее всерьез.

Являясь в настоящее время библиотекарем в небольшом колледже, Лесли, по требованию студентов, вынуждена выступать в самых разных ролях, — она собирает материалы, пишет, выполняет функции издателя, рисует, работает костюмером, создателем спецэффектов, музыкальным редактором, а также пишет отзывы... Это может засвидетельствовать любой из преподавателей. Самая большая радость для нее, это когда на помощь приходит кто-то из одаренных студентов.

(Я могу добавить к этому, что другой библиотекарь, Мелисса, помогла мне отыскать Лесли, когда составлялась настоящая антология. Никогда не вздумайте недооценивать силу библиотечарей! Если бы не существовало столь преданных делу людей, наша жизнь сегодня могла быть совсем иной...)

Кэтрин Куртц родилась в городке Корал Гейблс (штат Флорида) 18 октября 1944 года, в самый разгар урагана. Ее мать работала секретарем при университетской администрации, а также преподавала английский иностранцам в Корпусе Мира в Венесуэле. Ее отец был специалистом по радарам на предприятии «Бендикс Авионикс». Сейчас они оба вышли на пенсию.

Семейное предание гласит, что когда ей исполнилось два года, Кэтрин без единой ошибки прочитала для своих

дедушки с бабушкой стихотворение «Сиротка Энни». По ее собственному утверждению, она не может вспомнить того времени, когда бы не умела читать.

Разумеется, учеба в начальной школе давалась ей слишком легко, и как только она получила на это разрешение, то записалась в школьную и местную публичную библиотеку, чтобы брать там книги для старшего возраста.

В пятнадцать лет, обучаясь в колледже Корал Гейблс, Кэтрин вышла в полуфинал юношеского конкурса штата по поиску молодых талантов в области науки. Это достижение помогло ей заслужить стипендию на все четыре года обучения в университете Майами, который она успешно закончила со степенью бакалавра по химии. Интерес к науке заставил ее продолжить обучение медицине, однако через год она решила, что не создана для карьеры медика (возможно, не последнюю роль здесь сыграло отвращение к виду крови), и решила зарабатывать себе на жизнь писательским трудом.

Из Флориды она переехала в Южную Калифорнию, чтобы вести изыскания в области английской истории, — эти занятия очень пригодились Кэтрин впоследствии, когда пришло время писать книги о Дерини.

Именно в этот период она вступила в «Общество творческого анахронизма», — группу, занимавшуюся воспроизведением средневековых исторических реалий. Некоторое время при этом обществе она даже занимала трон Королевы Запада, а ныне сохранила за собой титул графини Бевинской и геральдический знак: три золотых цветка на зеленом поле, увенчанном цветущей розой. Несмотря на то, что сейчас Кэтрин больше не принимает активного участия в деятельности общества, но, несомнен-

но, почерпнула там для себя немало полезного, на что указывает посвящение к роману *«Камбер Кулдский»*.

Незадолго до того, как ей исполнилось двадцать лет, Кэтрин приснился «удивительно яркий и запоминающийся сон», — это было то самое семя, из которого впоследствии произросли ее поразительные романы о Дерини. Несмотря на то, что первый роман (*«Возрождение Дерини»*), значительно отличался от этого сна, содержание которого подробно изложено в *«Архивах Дерини»* (во сне именно королева Джехана должна обрести магическую силу, а Келсон был всего лишь грудным младенцем), — роман имел огромный успех и вышел в издательстве «Баллантайн», где его приняли к публикации с первой же подачи. Поначалу Кэтрин сама признает, что на ее творчество очень сильное влияние оказал роман Дж. Р. Толкина *«Властелин Колец»*, но вскоре она определила свой собственный стиль и отошла от чужого воздействия, базируясь на поджанре исторической фэнтези, где «действие происходит в мире, близком к реальному земному средневековью, а используемая магия скорее напоминает экстрасенсорные способности».

Все до единого романы, написанные Кэтрин Куртц, продолжают переиздаваться к вящей радости ее поклонников.

В 1969 году она заняла пост административного помощника в департаменте полиции Лос-Анджелеса, а затем была переведена в полицейскую академию Лос-Анджелеса, где проработала в качестве старшего инструктора еще одиннадцать лет. Именно в этот период и был написан роман *«Возрождение Дерини»*.

9 апреля 1983 года она вышла замуж за Скотта Макмиллана, издателя и продюсера, и стала мачехой его сына

Кэмерона. Вместе с Макмилланом они написали один роман и несколько рассказов, доказав тем самым, что двое писателей вполне способны сосуществовать в одном доме и при этом обойтись без смертоубийства. Ко времени выхода в свет романа *«Милость Келсона»* в 1986 году супруги приняли решение продать свой дом в Солнечной Долине (Калифорния) и переехать в замок Холлибрук-холл в Ирландии. Для этого решения был целый ряд причин, — в том числе и забота об образовании Кэмерона. Но, разумеется, мы все можем понять, что на самом деле писателю в жанре средневековой фэнтези просто невозможно жить нигде, кроме как в настоящем замке!

В 1991 году была опубликована ее первая книга, написанная вместе с Деборой Тернер Харрис из серии *«Адепт»*. Несомненно, одиннадцать лет работы в лос-анджелесской полиции очень помогли Кэтрин Куртц написать этот удивительный роман, повествующий о приключениях детектива, наделенного некими необычными способностями.

В 1998 году, сотрудничая с Робертом Реджинальдом, она опубликовала *«Codex Derynianus»*, — произведение, в котором во всех деталях расписана история Одиннадцати Королевств. Это подписное нумерованное издание в твердой обложке вышло всего лишь в количестве пятисот экземпляров, которые были немедленно раскуплены поклонниками творчества Кэтрин Куртц. Писательница обещает, что рано или поздно *«Кодекс»* будет издан в мягкой обложке куда большим тиражом и будет включать в себя также информацию из последнего опубликованного романа серии Дерини — *«Невеста Дерини»*.

Кэтрин Куртц планирует написать еще по меньшей

мере две трилогии, которые будут посвящены двум столетиям, прошедшим со времен наследников святого Камбера и до событий, описываемых в романах о короле Келсоне.

Помимо романов о Дерини, Кэтрин использует свое образование историка для развития жанра, именуемого «криптоисторией», где официальное изложение различных событий прошлого, таких, как, например, американская война за независимость или гибель рыцарей-тамплиеров получает иное обоснование, отличное от общепризнанного.

Помимо написания романов, Кэтрин занимается также изданием журнала *«Архивы Дерини»*, где публикуются рассказы, статьи и произведения художников, созданные поклонниками ее творчества.

В настоящее время членами своей семьи, помимо мужа и любимого пасынка, Кэтрин считает еще двух кошек, собаку и двух призраков, обитающих в замке Холлибрукхолл.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РОМАНОВ О ДЕРИНИ

«Возрождение Дерини»

Славный король Брион Халдейн мертв. Его сын и единственный наследник Келсон еще не достиг четырнадцати лет, — возраста, который считается в Гвиннеде совершеннолетием. Брион оставил своему сыну в наследство магический дар, необходимый принцу для того, чтобы защитить свой престол от колдуньи Кариссы, которая заявляет, будто имеет право на гвиннедскую корону. Поскольку к магии одинаково отрицательно относятся как Церковь, так и обычные люди, Келсону предстоит пройти немало испытаний, чтобы избежать обвинений в колдовстве, сохранить свой трон и остаться в живых. Он не справился бы с этой задачей без помощи своих доверенных советников: Моргана и Дункана.

«Игра Дерини»

Весной после коронации Келсона Гвиннед стоит на пороге войны с Торентом и его королем Венцитом. В свою очередь гвиннедской Церкви угрожает внутренний раскол по поводу интердикта, который непримиримые прелаты намерены наложить на Корвин, герцогство Аларика Моргана. Кроме того, в стране зреет восстание, и главарь мятежников призывает к гражданской войне. Келсон, которому угрожает опасность сразу с трех фронтов,

находит возможность ненадолго укрыться от забот во время приготовлений свадьбы сестры Моргана со старшим братом Дункана, — но спокойствие не может продлиться вечно.

«Властитель Дерини»

Борьба в Гвиннеде продолжается разом на двух фронтах: внутри страны идет гражданская война, где против короля выступает Варин де Грей и консервативно настроенный архиепископ Лорис; а извне против юного короля движет свои силы Венцит Торентский и один из гвиннедских графов-предателей. Интриги внутри интриг, политические заговоры и зарождающееся любовное чувство в душе Моргана создают напряженный сюжет, где ни одно событие не является предопределенным заранее, и судьба всех персонажей может повернуться в самом неожиданном направлении.

«Сын епископа»

Соедините воедино пленного архиепископа, грезящего об отмщении, юного короля, пытающегося укрепить свою власть, принцессу-самозванку, которая жаждет отвоевать престол своих далеких предков, — и вы получите основу для удивительной истории. Смерть епископа Карстена Меарского дает возможность Меарской принцессе Кэйтрин предложить на этот пост своего племянника Джедаила. Однако на Меарский епископский престол восходит совсем другой человек, и это создает новые трудности для семнадцатилетнего короля Келсона: меарская самозванка вызволяет из темницы бывшего архиепископа

Лориса и готовит новую гражданскую войну в Гвиннеде, чтобы вернуть независимость, утраченную меарцами несколько поколений назад.

«Милость Келсона»

В Гвиннеде опять полыхает война. Меарская самозванка вместе с бывшим архиепископом Лорисом, со своим сыном и супругом дает сражение войску Гвиннеда, и в этой интриге пытаются принять участие самые разные игроки, включая Торент, чьи правители намерены воспользоваться сумятицей, царящей в Гвиннеде к собственной выгоде. Они затевают новое нападение, но на сей раз интрига закручена куда опаснее, чем три года назад.

«Тень Камбера»

Война закончена, и вновь наступает время перемирия. Постепенно привычная жизнь восстанавливается, а тем временем Келсон, его побратим Дугал и кузен короля Конал достигают возраста посвящения в рыцари. Однако поход в поисках следов святого Камбера заканчивается катастрофой, во время бури, разразившейся в горах, и в королевстве объявляют траур по Келсону, которого ошибочно считают погибшим. Тем временем кузен Келсона Конал, старший сын принца Нигеля, стремится воспользоваться своим положением и новыми преимуществами, которые открываются перед ним, и захватить не только трон, но и невесту своего родича.

«Камбер Кулдский»

В начале трилогии о Камбере мы перемещаемся на два столетия в прошлое и наконец встречаемся лицом к лицу с Камбером Мак-Рори, его детьми, а также с принцем Синхилом Халдейном, который занимает престол после окончания Междоусобия Фестилов. Синхил, скрывавшийся в монастыре в течение двадцати лет, является единственным уцелевшим наследником прежней династии, погибшей в результате переворота, устроенного Фестилами девяносто лет назад. Именно Джорему Мак-Рори, сыну Камбера, и его другу Райсу Турину, умирающий дед нынешнего наследника поручает вернуть того на престол, свергнув нынешнего короля из рода Фестилов, Имре. Разумеется, столь сложную задачу невозможно осуществить в одиночку, и кроме того, Камбера на этом пути подстерегают неожиданные опасности...

«Святой Камбер»

Проходит год после того, как Синхил нанес окончательное поражение Имре и был коронован. Сейчас сыновьям-близнецам Синхила несколько месяцев от роду, а стране грозит нашествие из Торента, который оказал поддержку изгнанным Фестилам (их возглавляет Эриелла, сестра Имре и мать его незаконнорожденного сына Марка). Именно этой войне за гвиннедский престол и посвящена первая часть книги, но затем сюжет, после множества прихотливых и неожиданных поворотов, приводит нас к непосредственным последствиям этой войны, — включая канонизацию Камбера Кулдского.

«Камбер еретик»

В заключительной книге трилогии о Камбере мы встречаемся с Синхилом тринадцать лет спустя после его коронования. Король умирает от болезни, весьма напоминающей туберкулез. Однако перед кончиной он должен передать сыновьям Наследие Халдейнов, — то есть способность к овладению магической силой, весьма напоминающей колдовской дар Дерини, — ибо в противном случае его потомки окажутся совершенно беззащитны перед лицом внешней угрозы. Однако заговор продажных регентов усугубляет и без того непростое положение в стране. Гонения на Дерини усиливаются, и в Гвиннеде наступают мрачные времена.

«Скорбь Гвиннеда»

Действие первой книги трилогии *«Наследники святого Камбера»* начинается спустя несколько месяцев после окончания романа *«Камбер еретик»* и показывает нам еще более мрачную картину политической и религиозной ситуации внутри Гвиннеда. Вся власть в стране отныне принадлежит коррумпированным себялюбивым регентам, действующим лишь ради собственного блага и не остававшимся ни перед чем, — они даже пичкают наркотиками и угрожают жизни тринадцатилетнего короля Алроя, несовершеннолетнего монарха. Джаван, брат-близнец Алроя, постепенно становится все более важным действующим лицом в этом романе. Кроме того, именно здесь появляется на свет орден *Ordo Custodem Fidei*, орден Защитников Веры, призванный выискывать и уничтожать Дерини.

«Год короля»

Король Алрой умирает и призывает Джавана из монастыря, где тот укрылся, в точности, как его отец двадцать лет назад. Несмотря на то, что регенты намеревались передать власть через голову Джавана его младшему брату Райсу-Майклу (куда более подверженному их влиянию, нежели сообразительный и своевольный Джаван), ему все же удастся захватить и удержать власть, хотя и заплатив за это ужасную цену. Марк Фестил, которому исполнилось семнадцать лет, появляется на коронации Джавана. Как всегда, действие романа густо замешано на политических интригах, и Джавана вместе с его союзниками ждут очень нелегкие дни.

«Наследие Дерини»

Райс-Майкл, шесть лет назад взойшедший на престол, является королем лишь номинально, — он сам, его супруга, четырехлетний сын Оуэн и еще нерожденный второй младенец являются лишь заложниками алчных властолюбцев-регентов. Но он полон решимости избавить своего сына и наследника от позорной зависимости и благодаря помощи неожиданных союзников, собственной ловкости и хитроумию, а также невероятно удачному стечению обстоятельств предпринимает попытку скинуть иго регентов и добиться свободы для себя и для своих близких. Конфронтация с Торентом и ввод новых персонажей в Истмарке и Келдоре предоставляют необходимые условия для продвижения сюжета.

«Невеста Дерини»

Новый роман Кэтрин Куртц возвращает нас ко временам короля Келсона, для которого назревает настоятельная необходимость подыскать себе супругу, поскольку совершеннолетия достигает будущий король Торента — возможный соперник и противник Гвиннедского короля. Вместе с ним и со своей свитой Келсон отправляется на коронационные торжества в Белдор. Но в столице Торента многие недовольны не только приездом чужеземного владыки, но и возвращением собственного законного правителя...

«Магия Дерини»

Эта книга являет собой не столько роман, сколько «гримуар», — учебник магии. Кэтрин Куртц в мельчайших подробностях посвящает нас в ритуальную и неритуальную магию Дерини, а также подробно рассказывает об обучении Целителей, от лица монаха Килиана (Целителя, жившего во времена Камбера), и кроме того приводит цитаты из своих романов, которые поясняют особенно сложные места. Прекрасно написанная книга, дающая ответ на множество вопросов, рождающихся после прочтения романов.

«Архивы Дерини»

Этот сборник является одним из двух появившихся на свет к сегодняшнему дню сборников рассказов, посвященных вселенной Дерини. Главным персонажем каждого из них является один из героев романов, предстающий

перед нами порой в совершенно неожиданном свете. Мы узнаем много нового о вселенной, созданной Кэтрин Куртц. Кроме того, в этих рассказах подробно исследуются боковые линии, лишь мельком упомянутые в основных трилогиях. Также в книге помещен изначальный набросок первого романа о Дерини, его продолжение в повести *«Владыки Сорандора»*, — интересной не столько как самостоятельное произведение, сколько с точки зрения развития авторского замысла. Помимо этого, в книге имеется несколько приложений и точная хронология событий, происходящих в романах о Дерини.

Мир Дерини в вопросах и ответах

В какой последовательности следует читать романы о Дерини?

Возможно, знакомиться с романами следует в их хронологической последовательности, однако сама Кэтрин Куртц рекомендует читать их так, как эти тома выходили в свет. Это означает, что начинать следует с *«Хроник Дерини»*, затем переходить к серии о Камбере и вновь возвращаться к последней трилогии о короле Келсоне и роману *«Невеста Дерини»*. *«Архивы Дерини»*, *«Магию Дерини»* и *«Codex Derinianus»* следует читать в последнюю очередь, чтобы вполне понять смысл этих книг.

Какие последние произведения вышли из-под пера Кэтрин Куртц?

«Огненный крестовый поход» (декабрь 2002) — мистические повести о рыцарях храма. Новый сборник рассказов о рыцарях-тамплиерах.

«Легенды Дерини» (май 2002 года) — сборник рассказов разных авторов, посвященных вселенной Дерини, изданной Кэтрин Куртц, куда вошел один прежде неопубликованный рассказ, принадлежащий ее перу.

«Горгулья Святого Патрика» (январь 2002 года) — мистический роман о современной Ирландии.

«Невеста Дерини» (июнь 2001 года) — последний из крупных романов о Дерини, написанный Кэтрин Куртц к сегодняшнему дню. Повествует о поисках достойной супруги для короля Келсона.

Каковы ближайшие творческие планы Кэтрин Куртц?

В настоящее время Кэтрин Куртц работает над первой книгой из трилогии о предках Моргана. Роман *«На службе королю»* будет описывать взаимоотношения между Халдейнами и Корвинами, в особенности между леди Элис Корвин и дедом Келсона, королем Доналом Блейном Халдейном. Мы также узнаем куда больше о действиях Камберианского совета и наконец сможем понять, каким образом эта группа достойнейших избранников времен святого Камбера превратилась в эгоистичных интриганов времен правления Келсона. Вторая книга трилогии будет посвящена юности Моргана, а третья подведет нас вплотную к началу *«Возрождения Дерини»*. Еще одним из важных действующих лиц трилогии станет Арилан. Роман *«На службе королю»* должен увидеть свет в 2003 году.

Что представляют из себя Одиннадцать Королевств?

Как указано в одном из лэ лорда Левеллина, трубадура короля Мурина, в старину имена Одиннадцати Королевств звучали следующим образом:

Ховис, Лланнед и гордый Коннаит,
Горная Меара, что лежит за рекой,
Келдор, пронизанный ветрами,
мирный Истмарк, Толан, Торент, туманный Мурин...
И ныне утраченный Кэйрис, который поглотило море.

При этом следует заметить, что герцогство Халдейн ныне является частью королевства Гвиннед, однако некоторые сведения, содержащиеся в романах, позволяют нам предположить, что Халдейн существовал еще до возникновения Гвиннеда и позднее вошел в его состав.

Мурин ныне распался на герцогства Корвин и Картмур. Меара превратилась в Кассан, Кирни и собственно Меару. Келдор разделился на герцогство Клейборн и графство Рендал. Однако, и Рендал, и графство Кирни, тесно связанные с Кассаном, являются вассальными землями герцога Клейборнского. Кроме того, в процессе этого раздела выделились земли, именующиеся Келдиш Райдинг, ныне ставшие владениями Короны. Что касается Истмарка, то от него отделилось графство Марли.

Какова структура церковной иерархии Гвиннеда?

Ее основу составляют архиепископы Валорета и Ремута (из которых первый занимает главенствующее положение и величается как примас Всего Гвиннеда, первый среди равных). Затем следуют титулованные епископы (от четырех до десяти человек), которые управляют закрепленными за ними территориями, прилегающими к их кафедральным соборам. Помогают им в этом каноники собрания каждого собора. До десяти странствующих епископов без закрепленных епархий странствуют в пределах назначенных им областей и исполняют скорее пасторские, чем административные обязанности. Надзор над приходскими священниками попадает под юрисдикцию епископа, ответственного за данную епархию.

Кроме того, существует множество религиозных Орденов, члены которых всячески содействуют епископскому клиру. Некоторые из них управляют школами, приютами, семинариями, другие исполняют более прозаические обязанности в скрипториях (мастерских, где переписываются книги), архивах и монастырских фермах. Некоторые же из Орденов созданы для того, чтобы удовлетворять нужды Дерини. Так, Орден святого Гавриила был первоначально создан для обучения Целителей, а Орден святого Михаила воспитывал воинов, образование которых носило отчетливый отпечаток влияния Дерини, и хотя некоторые из михайлинцев были простыми людьми, они многое извлекли из беспрекословной дисциплины и упорных занятий.

Бок о бок с Орденами Дерини в Гвиннеде существуют и Ордена, членами которых могли стать лишь простые люди. Один из них был создан специально для того, чтобы бороться с Дерини.

Основанный в первые годы царствования короля Алроя, чтобы заменить Орден михайлинцев, он назывался Орденом Custodes Fidei и располагал своим военным подразделением Рыцарей. Для нового режима они стали официальными инквизиторами и разработали множество хитроумных способов борьбы с Дерини.

Официальная церковь и магия Дерини были тесно переплетены друг с другом. В пределах Одиннадцати Королевств отношения между ними колебались от некоторой натянутости до открытой враждебности, хотя сами Дерини не видели про-

тиворечия между исполнением христианских обрядов и использованием магических сил до тех пор, пока не нарушаются законы этики. В действительности в контексте эзотерического христианства, по большей мере скрытого от маленького человека, чья вера зиждется на периодическом исполнении обязанностей присутствовать на публичных богослужениях, существует иная практика и техника медитации, способствующая более тесному контакту между индивидуумом и Созидающей Силой. Практика же Дерини, некоторые элементы которой используют также и простые люди, позволяет человеку, истово верующему, установить более тесную двустороннюю связь с Божеством и достичь священного экстаза, описываемого всеми мистиками всех веков.

Это более тесное единение с Божеством (или предполагаемое более тесное единение) и стало объектом зависти среди простого духовенства, которое возмущалось тем, что Дерини, очевидно, обладают непосредственной связью с Господом. По сути, связь не столь непосредственна, сколь более очевидна на уровне сознания для того, кто связан с Богом таким же образом. Невежды же, к какой бы расе они ни принадлежали, стараются не обращать внимания на то, что истинно близкие Божеству люди ли, Дерини ли прежде всего души возвышенные и не склонные похваляться этим.

Однако фактом остается то, что многие из людей чувствовали себя обделенными оттого, что они не в состоянии (или полагают, что не в состоянии) действовать так же и, следовательно, не могут установить связь с Богом. Не нужно много ума, чтобы заключить, что Дерини, а не человеческие недостатки, ответственны за отрицание людьми этого проблеска Божественности.

Дерини-Целители, по-видимому, единственные из клана, кто не вызывал такого неприятия большинством, так как и для людей, и для Дерини способность исцелять была даром Божиим, а профессия Целителя считалась святым призванием.

К Целителям предъявлялось намного больше требований, чем к обычным врачам, и были они не менее строгими, чем нравственные принципы, придерживаться которых предписывалось священнослужителям. К сожалению, Целители были редкостью даже среди Дерини.

Добавим ко всему, что многие из чудес, о которых расска-

зывается в священном писании, Дерини способны были повторить, особенно те, что касались исцеления. По сути, лечение посредством наложения рук по своему эффекту не отличалось от описанного в Библии, по крайней мере, внешне. (Как мы впоследствии убедимся, исследовав этот дар более тщательно, в этом методе помимо наложения рук использовано нечто еще. К сожалению, никому из нас не дано проникнуть в истинный механизм исцелений, описанных в Библии.) Отсюда делаем вывод: если дар исцелять — от Бога, значит, Целители, по крайней мере, не могут быть причастны к тому злу, что приносят Дерини. А если это принять как данное, то вероятно, что другие Дерини тоже не хотят никому зла.

Способность Дерини испускать ауру света вокруг головы в контексте Библии также имеет большое значение, так как ореол более не является признаком святого или ангела. А как насчет способностей Дерини заклинать огонь, вызывать дождь или молнию или при необходимости менять внешность? Кто-то может сказать, что это признаки ангельской природы. Но, с другой стороны, разве дьявол не падший ангел, обладающий теми же способностями, что и его небесные собратья, и разве может кто-нибудь сравниться с ним в мастерстве принимать иные обличья? А если Дерини служат ему?

Люди трезвомыслящие способны держать в узде свои сомнения и опасения, когда общество находится в состоянии равновесия и когда те, кто обладает сверхъестественной силой, не используют свои способности во вред простым смертным. Но когда эти силы выходят из-под контроля и те, кто одарен огромными способностями и возможностями, злоупотребляют ими, негодование, злоба и нетерпение открывают путь страху, огульному обвинению всех, кто имеет такие способности (используют они или не используют свой дар корысти ради), и оправданию всех преследований.

Трагической иллюстрацией этому печальному свидетельству человеческой близорукости служат события, происшедшие в первые месяцы после кончины короля Синхила, когда те, кто долгое время находился под гнетом прежних диктаторов Дерини, вновь обрел свободу и право отрицать. Оттого что религиозное рвение — одно из сильнейших орудий, доступных обществу, церковь становится одной из первых, кто оправдывает новую мораль, «восстанавливая равновесие» в пользу угнетаемого населения, верша правосудие над теми, кто вызвал ее неудовольствие.

Одним из наиболее действенных способов ограничить влияние Дерини было не допускать их в церковную иерархию, держать подалеже от церковной кафедры. Таким образом, в 918 году декретом Совета Рамоса было запрещено Дерини испрашивать рукоположения под угрозой отлучения и смерти, так как их считали, мягко выражаясь, порождением дьявола. Под покровительством людей, подобных архиепископу Хьюберту и Полину Рамосскому, церковь быстро изобрела тайные способы, помогавшие привести в исполнение эти запреты, касающиеся Дерини. Они будут оставаться тайными для Дерини на протяжении почти двухсот лет, до тех пор, пока юный Денис Арилан не осмелится бросить вызов епископскому запрету и не узнает о том, как он был принят («Архивы Дерини»). Трудно вообразить набожность Дерини, жаждущих лишь служения Господу в качестве его священнослужителей, которые вынуждены были отдать жизни, считая, что Бог оставил их для того, чтобы они умерли за свои убеждения, хотя на самом деле были лишь невольными жертвами, принесенными на алтарь человеческого страха и мщения.

Основные епархии Гвиннеда:

Валорет — северо-восточная часть Халдейна, исключая Дхассу; область к северу от реки св. Джарлата.

Ремут — юго-западная часть Халдейна, ограниченная основными реками.

Дхасса — вольный святой город в Лендорских горах, к востоку от Дженнанской долины и к северу от Кингслейка.

Корот — Картмур и герцогство Корвин, к северу от Дженнанской долины.

Кербери — область вокруг одноименного города; объединена с Грекотой и прекратила самостоятельное существование в 1122 году.

Кулди — юго-западная часть Гвиннедской равнины, с юга граничит с Ремутом и Куилтейном.

Марбери — графство Марли.

Стэвенхем — области Клейборн, Келдиш Райдинг и озеро Рендалл.

Меара — область Старой Меары, включающая в себя Меару и Кирни.

Кешиен — северная область Лланнеда вдоль реки, на севере ограничена Ремутом и Куилтейном, а на западе — горами.

Кардоса — Йстмарк к югу от Кингслейка.

Баллимар — Кассан.

Что известно о предыстории Дерини?

В доисторические времена народы, населяющие будущие Одиннадцать Королевств, жили в основном охотой и собирательством, но уже тогда некоторые из них рождались с паранормальными способностями. Обычные люди испытывали перед ними страх, и чаще всего изгоняли за пределы своего племени. Многие такие изгои погибали, но уцелевшие объединялись между собой, образуя целые племена изгнанников, которым нигде не находилось места. Где бы они ни пытались осесть, рано или поздно их изгоняли с этого места и вынуждали двигаться дальше. Не всегда виной тому были нападения соседних племен; порой играли свою роль и климатические условия. На древнем языке «Дери» означало «место» или «дом». Таким образом, «Дерини» можно перевести как «бездомные».

Несколько поколений спустя они обосновались в области Келдиш Райдинг. Климатические условия были суровыми, но все же допускали выживание племени. Однако, преследования соседних племен становились все более настойчивыми. Наконец, оттесненные к северу Келдора Дерини вынуждены были построить плоты и отплыть в неизвестность.

К западу они наткнулись на цепь островов вулканического происхождения, плавно изгибающуюся на юго-юго-запад. Двигаясь вдоль архипелага, народ беглецов обнаружил, наконец, большой остров, имевший форму полумесяца. Эта плодородная земля с мягким климатом была наречена ими «Кэйрисом», от древнего слова, означавшая «ласковый»... Ибо именно здесь они, наконец, обрели дом и защиту от преследователей.

Широкая бухта, выходявшая на юго-восток, с северо-востока и запада лежала под охраной двух рукавов острова. Скалы вставали преградой на пути северного ветра и, таким образом, на южных склонах почва была подходящей для возделывания виноградников. Источник, бывший в Северных холмах,

превращался ниже по течению в реку, струившуюся в долину. Разбиваясь широкой сетью притоков и каналов, в долине река обеспечивала плодородность почвы и подходящие условия для выращивания культурных растений.

В горах нашлись пещеры, изначально предоставившие кров беглецам, и заставившие их развивать свои строительные навыки. Необходимость защищать плоть от воздействия холода и отсутствие крупных животных, чьими шкурами можно было бы воспользоваться, привели к развитию ткачества. Когда же жизнь на острове достаточно наладилась, то у переселенцев стало оставаться больше свободного времени для занятия всевозможными искусствами.

Малые вулканические острова архипелага, связывавшие Кэйрис с «большой землей» после землетрясений и наводнений порой целиком уходили под воду, и тогда остров оказывался совершенно отрезанным от остальных Одиннадцати Королевств.

Изоляция привела к инбридингу и усилила паранормальные способности беглецов. В течение многих лет они развивали свои таланты и создавали ритуалы, чтобы контролировать и направлять магический дар. Эти обряды вобрали в свою основу древних богов и природные силы, а также стихии воздуха, воды, огня и земли. Кроме того, обитатели Кэйриса основали учебные заведения для воспитания детей и развития магии.

В высших коллегиях помимо основ изучались также три эзотерических элемента: Добро, Зло и Равновесие. Вместе с четырьмя природными стихиями эти семь элементов составляли основу всей премудрости Дерини.

Однако обитатели Кэйриса не все свое время посвящали занятиям магией: они сделали также искусными мореплавателями, однако почти никогда не появлялись на материке, чтобы скрыть от людей, преследовавших их предков, местонахождение острова. Они поддерживали взаимоотношения с людьми лишь на уровне, достаточном для знакомства с последними достижениями ученой мысли. Кроме того, время от времени — лишь очень изредка — на острове появлялись новые люди. Подобные пришельцы были большой редкостью. Можно сказать, что на острове создавалась совершенно новая раса.

В течение тысячи лет они жили в мирном уединении. Разумеется, в Кэйрисе случались и свои проблемы, ибо в каждом

поколении появлялись люди, готовые употребить во зло свои способности и желавшие захватить власть над другими; каждое поколение по-своему решало эти проблемы, и жизнь продолжалась.

Но Кэйрис был обречен изначально. Огромная бухта на самом деле являлась жерлом подводного вулкана. Это был самый крупный из вулканов, окружавших Одиннадцать Королевств с северо-востока, — эта цепь заканчивалась глубоко на океанской платформе. Лишь местами их вершины поднимались над волнами, и только остров Кэйрис оказался способен вместить целую страну, — однако, именно здесь земная кора оказалась самой тонкой. Несчастье неминуемо должно было произойти. В ту эпоху мир был еще юным, и процессы внутри земного ядра протекали куда более активно. Вулканическая активность внутри цепи распространяла отголоски по всем тектоническим платформам. Порой череда землетрясений поднимала остров из океанских глубин. Но едва лишь там селились люди, как спустя пару поколений следовало новое сотрясение, и земля погружалась в морскую глубь. Обитатели Кэйриса научились читать знаки грядущей опасности, и поселенцы успевали возвратиться на главный остров при первых же знаках опасности.

Возможно, им следовало бы проявить большую осторожность, когда после ряда землетрясений под воду ушли скалы, защищавшие вход в большую бухту острова. Но Кэйрис они всегда считали непоколебимой твердыней. Люди не могли вообразить, что он так же уязвим, как и прочие острова.

Новое предупреждение пришло, когда после жесточайшего землетрясения от метрополии оказалось отрезана северо-восточная часть острова. Многие бури тогда впервые сумели пробить себе дорогу в бухту, и Кэйрис познал неведомые прежде холода. Но постепенно злосчастья прекратились, и жизнь вернулась в равновесие.

Однако в далеких глубинах острова продолжались бурные процессы. Недра Кэйриса оказались пронизаны туннелями, проводящими лаву. В северной и северо-западной части острова происходили обвалы и на вновь образовавшихся горных склонах и в ущельях строили гнезда морские птицы и чайки.

Эти подземные туннели до сих пор не соприкасались с морской водой. Но постепенно подводные течения и бури провели свою сокрушающую работу, подтачивая базальтовое

основание острова. Стены древних лавовых туннелей подверглись эрозии и, наконец, начали обрушаться. Эти крохотные землетрясения показались обитателям Кэйриса совершенно незначительными, и на них никто не обратил внимания. На самом Кэйрисе было время спокойствия, которое можно смело именовать «золотым веком». Однако море продолжало подтачивать самое сердце острова.

Эрозии подвергалась соединительная ткань, удерживавшая архипелаг единым. Море постепенно заполняло образовавшиеся проемы. Течения и бури усиливались. Подобно вору, который готовится к крупному ограблению, мать-природа медленно, но незаметно готовила себе подступы, — а затем нанесла решительный удар.

Основание острова было подточено до такой степени, что вскоре не выдержало собственного веса. Произошел разлом, и Кэйрис начала тонуть. Спустя несколько дней лишь верхушки гор виднелись над водой, да и там почва стремительно сползала, обнажая голые камни, превратившиеся в суровые неприступные обрывы.

Из четырех основных коллегий Дерини уцелело лишь посвященная стихии Воздуха — «эйр-сид», три прочие были затоплены и обрушились, погребя под останками почти всех учеников и наставников. Лишь немногим удалось спастись и достигнуть безопасных склонов северных гор. Моряки отчаянно пытались спасти всех, кого возможно. Каждый день землетрясения заставляли содрогаться останки острова. Бушевавший шторм и подводные скалы преграждали кораблям подступы к Кэйрису. Немногим выжившим, брошенным на произвол судьбы, приходилось спасаться самим и пытаться достичь кораблей впасть.

Они бросили вызов беспощадному морю. В крохотных утлых лодчонках, предназначенных лишь для плавания в спокойных волнах, на плотках или просто впадь бросались люди в ледяную воду. По счастью, кораблям удалось спасти многих из них и перевезти на материк. Флот Кэйриса курсировал между островом и Большой Землей до тех пор, пока оставалась хоть какая-то надежда отыскать уцелевших.

Несколько недель спустя все было кончено. От Кэйриса остались лишь крохотные островки суши, разбросанные вдоль юго-западного побережья Одиннадцати Королевств. Уцелевшие Дерини рассеялись по материку, стараясь не привлекать к

себе внимания местных жителей и попытались по-новому обустроить свое существование.

Они узнали новые религии и включили их в свои ритуалы. Кроме того, они разработали и научились создавать Переносящие Порталы. Всякий раз, когда это возможно, Дерини старались вступать в брак лишь между собой, но в остальном жили жизнью обычных людей. Умело используя свои способности, они достигли определенных высот и власти, как в светском, так и в церковном мире. Были воссозданы обучающие коллегии, религиозные ордена, — и постепенно Дерини стали пользоваться своими способностями в открытую. В особенности это относилось к Целительству.

Каковы генетические основы наследования дара Дерини?

В конце романа *«Возрождение Дерини»* имеются рассуждения на тему о том, каким образом наследуются особые дарования Дерини. Здесь содержатся несомненные противоречия с утверждениями, которые мы можем найти в книгах, написанных позднее. К примеру, мы наблюдаем несомненную разницу в магической мощи между «чистыми» Дерини и теми, у кого «разбавленная кровь», то есть в роду были обычные люди. У таких Дерини магия ослабевает с каждым поколением. Если бы за магические способности отвечал один-единственный ген, то подобное было бы невозможно: потомок получал бы те же самые способности, что у родителей либо не получал ничего вообще: мать Дугала Мак-Ардри, обычный человек, однако ее сын оказался Дерини. Если верить рассуждениям, приведенным самой Кэтрин Куртц, такое было бы невозможным. Разумеется, Мариса Мак-Ардри вполне могла бы оказаться Дерини, однако об этом нигде не говорится напрямую. В других семействах встречаются те же самые проблемы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что по мере того, как автор все глубже прорабатывала основы созданного ею мира, она начала находить неудовлетворительной теорию единого гена. Логично будет предположить, что за наследование свойств Дерини отвечает целая группа генов или же здесь наличествует еще более сложная ситуация.

Вместе с тем сама Кэтрин Куртц неоднократно указывала на то, что теория, выдвинутая в романе *«Возрождение Дерини»*, именно теорией и является, и должна быть рассмотрена

именно как таковая. Это нельзя считать окончательным ответом на все вопросы и принимать за истину в последней инстанции.

Мы можем рассматривать свойства Дерини как целый набор генетических ключей, раскрывающих различные способности в индивидах. Некоторые черты являются доминантными, другие — рецессивными. Ряд способностей могут зависеть также от наличия целого ряда генетических ключей. Одним из таких талантов является целительство, а другим — способность блокировать чужую магию, — этот дар, судя по всему, можно считать наиболее редким из талантов Дерини.

Основных ключа мы можем выделить два, и оба из них связаны с половой принадлежностью. Ключ Х' присущ практически всем без исключения Дерини и его наличие можно определить начиная с самого раннего возраста. Этот ключ активируется без сторонних усилий и наделяет ребенка основными способностями Дерини. Обнаружить ключ Y' значительно сложнее, но потенциально он предоставляет куда более богатые возможности. Ключ Y' не только открывает полный потенциал Дерини, но также декодирует послания ДНК и дает возможность немедленного доступа к любым способностям Дерини, свойственным индивиду.

Вполне возможно также получить способности Дерини, не имея одного из основных «ключей». Человек может обладать набором вторичных специфических ключей, имеющих отношение к особым областям и открывающим особые способности. Любопытно, что такой дар как «видение истины» никаких особых ключей не требует и пользование им осуществляется почти инстинктивно. Если же к какому-либо из деринийских талантов требуется несколько ключей, то в отсутствие даже одного из них этот дар будет заблокирован.

Как уже говорились выше, определенные таланты могут быть отомкнуты лишь с помощью особых ключей. Именно к таким способностям относится Целительство. Каждая из областей знания — Целительство, Защита, мысленная связь и смерть, — поддаются своим ключам. Их инициация происходит в форме особого ритуала, включающего в себя некие действия, чьи функции подобны своеобразному «спусковому крючку». Несмотря на то, что ряд функций ассоциирующимся с этими областями способностей могут быть доступны большинству Дерини, но полным потенциалом будет обладать

лишь тот индивид, у которого наличествует полный набор ключей ко всем четырем областям.

Несомненно, ко временам короля Келсона у многих жителей Гвиннеда в той или иной форме встречались скрытые способности и генетические ключи, позволяющие этими способностями воспользоваться. Именно этим объясняются дарования людей, подобных Варину де Грею и Дейхи. Кроме того, это может объяснить наличие «второго зрения» у жителей Приграничья.

Каковы основные способности Дерини, отличающие их от обычных людей?

Телепатия — одна из наиболее известных способностей Дерини, которая внушает страх обычным людям вне зависимости от того, грозит им это какой-либо опасностью или нет. Для человека нет ничего страшнее, чем вторжение в его разум помимо его воли, особенно когда он не осознает этого. Для многих это означает невероятное насилие над личностью, грубое вторжение в частную жизнь, от которого нет и не может быть защиты. Человек чувствует себя слабым, ранимым, распахнутым настежь, и ему кажется, что опасности подвергаются не только его жизнь, честь и достоинство, но и бессмертная душа.

Однако, как правило, типичный Дерини (если таковой существует) не склонен утруждать себя, теряя время и силы на считывание мыслей незнакомого человека без веских на то оснований.

Один из первых ограничивающих факторов большинства действий Дерини — необходимость физического контакта. Более того, физический контакт — практически одно из неотъемлемых условий для первого обмена мыслями. По крайней мере, он способствует достижению положительного результата во всех психических операциях, доступных Дерини. Без него, если только между Дерини и объектом не была заблаговременно установлена связь, Дерини могут лишь бегло считать мысли, лежащие на поверхности, особенно если нужно, чтобы человек при этом ничего не заметил.

Почти всегда во время контактов как Дерини с Дерини, так и Дерини с человеком, первый касается головы объекта: лба, висков, переносицы, зоны сонной артерии возле челюсти, шеи (сзади) или нескольких мест одновременно — каж-

дый выбирает свое. На самом деле можно просто прикоснуться к руке, да и вообще к коже, но существуют определенные традиции, по которым, считывая мысли, надлежит касаться именно головы.

Защитные поля. В некоторой степени все Дерини обладают защитными полями или, по крайней мере, умеют создавать их. Это естественное психическое свойство Дерини, охраняющее их разум от постороннего вмешательства. До тех пор пока Дерини не угрожает опасность, его защитные поля чаще всего бездействуют, оставляя открытым канал ввода обычной информации, доступной его восприятию.

Способность полей вызывать различные зрительные образы варьируется от стеклянных куполов и мерцающих занавесов до стальных щитов в зависимости от вкуса и, вероятно, тренированности каждого Дерини.

Защитные поля, если они достаточно прочны, делают Дерини практически неуязвимыми, и даже очень умелый Дерини вряд ли сумеет справиться с ними. Они не позволяют читать мысли защищенного объекта или как-либо иначе контролировать его: ни усыпить, ни ввести в бессознательное состояние, ни проникнуть в разум. Лишь Целители могут воздействовать на тех, кто защищен полями, не проникая сквозь них, хотя результат был бы гораздо более ощутимым, если бы Целитель и его пациент действовали вместе.

Дерини еще в раннем возрасте обучаются управлять своими защитными полями. Однако умение опускать и удерживать их в этом состоянии не менее важно, чем способность поднимать их и выдерживать натиск при нападении. Внезапное захлопывание защитных полей, вероятно, весьма неприятная возможность, о чем и беспокоится Райс, высказывая Кверону свои опасения по этому поводу перед тем, как показать свой только что обнаруженный талант блокировать способности Дерини.

«Мне хотелось быть уверенным в том, что ты не станешь паниковать и не прихлопнешь меня своими защитами», — говорит он священнику-Целителю, и тот отвечает, что способен намного лучше управлять своими защитами, чем Райс полагает.

(«Камберетик»).

Однако, когда Райс возвращает своему пациенту силы, защитные поля Кверона мгновенно захлопываются с ощутимым щелчком, едва не вытолкнув всех силой отдачи.

Вероятно, этот «щелчок» — характерный признак возвращающихся в исходное положение защитных полей и, очевидно, реакция рефлексивная, так что, если это происходит неожиданно, того, кто находится за защитой, может зажать в зазоре между ними.

Чтобы предостеречь себя от такой неприятной случайности, можно передать кому-либо контроль над защитным полем, однако это требует полного доверия, которое, увы, не всегда возможно.

Умение опускать защитные поля очень важно, так как они могут стать не только крепостью, но и тюрьмой. Для того же, чтобы ощутить все преимущества, которые даруют таланты Дерини, необходимо, чтобы защитные поля были подняты. Между двумя Дерини, разделенными защитами, возможно лишь незначительное психическое взаимодействие. Наглядным примером трудностей, которые могут при этом возникнуть, может служить случай с Дугалом, когда он первое время был не в состоянии опустить свою защиту.

Конечно, можно заставить опустить защитное поле и силой. Баланс сил и их концентрация, необходимые для того, чтобы поддерживать по-настоящему мощное поле, довольно случайны, их можно разрушить при помощи некоторых снадоби Дерини и несколькими способами.

Кроме того, защитные поля можно заимствовать при помощи силы более могущественного разума. Этот процесс связан с проникновением в сознание, и его мы обсудим позже. При этом, правда, разум объекта частично или полностью разрушается и восстановлению не подлежит.

Передача мыслей на расстоянии представляет собой общение между двумя индивидуумами посредством телепатии, если хотя бы один из них — Дерини. Сведения передаются с помощью слов, как будто разговор идет вслух, с той лишь разницей, что информация обретает словесную форму только в сознании отправителя и получателя. Послания могут также сопровождаться какими-либо зрительными образами, однако сущностью передачи мыслей все-таки остается беззвучный разговор. Чтобы вести такой разговор на расстоянии, обычно необходимо, чтобы между его участниками прежде уже происхо-

для телепатического контакта, и тогда потребность в прямом физическом контакте отпадает. Однако вполне вероятно, что и «подсознательный» крик о помощи может быть достаточно мощным для того, чтобы его принял кто-либо, прежде не знакомый отправителю.

Если потенциальный получатель открыт для такого контакта, то вполне вероятно, что он может «подслушать» мысли, предназначенные для другого. Дело в том, что передача мыслей на расстояние требует более мощной и широкой энергетической «полосы частот» (что, в свою очередь, усиливает вероятность утечки), к которой может подключиться тот, кто находится в зоне приема. Некоторые из Дерини из опасения, что их могут «подслушать», часто используют физический контакт. Морган и Дункан стараются сесть как можно ближе друг к другу, когда общаются мысленно, с тех пор как подверглись допросу Арилана и Кардиеля в Дхассе, хотя ни тот, ни другой не подозревают, что Арилан — Дерини. Камбер-Элистер, чтобы его не подслушали собравшиеся епископы, использует непосредственный физический контакт с Джоремом, положив руки ему на виски и делая вид, что проводит судебное исследование его разума. На самом деле он обменивается с ним мыслями так же легко, как если бы они разговаривали вслух, пытаясь состряпать объяснение, которое не заставляло бы Джорема лжесвидетельствовать и одновременно позволило Камберу и дальше выдавать себя за Элистера. И им удалось сделать это, хотя не совсем так, как задумал Камбер.

Чаще всего к мысленному обмену прибегают, когда собеседников разделяет какое-либо расстояние и иные формы общения невозможны. Энергетическая мощность, необходимая для установления такого контакта, находится, вероятно, в прямой зависимости от расстояния, разделяющего получателя и отправителя. При оптимальных условиях дальность передачи примерно равна нескольким конным переходам. Если при этом не используется чья-либо помощь, то это расстояние, как правило, значительно меньше. Если же его нужно увеличить, то необходимо подключить энергетические ресурсы кого-то еще, лучше всего — с согласия помощников и при их помощи.

Телекинез. С помощью телекинетических способностей Дерини могут открывать или закрывать замки, не пользуясь ключами. Для этого оператор направляет узкий луч ментальной энергии внутрь замка, чтобы изучить устройство и задейство-

вать его механизм — таким образом используется функция обзора, о которой уже говорилось выше. Это свое умение Джорем использует, когда они с Райсом проникают в монастырь святого Фоиллана (*«Камбер Кулдский»*).

Морган также в совершенстве владел этим искусством и использовал свои способности для того, чтобы открыть сложный замок, запирающий дверь в часовню под собором святого Георгия в Ремуте, и привести туда Келсона ночью перед его коронацией (*«Возрождение Дерини»*). Камбер использует свои способности, чтобы получить доступ к Порталу в апартаментах архиепископа Джеффрая.

[Камбер] склонился над дверной защелкой и дотянулся до нее своим разумом. Найдя бороздки замка, он подтолкнул их с тем особым искусством, которое столь аккуратно смогли бы показать не многие из его расы. Делая это, он не переставал надавливать на защелку и наконец почувствовал, как ручка под его рукой опустилась.

(*«Камбер-еретик»*)

Способности Дерини можно использовать и для более легкомысленных целей. Так, Арилан подзывает к себе чашку (*«Тень Камбера»*), Карисса заставляет перчатку вернуться к ее руке (*«Возрождение Дерини»*), а юные Райс и Джорем силой своего разума передвигают фигуры на игровой доске (*«Архивы Дерини»*). Морган мысленно заставляет хлыст хвастуна обвиться вокруг его ног и сделать так, чтобы тот упал (*«Возрождение Дерини»*). Конал при помощи своих способностей завязывает узелок из травинки, пристально поглядев на них (*«Милость Келсона»*). Если говорить о чем-то более серьезном, то Карисса заставляет должностную цепь, которую носил Морган, сделать так, чтобы он потерял равновесие, и пущенный рукой Яна кинжал не пролетел мимо (*«Возрождение Дерини»*). Дугал изнутри сдвигает дверные засовы, когда они с Келсоном пытаются выбраться из усыпальницы, и развязывает узлы, стягивающие его запястья (*«Тень Камбера»*).

Однако непредусмотренный выброс такой энергии может повлечь за собой и значительные разрушения, как это было, когда из-за находящегося в бреду Грегори вся посуда и оружие начинают летать по комнате, где он лежит (*«Кам-*

бер-еретик»). Хаос возникает и тогда, когда Целитель Ульрик приходит в ярость и «пытается разрушить целое аббатство». Только благодаря тому, что Эмрис направляет стрелу в его сердце, несущее смерть бешенство Ульрика⁷ удается остановить («*Камбер-еретик*»).

Способность вызывать физические перемещения на расстоянии иногда может послужить орудием смерти.

Карисса, например, использует заклинание, останавливающее сердце, чтобы убить сначала Брэна, а затем Яна («*Возрождение Дерини*»). Келсон же вынужден прибегнуть к нему, чтобы прекратить страдания Венцита и трех его спутников («*Властитель Дерини*»). Как остановить сердце — это даже король Синхил узнает очень рано, инстинктивно используя это знание, чтобы облегчить участь раненого предателя Дерини, который мгновение назад пытался его убить («*Святой Камбер*»). По сути, это заклинание представляет собой симпатическую магию, достигающую сердца телепатическим отзвуком, который порождается действиями руки, символически сжимающей его до тех пор, пока оно не остановится.

Какова символика ритуалов Дерини?

В большинстве своем ритуалы Дерини основываются на использовании четырех базовых природных сил: Воздух, Огонь, Вода и Земля. Каждая из этих элементарий имеет принадлежность к стороне света и цвет, ассоциирующийся с ней. В тех областях, где диаспора Дерини была вынуждена слиться с иудаистско-христианской культурой, добавляются также персонафикации элементарий в виде архангелов. Воздух ассоциируется с Востоком и символизируется золотым цветом и архангелом Рафаилом. Огонь ассоциируется с Югом. Его представляет красный цвет и архангел Михаил. Вода ассоциируется с Западом. Ее цвет — синий, а представитель — архангел Гавриил. Земля ассоциируется с Севером и смертью, ее представляет зеленый цвет и архангел Уриил. В древнем Кэйрисе существовал ряд коллегий, каждая из которых изучала эти природные силы. Три из четырех коллегий находились на равнине, в самом сердце Кэйриса. Лишь «*Коллегия Воздуха*» располагалась на южных склонах северных гор. Когда остров погрузился в морские волны, то уцелеть сумели лишь представители этой последней коллегии, и именно их тексты дошли до потомков.

Три основных эзотерических влияния, представленных в древних деринийских записях, могут быть определены как Добро, Зло и Равновесие и ассоциируются соответственно с белым, черным и пурпурным цветами. Поскольку большей частью эти знания были утрачены с гибелью Кэйриса, то архангелы не служат символами этих понятий. Их богами были Гея, Локи и Рок. Впоследствии уцелевшие ученые после катастрофы пытались по памяти восстановить все известное им об этих природных силах, однако многое было утеряно безвозвратно. Самое любопытное в этом отношении — что сила, присущая этим элементам, не имеет прямого отношения к способностям Дерини, скорее, их можно отнести к деринийским эквивалентом «голосов», направляющих душу человека, а также к силе компромисса.

Во времена короля Келсона четыре Стихии приобретают огромное значение в ритуалах Дерини, в то время как три эзотерических силы практически подвергаются забвению. Тем не менее, их следы остаются. Мы можем узреть их символику в семи окнах герцогской башни в Короте, а также в семи остриях герцогской короны Аларика Моргана.

В чем истинный смысл ритуалов Дерини?

Большая часть из того, что Дерини называют магической работой, в отличие от обычных прикладных заклинаний, подразумевает ритуальное применение могущества. Обряд — это просто удобные рамки работы или некий контекст, в который помещается действие.

Он необходим, чтобы установить особый ментальный настрой, необходимый для достижения желаемой цели, а также для усиления психического воздействия благодаря повторению одних и тех же движений и установок для похожих видов работы. Что наверху, то и внизу. Что снаружи, то и внутри. Внутренняя реальность может отражаться в реальности внешней.

Кроме того, особые ритуалы, которые повторяются в определенном виде с определенным намерением на протяжении длительного периода времени, накапливают эзотерический вес, который превышает простое сложение результатов обычной работы и тем самым облегчает дальнейшее продвижение в этой области и усиливает последующее воздействие

ритуалов. Точно таким же образом, как многочисленные прохожие, следующие одной и той же дорогой, постепенно утаптывают и расширяют ее, то же происходит и с обрядами, которые, повторяясь, расширяют и укрепляют каналы для связи с иной реальностью. Кроме того, тот факт, что нет нужды заново изобретать колесо для каждого отдельно взятого обряда означает, что можно сохранить больше сил для действительно важной работы.

Кроме того, ритуал подразумевает общий символизм и фокусирует внимание, когда совместно над ним трудятся два человека и более. Если бы обряды не обладали такими унифицирующими свойствами, то координировать энергии и ментальные действия множества участников было бы практически невозможно.

Таким образом, рассмотрев природу ритуала, мы можем сделать вывод, что большинство нецерковных обрядов, которые применяются Дерини, можно разделить на три общих категории. Защитные ритуалы включают в себя установку барьеров, а также действия, предназначенные для концентрации силы в целях охраны. Зачастую такой обряд очень точен в своих действиях и выполняется почти механически. Такова, например, процедура активации кубиков защиты. Сам по себе этот процесс является сокращенным обрядом, основанным на гораздо более сложном управлении психической энергией, которая в свое время была использована для зарядки нового набора кубиков, когда из обычных странных четырех игральных костей без точек они были превращены в магический объект. В эту же категорию попадает и защита круга, хотя проведение данного обряда сильно варьируется в зависимости от вкусов и опыта действующих лиц.

Собственно говоря, защитная магия не подразумевает особых ритуалов. Иногда ее действие может быть очень простым, как в том случае, когда Морган накапливает энергию в медальоне Святого Камбера, который он отдает Дерри (хотя Морган, вероятно, уже провел над этим медальоном определенную работу, поскольку сам долгое время носил его), или в том случае, когда Тирцель устанавливает в памяти Конала защитные преграды, чтобы посторонние не могли прочитать его мысли.

Ритуалы посвящения или инициации как правило являются гораздо более формальными и всегда предполагают переход кандидата на более высокий уровень сознания. К примеру

инициирующих обрядов можно отнести передачу могущества Халдейнов, а также принятие новых членов в Совет Камбера. В этой связи христианское посвящение в сан также является своего рода эзотерической инициацией. Когда же в нее добавляются деринийские элементы, это лишь усиливает значение обряда. Христианская инициация, именуемая чаще всего крещением, является другим примером такого обряда. Когда же она сочетается с призыванием Целителя как в рассказе «Песнь Целителя», это придает ритуалу дополнительный мистический характер. Вообще, как мы видим, многие обряды, относившиеся к Целителям, в том числе их освящение и рукоположение, являлись инициирующими ритуалами.

К третьей категории деринийских обрядов можно отнести те техники, которые следует называть соцерцательными или медитативными. Зачастую для Дерини подобные обряды ассоциировались с религиозной практикой, такой как поклонение у алтаря, хотя их содержание и направленность не всегда являются исключительно христианскими. Так, например, Дерини часто используют кристалл ширала, концентрирующий внимание при медитации. Это та же самая техника, что используется во время молитвы с помощью христианских четок (в земной истории, насколько нам известно, четки получили широкое распространение только с середины XV века. То же самое можно сказать и об истории Гвиннеда, однако сама идея использования камушков или бусин для отсчета молитв является очень древней и появляется во многих культурах. В восточной церкви молящиеся нередко использовали четки, сделанные из веревки с завязанными на ней узлами. Вероятно, по духу это сродни древней деринийской магии, использовавшей различные плетения. А если Дерини все же использовали четки, то можно представить себе, насколько усилилось бы их воздействие, когда бусины заменили бы кристаллы ширала).

В общем и в целом Дерини гораздо более чувствительны, чем люди, к эзотерическим измерениям религиозной практики. Впрочем, не стоит забывать, что эти измерения значительно доступнее для Дерини, чем для людей, и в этом, как мы уже имели возможность предположить, заключалась причина враждебности официальной Церкви по отношению к Дерини, поскольку ее высшие иерархи одновременно страшатся и завидуют тому, чего они не понимают, но чем желали бы обладать. Классическим примером подобного мистического религиозно-

го опыта может служить скорбь Синхила, которому вскоре предстоит оставить священный сан, и его духовный экстаз во время служения мессы.

Как мне объяснить, что значит посвятить свою жизнь Богу?.. Это такое чувство, как будто вы находитесь в сфере мягкого золотого света, и этот свет защищает вас от всего, что может повредить вам. И вы знаете, что Он здесь, что Он рядом, ваш разум свободно парит в золотом сиянии...

(«Камбер Кулдский»)

Рассудочно, Камбер, разумеется, способен посочувствовать Синхилу, хотя сочувствие его не настолько велико, чтобы заставить отступить с намеченного пути. Однако мы можем предположить, что лишь после того, как Камбер сам принимает священнический сан, он способен по-настоящему понять, о чем говорит ему Синхил. Мы уже обращались к его рукоположению, когда говорили о различных ощущениях Дерини, однако, сейчас нам следует вернуться к пережитому мистическому опыту.

Давление внутри разума росло; его наполняло Нечто, такое могущественное и пугающее, что он не мог противиться влиянию, отдававшемуся в самых дальних уголках его существа.

Камбер утратил слух и понял, что зрение исчезло еще раньше, но не стал этого проверять — спасение своей плоти и бренной жизни сейчас немного значило.

Постепенно он перестал ощущать свое тело. Остался сгусток сознания, купающийся в прохладном, золотистом сиянии и устремленный к яркой сверкающей точке. Никогда многоопытный Дерини не переживал ничего подобного.

Камбер уже не боялся. Он окунулся в мир ликования и полного единения со всем, что было когда-то, есть сейчас и еще будет. Он парил, растянувшись радужной дугой, понимая, как мало значит для человеческого существа его земная жизнь. Вслед за смертью тела сущность освобождается от оболочки, развивается и растет. Впереди у нее — вечность.

Вспышкой серебряных искр перед Камбером рассыпалось все его прошлое, вся земная история; мелькнуло и исчезло.

Потом он увидел свое посвящение. Где-то внизу на свет-

ловолосую голову с густой проседью опускались освящающие руки. В движении соединялись легкость и неодолимая мощь.

Внезапно мелькнула мысль; все это игра воображения. Его практичный разум ухватился за нее, но сознание восстало, даже не дав этой мысли как следует оформиться.

Разве имело какое-нибудь значение — правда открылась ему, или чей-то вымысел завладел его мозгом? Мог ли смертный мечтать о счастье соприкосновения с Божественным во всем его величии. Особой милостью providения избранные могли краем глаза на миг узреть Внемное.

Теперь он переживал невероятную близость к силам, управляющим движением Вселенной, он — существо неправедное и слабое, человек и Дерини.

(«Святой Камбер»)

В момент смерти Синхила уже после того, как он передал свое могущество сыновьям, Камбер пытается облегчить ему этот переход. В этот миг он совершенно открыт, и дает возможность Синхилу узнать свою истинную личность Камбера-Элистера, точно так же, как в свое время Синхил признался Элистеру, что до сих пор служит мессе, ибо в эти последние моменты между ними двоими не может быть никакой лжи и притворства.

Устало кивнув, Камбер закрыл глаза, остановил течение мыслей и открыл знакомую связь, которую часть его существа, бывшая теперь Элистером, установила с королем много лет назад.

Он почувствовал присутствие Синхила в себе, но это было совсем иное, нежели прежде.

А затем его мозг стал осознавать то, что он мог определить как звук, хотя это было совершенно иным — светом, эхом отдаленного перезвона множества маленьких колокольчиков, поющих невыразимо чарующую мелодию.

Небесная музыка, гадал Элистер, или, может быть, голоса небесных владык, или и то, и другое, либо ни то, ни другое

Закружился молочно-опаловый вихрь, затем пришло чувство раздвоения, и он стал видеть Синхила как бы снизу, хотя прекрасно сознавал, что его глаза по-прежнему закрыты.

Он видел, как следы прожитых лет исчезают с лица Синхила. Видел, как обостряется внутреннее зрение, сбрасывает покровы, открывая правду.

Король с трепетом обнаруживал в том, кто был для него Элистером Келленом и стоял рядом последние двенадцать лет, совсем другие черты.

— Камбер? — осторожно спросил он без страха, возмущения и злобы.

— И Элистер, — последовал смиренный ответ. И с этими словами Камбер открыл Синхилу всю историю, без утайки, — в неземном царстве, где они пребывали, невозможно было скрыть истину. По-видимому, прошло время, но нельзя сказать, сколько — тут и время было другим — и история была рассказана, Синхил смотрел с полным одобрением, потом поднялся и подал руку Камберу.

(«Камбер-еретик»)

Можно утверждать, что Камбер находился в измененном состоянии сознания в тот миг, когда обнимает слабейшего короля и просит Джорема открыть врата в круге, чтобы выпустить душу Синхила. Внутренним зрением он видит, как обновленный и помолодевший Синхил словно поднимается из брэнного тела и уходит прочь в сопровождении четырех Архангелов-хранителей. Столь четкая визуализация этих потусторонних Стражей не часто достигается даже для столь опытного Дерини, как Камбер, и мы не можем утверждать наверняка, распался ли купол круга в тот миг, когда Синхил прошел через врата из-за того, что Архангел протрубил в свой рог, или просто из-за резкой смены энергетических уровней, когда Синхил переходит в иное измерение.

Камбер закрыл глаза, в последний раз обращая свой внимательный взор на уходящего владыку Гвиннеда.

Тот поднял руку в прощальном приветии, потом переступил черту и вышел из круга. Сияние обволакивало его, меняя знакомые Камберу черты. Он увидел рядом с удаляющимся Синхилом двух мальчиков, похожих на него, какую-то красивую женщину с пшеничными волосами и другие образы, которые было не распознать в сиянии.

Дуновение воздуха и шелест крыльев возвестили приближение Хранителей магического круга. И они явились, Суще-

ства, похожие на бесплотные, смутно очерченные тени, исполненные могущества, безмерного, но не несущего угрозы.

(«Камбер-еретик»)

В данном случае ключом является трансформация Синхила, когда он покидает смертное тело, и образы близких, ожидающих его по ту сторону. Там его покойная жена и сыновья и другие люди, которых Камбер не знает, вероятнее всего, Синхил был знаком с ними по прежней монашеской жизни, до того как стал королем.

Джебедия также испытывает обновление в момент смерти, и его приветствует тот, кто ушел в мир иной прежде него. Камбер становится свидетелем этому благодаря обострившимся чувствам в близости неминуемой гибели.

Серебряная нить развязывалась, и связывавшие с землей узы стали слабеть. Сейчас не было магического круга, но внутренним зрением Камбер увидел едва различимый, бесплотный образ молодого Джебедии, поднимающегося над телом, обмякшим в его руках, — образ доброго, полного жизни юноши.

Михайлинец не смотрел на него. Его взгляд был устремлен к часовне за поляной. Оттуда брызнул холодный серебряный свет. Сверкающая искорка превратилась в фигуру кого-то очень знакомого, облаченную в голубые одежды Ордена святого Михаила, фигура медленно плыла к ним, едва касаясь ногами недавно выпавшего снега. На лице, которое столько лет смотрело на Камбера из зеркала, светилась широкая молодая улыбка, навстречу Джебедии распахнулись объятия.

Затаив дыхание, Камбер смотрел, как молодой Джебедия поднимался с земли и шагнул к призраку. Они обнялись, как давно разлученные братья, их радость ощущал даже Камбер. Они обернулись и посмотрели на Камбера, сначала Джебедия, а потом призрак, и раскрыли объятия для него, приглашая присоединиться. Как он желал этого! И согласно помахал рукой... Но приступ боли застал слезами глаза, возвращая в телесный мир.

(«Камбер-еретик»)

Мог ли Камбер присоединиться к Джебедии и Элистеру? Тело его смертельно ранено, жизнь медленно утекает вместе с кровью, сочащейся на снег. И все же Камбер уверен, что еще

не пришло время для него сдаться на милость смерти. И то, что рядом с Джебедией и Элистером нет никого из его покойных близких, словно бы подтверждает правоту принятого решения. Ведь Райс умер не так давно, и он был очень близок Камберу. Следовало бы ожидать, что он придет встретить его на пороге смерти. Точно так же там должен был бы присутствовать дух убитого Катана или покойной жены Камбера Джоселин. Мы мало что знаем о ней, поскольку она умерла за семь лет до того, как мы впервые встретились с Камбером, но, зная этого человека, мы не сомневаемся, что у него были тесные и любящие отношения с супругой. Так что отсутствие всех любимых на пороге смерти следует считать значительным явлением.

Переход в мир иной является не менее драматическим событием, когда мы видим его глазами уходящего. Хотя когда дело касается Ивейн, мы провожаем ее лишь до последнего порога, но не далее.

На миг ей удалось уловить последний образ: невыразимо близкое лицо отца, исцеленного, совсем молодого, который распахнул глаза и улыбнулся ей с любовью, состраданием, пониманием, прощением и благодарностью, за ту невероятную жертву, что она принесла ради его освобождения.

А потом он просто исчез, и она обернулась к вратам в круге, за которым тянул к ней руки возлюбленный, с растрепанными рыжими волосами и смеющимися янтарными глазами, а у него на плечах восседал хохочущий, счастливый девятилетний мальчуган. Она даже не вспомнила об оставленном позади теле, которое мягко опустилось на руки Кверону, подобно опавшему парусу. Она видела перед собой лишь мужчину, и мальчика, а затем — ослепительный Свет, что обнял ее за порогом теней, в трепете черно-зеленых крыл.

(«Скорбь Гвиннеда»)

Может быть, чудо и не произошло, и все же это было нечто большее, чем приходится испытывать обычным смертным. Вероятнее всего, для того чтобы в полной мере осознать, что происходит с человеком, когда душа его отлетает в мир иной, нужно быть Дерини, и даже не просто Дерини, а опытным и продвинутым адептом. Тем не менее, даже в нашей земной истории есть множество рассказов очевидцев, когда самые обыч-

ные люди, казалось бы, умирали, а затем возвращались, чтобы рассказать о пережитом. Их повествования отличаются между собой, но встречаются общие детали. Великий свет, манящий издали, вид покойных любимых и близких, ощущение всепоглощающей, окутывающей любви. Все эти детали кажутся нам знакомыми. Возможно, мы сами Дерины куда в большей степени, чем думаем, или, возможно, Дерины куда больше люди, чем им бы того хотелось.

Что символизируют собой Архангелы Сторон Света?

Архангела востока Рафаила, который правит стихией Воздуха, обычно изображают в развевающихся одеждах, пронизанных воздухом, бледного золотисто-желтого цвета. Традиционная иудейско-христианская символика связывает Рафаила с милостью исцеления, считает его ангелом, волнуящим воды источника в Товите, потому его и изображают с рыбой в руках.

В классических эзотерических трудах стихию Воздуха связывают с мыслью, интеллектом и слухом. Символом его служит Меч, который изначально, вероятно, был стрелой — очевидным атрибутом Воздуха. Когда заговаривают круг, наиболее распространенный символ Воздуха — дым ладана.

Вторым в пантеоне Архангелов является святой Михаил, Глава Небесных Воинств, который управляет стихией Огня и ассоциируется с югом. Основной цвет Михаила — красный. В соответствии с некоторыми традициями именно он сторожит ворота Эдема после изгнания Адама и Евы из Рая, и именно он будет держать весы во время последнего Суда. Чаше всего его изображают с мечом или копьем в руке, одна нога стоит на шее закованного в цепи подобного дракону дьявола, которого он только что покорил. Однако на фресках Ордена святого Михаила, чьим покровителем он является, он нарисован стоящим свободно, исхудалые руки лежат на поперечине рукоятки огромного меча, острие находится у его ног, доспехи сияют светом, который излучает расплавленное червонное золото, а огненные крылья сложены за его спиной, словно пламенная мантия, что представляет собой архетип воина Света. В этом смысле он также считается покровителем всех воинов вообще.

Стихия Огня ассоциируется с интуицией и зрением, но оружие его — не меч святого Михаила, а волшебная палочка,

иногда обожженная огнем трость или посох, используемый, чтобы повелевать огнем. В ритуальном круге символы огня — зажженные свечи и горящий ладан.

Третий Архангел — Гавриил, Страж запада и Воды, обычно изображается в синих тонах или в тонах аквамарина. По установившейся традиции, Гавриила считают Ангелом Благовещения, что приносит новость о рождении Христа Благословенной Деве Марии, начинающуюся с бессмертного приветствия: «Приветствую тебя, Мария, исполненная благодати...». Гавриила также считают ангелом Последнего Суда, который будет дуть в небесную трубу, чтобы поднять мертвых.

Вода связывается с чувством, любовью и вкусом, символ ее — Кубок, изначально — котел бессмертия, общая чаша, откуда исходит пища. По ассоциации, это становится также Святым Граалем. Святая вода, используемая для окропления круга, представляет собой ритуальный символ Воды.

И, наконец, Архангел севера — Уриил (по некоторым источникам — Уриэль, Ориэль), который управляет стихией Земли. В одном из своих обликов Уриил — Ангел Смерти, однако он выступает, скорее, как воплощение естественного цикла рождения, смерти и перерождения. Хотя его изображают мрачным и суровым, он может быть и милостивым, поскольку, отделяя души от того, что связывало их на земле, объединяя их в Царстве Мертвых, освобождает их от земных страданий. Лишь Уриил обладает крыльями, покрытыми перьями, обычно похожими на крылья сизых голубей, цвета воронова крыла или крыла сороки, либо переливающегося зеленого цвета крыла дикой утки.

Стихия Земли связывается со знанием, ощущением и прикосновением. Ее символ — Щит или Пентакль, изначально — лопата, которой вскапывают землю, чтобы посадить семена. Отсюда связь со священными камнями. Соль, которую добавляют в святую воду, используемую для окропления круга, представляет собой ритуальный символ Земли.

В соответствии с некоторыми традициями в этот ряд включают и пятый элемент, стихию Духа, которая часто ассоциируется с великим Ангелом Сандалфоном и Матерью Земли, Планетарной Сущностью, связывающей или объединяющей все четыре стихии.

В чем судь действия Переносящих Порталов?

Во-первых, перемещаться можно только между двумя уже существующими Порталами. Дерини не в состоянии внезапно исчезнуть в одном месте и появиться в другом.

Во-вторых, Дерини не могут попасть непосредственно к тому или иному Порталу, который они прежде не посещали. Оператор должен либо знать «координаты» Портала назначения из собственного опыта, либо получить их благодаря связи с тем, кто их знает. Единственное известное нам исключение — Портал за пределами комнаты Камберианского Совета, местоположение которого удалось установить по «случайному упоминанию в одном из древних манускриптов, которые до сих пор занимали большую часть досуга Ивейн» (*«Камбер-еретик»*). Для того чтобы перемещаться с его помощью, нужно четко представлять себе желаемое место назначения.

В-третьих, использование Портала может контролировать только один человек. Если оператор хочет переместить вместе с собой кого-то еще, тот должен позволить оператору принять на себя контролирующие функции, иначе плохо скоординированная телепатическая деятельность может разрушить неустойчивый баланс, необходимый для перебрасывания энергии.

Дерини, даже если Дерини, чье перемещение осуществляет оператор, знает координаты места назначения, необходимо опустить первичные защитные поля и перейти в пассивное состояние, позволяя оператору взять на себя всю инициативу. От попутчиков-людей требуется лишь не мешать действиям, необходимым для телепортации, хотя все же большинство операторов предпочитают на всякий случай на некоторое время ввести их в бессознательное состояние. Чтобы проделать это с Джаваном, Тавис О'Нилл надавливает на сонную артерию принца, когда он в первый раз проходит вместе с ним через Портал (*«Камбер-еретик»*). Арилан же был достаточно уверен в успехе, поэтому ему понадобилось лишь отвлечь внимание Кардисля, чтобы провести его с собой (*«Властитель Дерини»*).

В-четвертых, телепортация требует от оператора значительных энергетических затрат. Эти затраты можно уменьшить, если оператор совершает отдельные короткие перемещения, однако он быстро истощится, если будет вынужден провести несколько перемещений за относительно короткий промежуток времени. Кроме того, нужно добавить, что перемещение

на значительные расстояния требует больше энергии, чем перемещение на короткие расстояния. Начиная обучать Конала тому, как использовать Порталы, Тирцель прежде предупреждает его, что нельзя злоупотреблять перемещениями на большие расстояния (*«Тень Камбера»*).

Перемещение потоков энергии, которое вызывает покалывание или ощущение пульсации, иногда называют матрицей Портала. Именно она содержит координаты Портала, которые необходимо узнать оператору, прежде чем использовать его. Опытный Дерини может узнать координаты Портала, просто встав в его квадрат. Для того же, чтобы запомнить координаты Портала, используемого в первый раз, обычно нужно коснуться ладонью пола или земли, чтобы замкнуть физическую цепь и позволить телепатической информации просочиться на определенный уровень сознания. Физический контакт, особенно при помощи руки, помогает определить, где находится неизвестный или фактически разряженный Портал, как тогда, когда Дункан разыскивает разрушенный много лет назад Портал в развалинах аббатства святого Неота (*«Игра Дерини»*).

Используют Портал следующим образом. В разум вводят две точки местоположения Порталов («точки назначения и отправления»), затем энергетические потоки уравниваются, а после происходит «смещение баланса», или деформация. Все это можно осуществить непосредственно или прибегнуть к помощи определенного мнемонического заклинания. Так, Арилан позволяет «словам обрести форму в своей голове» и затем произносит заклинание (*«Властитель Дерини»*). Морган же просто вызывает в воображении образ места назначения и открывает свой разум перед потоком энергии, связывающим два Портала, смещая их баланс (*«Сын епископа»*). Камбер окружает себя и Джорема потоками энергии, представляет место, куда намеревается попасть, и потом просто деформирует эти энергетические потоки (*«Камбер-еретик»*).

Сам по себе процесс практически мгновенен и сопровождается коротким головокружением большей или меньшей силы. Дункан, которого проводит сквозь Портал Арилан, воспринимает прыжок как «смутное ощущение, будто желудок выворачивался наизнанку, хотя перегрузка от прыжка и была искусно сглажена блестящим мастерством Арилана, затем следует мгновение подвешенного состояния небытия, в которое не могло проникнуть даже горе, словно Дункану удалось оста-

вить его в Ремуте» (*«Тень Камбера»*). Не имеющий навыка, но все-таки Дерини-полукровка Келсон так переносит свое первое путешествие: «Сначала у него засосало под ложечкой, потом его наполнило мгновенное чувство падения и возникло слабое головокружение» (*«Возрождение Дерини»*). Простой смертный Гвейр, ослабленный из-за потери крови, воспринимает его как «приступ тошноты, сменившийся взрывом чистой, сверкающей энергии, который практически не оставил места тьме» (*«Камбер Кулдский»*).

Как именно действуют Порталы — без сомнения, полная тайна даже для Дерини. Мы, однако, можем сделать некоторые предположения. Принимая во внимание, что Порталы всегда окружают закланием, допустим, что некий остаточный эффект все же остается в действующем Портале и помогает содержать и сохранять матрицу, когда ее энергия используется. Вспомните подковообразный магнит, полюса которого соединены клеммой, дабы не нарушалось равновесие заряда. Представьте, что нечто подобное соединяет различные пары Порталов, связанные с силами земли. Дерини встают между полюсами магнита, одновременно происходит всплеск энергии, приводящий процесс в действие, система зарядов земли перестраивается и уносит Дерини к другому полюсу. Таким образом, любой расход энергии подзаряжает матрицу Портала. Может быть, именно поэтому регулярно используемые Порталы более стабильны и требуют меньших затрат энергии, а Портал, который не используется долгое время, может разрядиться вплоть до того, что использовать его станет небезопасно или вообще невозможно.

Местонахождение Порталов в Гвиннеде

Церковные Порталы

Собор св. Георгия, Ремут: ризница; кабинет настоятеля в базилике св. Хилари.

Собор всех Святых, Валорет: ризница; молельня в личных апартаментах архиепископа.

Собор св. Сенана, Дхасса: ризница (предположительно); северный транцепт, личная часовня епископа.

Собор Грекоты: ризница (предположительно); несколько Пор-

талов в апартаментах епископа в башне епископского дворца (особый Портал, предположительно уничтожен после смерти Камбера-Элистера) в руинах под епископским дворцом.

Собор Найфорда: ризница (предположительно).

Собор Кешиена: ризница (предположительно).

Собор св. Уриила и Всех Ангелов, Ратаркин, епархия Меары: ризница (предположительно).

Гавриилитские и михайлинские Порталы

Аббатство св. Неота — в ризнице.

Верхний Эйриал, Моллингфорд: обители были переданы другим Орденам после роспуска михайлинцев, но Порталы продолжали функционировать как минимум до 24.12.917 г., когда Джебедея воспользовался ими, чтобы предупредить о грядущих погромах.

Челтхем (штаб-квартира Ордена, уничтожена в 904 г.): Порталы расположены в апартаментах настоятеля и, вероятно, в ризнице.

Аргод (командорство 905-917 гг.): местоположение не установлено.

Култейн (на границе Меары и Гвиннеда): местоположение не установлено.

Аббатство св. Лиамы: местоположение не установлено.

Джелларда (изначальная штаб-квартира и командорство, Наковальня Господня): местоположение не установлено.

Сент-Элдерон (на границе Торрента и Истмарка): местоположение не установлено.

Брустаркия (малая штаб-квартира в Арьеноле): местоположение не установлено.

Убежище св. Михаила.

Порталы при учебных заведениях

Лентит, близ Коннаита: там находилась школа Дерини до октября 917 года; Дерини спаслись бегством, предварительно скрыв Портал.

Найффордская семинария: была частично восстановлена после пожара 916 года, но после беспорядков осенью 917 года Портал был закрыт, Дерини спаслись бегством.

Личные Порталы

Валорет: в подвалах Королевской Башни, замаскирован под уборную.

Кайрори: в кабинете Камбера; в подземном ходе, ведущем из замка (этим путем Энсель бежал после гибели Девина).

Кор Кулди: вторая резиденция Мак-Рори, наверняка, Камбер устроил там Портал.

Шиил: в кабинете Райса; позднее закрыт для всех, кроме семьи Турин и Мак-Рори.

Тревалга: новое поместье лорда Грегори в Коннаите.

Ремут: в комнате, примыкающей к библиотеке Бриона.

Что такое магические кубики?

Магические кубики представляют собой набор из четырех белых и четырех черных кубов размером примерно с игральные кости, но без точек. Тирцель, обучая Конала пользоваться кубами, говорит, что когда-то они, вероятно, и были игральными костями или «их делали похожими на игральные кости, чтобы не привлекать внимания, когда быть Дерини стало опасно. Я как-то видел кубики с точками, и они действовали ничуть не хуже» (*«Тень Камбера»*). Магические кубики чаще всего изготавливают из слоновой кости и эбенового дерева, на которых довольно легко нанести узор. Этот узор обязательно наносят на новый набор кубиков, прежде чем используют их впервые. На самом деле материал не так уж и важен, главное, что цвета двух наборов должны различаться, символизируя понятия светлого и темного, положительного и отрицательного, мужского и женского, передавая отношения между этими парами противоположностей, так как единственная функция магических кубиков — помогать в достижении определенного ментального состояния.

До сих пор одной из традиций эзотерического церемониала остается то, что магические принадлежности должны быть сделаны из наиболее дорогих материалов, какие только может позволить себе практикующий маг, хотя кубы, изготовленные

из дешевого дерева, специально предназначенные для этой цели и используемые прилежно, будут действовать ничуть не хуже, чем самые дорогие, например, из полудрагоценных камней. Кварц, мрамор и белый опал неоднократно пытались использовать для белых кубиков, а обсидиан и слезу апачи (камень дымчато-черного цвета), черный опал и даже малахит — для черного набора.

Кубики Тирцеля — «белые, чуть желтоватые, точно старая слоновая кость... Черные же, скорее серые, цвета древесного угля, чем цвета настоящего эбенового дерева или обсидиана» (*«Тень Камбера»*). Похоже, что при активации все белые кубики светятся молочно-белым светом или светом, который обычно исходит от белого опала. Черные кубики Тирцеля и Моргана, принимают черный цвет с зеленоватым отливом, а кубики Камбера становятся «темными, мерцающими иссиня-черным непроницаемым огнем опала» (*«Камбер-еретик»*).

Наше первое краткое знакомство с магическими кубиками происходит в *«Возрождении Дерини»*, когда Морган использует набор, чтобы наложить общее заклятие вокруг спящего Келсона. Судя по всему, ко времени появления на свет Моргана кубики используют уже только для защиты, ведь ни сам Морган, ни его современники, кажется, не знают ни о каких других функциях магических кубиков.

Тем не менее утверждается, что большинство детей Дерини начинают свое формальное обучение именно с этих кубиков. На практике магические кубики могут быть первым действительно серьезным орудием ритуальной магии, с которым сталкиваются самые юные Дерини, и первым по-настоящему магическим «инструментом», умение пользоваться которым они приобретают. Создается впечатление, что Тирцель Кларонский весьма неохотно начинает обучать Конала пользоваться ими, хотя значительно оживляется, когда Конал оказывается учеником, который схватывает все на лету (*«Тень Камбера»*).

Цвета кубиков — светлый и темный — по всей видимости, символизируют равновесие, которого необходимо достичь при обращении с потоками энергии, используемыми кубиками. Равновесие, очевидно, очень важно для всей магии Дерини. Когда Тирцель просит Конала поменять руки с черными и белыми кубиками, Конал ощущает разницу — вероятно, противоположность правого и левого, светлого и темного, положительного и отрицательного, отражение которого мы увидим в романе *«Скорбь Гвиннеда»* в образности кубического

алтаря в подземельях Грекоты. Кубы там составлены так, чтобы образовать Столпы Храма с телом Орина, лежащим вдоль них, словно средняя колонна. Человек между силами Добра и Зла.

Кто такие Целители Дерини?

В противовес другим способностям Дерини, которые постепенно проявляют себя и раскрываются еще в раннем детстве, талант Целителя обычно начинает развиваться лишь с наступлением половой зрелости, хотя изредка в ответ на острую необходимость зрелый дар может обнаружиться спонтанно в более раннем возрасте. Такая необходимость позволила целительским способностям Райса Турина к одиннадцати годам достичь уровня, на котором их можно было использовать, — совершенно неожиданно, так как ничто в его родословной не давало возможность предположить, что он может стать в будущем Целителем — и даже раньше, если бы его будущий целительский потенциал был бы предсказан. (*Архивы Дерини*).

В Гвиннеде Целители всегда пользовались наимного лучшей репутацией, чем все остальные Дерини. Люди меньше опасались Целителей, и лишь немногие из Целителей когда-либо обвинялись в злоупотреблениях способностями, даже в течение мрачайшего времени Междущарствия. Хотя Реставрация Халдейнов вернула людям права, привилегии и силу, которые подавлялись в Междущарствии, она, тем не менее, была произведена благодаря тому, что заплатили за это Дерини — все Дерини. По окончании короткого периода, во время которого некоторые Целители были вынуждены сотрудничать с регентами, иногда предавая не только своих, но и нарушая обет Целителя, даже они подверглись общим гонениям, которые обрушились на Дерини повсеместно. В последовавший за Реставрацией период, после разрушения известных деринийских школ и Орденов и все более разнуданных преследований, формальное обучение Целителей и по существу всех Дерини полностью прекратилось. Ни одна из способностей Дерини не могла быть использована открыто, даже в Целительстве. Отдельным Целителям, по всей видимости, удалось сохранить свое искусство для нескольких последующих поколений учеников, втайне обучая преемников под видом простых подмастерьев, не располагая центральными координирующими орга-

нами, чтобы сохранить главную часть знания Целителей, тестировать на профессиональность и поддерживать стандарты; основная же часть специфических знаний, накопленных за века, постепенно угасала и вскоре была утрачена. Лишь спустя несколько поколений, когда давление, оказываемое в целом на Дерини, начало ослабевать, таланты Целителей смогли вновь спонтанно проявиться в Дерини, таких, как Морган и Дункан, которые сначала использовали их инстинктивно, постепенно накапливая знания путем проб и ошибок, без какого-либо обучения и опеки или даже понимания заложенного в них потенциала.

Что касается основ Целительства, то прежде всего оно требует физического контакта. Целитель должен прикоснуться к своему пациенту, желательно недалеко от раны или места повреждения. Затем Целитель должен очень отчетливо представить себе, что он собирается совершить. Это предполагает, что ему необходимо располагать точным знанием того, как должно выглядеть нормальное здоровое тело. Из этого мы можем вывести, что Целители во время их обучения приобретают базовые знания о нормативной анатомии и физиологии человека так же, как врачи и военные хирурги. В случае крупных повреждений, таких, как перелом костей или различные типы разрывов тканей, визуализация Целителя в значительной мере более непосредственна. Сложнее лечить, когда повреждения не столь очевидны или затрагивают более сложные структуры, такие как внутренние органы, о функционировании которых известно намного меньше.

Непосредственные хирургические процедуры, отличные от исцеления повреждений, охватывают другую определенную, если не ограниченную область способностей Целителя. Первый пример исцеления этого рода, свидетелями которого мы стали, это случай с Целителем Симоном, произошедший шестидесять лет спустя после того, как мы впервые встречаемся с молодым послушником-Целителем в аббатстве святого Неота, когда он удаляет опухоль на предплечье Джилре д'Эйриала. (*Архивы Дерини*). Другие хирургические манипуляции могут включать вскрытие и дренаж абсцессов, удаление инородных тел, таких как наконечники стрел, и иногда даже проведение кесарева сечения.

Принципиальное ограничение такого целительства будет заключаться в способности визуализировать тело пациента,

которому возвращено здоровье. (Очевидно, все повреждения на микроскопическом уровне, как, например, предотвращение разрастания раковой опухоли, недоступны воздействию Целителя.) То, что Симон способен распознать злокачественную опухоль на руке Джилре, определить, что давление, оказываемое на нервы этой опухолью, вероятно, и является причиной того, что молодой человек не в состоянии действовать этой рукой, и провести соответствующую хирургическую операцию в полевых условиях, сделав анестезию, прооперировав опухоль и залечив разрез, позволяет признать, что он, по крайней мере, способен сам продолжить свое обучение после роспуска Ордена гавриилитов в 917 году. Постоянное пребывание Симона у руин аббатства святого Неота дает возможность предположить, что, по-видимому, другие Целители тоже возвратились в Гвиннед после того, как первоначальный размах преследований, развернутых регентами, пошел на убыль, возможно, были объединены секретной миссионерской подпольной организацией, которая, вероятно, осторожно распространялась по всему Гвиннеду. (Его приглашение Джилре присоединиться к нему у незапятнанного алтаря означает, что какое-то ответвление старого Ордена гавриилитов должно было сохраниться, даже если в него теперь принимались обычные люди наравне с Дерини.) Таким образом, знание анатомии — ключ к успеху Целителя, но, к сожалению, оно не имеет отношения к общему разделу медицины и механизму заболеваний — отрасль, в которой наиболее образованный Целитель может лишь ненамного превзойти хорошо обученного врача-человека. Связь между загрязнением ран и инфекциями тем не менее была замечена. И чистота ран и предметов, окружающих пациента, считалась важным элементом как людьми, так и врачами-Дерини, однако теория вирусов фактически не имела развития в течение многих столетий. Стандартная фармакопея обычного лечения симптомов была доступна практикующим врачам любых убеждений. Дерини же имели, кроме того, доступ к немногим особым снадобьям, отличающимся по своим свойствам от известных науке того времени природных средств, таких как мох-сфагнум и синеватый порошок, который, по-видимому, был плесенью, подобной пенициллину; сумка Целителя не столь уж богата лекарствами, когда дело доходит до непосредственного медикаментозного вмешательства. Целители неспособны вылечить обычную простуду или любые другие

подобные недомогания, которые мучили человечество на протяжении столетий. Другие таланты Дерини, не имеющие непосредственного отношения к Целительству, также могли быть использованы в этих целях. Способность «безболезненно усыпить пациента, прежде чем оперировать его... это благословение свыше, и неважно, откуда оно исходит», — замечает Дугал после того как Келсон помогает ему наложить шов на раненого солдата по окончании сражения. (*«Сын епископа»*). И в самом деле, сонные чары — одно из наиболее широко применяемых средств наряду со снятием боли, и обе способности обычно доступны всем Дерини, каким бы ни было их обучение.

В определенной мере большинство Дерини также могут научиться останавливать кровотечение, что, по сути, составляет простое применение психокинетических принципов, хотя для этого следует звать, когда, где и на какой срок прилагать соответствующее давление, чтобы не причинить большего вреда, чем пользы. Однако сама потеря крови не может быть восстановлена магией Дерини, что потерявший от горя рассудок Келсон имел все основания почувствовать очень хорошо, наблюдая, как утекает жизнь Сиданы из-под рук Моргана и Дункана. Если пациент умирает в результате потери крови, он не может быть возвращен к жизни, даже если травма, послужившая причиной этой потери, исцелена. (Камбер узнает это в результате неоднократного общения с Райсом. Таким образом, он должен был наложить заклинание, сохраняющее жизнь, прежде чем сам умрет от потери крови.)

Целитель не в состоянии произвести новую кровь, чтобы вновь заполнить кровеносные сосуды, не дошла до переливания крови и наука Одиннадцати Королевств. Традиционная медицина была лишь знакома с основной концепцией замены потерянной жидкости через рот и считала, что поглощение пациентом пищи и напитков позволяет поддерживать воспроизводство новой крови, однако такие меры, конечно, не всегда были достаточны. Для того чтобы есть и пить, пациент должен быть жив. Целители иногда могут казаться «чудотворцами» и не позволять смерти приблизиться в течение некоторого времени, но они, к сожалению, не обладают абсолютной властью над жизнью и смертью.

Наряду с этим, обыкновенные Дерини, которые постоянно работают с Целителями, часто обучаются применению и

других полумедицинских методов, как, например, мониторинг, регуляция дыхания и сердечной деятельности — защитные мероприятия, также широко применяемые во время исполнения определенных магических процедур, включающих вхождение в глубокий транс, находясь в котором, оператор может потерять контроль над функциями своего тела и попросту забыть о необходимости дышать. До некоторой степени контроль над температурой тела также возможен, хотя лишь в ограниченной мере; так, Целитель едва ли в состоянии справиться с сильным жаром у больного. Камбер способен несколько охладить жар собственного тела, прежде чем пройти ритуал посвящения в епископы («Святой Камбер»), однако когда Нигель спрашивает о возможности понизить температуру в зале, где будет происходить передача потенциала Халдейнов, Дункан сообщает ему, что это потребует расхода энергии, которая понадобится им для других целей.

С таким же успехом Целители способны действовать и вне пределов бренной плоти. Разум может быть источником болезней, не менее серьезных, чем тело. И именно в этой сфере целительства Дерини не-Целитель способен действовать с той же эффективностью, что и тот, кто располагает даром исцелять. Дерини-психолог, способный отличить правду от лжи и даже читать мысли пациента, часто может преодолеть подсознательное сопротивление и достичь уровней формирования ложных установок и даже иногда получить прямой доступ к причинам психических нарушений. Примеры этого типа лечения мы видим в попытках Райса и Джорема помочь Катану совладать со своим горем и чувством вины («Камбер Кулдский») и в работе Ориэля со сломленным Декланом Кармоди в «Скорби Гвиннеда». Кверон утверждает, что техника, которую он использует для проецирования воспоминаний Гвейра, также является эффективным способом лечения определенных ментальных заболеваний.

В сфере духовной и пастырской поддержки как Целители, так и не-Целители Дерини имеют отчетливые преимущества над простыми врачами, лечащими душу. Этим и может отчасти объясняться враждебность Церкви по отношению к духовенству Дерини, так как способность Дерини как духовников разглядеть именно то, что лежит на сердце кающегося, способствует большей эффективности пастырской деятельности Дерини по сравнению со священником-человеком.

Отличается ли бракосочетание Дерини от союза обычных людей?

Нам известны редкие случаи браков, носивших некоторые элементы магии, как, например, в браке Райса и Ивейн, Моргана и Риченды. Союз Синхила Халдейна с юной Меган де Каммерон носит чисто человеческие черты, так как оба с трудом решились на это, пытаясь приспособиться к тому, что было запущено силами, превосходящими возможности обоих. Причиной веры и решимости Меган быть хорошей женой ее будущего короля, который так нуждается в любви и поддержке, ради которого она готова пожертвовать своим возможным счастьем с тем, кто ближе ей по возрасту и интересам, если только король позволит себе испытывать по отношению к ней хотя бы некоторую привязанность, стали весьма человеческие чары. Без сомнения, происходит нечто таинственное в момент, когда Синхил впервые должен встретиться с невестой и дать брачный обет, оставив обязанности священника ради обязанностей короля. Он ощущает странное, трепетное чувство изумления, переходящее в страх, когда распускает волосы своей невесте, чтобы надеть ей на голову брачный венец. Позднее нечто волшебное продолжало происходить и в их супружеской комнате, что заставляет подавленного и запуганного Синхила, по крайней мере на короткое время, испытать удивление перед таинством брака, когда они скрепляют свой союз.

Следующий королевский брак, свидетелями которого нам позволили стать, оканчивается трагически, хотя в мучительном и вынужденном уходе и браке Келсона и Сиданы мы и видим проявления магии. Этот союз тоже был недобровольным. Враждебность Сиданы усиливалась злобой и ненавистью, которые испытывал по отношению к Келсону ее брат. Однако Келсону удастся убедить ее в необходимости заключить брак, не компрометируя себя, интересы своего королевства и своей суженой. Династические потребности оказываются сильнее его моральных принципов.

Ее согласие было получено, хотя не ясно, вынужден ли был бы Келсон прибегнуть к физическому или психическому давлению, не сумей он ее уговорить. Приворотная магия, имея свои собственные императивы, на благо или на беду, еще больше усиливает династические соображения. Если учесть, что первая цель брака — это рождение наследника, то физиче-

ское стремление Келсона к Сидане не было ни безрассудным, ни нежелательным. Келсону делает честь то, что ему удается убедить себя ко времени, когда настала пора вести невесту в церковь, что исполнение обязанностей может, в конечном счете, привести к возникновению хотя бы взаимного уважения. Видя, как его невеста приближается к алтарю, он молится:

— Прости меня, Господи, если я приду к твоему алтарю с сомнением в сердце... Сделай так, чтобы я полюбил эту женщину, которую беру в жены, и пусть она полюбит меня. Помоги мне, Господи, быть для нее мудрым и сострадательным мужем... Боже, она несет мир, как свой покров!.. Прошу тебя, Господи, пусть будет мир между нами, как и меж нашими землями. Я не хочу, чтобы меня заставляли убивать ее народ. Я не хочу убивать кого-либо еще. Я хочу нести жизнь, а не смерть. Помоги мне, Господи...

(«Сын епископа»)

Мы догадываемся, что Сидане, вероятно, тоже удастся избавиться от влияния своего брата и, по крайней мере, признать возможность того, что она сможет научиться любить этого красивого, могущественного короля. Но, увы, даже магия Дерини не способна уберечь Сидану от слепой преданности ее брата политическим убеждениям, хотя, видимо, он просто ревновал и не мог справиться со своими чувствами. Несмотря на то что и Морган, и Дункан обладают целительским даром, они не сумели спасти обреченную Сидану. Келсон под давлением своих сомнений так и не использует свои способности для того, чтобы узнать, каковы истинные чувства, которые испытывает к нему его суженая, и обрекает себя на то, что никогда не узнает о них.

Следующий брак Халдейнов не настолько трагичен, хотя не менее разрушителен и для этой пары. Росана более уступчивая невеста, чем Сидана, но лишь потому, что ее знания и опыт позволяют ей распознать и принять неотвратимую логику предложения Конала. Если Келсон, действительно, мертв, в чем уже никто не сомневается, то все доводы, которые использует Конал, чтобы убедить Росану принять его предложение, говорят в пользу того, что он в силе. Ее воспитание не позволяет ей горевать по поводу бессилия, когда существует возможность сделать столько хорошего для ее расы. И в этом от-

ношении Конал прав, когда говорит ей, что не изменилось ничего, кроме имени короля.

Таким образом, союз двух душ, который мог бы выпасть на ее долю в браке с Келсоном, в жизни с Коналом стал плохой пародией на то, как могла бы сложиться ее жизнь.

Можно возразить, что Росана способна разглядеть то, что скрывается за красивым фасадом, так как полагают, что она обладает достаточными знаниями и, без сомнения, старше невесты Келсона, когда заставляет его пережить все обстоятельства изнасилования принцессы Джаннивер. Но нужно помнить, что она рождена, как и все Дерини, для того, чтобы исполнить свой долг, свое предназначение. Этикет Дерини не позволяет воздействовать на чье бы то ни было сознание, если в этом нет крайней необходимости, к тому же Росана не имеет оснований подозревать Конала. Его происки не могут раскрыть даже более искушенные Дерини: Конал принадлежит к династии Халдейнов, и кто знает, что доступно, а что не доступно им?

Даже такие умудренные опытом Дерини, окружающие Конала, как Морган, Дункан и Арилан, на время введены в заблуждение.

Разве Росана могла ожидать, что Конал потребует близости, что по существующим правилам могло случиться только после свадьбы? Если он вообще знал что-либо о таких правилах, несомненно, на его совести было достаточно подобных дел за то время, когда он внезапно превращается из принца в регента, короля во всем, кроме имени. Он говорит, что любит ее, и он действительно ее любит, только по-своему, желая обладать ею. Он убеждает ее стать королевой-Дерини, которая так необходима Гвиннеду, в чем некогда убеждал ее Келсон. Он не лжет ей, он просто не говорит всей правды. Даже считывание мыслей не нашло бы здесь и пятнышка гнили.

Таким образом, Росана, пораженная внезапностью такой любви, оставляет церковь, теряет того, с кем была обручена, и затем в ответ на предложение, по крайней мере, части того, о чем мечтала, действует куда более зрело, чем можно ожидать от восемнадцатилетней девушки. Она делает выбор, который может изменить жизнь ее народа.

Теперь, когда Конал мертв, нам остается наблюдать, какими станут отношения Росаны и Келсона. Можно предположить, что Росана более чем сдержана в использовании своих возможностей для подтверждения того, что кажется очевид-

ным, даже когда речь идет о простых человеческих чувствах. И если когда-либо Келсон и Росана соединятся, мы станем свидетелями редких и великолепных проявлений магии Дерини.

Нам известны по крайней мере еще два брака между Дерини. Мы не располагаем подробностями бракосочетания Райса и Ивейн, зная лишь, что обряд проходил в восьмиугольной часовне михайлинцев в зиму перед возвращением трона Синхилу, когда Дерини были вынуждены скрываться. Это явно был союз двух родственных душ. «Райс и я едины и душой, и сердцем, и телом», — говорит Ивейн Ревану. — Мы не можем желать более полного единения в этой жизни.» (*«Камбер-еретик»*).

Сама по себе церемония была весьма скромной, свидетелями были лишь близкие и несколько михайлинцев, живших поблизости; однако не исключено, что Джорем включил в ритуал много элементов магии Дерини.

Венчание Моргана и Риченды дает еще больший простор для размышлений, если принять во внимание, что их взаимоотношения проявлялись порой весьма бурно. Хотя по положению новобрачных это союз государственной важности, недавнее вдовство Риченды и дурная репутация Моргана как Дерини должны были уменьшить значение события.

Свадьба состоялась в Марли 1 мая 1122 года, священником, проводившим церемонию, был Дункан, а юный сын Риченды Брендан — одним из свидетелей. Вне пределов небольшого круга близких ни Риченда, ни Дункан не были известны как Дерини, и мы можем быть уверены, что, по крайней мере внешне, магия не включалась в обычный свадебный обряд.

Однако независимо от того, был или не был Морган Дерини, его герцогский титул и дружеские отношения с королем, вероятно, послужили причиной того, что свадьба оказалась очень пышной, и ее, может быть, почтил своим присутствием сам король Келсон. И ни новобрачным, ни священнику Дерини было не нужно, чтобы церемония хоть чем-то отличалась от формальной. Когда-нибудь мы узнаем и об этом.

И наконец свадьба самого Келсона, как она описана в романе *«Невеста Дерини»*:

Как и полагалось по обычаю, сперва Келсон с новобрачной подошли к боковой часовне Богоматери, дабы возложить к алтарю розы, украшавшие прежде волосы невесты, в то время как члены семьи и вельможи занимали места, дабы

стать свидетелями коронации королевы. Но и здесь тоже Келсон отчасти нарушил обычай.

Когда затих перезвон колоколов, он подвел Аракси к скромной молитвенной скамеечке, установленной там, где на полу была печать святого Камбера, прежде чем подойти с ней к архиепископам, ожидавшим у алтаря. Затем он отступил туда, где сидели его родичи и друзья, взяв у Нигеля свою корону, в тот самый миг, когда Аракси преклонила колена, дабы получить миропомазание от архиепископа Брадена, который затем накинул ей на плечи королевскую золотую мантию, украшенную изображениями халдейских львов, а архиепископ Кардиель вынес сверкающую, украшенную жемчугом корону, полагавшуюся королеве Гвиннеда.

Разумеется, Кардиель не был Дерини, но когда он поднял корону над ее головой со священными словами молитвы, Келсону показалась, что чья-то светлая тень возникла рядом с архиепископом и положила свои руки на его ладони, совместно возлагая венец на голову Аракси. Сияние, вспыхнувшее вокруг нее в этот миг, было невидимым для человеческих глаз, но даже Кардиель ощутил его.

Морган, стоявший по правую руку от Келсона, увидел этот свет, как увидели его Дугал и Дункан, стоявшие с другой стороны. Келсону подумалось, что зрелище это могло быть лишь иллюзией, ибо множество Дерини сейчас взирали на королеву, и кто знает, что за силу они могли призвать?

Как бы то ни было, никто из обычных людей не заметил ничего особенного, но все они вознесли свои голоса в радостном пении, когда Келсон подошел, чтобы помочь королеве подняться, и колокола вновь начали торжественный перезвон. У Гвиннеда наконец появилась королева... Их поцелуй был сладким, как мед, и Келсон даже не мог толком вспомнить позднее, как они вместе вышли из собора на солнечный свет, чтобы принять приветствие толпы.

(«Невеста Дерини»)

Список персонажей романов Кэтрин Куртц

Аарон, брат — имя, под которым *Кверона* знали виллимиты

Аврелиан, отец — юный гавриилитский Целитель, укрывшийся вместе с *Грегори* в *Тревалле*.

Агата — служанка в Ремутском замке.

Агнес Мердок, леди — дочь *Мердока Картанского*, супруга *Рана Хортнесского*, графа *Шиильского*.

Аделиция Хортнесская — дочь *Рана*.

Адриан Мак-Лин, лорд — внук сестры *Камбера Эйслинн* и отец *Камбера-Эллина* (он же *Камлин*); убит вместе с сыном *Райса* и *Ивейн Эйданом* в *Трурилле*, солдатами регентов

Азим, принц — младший брат эмира *Нур-Халайского*, дядя принцессы *Росаны*, выдающийся маг и член *Камберианского Совета*.

Айвер Мак-Иннис — сын *Манфреда*, граф *Кирнийский*, взял в жены леди *Ричелдис Мак-Лин*.

Алана д'Ориэль — супруга Целителя *Ориэля*.

Аларик — см. *Морган*

Александр — разведчик *Мак-Ардри*

Алоизий, отец — каноник *Валоретского собора*.

Алрой Беренд Брион Халдейн, король — поконный владыка *Гвиннеда* (917-921), брат-близнец короля *Джавана*.

Алрой, король — последний король *Торента*, старший сын герцога *Дионела Арьенольского* и принцессы *Мораг*, сестры *Венцита*; погиб в итоге падения с лошади на охоте летом 1123 г. вскоре после того, как ему исполнилось четырнадцать лет; ему наследовал младший брат *Лайем*, девятилетний. Многие в *Торенте* полагали, что «несчастный случай» подстроен *Келсоном*, дабы устранить соперника, достигшего совершеннолетия.

Альберт, лорд — великий магистр *Equites Custodum Fidei*; в миру — *Питер Синклер*, бывший граф *Тарлетонский*; брат *Полина Рамосского* и отец *Боннера Синклера*, нынешнего графа; гофмаршал *Гвиннеда*.

Альбин Халдейн, принц — сын и наследник покойного принца *Конала* и принцессы *Росаны*.

Альфей, архиепископ — патриарх *Торента*, глава *Торентской Церкви*.

Альфред Вудборнский — епископ *Ремутский*, бывший исповедник короля *Синхила*.

Амброс, отец — духовник королевы *Джеханы*.

Амелия (Коналина) — незаконнорожденная дочь принца *Конала*.

Амори Макрори, лорд — сын и наследник *Рори Макрори*, графа *Кулнанского* в *Торенте*, *Дерини*.

Ангелика — повитуха в *Лохаллине*.

Ангус Мак-Эван, сэр — сын и наследник герцога *Эвана Клейборнского*.

Анна Квиннел, принцесса — дочь князя *Эмберта Кассанского*, супруга *Фейна Фитц-Артура*, мать *Тамберта*, первого герцога *Кассана*.

Анналинда, принцесса — сестра-близнец *Ройзиан Меарской*. После бракосочетания *Ройзиан* с королем *Малкольмом Халдейном* в 1025 г. приверженцы *Анналинды* утверждали, что она, а не *Ройзиан*, родилась первой из двух сестер, и, таким образом, является законной наследницей

Меарской короны. Ее потомки — Меарские самозванцы.
Кэйтрин Кинетт — нынешняя Самозванка.

Ансель Айрил Мак-Рори, лорд — младший сын покойного *Катана*, внук *Камбера*, глава повстанцев-Дерини.

Аракси Леана Халдейн, принцесса — младшая дочь покойного принца *Ричарда* и принцессы *Сиворн*, сестра *Ришель*, племянница *Хорта Орсальского*.

Ардри, Мак-Ардри — старший сын и наследник *Каулая*; убит в 1107 г. в возрасте 20 лет в ссоре с одним из *Мак-Лайнов*.

Арилан, Денис, епископ — бывший помощник епископа *Ремута*, ныне епископ *Дхассы*, 39 лет; тайно — *Дерини* и член Камберианского Совета

Арион Торентский, король — правитель *Торента*, старший брат принца *Миклоса* и принцессы *Кариссы*.

Аркад Второй, король — правитель *Торента* (1025-1080), прадед короля *Венцита* и принцессы *Мораг*, брат принца *Никкола*.

Асцелин, отец — священник *Custodes*, настоятель базилики св. *Хилари* в *Ремуте*, преемник отца *Бонифация*.

Баррет де Ланей — старый *Дерини*. Слепой сопредседатель Камберианского Совета

Бартон, отец — священник *Custodes Fidei*.

Бахадур-хан — правитель *Р'Касси*.

Бевис, отец — гонец из *Святого Айвига*, сообщивший *Келсону* о бегстве *Лориса*

Белден из Эрни, епископ — епископ *Кашиенский*

Бенойт, отец — кандидат на должность епископа *Меарского*

Берронес, граф — торентский придворный, распорядитель церемоний, *Дерини*.

Берти, Мак-Ардри — юный житель Пограничья, раненый в стычке, получивший помощь от *Дугала*

Биргита О'Кэррол — жена *Урсина О'Кэррола*, мать *Каролана*

Болдуин — стражник Ремутского гарнизона, участник нападения на *Ориэля*.

Бонифаций, отец — прежний настоятель базилики *св. Хилари* в *Ремуте*, ныне покойный.

Боннер Синклер, лорд — граф Тарлетонский, сын *Питера Синклера*, бывшего графа Тарлетонского (ныне лорда *Альберта*, главы *Equites Custodum Fidei*); племянник епископа *Полина*.

Борг — лучник на службе у *Манфреда*.

Браден, епископ — бывший епископ *Грекоты*, ныне архиепископ *Валорета* и примас *Гвиннеда*

Брайс — барон *Трурилл*

Бранинг, граф — *Дерини*, владелец графства *Состра* в *Торенте*.

Брендан, **Корис** — шестилетний граф *Марли*, сын *Брэна* и *Риченды*

Брион, **Донал Синхил Уриен Халдейн**, король — покойный отец *Келсона*, убит в *Кэндор Реа* волшебством *Кариссы* в 1120 г.

Бриони, **Бронвин де Морган** — маленькая дочь *Моргана* и *Риченды*, род. в январе 1123 г.

Бронвин Морган — сестра *Моргана*, изведенная колдовством в *Кулди* вместе со своим женихом, братом *Дункана Кевином*.

Брэн, **Корис**, граф *Марли* — государственный изменник, бывший муж *Риченды*, убит *Келсоном*

Бурхард де Вариан — властитель *Истмарка*, который получил в награду за службу во время *Торентской войны*.

Валентин — военачальник *Марека Фестила*.

Ванисса — бывшая любовница принца *Конала*, мать его дочери *Коналины-Амелии*.

Барин де Грей — самозванный пророк, поверивший некогда, что избран уничтожить всех *Дерини*; обладает целительной мощью, которая, похоже, исходит не из деринийских источников

Барнариты — адепты *Дерини*, ученые, основавшие в *Грекоте* прообраз университета в конце VII — начале VIII вв.; от этого ордена в 745 г. отделились гавриилиты.

Вассил Димитриадес — кастелян *Летальда Орсальского*.

Венцеслав, брат — монах из *Святого Айвига*

Венцит Торентский — *Дерини*, король-чародей *Торента*, унаследовал Фестилийские притязания на престол *Гвиннеда*; убит *Келсоном* при *Линдрит Медоуз* в 1121 г.

Вивьен — *Дерини*, пожилая сопредседательница Камберинского Совета.

Виллиам, святой — ребенок, якобы замученный *Дерини*; святой покровитель движения *виллимитов*; младший брат св. *Эркона*.

Виллимиты — анти-деринийское движение, практически уничтоженное во времена правления короля *Имре*, вновь возникшее при короле *Синхиле* как фундаменталистская религиозная секта, ставящая своей целью силой заставить *Дерини* отказаться от своих способностей и принять покаяние.

Вильям де Боргос, лорд — владелец лучшего рысака в Одиннадцати Королевствах.

Виннифред, сестра — монахиня в монастыре св. *Остри*ты.

Вольфрам де Бланет, епископ — прежде странствующий епископ, ныне — исполняет епископские обязанности в *Грекоте*

Гавриилиты — священники и Целители ордена св. Гавриила, деринийского эзотерического братства, основанного в 745 г. и базировавшегося в *аббатстве св. Неота* вплоть до 917 г., когда этот орден был разогнан, а большинство братьев убиты; особенно славился своими Целителями.

Галлард де Бреффни, сэр — рыцарь *Custodes*.

Гамильтон — сенешаль замка *Моргана* в *Короте*

Гаэтан — слуга в *Хортанти*.

Гвейр Арлиссский, лорд — бывший помощник *Элистера Келлена*, один из основателей ордена Слуг св. Камбера.

Гвенлиан, принцесса — сводная сестра короля *Колмана*, наследница *Лланнедского* престола.

Гендон — сержант на службе *Брайса Труриллского*

Георгий, брат — умирающий монах в *Arx Fidei*.

Гидеон, сэр — управляющий графа *Мердока* в *Найфорде*.

Гизела Мак-Лин — племянница *Иена*, графа *Кирнийского*, сестра *Ричелдис*, убита по приказу регентов.

Гиллеберт — *виллимит*, бывший *Дерини*.

Гильберт, Десмонд, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Гискард де Курси, сэр — сын барона *Этьена де Курси*, скрытый *Дерини*, подсланный *Джоремом* ко двору в помощь *Джавану*, погиб в 922 голу.

Глодрут, полководец — служит *Келсону*, прежде был на службе у герцога *Джареда Мак-Лайна*

Годри — *виллимит*, бывший *Дерини*, последователь *Ревана*.

Годуин — один из полководцев *Келсона*

Гонория Кармоди — супруга Целителя *Деклана Кармоди*, казнена вместе с детьми по приказу регентов.

Горони, Лоренс — помощник архиепископа *Лориса*

Грегори Эборский, лорд — *Дерини*, граф Эборский, один из первых членов Совета Камбера; отец *Джесса*.

Грон, герцог — владыка *Коннаита*.

Грэхем Мак-Эван, лорд — третий герцог Клейборнский, сын *Эвана*, племянник графов *Сигера* и *Хрорика*.

Гэвин, сэр — бывший оруженосец *Алроя*.

Давет Неван, епископ — покойный епископ без кафедры.

Даворан — паж короля *Келсона*.

Даити, отец — священник *Custodes* в *Ремуте*, королевский духовник после отца *Фазлана*.

Данок, граф — один из приближенных *Келсона*

Де Курси — см. *Этьен* и *Гискард де Курси*.

Девлин — менестрель клана *Мак-Ардри*

Десклан Кармоди — *Дерини*, служивший регентам, державшим в заложниках его жену и двоих сыновей; был казнен по приказу *Мердока*.

Делеси, епископ — бывший епископ *Стэвенхэма*, умер от пневмонии в 1122 г.

Дениол, брат — помощник брата *Полидора*.

Дерини — раса, наделенная сверхъестественными способностями.

Дермот О'Бирн, епископ — изгнанный и объявленный вне закона епископ Кашиенский.

Дерри, Шон — молодой рыцарь на службе у *Моргана*, член Королевского Совета.

Дэрфель, отец — капеллан в замке *Лохаллин*.

Дескантор, епископ Кай — см. *Кай Дескантор*.

Джаван Джешен Уриен Халдейн, король — брат-близнец короля *Алроя*; хромой от рождения, царствовал с

921 по 922 год, был предательски убит своими советниками.

Джайлс — главный из оруженосцев *Келсона*

Джаннивер, принцесса — коннаитская принцесса, бывшая невеста короля *Колмана*.

Джаред, Мак-Лайн — герцог *Кассан*, отец *Кевина* и *Дункана Мак-Лайнов*; захвачен в Ренгарте и казнен *Венцитом Торентским* в *Линдрут Медоуз*, в 1121 г.

Джатам, сэр — бывший оруженосец *Келсона*, влюблен в принцессу *Джаннивер*.

Джебедия Алькарский, лорд — *Дерини*, покойный глава ордена св. Михаила; один из основателей Совета Камбера.

Джеймс — придворный лекарь.

Джеймс Драммонд, лорд — покойный внучатый племянник *Камбера*, второй муж овдовевшей *Элинор*; отец *Микаэлы* и *Катана*.

Джейсон, сэр — пожилой рыцарь, преданный *Джавану*.

Дженас, граф — сын графа *Дженаса*, который пал при *Кэндоре Реа*

Джервис — слуга в замке *Лохаллин*.

Джеробоам — монах проповедник, устроивший побег *Лориса* из *Святого Айвига*

Джеровен Рейнольдс, лорд — законник, член королевского совета.

Джером, брат — старший ризничий в *Соборе Святого Георгия* в *Ремуте*

Джесс Мак-Грегор, лорд — *Дерини*, старший сын и наследник графа *Грегори*; член Совета Камбера.

Джета́м — оруженосец *Келсона*

Джеффри, архиепископ — *Дерини*, покойный архиепископ Валоретский.

Джехана — королева, *Дерини*, мать *Келсона*, вдова короля *Бриона*, 39 лет.

Джилиан, мать — глава Служителей святого *Камбера*.

Джокал Тиндурский — *Дерини*, Целитель и поэт.

Джолион — последний суверенный правитель *Меари*, отец дочерей-близнецов, *Ройзиан* и *Анналинды*, и еще одной, младшей дочери

Джон Нивард, отец — священник-*Дерини*, исповедник короля *Келсона*.

Джон, брат — личина *Ивейн*

Джоревин Кешельский — *Дерини*, автор мистических текстов.

Джорелл — молодой барон из свиты *Келсона*, держит земли в *Кирни*

Джорем Мак-Рори, отец — младший сын *Камбера*; брат *Ивейн*; священник и рыцарь ордена св. Михаила; один из основателей Совета *Камбера*; возглавляет повстанцев-*Дерини*.

Джоффри Мак-Лин, лорд — покойный младший брат *Иена*, отец *Ричелдис* и *Гизелы*.

Джошуа Делакруа, лорд — глава рыцарей *Custodes* в *Рамосе*.

Джулиана Хортнесская, леди — старшая дочь *Рана*, которую тот намеревался выдать замуж за короля.

Димитрий — *Дерини* на службе у *Полина*.

Донал — писец в Ремутском замке.

Донал, Блейн Халдейн — король, дед *Келсона*, умер в 1095 г.

Донат, отец — личина отца *Кверона Киневана*.

Драммонд — см. *Катан*, *Элинор*, *Джейми* и *Микаэла Драммонд*.

Дрого Паланс, сэр — кастеллан *Рана* в *Шииле*.

Дуалта Джерриот, лорд — рыцарь-михайлинец.

Дугал Мак-Ардри — поборатим *Келсона*, 15 лет, танист клана *Мак-Ардри* и наследник *Траншийский*

Дункан Говард Мак-Лайн — священник-*Дерини*, кузен *Моргана*, 31 г., герцог *Кассан* и граф *Кирни*, каковым стал после смерти отца и старшего брата

Дэвин Мак-Рори, лорд — покойный старший брат *Ансе-ля*.

Дювесса (Синклер), княгиня — вдовствующая княгиня *Кассанская*, мать *Анны Квиннел*.

Екатерина, принцесса — дочь князя *Якского*, 17 лет.

Ивейн Мак-Рори Турин, леди — *Дерини*, дочь *Камбера*; сестра *Джорема*; вдова *Райса Турина* мать *Райсиль* и *Тиега*; одна из основателей Совета *Камбера*; погибла в 918 году при попытке освободить отца от действия сдерживающего заклатья.

Иво Хэпберн — паж короля *Келсона*.

Иддин Веска — стражник при дворе *Хорта Орсальского*.

Иен Мак-Лин, лорд — граф *Кирнийский*; отец покойного *Адриана Мак-Лина*; племянник *Камбера*.

Иеруша Ивейн Турин — новорожденная дочь *Ивейн* и *Райса*; будущая *Целительница*.

Имре, король — пятый и последний король *Гвиннеда* из рода *Фестилов* (годы правления 900-904); отец *Марка Фестилла*, от своей сестры *Эриеллы*.

Иоахим, брат — *виллимит*, основной последователь *Ревана*.

Иодота Карнедская — *Дерини*, ученица *Великого Орина*.

Иосиф — стражник в *Ремутском* замке.

Ирней, отец — *торентский священник*, уховник короля *Лайема*.

Истелин Генри, епископ — прежде странствующий епископ; помощник архиепископа *Брадена*

Ител — принц, старший сын и наследник *Меарской Самозванки*, казнен королем *Келсоном*.

Ифор, епископ — епископ *Марбери*

Каила, леди — поэтесса.

Кай Дескантор, епископ — *Дерини*, епископ без кафедры, погибший при попытке уничтожить Портал в ризнице Валоретского собора.

Кайри, госпожа — *Дерини*, ок. 30 лет, известна как Кайри Огненная, член Камберианского Совета

Кайрил — религиозное имя *Камбера*.

Камбер Кайрил Мак-Рори, святой — бывший граф Кулдский; отец *Джорема* и *Ивейн*; канонизирован как св. Камбер в 906 г.; канонизация отменена Рамосским Советом в 917 г.

Камил, принц — старший сын и наследник *Софианы* Анделонской.

Камлин Мак-Лин, лорд — сын покойного *Адриана Мак-Лина* и его законный наследник; выжил, будучи распятым солдатами регентов в *Трурилле*; ныне один из повстанцев-*Дерини*.

Кардиель, Томас, епископ — прежний епископ *Дхасский*, ныне архиепископ *Ремутский*, 44 года

Карисса — *Дерини*, последняя, кто воспользовался Фестилийскими притязаниями на престол *Гвиннеда*; убита Келсоном в день его коронации на чародейском поединке.

Карисса, принцесса — супруга *Марека Фестила*, мать его сына и наследника.

Карлан Кай Морган, сэр — бывший оруженосец *Джавана*, его помощник.

Кароли, отец — торентский священник.

Кароллан О'Кэррол — Дерини, сын *Урсина О'Кэррола*.

Карстен, епископ — покойный епископ *Меары*

Каспар, герцог — торентский Дерини.

Катан Драммонд — брат *Микаэлы*, сын *Элинор* и *Джейми Драммонда*, сводный брат *Ансея*, оруженосец *Райса-Майкла*.

Катан Мак-Рори — покойный старший сын *Камбера*, отец *Ансея* и погибшего *Девина*.

Каулай Мак-Ардри — см. *Мак-Ардри*

Кверон Кинсван, отец — бывший гавриилитский священник и Целитель, основатель ордена Слуг св. Камбера; позднее — член Совета Камбера, помощник «крестителя» *Ревана*.

Квирик Фитц-Артур — сын *Таммарона*, паж при дворе.

Кевин Мак-Лайн — граф *Кирни*, единокровный брат *Дункана*

Келлен, епископ Элистер — см. *Элистер Келлен*.

Келрик Алайн Морган — младший сын *Моргана* и *Риченды*.

Келсон Синхил Райс Энтони Халдейн, король — правитель *Гвиннеда*, сюзерен *Торента*, сын короля *Бриона* и королевы *Джехань*, Дерини, 21 год.

Кеннет Рорау — племянник Термоды Рорау, брат *Судри*; погиб в 918 году, защищая герцога *Эвана*.

Кеннет Хоувелл — новорожденный сын *Стейси Истмаркской* и *Корбана Хоувелла*.

Кенрик, отец — беглец-гавриилит, нашедший приют у епископа *Нисллана*.

Керис д'Ориэль — дочь *Ориэля*.

Кешел Мердок — младший сын *Мердока Картанского*.

Киард О'Руан — старый слуга *Дугала*

Кимболл, отец — настоятель *Custodes* аббатства св. Кассиана.

Кинкеллиан — клановый бард в *Транийском* замке

Киннелл — фамилия *Меарской* Самозванки *Кэйтрин*

Китрон — Дерини; автор манускрипта «*Principia Magica*».

Клойс Кларендон, сэр — рыцарь *Custodes*.

Козим — личный лекарь-Целитель принца *Миклоса*.

Коддер Шиильский, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*, не имеющих своего диоцеза

Коллос — Дерини, предполагаемый брат *Димитрия*.

Колман, король — правитель *Лланнеда* и *Ховиса*, бывший жених принцессы *Джаннивер*.

Колумкиль, отец — священник в *Лохаллине*.

Конал Халдсейн, принц — старший сын принца *Нигеля*, предатель, казнен по приказу Келсона.

Конал, принц — старший сын принца *Нигеля*

Конкеннон, отец Марк — см. *Марк Конкеннон*.

Конлан, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Коннор — валоретский стражник, на службе регентов.

Корам, Стефан — *Дерини*; покойный сопредседатель Камберианского Совета

Корбан Хоувелл, лорд — супруг *Стейси Истмаркской*.

Корриган, Патрик, архиепископ — покойный архиепископ *Ремута*, скончался от сердечного приступа в 1121 г.

Коруна, сэр — рыцарь, служивший королю; ныне покойный.

Креода — епископ и после упразднения его прежнего епископата в *Кэрбери*

Кристофель, брат — младший сын сэра *Джолиона Рэмси* *Меарского* и леди *Осканы*.

Кронин, брат — аббат обители *св. Марии-на-Холмах*.

Куан, принц — кузен короля *Колмана*, его наследник в *Ховисе*.

Кустодес Фидеи (*Custodes Fidei*) — Хранители Веры; религиозный орден, основанный *Полином Рамосским*, с целью реформировать религиозное обучение в *Гвиннеде* и уничтожить *Дерини*.

Кэболл, **Мак-Ардри** — управляющий *Траншийского* замка, один из младших вождей клана *Мак-Ардри*; следующий после *Дугала* наследник вождя

Кэйтрин Киннелл, принцесса — *Меарская* Самозванка, 61 г.

Лайем-Лайос II Лионел Ласло Фурстан Арьенольский, король — средний сын герцога *Лионела* и принцессы *Мораг*, 14 лет, король *Торента* по смерти старшего брата, с лета 1123, *Дерини*.

Ларан ап Пардис — врач-*Дерини*, 16-й барон Пардис, ок. 58 лет; член Камберланского Совета

Ласло, граф — торентский *Дерини*.

Лахлин Карлийский — епископ

Летальд, Хорт Орсальский, Князь Тралийский — владыка *Орала* и *Тралии*, муж принцессы *Нийи*, брат *Сиворн*, дядя *Аракси* и *Ришель*.

Лизель — имя, под которым знали во дворце *Райсиле Турин*.

Лионел, герцог — герцог *Арьенольский*, *Дерини*, отец племянников и наследников *Венцита*; убит *Келсоном* при *Линдрут Медоуз*, в 1121 г.

Лиор, отец — верховный инквизитор *Custodes Fidei*.

Лирин Удаут, леди — дочь коннетабля *Гвиннеда*, жена *Ричарда Мердока*.

Альюзл, принц — младший сын меарской Самозванки,

казнен по приказу *Келсона* за убийство своей сестры, принцессы *Сиданы*.

Лоренцо, брат — переплетчик.

Лорис, **Эдмунд**, епископ — фанатически антидеринийский бывший архиепископ *Валорета* и бывший примас *Гвиннеда*; лишен должностей и сослан в строгое заключение в *Аббатство Святого Айви* своими собратьями епископами в 1121 г.

Лурик — стражник при Орсальском дворе.

Льюис ап Норфал — *Дерини*, отвергший власть Камберланского Совета

Льютерн — *Дерини*, автор мистических текстов.

Маган, отец — молодой священник *Дерини*, помощник *Лиора*.

Маири Мак-Лин, леди — вдова *Адриана*, мать *Камлина*.

Майкл Мак-Ардри — второй сын *Каулая*

Мак-Айре — разведчик в отряде *Келсона*

Мак-Ардри — см. *Ардри*, *Берти*, *Кэболл*, *Каулай*, *Дугал*, *Мариса*, *Майкл*, *Сикард*

Мак-Грегор — родовое имя, взятое *Джессом*, сыном *Грегори Эборского*.

Мак-Грегор, епископ *Эйлин* — помощник *Хьюберта* в *Валорете*.

Мак-Дара, **Имонн** — деринийский поэт родом из *Меары*, автор поэмы «Дух Ардала».

Мак-Иннис — см. *Эдвард*, *Хьюберт* и *Манфред Мак-Иннис*.

Мак-Лейн — см. *Дункан*, *Джаред*, *Кевин*

Мак-Лин — см. *Адриан*, *Эйслин*, *Камлин*, *Фиона*, *Джоффри*, *Гизела*, *Иен*, *Маири* и *Ричелдис Мак-Лин*.

Мак-Рори — родовое имя *Камбера*; см. *Ансель*, *Камбер*, *Катан*, *Девин*, *Ивейн* и *Джорем Мак-Рори*.

Малкольм Халдейн, король — прадед *Келсона*, женился на *Ройзиан*, старшей дочери последнего властителя *Меары*, намереваясь через этот союз навечно и мирно присоединить *Меару* к *Гвиннеду*; ум. 1074

Манфред Мак-Иннис, лорд — граф Кулдский, бывший регент *Гвиннеда*; старший брат архиепископа *Хьюберта*; отец *Айвера* и епископа *Эдварда*.

Марек Фестил, принц — сын *Имре* и *Эриеллы*, наследник рода *Фестилов*.

Мариса Мак-Ардри — старшая дочь *Каулая Мак-Ардри*; ум. 1108 в 17 лет

Марк Конкеннон, отец — канцлер *Custodes Fidei*, руководящий всеми семинариями и иными учебными заведениями *Гвиннеда*.

Марлук — Хоган Гвернах, отец *Кариссы*, *Дерини*; убит королем *Брионом* в чародейской схватке, 1105

Матиас Фурстан Комнэне, принц — брат графа *Махаэля* и графа *Теймураза*, дядя *Лайема*, *Дерини*.

Махаэль Фурстан Арьенольский, герцог — *Дерини*, брат убитого *Лайонела*; регент, вместе с принцессой *Мораг* при юном короле *Лайеме-Лайосе*.

Мерауд, герцогиня — жена *Нигеля*, мать *Конала*, *Рори*, *Пейна*, *Эйриан*.

Мердок Картанский, лорд — граф Картанский; бывший регент короля *Алроя*, отец *Агнес*, *Кешела*, *Ричарда*; убийца герцога *Эвана Клейборнского* и *Деклана Кармоди*.

Микаэла Драммонд — дочь *Элинор* и *Джейми*, сестра *Катана*, супруга короля *Райса-Майкла*, мать принца *Оуэна Халдейна*.

Миклос Фурстан, принц — *Дерини*, младший брат короля *Ариона Торентского*, союзник *Марека Фестила*.

Мир де Кирни, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Михайлинцы — священники, рыцари и братья-миряне

ордена св. Михаила, объединявшего воинов и ученых, преимущественно *Дерини*; основан во времена правления короля Беренда Халдейна для борьбы с нашествием мавров и защиты побережья; уничтожен регентами короля *Алроя*.

Михон де Курси, лорд — член Камберианского Совета.

Мораг, принцесса — *Дерини*, сестра *Венцита Торентского* и вдова *Лайонела*; мать нынешнего короля *Лайема* и принца *Ронала-Рурика*.

Морган, **Аларик Энтони** — *Дерини*, герцог *Корвин*, Защитник Короля, 32 г., кузен *Дункана Мак-Лайна*, муж *Риченды*

Моррис, епископ — покойный странствующий епископ

Мортимер — один из полководцев *Келсона*

Мюррей — воин из *Истмарка*.

Неван, епископ *Давет* — см. *Давет Неван*.

Несел — стражник ремутского гарнизона, участвовавший в нападении на *Ориэля*.

Нигель Клаум Гвидион Райс Халдейн — герцог *Картмур*, младший брат *Бриона*, 36 лет; дядя и пока что — наследник *Келсона*

Нигель Клаум Гвидион Райс Халдейн — герцог *Картмур*, младший брат *Бриона*; дядя и пока что — наследник *Келсона*.

Нисва Фитц-Артур, леди — супруга *Таммарона*, мать четверых его сыновей; вдова покойного графа *Тарлетонского*, мать его сына *Петера* (впоследствии — *Альберта*) и *Полина Рамосского*.

Нислан Трей, епископ — *Дерини*; объявленный вне закона епископ *Дхасский*; позднее — член Совета Камбера, друг *Джорема Мак-Рори*.

Нийя, принцесса — супруга *Летальда Орсальского*.

Никарет — *Дерини*, вдова, кормилица новорожденной дочери *Ивейн Иеруши*.

Никкол, принц — брат короля *Аркада*, отдавший за него жизнь.

Николас — слуга в замке *Лохаллин*.

Норрис — стражник в *Валорете*, на службе у *Рана*.

Ноэли, принцесса — дочь *Джолиона* и *Осканы Рэмси*.

Нэд — кузнец в михайлинском убежище.

О'Кэррол — см. *Урсин*, *Биргит* и *Кароллан О'Кэррол*.

О'Бирн, епископ Дермот — см. *Дермот О'Бирн*.

О'Нилл, лорд Тавис — см. *Тавис О'Нилл*.

Ордо Верби Деи (*Ordo Verbi Dei*) — орден Слова Господня.

Ордо Вокс Деи (*Ordo Vox Dei*) — орден Гласа Господня.

Орин — адепт *Дерини*, мистик; автор «Протоколов Ори-на», свитков, содержащих особо могущественную деринийскую магию.

Орисс, архиепископ Роберт — архиепископ Ремутский; бывший верховный настоятель *Ordo Verbi Dei*, член королевского совета.

Ориэль, мастер — Целитель на службе у регентов, убит во время переворота в 922 году.

Оскана, леди — супруга сэра *Джолиона Рэмси*, мать *Брекона*, *Ноэли* и *Кристофеля*.

Оуэн Джаван Синхил Халдейн, принц — четырехлетний кронпринц *Гвиннеда*, сын *Райса-Майкла* и *Микаэлы*.

Парган Ховиккан — см. *Ховиккан*, *Парган*.

Патрик, брат — *виллимит*, бывший *Дерини*, один из последователей *Ревана*.

Пейн, принц — младший сын *Нигеля*, паж короля Келсона.

Перрис — один из полководцев *Келсона*

Полидор, брат — лекарь *Custodes* в аббатстве св. Кассиана.

Полин (Синклер) Рамосский, епископ — младший сын графа Тарлетонского, пасынок графа *Таммарона*; основатель ордена Братьев св. *Эркона* (912 г.); первый епископ Стэвенхемский; отказался от этого поста, чтобы стать великим магистром *Custodes Fidei*.

Пьедор, сэр — покойный рыцарь, служивший королю.

Радан, сэр — оружейник в Ремутском замке.

Радуслав, лорд — торентский придворный, внук графа *Берронеса*, *Дерини*.

Райс Малахия Турин, лорд — покойный Целитель *Дерини*; супруг *Ивейн*; отец *Райсил*, *Тиега* и *Иеруши*; один из основателей Совета Камбера.

Райсиль Джослин Турин, леди — дочь *Райса Турина* и *Ивейн Мак-Рори*. Под именем «*Лизель*» была служанкой королевы *Микаэлы*.

Райс-Майкл Элистер Халдейн, принц — младший сын короля *Синхила*; взошел на престол вслед за своим братом Джаваном (правил с 922 по 928 г.), супруг *Микаэлы Драммонд*, отец принца Оуэна.

Ральф Толливер, епископ — епископ Коротский, в герцогстве *Корвин*.

Ран Хортнесский, лорд — прозванный Безжалостным; граф Шиильский, один из бывших регентов короля *Алроя*, вице-маршал *Гвиннеда*.

Расул ибн-Тарик, лорд — мавр, торентский посланец в *Гвиннеде*.

Реван — бывший наставник детей *Райса* и *Ивейн*; участник плана Совета Камбера по спасению *Дерини* путем блокирования их способностей. Убит в 922 году своими бывшими учениками.

Регина, сестра — монахиня в монастыре св. Остриты.

Реми — один из полководцев *Келсона*

Рецца Элизабет, леди — старшая дочь *Летальда Орсальского*.

Ридон — *Дерини*, прежний барон *Истмаркский*, член Камберианского Совета, союзник *Венцита*, ныне покойный

Рикарт, отец — гавриилит, домашний Целитель епископа *Ниеллана*.

Риммель — бывший придворный зодчий герцога *Джареда Мак-Лайна*; казнен в *Кулди* за причастность к смерти *Бронвин* и *Кевина*, 1121 г.

Ричард Мердок, лорд — сын *Мердока*; граф Картанский.

Ричеддис Мак-Лин — графиня Кирнийская, супруга *Айвера Мак-Инниса*.

Риченда, герцогиня — вдова *Брэна Кориса*, графа *Марли*, мать нынешнего графа, их сына *Брендана*; ныне жена *Моргана* и мать его дочери *Бриони*; *Дерини*, 24 г.

Ришель Халдейн, принцесса — старшая дочь принца *Ричарда*, невеста *Брекона Рэмси*, сестра *Аракси*.

Робард — разведчик в отряде *Келсона*

Робер, сэр — пожилой рыцарь, преданный *Джавану*.

Роберт Орисс, архиепископ — см. *Орисс*, архиепископ *Роберт*.

Роберт Тендальский — секретарь *Моргана*, 52 г.

Роган, принц — второй сын *Летальда Орсальского*.

Родри — постельничий *Келсона*

Ройзиан Меарская — (Ро-шийн), старшая дочь *Джолиона*, последнего независимого властелина *Меары*, королева *Малкольма Халдейна*, ум. 1055 г.; родившаяся первой сестра-близнец *Анналинды Меарской*

Рольф Макферсон — *Дерини*, жил в X в. и восстал против власти Камберианского Совета

Ронал-Рурик, принц — *Дерини*, младший брат нынешнего короля *Торента*, наследник престола.

Рондсел, сэр — оруженосец лорда *Манфреда*.

Рори, принц — средний сын *Нигеля* и *Мерауд*, брат *Пейна* и *Эйриан*.

Росана, принцесса — вдова *Конала Халдейна*, мать принца *Альбина*, племянница принца *Азима*, *Дерини*.

Руадан Дхасский — *Дерини*, автор труда «*Liber Sancti Ruadan*».

Рэймер де Валенс, епископ — один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*

Рэмси, капитан — один из стражников *Хьюберта*, принявший «крещение» *Ревана*.

Рэтолд — хранитель гардероба у *Моргана* в *Короте*

Савил, барон — супруг принцессы *Сиворн*, отчим *Ришель* и *Аракси*.

Секорим, отец — аббат Валоретского капитула *Custodes Fidei*.

Серафин, брат — верховный инквизитор *Custodes Fidei*.

Сесиль, сестра — монахиня, наперсница королевы *Джехань*.

Сивард, епископ — бывший странствующий епископ, ныне исполняет обязанности епископа в *Кардосе*

Сиворн, принцесса — сестра *Летальда Орсальского*, супруга барона *Савила*, мать *Ришель* и *Аракси*.

Сигер, лорд — граф Марлийский; брат *Хрорика*, дядя *Грэхема Мак-Эвана*.

Сидана, принцесса — дочь *Кэйтрин* и *Сикарда*, первая жена короля *Келсона*, убита собственным братом в день венчания.,.

Сикард, Мак-Ардри — дядя *Дугала*, младший брат *Каулая*, муж *Кэйтрин*, меарской Самозванки

Сикст, отец — пожилой священник на службе у *Хьюберта*.

Сильвен О'Салливан — бывший Целитель в доме *Грегори*, ныне помощник *Ревана*, обладающий даром блокировать магические способности.

Синклер — родовое имя графов Тарлетонских.

Синхил Донал Ифор Халдейн, король — покойный владыка *Гвиннеда* (годы правления 904-917); отец *Алроя*, *Джавана* и *Райса-Майкла*.

Сирик Хорти, принц — старший сын и наследник *Летальда Орсальского*.

Ситрик — ищейка-*Дерини Рана*.

Сорль Далриада, сэр — бывший оруженосец короля *Синхила*.

Софи — горничная королевы *Джеханы*.

Софиана — княгиня Анделонская, члена Камберианского Совета, *Дерини*.

Станиша, принцесса — младшая сестра *Лайема-Лайоса*, короля *Торента*.

Стеванус, отец — лекарь *Custodes*.

Стейси, леди — дочь *Хрорика* и *Судри*, наследница *Истмарка*, супруга *Корбана* и мать *Кеннета*.

Стефан, отец — священник Валоретского собора.

Стивен, отец — секретарь *Креоды*

Судри Рорау, леди — вдова *Хрорика Истмаркского*, племянница *Термоды Рорау*, дальняя родственница *Марека Фестила*; мать *Стейси*.

Сулиен Р'Кассанский — великий адепт *Дерини* древности, автор «*Анналов*».

Сэйр Трегернский, лорд — граф Рэндалльский, брат герцогини *Мерауд*.

Тавис О'Нилл — бывший Целитель принца *Джавана*, обладающий талантом блокировать способности *Дерини*; позднее — член Совета Камбера, помощник *Ревана*.

Тамберт Фитц-Артур Квиннелл, герцог — первый герцог Кассанский, сын *Фейна Фитц-Артура* и принцессы *Анны*.

Таммарон Фитц-Артур, граф — канцлер *Гвиннеда*; один из бывших регентов короля *Алроя*.

Теймураз, граф — брат герцога *Махаэля* и графа *Маттиса*, дядя *Лайема-Лайоса*, короля *Торента*, *Дерини*.

Тиег Джорем Турин — сын *Райса* и *Ивейн*, Целитель.

Тирнан, брат — монах в аббатстве св. *Марии-на-Холмах*.

Тирцель Кларонский — *Дерини*, бывший член Камберианского Совета, обучавший магии принца *Конала*.

Толливер, **Ральф**, епископ — епископ *Корота*, 52 года

Томайс — разведчик *Мак-Ардри*

Томейс Эдергольский, сэр — бывший оруженосец принца *Райса-Майкла*, убит в 922 году.

Торквилл де ла Марч, лорд — *Дерини*, барон, исключенный из королевского совета регентами.

Торн Хаген — *Дерини* 50-ти с небольшим лет, бывший член Камберианского Совета

Трегерн, **Сигер де** — граф *Рендал*, брат *Мерауд*, супруги *Нигеля*

Трей, епископ *Ниеллан* — см. *Ниеллан Трей*.

Турин — родовое имя *Райса*; см. *Эйдан*, *Ивейн*, *Иеруша*, *Райс*, *Райсиле* и *Тиег*.

Удаут, лорд — коннетабль *Гвиннеда*, отец *Лирин*.

Уильям Десский — строитель в *Ремуте*.

Уньяд, граф — торентский вельможа.

Урсин О'Кэррол — *Дерини* на службе у *Манфреда*; неудавшийся Целитель, лишен *Реваном* магических способностей.

Урсула, леди — ховисская принцесса.

Фабий, брат — монах *Custodes* в аббатстве св. Кассиана.

Фалк — друг детства и побратим *Майкла Мак-Ардри*

Фаэлан, отец — молодой священник *Custodes* из *Arx Fidei*, ставший духовником *Джавана* и злодейски убитый советниками.

Фейн Фитц-Артур, лорд — старший сын графа *Таммарона*, супруг наследницы *Кассана*.

Фиона Мак-Лин — младшая сестра покойного *Адриана Мак-Лина*, внучка сестры *Камбера Эйслинн*.

Фитц-Артур — см. *Фейн*, *Фульк*, *Квирик*, *Ниева* и *Таммарон*.

Фланн — *виллимит*, последователь *Ревана*.

Фульк Фитц-Артур, сэр — старший оруженосец *Райса-Майкла*, сын графа *Таммарона*.

Фурстан — династическое родовое имя правителей *Торента*.

Халдейн — династическое родовое имя королей *Гвиннеда*.

Халекс, отец — настоятель аббатства *Arx Fidei*.

Хамфри Галларо, отец — священник-михайлинец, *Дерини*, убитый *Синхилом*, за то что отравил его первенца.

Хилдред, барон — преданный *Джавану* советник.

Хиллари — глава замкового гарнизона *Моргана* в *Короте*
Ховиккан, Парган — классический поэт *Дерини*.

Хомбард Таркентский — торентский посланец на службе принца *Миклоса*.

Хрорик Истмаркский, лорд — граф Истмаркский; младший брат *Эвана*, старший брат *Сигера* и дядя герцога *Грэхема*, супруг *Судри* и отец *Стейси*.

Хью де Берри, епископ — бывший секретарь архиепископа *Корригана*, многолетний коллега *Дункана*, ныне один из двенадцати странствующих епископов *Гвиннеда*.

Хьюберт Мак-Иннис, архиепископ — примас *Гвиннеда*, архиепископ Валоретский, один из бывших регентов короля *Алроя*; младший брат графа *Манфреда* и дядя епископа *Эдварда*.

Центул, принц — сын герцога Везаирского.

Шон Корис, сэр — сын *Сигера*, графа Марлийского.

Шонна — младшая сестра *Джесса*.

Эван Мак-Эван, герцог — герцог Клейборнский, полководец *Гвиннеда*, отец *Грэхема*.

Эван, герцог — покойный герцог Клейборнский; один из пятерых регентов короля *Алроя*, предательски смещенный с этого поста; брат *Хрорика* и *Сигера*, отец *Грэхема*.

Эдвард Мак-Иннис Арнемский, епископ — сын графа *Манфреда*, племянник архиепископа *Хьюберта*; епископ Грекотский после *Элистера Келлена*.

Эдуард, отец — *Дерини*, автор труда «Haut Arcanum».

Эйдан Алрой Камбер Халдсйн — покойный сын-первенец короля *Синхила*.

Эйдан Турин — погибший первенец *Райса* и *Ивейн*, убит в *Трурилле* в возрасте 10 лет солдатами регентов, ошибочно принявшими его за *Камлина Мак-Лина*.

Эйлин Мак-Грегор, епископ — см. *Мак-Грегор*, епископ *Эйлин*.

Эйнбет — дочь *Летальда Орсальского*, 6 лет.

Эйнсли, лорд — королевский посланник.

Эйнсли, сэр Роберт — сын лорда *Эйнсли*.

Эйнти — служанка в Ремутском замке.

Эйриан Элспет Сидана Халдейн, принцесса — младшая дочь *Нигеля* и *Мерауд*.

Эйрсиды — древнее братство *Дерини*, до 500 г. РХ.

Эйслинн Мак-Рори Мак-Лин, леди — покойная сестра *Камбера*, погибшая в *Трурилле*, вдовствующая графиня Кирнийская, мать *Иена*, нынешнего графа.

Эквитес Кустодум Фидеи (*Equites Custodum Fidei*) — Рыцари Хранителей Веры; военное подразделение ордена *Custodes Fidei*, созданное на замену михайлинцам.

Элас — один из полководцев *Келсона*

Элгин — воин из *Истмарка*.

Элейн де Финтан — жена *Мердока*, графиня Картанская.

Элинор Мак-Рори Драммонд, леди — вдова *Катана Мак-Рори*, мать его сыновей *Ансея* и *Девина*; супруга *Джейми Драммонда*, мать его детей *Микаэлы* и *Катана*.

Элистер Келлен, епископ — *Дерини*, бывший верховный настоятель ордена св. Михаила; епископ Грекотский и канцлер *Гвиннеда* при короле *Синхиле*; на короткое время — архиепископ Валоретский и Примас Гвиннеда; альтер-эго *Камбера*; основатель Совета Камбера.

Элспет — служанка в Ремутском замке.

Эмберт Квиннел Кассанский, князь — покойный правитель *Кассана*, княжества к северо-западу от *Гвиннеда*; отец принцессы *Анны*, тесть *Фейна Фитц-Артура*, дед *Тамберта*.

Эмберт, брат — лекарь-монах из ордена *Custodes*.

Эмрис, отец — знаменитый гавриилитский Целитель; аббат монастыря св. *Неота*, был убит там при попытке уничтожить Портал.

Энском Тревасский, архиепископ — *Дерини*, покойный
Примас *Гвиннеда*.

Эрдоди, герцог — торентский *Дерини*.

Эрена — виллимитка, чьего больного сына исцелили *Реван* и *Кверон*.

Эриелла Фестил, принцесса — покойная старшая сестра
бывшего короля *Имре* и мать его сына *Марка*.

Эркон, святой — старший брат св. *Виллима*; принял мученическую смерть при попытке отыскать убийц брата; покровитель Братьев св. Эркона, ордена, основанного *Полином Рамосским*.

Эстеллан Мак-Иннис, леди — графиня Куддская; супруга *Манфреда*, придворная дама королевы *Микаэлы*.

Этьен де Курси — барон, скрытый *Дерини*, засланный *Джоремом Мак-Рори* ко двору; законник.

Юген Рослоу — герольд принца *Миклоса Торентского*.

Юрис, отец — гавриилитский Целитель-беглец, нашедший приют у епископа *Ниеллана*.

Юэн — герцог *Клейборн*, потомственный председатель Королевского Совета

Ян, Хоувелл — изменник, бывший граф *Истмаркский*, ныне покойный

Географические названия в романах Кэтрин Куртц

Arx Fidei, семинария — в окрестностях *Валорета*, в ней учились *Джориан де Курси* и *Денис Арилан* до посвящения в сан.

Аббатство св. Марка — монастырь близ *Валорета*.

Аббатство св. Айвига — исконная обитель Фратрии Силентии (безмолвствующих братьев) на побережье в Южном *Келдоре*, куда отправили в заточение *Лориса*

Аббатство св. Джайлса — монастырь в озерном краю *Шаннис Меир* близ границы *Истмарка*, куда удалилась *Джехана* до рождения *Келсона*, а затем — после его коронации

Аббатство св. Кассиана — обитель *Custodes* в долине Йо-мейра.

Аббатство св. Лиама — место, где находится школа ордена Св. Михаила, близ *Валорета*.

Аббатство св. Марии-на-Холмах — монастырь в горах *Кулди*.

Аббатство св. Неота — оплот ордена св. Гавриила Архангела, эзотерического деринийского ордена Целителей; расположено в Лендорских горах; уничтожено войсками регента *Рана* в конце 917 г.

Аббатство св. Остриты — маленький женской монастырь между *Эбором* и *Шиилем*.

Аббатство св. Ярлата — главная обитель ордена св. Ярлата в долине Йомейра.

Алдуин — лес близ *Кулди*

Альта Джорда — поместье леди *Вивген*.

Анделон — одно из *Форсинских* княжеств, где правит княгиня *Софиана*.

Арьснол — герцогство к востоку от *Торента*; после смерти *Лионела* досталось его брату *Махазлю*.

Баллимар — вновь созданный прибрежный епископат в северном *Кассане*, диоцез епископа Лахлана Кварлиссского

Беддор — столица *Торента*.

Бремагна — королевство на побережье Южного моря, к юго-востоку от *Гвиннеда*.

Валорет — столица *Гвиннеда* в период Междоцарствия, местопребывание епископа *Валоретского* (и Примаса Всего *Гвиннеда*) *Брадена*

Везаир — герцогство в *Форсинне*.

Гвиннсд — центральное из Одиннадцати Королевств, находившееся под властью *Халдейнов* с 645 г., когда первый король из рода *Халдейнов* начал объединение земель; находилось под правлением *Фестилов* с 822 по 904 гг. Реставрация рода *Халдейнов* была осуществлена в 904 г. с восшествием на престол *Синхила* *Халдейна*.

Георгия св. Собор — местопребывание архиепископа *Ремутского*, ныне — *Томаса Кардигеля*

Грекота — Университетский город, бывшее местопребывание Варнаритской школы; престол епископа *Вольффрама де Бланета*

Данок — *Гвиннедское* графство.

Десса — главный порт *Гвиннеда* на реке *Эйриан*.

Дженас — *Гвиннедское* графство.

Дол Шайя — местность в *Картмуре*

Долбан — местность, где находилась основная обитель ордена Слуг св. Камбера, уничтоженного в конце 917 г.

Дрогера — пограничное владение к югу от *Кулди* у рубежей *Меары*

Дхасса — вольный священный город, местопребывание епископа *Дхасского*, ныне — *Дениса Арилана*; известна резьбой по дереву и местами почитания своих покровителей-святых, *Торина* и *Этельбурги*, которые охраняют подступы к городу с севера и с юга

Замок Дерри — поместье *О'Флиннов* из *Дерри*, небольшого графства в Пограничье, между *Кардосой* и *Рингарт*ом.

Истмарк — бывшее графство *Яна Хоувелла*; по его смерти перешло к короне, впоследствии передано *Бурхарду де Вარიану* в награду за его верную службу во время *Торентской* войны

Кайрори — основное поместье *Камбера*, графа *Кулдского*, в нескольких часах езды к северо-востоку от *Валорета*; ныне резиденция *Манфреда Мак-Инниса*, нового графа *Кулдского*.

Кандор Реа — поле около *Ремута*, где погиб король *Брион*. Там также находится священный источник.

Кардосса — многократно оспаривавшийся пограничный город в горах между *Истмарком* и *Торентом*; недавно там учрежден престол для епископа *Сиварда*

Каркашейл — городок близ *Транши*, где попал в плен *Дугал*

Картан — графство *Мердока*, к югу от *Ремута*, со столицей в *Найфорде*.

Картмур — герцогство *Нигеля*, граничащее с *Корвином* и с Королевскими владениями *Халдейна*

Кассан — герцогство *Дункана Маклайна* по смерти его отца, включающее и графство *Кирни*, и граничащее с *Меарским* Протекторатом.

Келдиш Райдинг — северо-восточная часть древнего королевства *Келдор*, управляется непосредственно королями *Гвиннеда*, славится своими ткачами.

Келдор — королевство к северу от *Гвиннеда*, включающее герцогство *Клейборн*, графство *Марли* и графство *Истмарк*.

Кербери — север *Валорета*, бывшее местопребывание епископа *Креоды*, престол перенесен в *Кулди*

Кешиен — вновь сотворенный епископат на *Гвиннедско-Коннаитской* границе, местопребывание епископа *Белдена из Эрне*.

Киларден — графство в *Меаре*.

Киллингфорд — место, где произошла кровавая битва между гвиннедскими и торентскими войсками в 1025 году.

Килтуин — портовый город у границы *Гвиннеда* с *Торентом*, под управлением епископа *Корвинского*.

Килшейн — баронство в *Кирни*.

Кирни — графство и второе владение герцогов *Кассанских*, ныне его держит *Дункан Маклайн*.

Клейборн — столица *Келдора*, владение *Грэхема*, герцога *Клейборнского*.

Колблайнс — городок близ *Транши*

Комнэне — графство в *Арсноле*.

Коннаит — объединение суверенных княжеств к западу от *Гвиннеда*.

Кор Кулди — наследная резиденция графов Кулдских, близ города Кулди, на границе *Гвиннеда* и *Меары*.

Корвин — герцогство *Аларика Моргана*

Корот — столица герцогства *Корвин*.

Куилтейн — пограничное владение к югу от *Дрогеры*

Кулди — место сбора синода, который должен был избрать нового епископа *Меары*, и местопребывание епископа *Креоды*, нового епископа *Кулди*

Кулликерн — крепость на границе с *Торентом*, защищавшая подходы к *Колдорскому* перевалу.

Лаас — древняя столица независимой *Меары*, то и дело становящаяся очагом восстания

Лендорские горы — хребет, разделяющий *Корвин* и Земли королей *Халдейнов*, здесь находится *Дхасса*, Св. Торин, Св. Неот и Гунурский перевал

Лланнед — королевство к юго-западу от *Гвиннеда*, союзник *Ховисса*.

Ллиндрут Медоуз — пастбища у подножия Кардосского ущелья, место решающей схватки между *Келсоном* и *Венцитом Торентским*

Лохаллин, замок — резиденция *Хрорика*, графа Истмаркского.

Марбери — местопребывание *Ифора*, епископа *Марбери* в *Марли*

Марли — прежде графство *Брэна Кориса*, ныне перешло к его сыну *Брендану* при регентстве *Риченды* и *Моргана*

Марлор — баронство *Манфреда Мак-Инниса*.

Меара — в прошлом суверенное государство, теперь — часть владений *Гвиннедской* короны к западу от *Гвиннеда*

Мурин — провинция на юге *Гвиннеда*, включающая *Картмур* и *Корвин*.

Найфорд — порт у югу от *Ремута*, столица графов Картанских, резиденция епископа Картанского.

Николассеум — семьярусная усыпальница в *Торенте*, воздвигнутая королем *Аркадом* своему брату *Никколу*.

Нур-Халай — одно из форсинских княжеств, граничит с *Р'Касси*.

Одиннадцать королевств — древнее название всей этой области мира, *Гвиннед* и сопредельные страны

Орсал и Тралия — государство к востоку от *Корвина*, где правит *Хорт Орсальский*.

Порти — местность, где в древности располагалась давно исчезнувшая школа Целителей.

Пурпурная Марка — Равнинные земли к северу от *Ремута*; одно из владений короны *Гвиннеда*

Р'Касси — пустынное королевство к югу и востоку от Хорта Орсальского, славится породистыми конями

Рамос — место бесславного Собора 917 г., строжайше запретившего Дерини принимать священство, держать должности, владеть собственностью и т. д.

Растан — город в *Рельянских предгорьях*, где *Брион* должен был встретиться с *Марлуком*.

Ратаркин — новая столица *Меары* после объединения Меары и *Гвиннеда* в 1025 г., местопребывание епископа меарского

Рельянский хребет — горная цепь, отделяющая *Ист-марк* от *Торента*; там находится город-крепость *Кардоса*

Ремут — древняя столица *Гвиннеда* при *Халдейнах*; перемещена в период правления *Фестилов*; восстановлена при *Синхиле* и *Алрое*.

Ремут — столица *Гвиннеда*, называемая Прекрасный Ремут

Рендал — горное графство в южной части бывшего *Келдора*, славится синевой своих озер; во владении *Сэйра Трегернского*, брата герцогини *Мерауд*.

Риллед — поселение, известное конными ярмарками, на севере *Корвина*, возле границы с *Торентом*.

Сардейский лес — лес между *Труриллом* и *Траншей*

Собор св. Сеанна — местонахождение престола епископа *Дхассы Дениса Арилана*

Собор Всех Святых — резиденция архиепископа Валоретского, примаса *Гвиннеда*.

Состра — графство в *Торенте*.

Стэвенхем — епископская резиденция на севере *Келдора*.

Тарлевилль — владение графа *Таммарона* на реке *Эйриан*, в нескольких днях езды от *Ремута*.

Толан — графство, которое принцесса *Карисса Толанская* принесла в приданое своему супругу *Мареху Фестилу*.

Торент — крупное королевство к востоку от *Гвиннеда*, ныне управляется регентами от имени *Лайема-Лайоса*, племянника покойного короля *Венцита*.

Торентали — дворец королев *Фурстанов* в *Торенте*.

Торина св. Гробница — гробница покровителя *Дхассы* к югу от города и оз. *Джашан*

Транша — владение *Каулая Макардри*, графа *Траншийского*, в пограничных землях между *Кирни* и *Пурпурной Маркой*

Тревалга — новое владение графа *Грегори* в *Коннаите*.

Три-Арилан — родовое усадьба *Ариланов* близ *Ремута*.

Трурилл — замок лорда *Адриана Мак-Лина*; уничтожен войсками регентов зимой 917-918 гг.

Фаллон — одно из *Форсинских* княжеств.

Фианна — винодельческая страна за южным морем

Форсинские княжества — несколько независимых государств к югу от *Торента*

Фурстанали — дворец семейства *Фурстанов* в *Белдоре*, славится своими висячими садами.

Хагия-Иов — базилика в *Белдоре*, где похоронен первый из рода *Фурстанов*.

Халдейн — верховное герцогство, охватывающее центральную область *Гвиннеда*, по обычаю, управляется непосредственно королем

Хилари св. Базилика — древняя базилика внутри стен *Ремутского* замка, настоятелем которой является *Дункан*

Ховисс и Ланнед — юго-западные королевства, где правит король *Колман*.

Хортанти — летний дворец *Хорта Орсальского*.

Хортнесс — баронство *Рана Безжалостного*.

Церковь Св. Марка — приходская церковь близ *Валорета*.

Шаннис Меир — озерный край, где находится *Аббатство Св. Джайлса*, куда до рождения и после коронации *Келсона* удалялась *Джахана*

Шиил — усадьба *Райса* и *Ивейн* к северу от *Валорета*; позднее — резиденция графа *Шиильского*.

Эбор — графство к северу от *Валорета*, бывшее владение *Грегори*.

Эйриал — владения сэра *Радульфа Д'Эйриала*, барона; в прошлом часть владений ордена Св. Михаила.

Эрнхем — место рождения епископа *Эдварда Мак-Инниса*.

Этельбурги св. Гробница — гробница покровительницы *Дхассы*, охраняющая северные подступы к священному городу

Яка — небольшое государство на юге, в пустыне.

Яндрих — герцогство в *Торенте*.

Краткая история Одиннадцати королевств

822 г. — *Фестил*, Дерини, младший сын Торентского короля, вторгся со своим войском в Гвиннед и вырезал всю королевскую семью за исключением двухлетнего принца *Эйдана Халдейна*; перенес столицу в *Валорет* и правил 17 лет.

839-851 гг. — Царствование короля *Фестила II*. Ок. 850 года: конец жизни св. Торина Дхасского.

846 г. — Рождение *Камбера Кайрила Мак-Рори*, третьего сына графа Кулдского.

851-885 гг. — Царствование короля *Фестила III*.

860 г. — рождение принца *Синхила Халдейна*.

875 г. — рождение *Эриеллы* из Фестилийской династии.

881 г. — рождение *Имре* из Фестилийской династии.

885-900 гг. — царствование короля *Блейна* из Фестилийской династии.

888 г. — «С чего все начиналось...».

898 г., лето — «Летние сомнения»

900-904 гг. — царствование короля *Имре* из Фестилийской династии.

903-904 гг. — «*Камбер Кулдский*». Принц *Эйдан Халдейн* умер в Валорете, но выясняется, что внук его жив. Дети *Камбера* отыскивают принца *Синхила Халдейна* в монастыре; он возглавляет Реставрацию; женится на леди Меган де Камерон.

904 г. — 1-2 декабря: Реставрация. *Имре* свергнут *Синхилом Халдейном* и умирает. 25 декабря: в возрасте 44 лет коронован король Синхил.

905-907 гг. — «Святой Камбер». 31 января: у Эриеллы в Торенте рождается Марк. 25 июня: Эриелла предпринимает безуспешную попытку уничтожить Реставрацию. Элистер Келлен погибает от руки Эриеллы, но Камбер, который официально «умирает» в этот день, принимает его внешний вид.

906 г. — Весна-лето: Синхил принимает присягу от Сигера Истмаркского и отправляется на север, чтобы подавить восстание в Келдоре. 14 ноября: канонизирован святой Камбер.

917-918 гг. — «Камбер-еретик»

917-921 гг. — царствование короля Алроя Халдейна.

917 г. — 2 февраля: Синхил умирает, наследником становится его двенадцатилетний сын Алрой. Регенты молодого короля переносят двор в Ремут, старую столицу. После убийства архиепископа Джеффри (Дерини) Камбер-«Элистер» решает заменить его, но регенты препятствуют его избранию; орден Св. Михаила разогнан. Декабрь: Райс убит; Рамосский Собор начинает заседания, продолжающиеся и весной, отменяет канонизацию Камбера и ограничивает права Дерини в Гвиннеде; замок Трурилл разграблен.

918 г. — Джебедея убит; Камбер предан забвению.

921-922 гг. — царствование короля Джавана Халдейна.

922-928 гг. — царствование короля Райса-Майкла Халдейна.

928-948 гг. — царствование короля Овейна Халдейна.

948 гг. — Марк, сын Имре и Эриеллы, делает попытку отобрать трон. В этом столетии Рольф Макферсон, лорд Дерини, восстает против Совета Камбера.

948-980 гг. — царствование короля Утира Халдейна.

977 г. — 24 декабря: «Призвание».

980-983 гг. — царствование короля Нигеля Халдейна.

983-985 гг. — царствование короля Яспера Халдейна. Дарчад Мор выставляет вооруженную пехоту против войск Яспера Халдейна, действуя в интересах принца Марка-Имре, пра-правнука Имре из Фестилийской династии.

985-994 гг. — царствование короля Клеима Халдейна.

994-1025 гг. — царствование короля Уриена Халдейна.

1025 г. — массовое выступление против Гвиннеда со стороны Имре II (972-1025 гг.), в результате которого род Фестила по мужской линии через четыре поколения пресекается.

1025-1074 гг. — царствование короля Малкольма Халдейна. Он женится на принцессе Розиан Меарской, старшей дочери и единственной наследнице Джолиона, последнего принца Меарского, который примкнул к Имре II. В результате этого брака Меара должна была получить право наследования Дому Халдейнов, но вдова Джолиона, принцесса Уракка, похитила своих двух младших дочерей, одна из которых (Анналинда) была близнецом Розиан, и возглавила партию, объявившую Анналинду старшей дочерью и законной наследницей.

1027 г. — король Малкольм возглавляет поход в Меару, дабы прекратить раскол.

1045 г. — король Малкольм возглавляет второй поход в Меару.

1052 г. — Льюис ап Норфал проводит свой злополучный магический опыт... и исчезает. *«Зеленая башня»*.

1060 г. — король Малкольм снова идет в Меару, преследуя сына Анналинды Джадела.

1068-1070 гг. — Баррет де Ланей ослеплен, спасая детей Дерини. Примерно тогда же Льюис ап Норфал, печально прославленный Дерини, отрицает власть Совета Камбера.

1074-1095 гг. — царствование короля Донала Блейна Халдейна.

1076 г. — король Донал идет очередным походом на Меару, преследуя принца Джадела.

1080 г. — король Донал женится на Ричелдис Лланнедской.

1081 г. — рождение принца *Бриона Халдейна*.

1087 г. — рождение принца Нигеля Халдейна.

1089 г. — король Донал снова идет походом на Меару.

1091 г. — 29 сентября: рождение *Аларика Моргана*.

1092 г. — 2 февраля: рождение *Дункана Моргана*.

1100 г. — Лето: *«Бетана»*. 24 сентября: сэр Кеннет Морган умирает, вскоре девятилетнего *Моргана* посылают ко двору в качестве пажа. Декабрь: Морган впервые встречает короля *Бриона*, на Рождество.

1104 г. — 6 января: *Брион* женится на *Джехане* из Бремагны. 1 августа: *Джориан де Курси, Дерини*, проходит посвящение в сан, но его разоблачают. «*Посвящение Арилана*». 12 ноября: казнь *Джориана*.

1105 г. — «*Арилан изучает Талмуд*». 2 февраля: *Денис Арилан, Дерини*, благополучно рукоположен в сан священника. Весна-лето: *Марлук*, наследник Фестилийской династии, бросает вызов королю *Бриону* и погибает. 21 июня: «*Наследство*». Июль-февраль: *Джехан* проводит зиму в аббатстве Св. Эгилия.

1106 г. — 14 ноября: рождение принца *Келсона Халдейна*. Его титул принца Меарского становится причиной нового восстания в Меаре.

1107 г. — весна: *Брион* подавляет это восстание, но *Кэйтрин Меарская*, дочь принца *Джолиона*, спасается бегством. Ее муж и сын убиты. *Сикард Макардри* женится на *Кэйтрин*. *Дункан Маклайн* тайно обручается с *Марисой*, дочерью *Каулая*, старшего брата *Сикарда*, после чего брат ее погибает во время ссоры от руки подданного *Маклайна*. Не желая кровной мести, обе семьи разлучаются, но *Мариса* беременна. «*Deo Volente*»

1108 г. — 3 января: *Мариса* родила сына, *Дугала* и умерла от послеродовой горячки; мать ее, *Адриана*, растит мальчика под видом брата-двойняшки своей дочери, родившейся в одно время с ним. Весна: *Дункан* узнает, что *Мариса* умерла от лихорадки, и собирается стать священником, как ему всегда хотелось.

1110 г. — *Аларик Морган* посвящен в рыцари королем *Брионом*.

1112 г. — *Денис Арилан* переезжает в *Ремут*, дабы помочь *Дункану* пройти посвящение в сан.

1113 г. — Пасха: *Дункана* при тайной помощи *Арилана* посвящают в сан в кафедральном соборе *Ремута*; он получает назначение в *Кулдский приход*, недалеко от своей семьи.

1114 г. — *Дункана* посылают в университет *Грекоты* на два года для дальнейшего обучения.

1114-1115 гг. — зима: герцогиня *Вера*, мать *Дункана*, умирает, и для *Моргана* с *Дунканом* закрывается тем самым единственный источник тайных знаний *Дерини*. Мونسиньор *Денис Арилан* становится духовником короля *Бриона*.

1115 г. — май: *Шон лорд Дерри* посвящен в рыцари в *Ремуте* и становится оруженосцем *Моргана*; «*Посвящение Дерри в рыцари*».

1116 г. — Зима: *Дугал Мак-Ардри* становится пажом в *Ремуте*. «*Дугал при дворе*». Весна: *Денис Арилан* привозит *Дункана* в *Ремут* в качестве своего секретаря и помощника. Лето: *Дункан* становится наставником принца *Келсона*, которому скоро десять лет. Риченде предсказывают судьбу. «*Гадалка*».

1117 г. — В результате успешного наставничества *Дункана* назначают духовником принца.

1118 г. — *Денис Арилан*, в возрасте 35 лет, становится вторым епископом *Ремута* под патронажем архиепископа *Корригана* и избран членом тайного совета *Бриона*. «*Суд*». «*Вопрос гордыни*».

1120 г. — Июнь: *Брион* подписывает новый договор о границах с *Венцитом Торентским*. Сентябрь: *Морган* едет в *Кардосу* проследить за выполнением договора. Ноябрь: «*Возрождение Дерини*». 1 ноября: *Брион* погибает, отравленный *Кариссой*. 4 ноября: похороны *Бриона*. 14 ноября: день рождения *Келсона*; *Морган* возвращается в *Ремут*. 15 ноября: *Келсон* побеждает *Кариссу* и коронован в *Ремуте*.

1121 г. — «*Игра Дерини*» и «*Властитель Дерини*». Стычка с *Лорисом* и епископами; поход против *Венцита Торентского*, заканчивающийся поражением *Венцита* в *Линдрутской долине*. «*Любовники Сумерек*»

1121-1122 гг. — Зима: упрочение двора *Келсона* в *Ремуте*. *Морган* проводит почти всю зиму, разъезжая между *Ремутом* и *Коротом*, то давая советы *Келсону*, то занимаясь своими владениями в *Корвине*. *Дункан* разъезжает между *Ремутом*, *Кассаном* и *Кирни*, приводя в порядок дела своего отца и вступая во владение своим наследством, но душой возвращается к своему духовному призванию. Барон *Джодрел*, блестящий молодой лорд *Кирни*, становится его преданным приверженцем и едет с ним ко двору, где *Келсон* сразу же проникается к барону симпатией и назначает его в свой тайный совет.

1122 г. — январь: *Ремутский совет* официально осуждает *Лориса* (находившегося в заключении с предыдущего лета), лишает всех званий и отправляет в пожизненную ссылку в аббатство *Св. Иви* в *Рендалле*. (*Корриган* умирает от сердечного

го приступа до вынесения приговора). Браден из *Грекоты* назначен примасом и архиепископом Валоретским вместо Лориса; Кардиель становится архиепископом Ремутским; *Арилану* отдают Дхассу. Происходит перераспределение епархий между епископами.

1122 г. — 1 мая: *Морган* женится на Риченде в Марли, обряд совершает *Дункан* в присутствии *Келсона*. Затем Морган увозит на лето жену и пасынка в Корвин. Лето: из Марли Келсон отправляется на север и путешествует по Келдшибной землям, оценивая боевую готовность ввиду враждебности Торента. Встречает брата своей тети Мерауд, Сэйра де Трегерна, молодого графа Рэндалльского, и привозит его ко двору в качестве еще одного советника. Дункан проводит почти все лето, объезжая свои земли и налаживая управление ими в свое отсутствие. В конце лета расходится слух, что сторонники прежнего меарского королевского рода беспокоятся за независимость Меары, ибо недовольны тем, что частью Старой Меары правит сейчас священник-герцог Дерини.

1122-1123 гг. — Зима: *Келсон* укрепляет свою власть, строит планы отправиться следующим летом в Кассан, Кирни и Меару и укротить недовольных сепаратистов, показавшись им во всем своем королевском величии. Суды в течение всей зимы. *Морган* несколько раз ездит в Корвин, поскольку Риченда ожидает их первого ребенка.

1123 г. — 31 января: Риченда рождает Моргану дочь, Бриони Бронвин Морган. Весна: молодой король Адрой Торентский, через несколько месяцев после того, как ему исполнилось четырнадцать, погибает, упав на охоте с лошади. Сразу же распространяются слухи, что несчастный случай подстроен *Келсоном*, который убоялся силы достигшего совершеннолетия короля *Торента*. Королем становится девятилетний Лиам, их мать Мораг по-прежнему регентша, и многие лорды Торента соперничают из-за ее руки. Лето: Келсон, проезжая через Меару, Кассан и Кирни с Дунканом, как планировалось, видит, что ситуация в Меаре ухудшается. Морган почти все лето проводит в Корвине, чтобы убедиться, что со стороны Торента им ничто не угрожает, но, после того как умирает их союзник, епископ Карстен Меарский и важная епархия в Меаре остаются без управления, он присоединяется в Кулди к Келсону. Конец ноября: Совет епископов собирается в Кулди, чтобы из-

брать нового меарского прелата, но сначала избирает несколько разъезжающих епископов, среди них *Дункана* (второго епископа Ремутского, заместителя Кардиеля).

1123-4 гг. — Ноябрь-февраль: *«Сын епископа»*.

1124 г. — Май-июль: *«Милость Келсона»*.

1125 г. — Март-апрель: *«Тень Камбера»*.

Библиография Кэтрин Куртц

КАНОН ДЕРИНИ

Хроники Дерини

«Возрождение Дерини», 1970

«Игра Дерини», 1972

«Властитель Дерини», 1973

Сказания о Камбере

«Камбер Куддский», 1976

«Святой Камбер», 1978

«Камбер еретик», 1981

Истории короля Келсона

«Сын епископа», 1984

«Милость Келсона», 1985

«Тень Камбера», 1986

«Невеста Дерини», 2000

Наследники святого Камбера

«Скорбь Гвиннеда», 1989

«Год короля», 1992

«Наследие Дерини», 1994

«Архивы Дерини» (рассказы), 1986

«Магия Дерини» (гримуар), 1991

«Codex Derunianus» (в соавторстве с Робертом Реджинальдом), 1998

Путеводитель по миру Дерини «от А до Я» представляет собой ограниченное подписное издание, вышедшее в твердой обложке тиражом всего 500 экземпляров. Включает в себя информацию по периоду с 9 г. до Р.Х. вплоть до 1126 г. Р.Х и заполняет множество пробелов в истории Одиннадцати Королевств. Написан с точки зрения историка времен короля Келсона.

«Тщетная попытка» (повесть) 2001

Ограниченное подписное издание (300 экземпляров), написанное в связи с посещением Кэтрин Куртц библиотеки Джона Пфау в Калифорнийском государственном университете, в городе Сан-Бернадино. Повесть описывает, с точки зрения меарцев, историю завоевания Меары королем Доналом Блейном в 1089 году.

«Легенды Дерини» (рассказы), 2002

КНИГИ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ К МИРУ ДЕРИНИ

«Ночь на праздник сбора урожая», 1983

«Наследие Лера», 1986

Сериал «Адепт»

(в соавторстве с Деборой Тернер Харрис)

«Адепт», 1991

«Ложа Рыси», 1992

«Сокровище тамплиеров», 1993

«Магия кинжала», 1995

«Смерть адепта», 1996

*Сериал «Тамплиеры»
(в соавторстве с Деборой Тернер Харрис)*

«Храм и камень», 1998

«Храм и корона», 2001

«Две короны для Америки», 1996

«Горгулья св. Патрика», 2001

«Рыцари крови» (в соавторстве
со Скоттом Макмилланом), 1993

«Рыцари крови: на острие клинка»

(в соавторстве со Скоттом Макмилланом), 1994

«Сказания о рыцарях Храма» (сборник рассказов
под редакцией К. Куртц), 1995

«Крестовый поход: новые сказания о рыцарях
Храма» (сборник рассказов
под редакцией К. Куртц), 1998

«Огненный крестовый поход:
мистические сказания о рыцарях Храма»
(сборник рассказов
под редакцией К. Куртц), 2002

УЧАСТИЕ В АНТОЛОГИЯХ

«Блеск клинков №4: Варвары и черные маги»
(под редакцией Лина Картера), 1977
рассказ «Мечи против Марлука»

«Флот №5: Война всех против всех»
(под редакцией Дэвида Дрейка и Билла Фосетта), 1990
рассказ «Никто не пройдет!»
(в соавторстве со Скоттом Макмилланом)

«Искусники», сборник первый
(под редакцией Кристофера Сташеффа и Билла Фосетта), 1991
рассказ «Вызов»

«В некотором царстве: Сокровищница современных сказок» (под редакцией Лестера Дель Рея и Райсы Кесслер), 1991

рассказ «Звон колокольчиков»

«Боги войны» (под редакцией Кристофера Сташеффа), 1992

рассказ «Сэр Джеймс и Роза»

«Поле боя №2: Авангард» (под редакцией Дэвида Дрейка и Билла Фосетта), 1993

рассказ «Дар битвы»

«В тени горгулий» (под редакцией Нэнси Килпатрик и Томаса Роша), 1998

рассказ «Тень горгульи»

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ САМОЙ КЭТРИН КУРТЦ И СОЗДАНЫМ ЕЮ МИРАМ

«Голоса фантазии» Джефффри Эллиот, 1983

«Творчество Кэтрин Куртц: библиография и справочник» Боден Кларк и Мэри Бергесс, 1993

«Ксено-граффити: эссе о фантастике» Роберт Реджинальд, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДЫ ДЕРИНИ

(перевод Натальи Баулиной)

<i>Предисловие автора</i>	7
<i>Лаура Джефферсон</i> Летние сомнения	18
<i>Дэниел Кохански, Джей Барри Азнер</i>	
Арилан изучает Талмуд	49
<i>Шерон Хендерсон</i> Deo Volente	102
<i>Мелисса Хоул</i> Дугал при дворе	162
<i>Энн Джонс</i> Гадалка	240
<i>Лор Э. Миллер</i> Любовники сумерек	260
<i>Лесли Уильям</i> Вопрос гордыни	357
<i>Кэтрин Куртц</i> Зеленая башня	376
<i>Лаура Джефферсон</i> Гобелен Камбера	409
<i>Об авторах</i>	417

ПРИЛОЖЕНИЯ

Краткое содержание романов о Дерини	428
Мир Дерини в вопросах и ответах	436
Список персонажей романов	
Кэтрин Куртц	480
Географические названия в романах	
Кэтрин Куртц	507
Краткая история Одиннадцати королевств	516
Библиография Кэтрин Куртц	523

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин
Легенды Дерини

Перевод Натальи Баулиной

Руководитель проекта «Дерини» *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественные редакторы *Ольга Адашкина, Николай Куликов*
Компьютерный дизайн: *Алексей Сергеев*
Шрифтовой дизайн: *Дмитрий Вяземский*
Верстка: *Лариса Андреева*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Нина Ушинская*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: **astpub@aha.ru**

Отпечатано с готовых дуплозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

Однако в этот сборник включены рассказы, принадлежащие перу НЕ ТОЛЬКО САМОЙ КЭТРИН КУРТЦ, но и лучшими — вернейшими! — из ее учеников. Произведения, в которых любимый нами мир Дерини обретает новые грани, а давно знакомые персонажи — новые черты...

Настоящие поклонники фэнтези!

Без ЭТОЙ книги не будут ПОЛНЫМИ даже самые полные «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-018832-3

9 785170 188321